

ЛЕОНИД

**СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА**

ДЕЛО № _____

МЛЕЧИН

ХРАНИТЬ _____ ЛЕТ

МОССАД

ТАЙНАЯ ВОЙНА

**СЕКРЕТНАЯ
ПАЦКА**

ДЕЛО № _____

_____ **ГОД**

ХРАНИТЬ _____ ЛЕТ

**Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2000**

**СЕКРЕТНАЯ
ПАЦКА**

Б. Анин
Радиоэлектронный шпионаж
О. Гордиевский
Следующая остановка — расстрел
П. Дерябин
Стражи Кремля
Д. Кан
Взломщики кодов
Р. Красильников
КГБ против МИ-6
В. Фалин
Конфликты в Кремле
А. Даллес
ЦРУ против КГБ
О. Пеньковский
Записки из тайника
В. Пещерский
«Красная капелла»
К. Преображенский
КГБ в Японии
П. Хасс, Дж. Капоши
КГБ в ООН
Т. Вольтон
КГБ во Франции
Т. Гладков
Награда за верность — казнь
Л. Млечин
Моссаг

**СЕКРЕТНАЯ
ПАЙКА**

ДЕЛО № _____

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

_____ ГОД

ХРАНИТЬ _____ ЛЕТ

МОССАД

ТАЙНАЯ ВОЙНА

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2000

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)-4
М72

Серия «Секретная папка» выпускается
с 1999 года

*Разработка серийного оформления
художника И.А. Озерова*

Оценка издательством событий и фактов, изложенных в книге,
может не совпадать с позицией автора.
За сведения и факты, изложенные в книге,
издательство ответственности не несет.

Художественное оформление серии
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2000
© ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 2000

ISBN 5-227-00813-2

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

От автора

Есть войны, которые никогда не заканчиваются. Только обычно мы и не подозреваем, что боевые действия идут, что противники атакуют друг друга, прорываются через линию фронта, отступают, подсчитывают потери и зализывают раны.

Это тайная война. Это война, которую ведут секретные службы. Они отправляют своих людей на территорию врага, вербуют там агентов, крадут секретные документы, новейшие технологии и военные тайны. Секретные службы мечтают о том, чтобы об их существовании вовсе забыли. Они скрывают даже свои победы. Но иногда покров тайны спадает, и мы видим поле боя, затянутое пороховым дымом.

В этой книге речь идет о самой знаменитой и самой таинственной разведке в мире — об израильской разведке Моссад. Ее деятельность окружена множеством легенд и мифов. Ей приписывают победы, которые она никогда не одерживала, и упрекают за поражения, которых она не знала.

В сравнении с КГБ или ЦРУ это очень маленькая организация. Моссад не может себе позволить глобальный шпионаж. Но история Моссад невероятно поучительна. Израильская разведка всю свою историю сражается, фактически, с тем же противником, которому в Чечне противостоят Российская Армия и российские спецслужбы.

Архивы Моссад как действующей разведки закрыты, поэтому написать полную историю израильской развед-

ки пока невозможно. Но кое-что выплыло наружу, о чем-то несложно догадаться. Эта книга — документальная, за исключением тех эпизодов, которые автор вынужден был домыслить подобно тому, как ученые восстанавливают скелет исчезнувшего животного по одной, случайно сохранившейся кости.

Читателю не составит труда отличить описание реальных разведывательных операций от попыток автора реконструировать недавнюю историю.

В истории человечества Палестина — узкая полоска земли, где разворачивается действие этой книги, — сыграла колоссальную роль, которую нельзя объяснить экономическими или политическими причинами. Святая земля никогда не была мощной военной державой. Она не была такой богатой, как ее соседи. Она была глубокой провинцией. Но ни одна другая территория такого размера не оказала столь глубокого влияния на историю человечества.

Часть первая

КГБ И МОССАД СОВЕРШАЮТ ОШИБКИ

Глава 1

НЕУДАВШАЯСЯ ВСТРЕЧА С РЕЗИДЕНТОМ КГБ

Дежурный комендант, который сидит у входа в советское посольство, отвечает на звонки и разговаривает с посетителями. Это самая низкая ступенька дипломатической карьеры. Впрочем, официально дежурный комендант — еще не дипломатическое звание, и паспорт у него не зеленый, дипломатический, а синий, служебный. На эту должность назначают недавних выпускников МГИМО.

Если два года на этом посту пройдут успешно, то, когда он вернется в Москву, получит первый дипломатический ранг — атташе — и в следующий раз поедет в посольство полноправным дипломатом с зеленым паспортом, дающим право на неприкосновенность и другие привилегии, в том числе материальные.

Дежурный комендант советского посольства в Непале Петя Скворцов был весел, бдителен и находчив. Посетителей в посольство приходило не много, и Скворцов сразу обратил внимание на очевидно не местного молодого человека, странно одетого и с сумкой в руках. Посетитель уткнулся в деревянную стойку и заговорил на плохом английском. Он желал встретиться с советским послом.

— Посол занят, — автоматически ответил Скворцов. — А кто вы? И зачем вы хотите увидеть посла?

— Я из Израиля, — ответил молодой человек.

Скворцов инстинктивно отодвинулся и посуровел:

— Что вам здесь нужно?

— Я могу сообщить вашему послу очень важную информацию.

Полагая, что ему не верят, израильтянин протянул свой паспорт. Скворцов взял его с опаской, как ядовитую змею, перелистал, привычно сличил фотографию с оригиналом. Израильтянина звали Мордехай Вануну. Ну и имечко, подумал Скворцов.

Он знал, что с людьми из Израиля в посольстве разговаривать не станут. От подозрительного еврея следовало отделаться как можно скорее.

— Может быть, вы ошиблись и пришли не туда? — неприязненно спросил Скворцов.

Израильтянин заговорил очень быстро, понимая, что ему надо как-то доказать свою полезность:

— Я располагаю важными сведениями военного характера, ваши люди ими очень заинтересуются.

Скворцов действовал по инструкции. Он предложил незваному гостю присесть на стул, а сам вышел в соседнюю комнату и позвонил тому, кому должен был докладывать в таких случаях, — Виктору Платонову, второму секретарю посольства.

Платонов был сотрудником резидентуры внешней разведки. Об этом дежурному коменданту знать не следовало, хотя ему это было известно, как и всему посольству.

— В приемной человек из Израиля, просит встречи с послом, — доложил Скворцов.

— Откуда? — изумился Платонов, который только что пообедал в хорошем китайском ресторане и пребывал в самом добром расположении духа.

— Из Израиля.

— Сумасшедший? Или провокация? У него бомбы в руках нет? — Платонов уже перестроился на деловой лад.

— Сумка какая-то, — неуверенно сказал Скворцов.

— Иди на место, — приказал Платонов, — и фиксируй каждое его движение.

— Так что с ним делать-то? — переспросил Скворцов.

— Гони в шею, — добродушно хохотнул Платонов. — Только евреев нам тут и не хватало.

Скворцов вернулся за свою стойку с телефонами и подозрительно посмотрел на посетителя. Тот тихо сидел на стуле, сумка лежала рядом на полу.

— Сейчас все заняты, и никто вас принять не может, — сказал Скворцов.

Молодой человек, подхватив сумку, подошел к нему.

— Но у меня действительно очень важная информация! — в отчаянии произнес он.

Скворцов равнодушно пожал плечами.

Гость попросил ручку и старательно букву за буквой написал свое имя и что-то еще.

Он протянул листок Скворцову и ушел.

Дежурный комендант хотел было сразу выбросить бумажку, но чувство долга взяло верх. Он подколол листок к пачке других бумаг и вспомнил о нем только поздно вечером, когда его дежурство уже заканчивалось.

В этот поздний час в советском посольстве в Непале бодрствовали только скучающий дежурный комендант и brave пограничники из охраны.

И у себя в закрытом для непосвященных помещении без окон засиделся, ожидая срочной телеграммы из Москвы, Тимофей Николаевич Удальцов. Когда в Катманду уже ложились спать, в Москве еще был разгар рабочего дня, и срочные шифровки раньше просто не приходили.

В официальном списке дипломатического состава Удальцов значился советником посольства, в действительности он был резидентом политической разведки.

Удальцов начинал службу в КГБ на Украине. Тогда в республиканском комитете госбезопасности образовали Первое, то есть разведывательное, управление — для борьбы с зарубежными центрами украинских националистов.

Он был совсем молодым, но подающим надежды чекистом, и ему предложили поехать учиться в Высшую школу КГБ в Москву. Там для будущих разведчиков, уже получивших высшее образование, имелось два курса: одногодичный для тех, кто уже прилично знал иностранный язык, и двухгодичный для тех, кому язык приходилось

учить с нуля. Удальцов учился два года, зато и овладел сразу двумя языками.

Назад в Киев он уже не вернулся, хотя заявка на него из республиканского комитета пришла в управление кадров союзного КГБ. Его оставили в Москве, взяли на работу в Первое главное управление КГБ СССР, в африканский отдел.

Планировалась его командировка в резидентуру в Кению. Он оформился в Министерство иностранных дел и каждый день к девяти приходил в высотное здание на Смоленской площади, то есть стал осваивать работу по прикрытию.

Первое же поручение, которое ему дали в министерстве, изменило все планы. Он должен был встретить делегацию министров из Уганды, чуть ли не первую в истории отношений с этой страной, только что добившейся независимости.

Удальцов работал с делегацией переводчиком, возил ее по московским министерствам, водил в театры. Угандийским министрам понравился молодой человек, и они попросили прислать его на работу в Кампалу, что и произошло. Обычно в Москве настороженно относятся к просьбам иностранцев прислать им того или иного работника: чем это он им угодил? Не продал ли родину?

Но тут был совершенно иной случай: освободившаяся от колониального ига страна была естественным союзником, козней от нее не ждали.

Удальцов проработал в Уганде пять лет офицером линии КР — внешняя контрразведка. Это не лучшее место в резидентуре. Офицер внешней контрразведки обеспечивает безопасность товарищей-разведчиков: он должен вербовать агентуру в специальных службах страны пребывания, чтобы знать, не затевается ли что-нибудь против его коллег.

Это в теории. На практике офицер внешней контрразведки больше следит за своими коллегами: не проявляется ли в их поведении нечто подозрительное? Частые выпивки, неосторожное слово, дорогие покупки, флирт с женой товарища, незапланированная поездка в город, позднее возвращение домой — все это офицер

внешней контрразведки фиксирует и обо всем докладывает начальству. Поэтому контрразведчиков в резидентуре обычно терпеть не могут.

Но Тимофей Удальцов по природе был очень приличным человеком, не склонным капать на товарищей. Во всяком случае, ему не было необходимости таким образом выслуживаться перед начальством.

Он сообщал начальству о чрезвычайных происшествиях с сотрудниками посольства, но в принципе постоянно присматривать за своими товарищами и думать, а не продались ли они, считал невозможным.

Первый период независимости Уганды — это были лучшие годы в жизни страны. Еще все было спокойно, мирно, никого не убивали и к белому человеку относились вполне прилично. На всю жизнь Удальцов запомнил, как в магазинах лежали свежайшие пирожные — каждое в бумажке с датой выпуска. Их доставляли самолетом из Англии.

Из Советского Союза угандийцы получали много оружия, в том числе современные самолеты. Англичане считали, что черные африканцы летать не могут. Но угандийские летчики первыми в Африке освоили реактивные «МиГи».

Угандийские лидеры сами поломали свою жизнь. Глава независимой Уганды убрал министра обороны, симпатизировавшего американцам, и заменил его угодливым Иди Амином, у которого было четыре класса образования. Президента предупреждали, что одержимый властью Амин собирается его свергнуть. Президент не поверил, и напрасно. переворот произошел, когда глава государства отправился с визитом в Сингапур. Страну — и надолго — возглавил Иди Амин.

Но Тимофей Удальцов этого уже не застал. Его перевели в Индию с серьезным повышением и уже там перебросили с контрразведывательного направления на политическую разведку, которой ведало самое важное и уважаемое подразделение в резидентуре.

Удальцов быстро рос. Его планировали назначить резидентом в Индонезию, но срочно понадобилось место для снятого с должности большого начальника, которо-

му и досталась Индонезия, а Удальцову предложили должность резидента в маленьком Непале. Непал считался незavidным местом, но Удальцов отказываться не стал: жаждал самостоятельной работы.

Советская резидентура в Непале была совсем небольшой: прямо скажем, от непальской политики мало что зависело в мире.

Резидент в маленькой стране может давать высшего класса информацию — по профессиональным критериям, но кого интересуют непальские секреты? А резидент из Франции или Германии шлет в Москву очень мало секретной информации, но она вся докладывается высшему руководству, потому что в этих странах происходят самые важные события.

Когда в Москву летом в отпуск возвращается резидент из Соединенных Штатов или Китая, начальник разведки обязательно с ними разговаривает, и подолгу, потому что его самого спрашивают наверху о событиях в этих странах. А резидент в маленькой стране, приезжая в Москву, мало к кому может пробиться на прием, ему трудно обратить на себя внимание.

В подобных случаях добиться успеха можно только в работе «против главного противника». То есть вербуя американцев и других граждан западного мира, которых несчастливая судьба занесла в такую глушь.

Тем-то и удобен был для вербовочной работы забытый Богром Непал, что сотрудник местной резидентуры ЦРУ никак не мог быть доволен своей жизнью. Попадали сюда либо совсем молодые американцы, кому еще надо было себя проявлять, либо оттертые на второй план, разочарованные и ни во что не верящие. И с теми, и с другими можно и нужно работать.

Удальцов заинтересовался новым первым секретарем американского посольства Уолтером Дженкинсом. Тот прежде работал в Токио, успешно делал карьеру в ЦРУ, но у него завязался длительный роман с японкой. Ничего предосудительного, но начальству в Вашингтоне это не понравилось, и его с понижением отправили в Непал.

У Дженкинса было трое детей. Двое старших учились в колледже, младший заканчивал школу на следующий год.

Трое детей — это большая нагрузка на семейный бюджет государственного служащего, не имеющего иных доходов, кроме зарплаты. Вот оно — слабое место в обороне американца, прикидывал Удальцов.

По каким соображениям сотрудник ЦРУ или американской военной разведки может согласиться работать на российскую разведку?

Не из страха перед разоблачением. Если даже сфотографировать его пьяным или в постели с проституткой, это его не испугает. Он сообщит своему начальству о попытке его завербовать, ему сделают выговор за неосторожность, но со службы не выгонят: попался же Дженкинс в Токио, но из ЦРУ его не выставили.

Ну а если советская разведка поймает его на профессиональном проколе, на неумелых действиях, тогда его дела плохи. Стоит только американцу пойти к начальству и доложить, что русские пытаются его завербовать, потому что он допустил очевидный промах, как его немедленно возвратят домой, и больше командировок у него не будет. А если и будут, то не скоро.

Не только советские люди связывают с командировкой за рубеж определенные материальные надежды. Американцы таким же образом зарабатывают на образование детей, на покупку дома. Стать невыездным в американских условиях — значит лишиться больших денег.

Так стоит ли попытаться подобраться к Дженкинсу?

Тут все зависит от характера человека, размышлял Удальцов. Если он любитель спокойной жизни, то, скорее всего, выберет самый безопасный вариант: доложит начальству о вербовочном подходе советских разведчиков и станет собирать чемоданы.

Если же он сильно нуждается в деньгах, способен рискнуть и уже не рассчитывает на большую карьеру, то может и согласиться.

С помощью слуги-непальца в доме Дженкинса установили подслушивающую аппаратуру. Целыми днями, сменяясь, сотрудники резидентуры переводили магнитофонные записи на русский, тщательно выискивая в разговорах американца неосторожные слова — о недовольстве работой, начальством, семейными отношениями, жизнью

вообще или о том, напротив, что ему хотелось бы что-то иметь, а денег нет.

Удальцов сам читал все переводы, подчеркивая заинтересовавшие его места, и все больше утверждался в мысли, что вербовка может получиться. Свои выводы он шифротелеграммой отправлял в Центр. Американцев вербуют далеко не каждый день, и в Москве внимательно следили за этой операцией.

Обычно, если Центр дает добро на вербовку, в страну на несколько дней приезжает специальный вербовщик. Это не признак недоверия к местным работникам, а обычная предосторожность. Если американец поднимет скандал, обратится в полицию, возникнут осложнения, то вербовщик просто уедет, а местная резидентура не пострадает.

В редких случаях, если резидент дает гарантии, что скандала не будет, решающий разговор позволяют провести сотруднику резидентуры. Удальцов настаивал на том, что эту вербовку он берет на себя.

Кто же пойдет на первую встречу?

Вербовочный подход — это настоящее искусство, ему специально обучают. Самый толковый в резидентуре, думал Удальцов, это его заместитель по политической разведке. Но тот уже подрастерял навык работы с агентурой. Когда человека переводят на линию ПР — политическая разведка, то главным становится способность к анализу, умение прогнозировать, осмыслять информацию. Уже никого не интересует, как ты проводишь встречу с агентом.

Удальцов выбрал на роль вербовщика другого, молодого еще человека и вечерами работал с ним, готовил к этой роли. Он не жалел времени на своих сотрудников.

Все офицеры в резидентуре составляли план на неделю и обсуждали его с резидентом. Они докладывали, что будут делать в каждый из семи дней, с кем и с какой целью встретятся, загодя разрабатывали примерный план беседы и утверждали его у резидента.

Если разведчик работает под журналистским прикрытием, ему проще: журналист берет интервью у кого хочет, это никого не удивляет. Дипломату сложнее: всякую встречу надо надежно обосновать.

Сами по себе встречи с агентом конечно же занимают мало времени, потому что агентов мало. Главная задача сотрудника резидентуры — постоянная разработка интересующей разведку среды. Он должен искать людей, которые могут оказаться полезными, встречаться с ними, стараться их разговорить, прошупать, понять, можно ли с этим или иным человеком заводить особые, доверительные отношения.

К каждой встрече разведчик тщательно готовится, а потом вместе с резидентом обсуждает, как она прошла. Американцы знают всех работников советской резидентуры в лицо и тоже пытаются их разработать. И если кто-то из американцев вступает в контакт с советским разведчиком и изъявляет готовность встречаться, то вполне логично ожидать, что это подстава — специально подготовленный агент ЦРУ.

Тут решающее значение имеет опыт резидента, который должен почувствовать, с кем они имеют дело. Поэтому Удальцов подробно расспрашивал своих подчиненных, как шла встреча, что именно говорил собеседник, как себя вел, охотно ли отвечал на вопросы, чем интересовался.

Кроме того, Удальцов решал денежные вопросы — выдавал каждому представительские. В принципе разведчик получает зарплату по прикрытию: дипломат — в посольстве, журналист — у себя в редакции. На оперативные расходы деньги выдает резидент — в пределах определенной суммы. Если же требуются дополнительные деньги, то резидент должен обращаться в Москву.

Когда поздно вечером работа заканчивалась, Удальцов переходил на неформальный тон. Он следил за тем, чтобы в резидентуре сохранялась дружеская атмосфера. После работы, чтобы снять напряжение, можно было и пропустить по рюмочке. Это не возбранялось.

Получив и прочитав последнюю шифротелеграмму из Москвы, Удальцов тоже собрался домой. Он спустился вниз и попрощался с дежурным комендантом, который вскочил со стула, чтобы его проводить.

Скворцов хотел было сказать насчет странного человека из Израиля, но не решился. Молодые сотрудники и их жены опасливо посматривали на разведчиков, и тем

более — на самого резидента. Если не понравишься резиденту, могут досрочно в Москву вернуть с такой характеристикой, что нигде работы не найдешь. И оправдаться невозможно, потому что никто тебя ни в чем открыто не обвинит, а просто в КГБ скажут мидовскому начальству, что считают нецелесообразным посылать такого-то на работу в заграничные учреждения, и все — невыездной!

Скворцов с резидентом попрощался, а про израильтянина не сказал.

На следующий день Удальцов нашупал слабое место американца.

Удальцов приступил к подготовке решительной атаки на американца. Он уже знал, как это будет сделано.

Вербовщика познакомят с Дженкинсом на приеме у французов. Дженкинс придет на прием; он сам об этом сказал жене. Вербовщик, разумеется, не представится своим именем и не назовет своего звания: у него есть официальное прикрытие. Его задача — заинтересовать американца и договориться о новой встрече — на сей раз один на один. Обычно это делают в немногочленном кафе или ресторане подальше от чужих глаз.

Нужную точку Удальцов уже подобрал — дорогой японский ресторан, где неплохо готовят суши — сырую рыбу на рисовых колобках. Он знал, что Дженкинс, вынужденный покинуть Токио, скучает по японской кухне.

Удальцов предупредил своих подчиненных, что весь наличный состав резидентуры будет обеспечивать прикрытие встречи — на тот случай, если американец что-то заподозрит и решится на контригру.

В стране, где действует сильная контрразведка, Удальцов озаботился бы более серьезными мерами предосторожности. Может быть, приказал бы за несколько часов до встречи сделать несколько ложных выездов из посольства, чтобы раздробить силы наружного наблюдения, и только затем попросил бы одного из офицеров скрытно вывезти на своей машине вербовщика и оставить его в условленном месте, где другой сотрудник подобрал бы его и доставил на место встречи.

Но в Непале необычная активность резидентуры только бы привлекла внимание полиции и тех же американцев, которые постоянно наблюдали за советским посольством.

Удальцов верил в успех, хотя гарантии не было. Несмотря на шантаж, на естественное желание, получив деньги, разом решить все проблемы, конечно же далеко не все соглашаются работать на разведку другого государства.

Одни сразу отказываются наотрез, другие мнутя, говорят: надо подумать, посоветоваться. Этого нельзя разрешать, ответ — любой! — нужно получить в первую же встречу.

— С кем вы хотите посоветоваться?

— С женой.

— Не стоит. Давайте все-таки решим сейчас.

— Тогда я не принимаю ваше предложение.

Отказ не означает, что собеседники подерутся или тотчас кликнут полицию. Напротив, распрощаются они вполне вежливо:

— Расстанемся друзьями?

— Конечно.

Они даже пожмут руки на прощанье.

Американец может не беспокоиться: никогда, ни при каких обстоятельствах советская разведка не сообщит ЦРУ, что старалась его завербовать, никогда не пустит в ход тот материал, на основании которого пыталась его шантажировать.

Но его вербовочное дело в архив не сдадут. Дело останется в американском отделе советской разведки. За судьбой американца будут пристально следить, и, если что-то в его жизни изменится, — например, если его обидят на работе или он разочаруется в своей службе, — к нему в дверь вновь постучится вербовщик.

Впрочем, Удальцов полагал, что эта вербовка ему удастся. У него был опыт. Председатель КГБ сам вручал ему орден за вербовку американца, который теперь работал шифровальщиком в европейском командовании НАТО. Удальцов нашел этого американца, военного моряка, в Таиланде. Там американцы, получив увольнительную и сойдя на берег, гуляли направо.

Когда все детали будущей вербовки были детально обсуждены, Виктор Платонов, посмеиваясь, рассказал резиденту о визите в посольство странного еврея из Израиля.

— А что он хотел? — насторожился Удальцов.

— Да чего они все хотят? — пренебрежительно заметил Платонов. — Чтобы всех евреев из Союза отпустили.

— Кто с ним разговаривал? — спросил Удальцов.

— Петя Скворцов, — сказал Платонов.

Он всем видом показывал, что резидент напрасно тратит драгоценное время на пустое дело.

Удальцов попросил дежурного найти Скворцова. Встревоженный Петя перезвонил буквально через минуту. Он разыскал и принес Удальцову письмо, оставленное странным израильтянином. На смятом листке бумаги неровным почерком и с ошибками было написано по-английски:

«Я работал в ядерном центре Израиля в Димоне и могу рассказать о том, как Израиль создает ядерное оружие. У меня есть фотографии, сделанные внутри Димоны. Мое имя Мордехай Вануну».

— Где этот парень? — мрачно спросил Удальцов, прочитав послание.

Настроение Платонова вмиг испортилось.

— Будем искать, Тимофей Николаевич, — с готовностью сказал он.

Его искали три дня по всему Катманду, пока завербованный советский агент, работавший в непальской полиции, не сообщил, что гражданин Израиля Мордехай Вануну покинул страну. Билет у него был до Сиднея.

Удальцов отправил шифровку в Москву, откуда незамедлительно пришел ответ, что человек, работавший в ядерном центре Димона, разумеется, интересуется Первое главное управление КГБ, но, вступая в контакт, следует удостовериться в надежности источника.

Вступать в контакт уже не с кем, мрачно подумал Удальцов. Платонов настолько ленив, что сам себя наказал. Если израильтянин тот, за кого себя выдает, у Платонова появился бы шанс на повышение.

Удальцов считал, что резидент должен ко всем подчиненным относиться ровно, выделять талантливых и оставаться снисходительным к тем, кого Бог обошел талантом. Но резидент ненавидел бездельников, с которыми он ничего не мог поделаться, потому что у них были влиятельные отцы.

Удальцов считался решительным человеком. Он вел себя жестче и принципиальнее других резидентов.

Карьерные дипломаты склонны переоценивать власть резидента и его способность влиять на Москву. Конечно же его мнение в Центре всегда примут во внимание. Если резидент придет к выводу, что кто-то из сотрудников посольства, консульства или торгового представительства должен быть отозван, и сумеет обосновать свое мнение, то Центр эту рекомендацию выполнит. Но аргументы должны быть убедительными.

Разумный резидент старается не злоупотреблять своими правами. Он не заинтересован в плохих отношениях с послом, и ему не надо, чтобы его оценки сильно расходились с мнением посла. Если посольство и резидентура начнут посылать в Москву шифровки с противоположными оценками одного и того же события, то в Центре зададут резонный вопрос: а кто же из вас двоих прав? И если резидент не докажет свою правоту, то сильно проиграет.

Умный посол и умный резидент между собой не спорят. В нормальной ситуации резидент даже знакомит посла со своей информацией — правда, только на следующий день после того, как отправит ее в Москву, чтобы Министерство иностранных дел не успело доложить наверх первым.

Послу жаловаться на резидента тоже смысла нет: разведка своего человека всегда защитит, а если посол проявит излишнее рвение в борьбе против резидента, то разведка найдет способ отомстить.

И резиденту не резон капать на посла: если не можешь даже с послом поладить, значит, рано тебя резидентом назначили.

Но бывают ситуации, когда резиденту, если он, конечно, порядочный человек, не остается ничего иного, кро-

ме как сообщить в Москву о поведении посла. В такой ситуации и оказался Удальцов, едва получив назначение в Непал.

Послом был снятый за безделье бывший второй секретарь ЦК одной из союзных республик, самовлюбленный самодур, который командовал дипломатами, как когда-то механиками в автоколонне на целине. Его подчиненные — сотрудники маленького посольства, — понимая свое бесправное положение, терпели.

Но когда посол стал преследовать жену своего шофера и в конце концов попытался повалить ее на диван прямо у себя в кабинете, в посольстве воцарилась мрачная атмосфера.

Посол — полный хозяин в посольстве. Ни один дипломат, даже советник-посланник, второй человек в представительстве, не может сообщить о его поведении в Москву: шифровальщик принимает телеграммы только за подписью посла.

Спасти несчастную женщину, а в определенном смысле и все посольство, мог только резидент: у него своя связь с Центром, свой шифровальщик.

Удальцов написал все, как есть. Через неделю посол получил срочный вызов в Москву — на консультацию. Назад посол уже не вернулся. Но и на пенсию его не отправили. Видимо, старые заслуги спасли. Поболтался он несколько месяцев в министерском резерве и получил назначение в одну маленькую африканскую страну.

Эта история многих в посольстве заставила уважать Удальцова. Но дипломаты не подозревали, что ему легче было написать в Москву о безобразном поведении посла, чем избавиться от бездельника и неумехи у себя в резидентуре.

В разведку валом валили так называемые «позвоночники» — дети, внуки и зятья высокопоставленных особ. Иногда это были на редкость толковые ребята, намеренные сделать карьеру не хуже отцовской. Но чаще попадались феноменальные бездельники, которых приходилось терпеть, потому что никто в Центре не желал ссориться с их родителями.

Резидент вправе, конечно, убрать слабого сотрудника, склонного, например, выпить. Но когда он это делает, он понимает, что портит отношения со многими своими начальниками, которые поставили подписи на решении послать этого сотрудника за границу.

На выездном документе собирается минимум десяток значительных подписей, удостоверяющих своим авторитетом, что данный офицер — замечательный работник, который укрепит работу резидентуры.

Что же им теперь, признаваться, что они ошиблись, подобрали не того человека? На резидента, который откровенно браковал присылаемые из Москвы кадры, смотрели волком.

Другое дело, если случится нечто из ряда вон выходящее. В резидентуре работал один умеющий радоваться жизни молодой офицер, сын крупного мидовского чиновника. Удальцов докладывал в Москву, что парень ни на что не годится и его нужно возвращать. Но в Центре не реагировали.

Однажды ночью офицер исчез. Жена от большой любви или по большой глупости позвонила помощнику посла по безопасности, подняла шум.

Наутро парень объявился, весь помятый, с похмелья. Его сразу привели к резиденту. Он долго, плача, объяснял Удальцову, что ничего плохого не случилось: пребывал в плохом настроении из-за ссоры с женой, ездил по городу, выпил в баре лишнего и заснул в машине.

Проверить его слова не представлялось возможным. Не то чтобы его кто-то подозревал в чем-то нехорошем, думал, что его вербовали... Резидент сообщил все, как было, без оценок и рекомендаций. Тут уже Москва сама решила: для офицера разведки поведение непозволительное, на такого человека положиться нельзя. Его отозвали.

А вот что делать с Платоновым, резидент не знал. Его отец работал в Отделе административных органов ЦК КПСС, и жаловаться на Платонова-младшего означало пилить сук под самим собой. Чутье подсказывало Удальцову, что по глупости Платонова упущен важный источник информации. Но на чутье в шифровке не сошлешься.

УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ УВОЛЬНЕНИИ

Молодой человек по имени Мордехай Вануну, который приходил в советское посольство, был абсолютно несчастен. Он потерял работу, у него не было ни жены, ни детей — и не предвиделось. Он последовательно разочаровывался во всем, во что верил.

Он был сионистом и перестал им быть.

Он поверил в коммунизм, но и эти идеи ему тоже разочаровались.

Он считал своим долгом помогать несправедливо обиженному палестинскому народу, но быстро заметил, что он сам палестинцев не интересуется, он нужен им как символ, как еврей, который выступает за создание палестинского государства.

Он влюблялся несколько раз, но безответно. Девушки жаловались на то, что он слишком любит одиночество. И постоянно говорит о том, что ему ничего не удалось достичь в жизни, потому что он выходец из Марокко.

Он даже рассорился с семьей. Он обиделся на отца: зачем он их всех сюда привез?

Мордехай Вануну — впрочем, его все называли просто Мотти — родился не в Израиле, а в Марокко.

В древнем городе Марракеше, средневековой столице Марокко, издавна обитала еврейская община. Еврейский квартал был своего рода гетто, но другой жизни африканские евреи не знали. Они читали Тору, строго соблюдали древние обычаи, занимались ремеслом и растили детей.

В семье Вануну было одиннадцать мальчиков и девочек. Его отец Шломо, знаток Торы и владелец крохотного магазинчика, решил переехать в Израиль из-за растущих антиеврейских настроений в Марокко. Все уезжали, и он испугался, что дальше станет еще хуже.

Мордехая увезли из Марокко, когда ему было восемь лет. Родители не делились с детьми своими затаенными страхами, и в памяти остались только приятные детские воспоминания. С годами ему стало казаться, что там, в Марокко, на самом деле было совсем неплохо.

В Израиле семье Вануну пришлось нелегко. Они хотели обосноваться поближе к родственникам — в Мигдал-Хаэмеке, неподалеку от Назарета, в обжитом и привлекательном месте. Но их отправили на край пустыни Негев, в Беер-Шебу. Вануну-старший открыл небольшой магазинчик и торговал религиозным антиквариатом. Стоило ли ради этого уезжать? — думал Вануну-младший.

Зачем, спрашивается, родители потащили его в Израиль, где к выходцам из Северной Африки относятся пренебрежительно, где ему, родившемуся в Марокко, нет хода наверх?

В Израиле все знают всех: это маленькая страна. Особенно это относится к старшему поколению. Эти люди вместе сражались за независимость, служили в армии или работали в правительстве. Они жили рядом и встречались чуть ли не каждый день. Они все обращались друг к другу по имени.

Многие были связаны родственными узами — правда, это не обязательно помогало им сделать карьеру. Наследственных постов не существует. Можно иметь право называть премьер-министра по имени, но при этом оставаться мелким служащим. Сын первого премьер-министра страны Давида Бен-Гуриона так и прожил свою жизнь владельцем газетного киоска.

Официальное положение — не главное в израильском обществе. Есть министры, с которыми мало кто считается, кроме их собственных подчиненных. И есть внешне малозаметные люди, которые необыкновенно влиятельны. Это Мордехай Вануну понял еще в юности.

Его семья не принадлежала к тем, кто мог на что-то претендовать. В политике, армии, экономике тон задавали выходцы из Европы. Вануну казалось, что они с презрением относятся к нему, африканцу. В юности он пришел к выводу, что ему в этой жизни хода нет.

Решив навсегда уехать из Израиля, он встретил вдруг возле кинотеатра школьного товарища. Тот находился в прекрасном расположении духа по случаю рождения второго ребенка, угостил Вануну пивом и рассказал анекдот:

— Ты знаешь, что такое настоящий израильтянин?

— Ну?

— Это человек, который готов на все, лишь бы отвернуться от военных сборов в мирное время, и который делает все, чтобы попасть в армию во время войны.

Когда-то уклоняться от военной службы казалось в Израиле делом немыслимым, позорным. Теперь толковая молодежь жалела, что ей приходится терять время в казармах.

Да и вправду ли их отцы были такими суровыми и неприхотливыми бойцами, как они любили говорить? Старшее поколение хотело казаться жестким, немногословным, категоричным. Возможно, постоянные военные сборы и ожидание новой войны и в самом деле сделали их совсем другими, не такими, какими они родились. А может быть, они лишь делали вид, что они такие крутые.

Когда Вануну служил в армии, он совершенно не ощущал себя жестким и хладнокровным бойцом, которому все нипочем. И не верил, что остальные отличаются чем-то от него. Он считал, что они просто притворяются, стараясь выглядеть не такими, какие они есть.

Его семья переехала в Израиль в начале 60-х годов. Живой, динамичный Израиль был совсем не похож на сонное Марокко, а после громкой победы в шестидневной войне 1967 года еврейское государство еще больше изменилось.

До шестидневной войны Израиль был спокойным местом. Массовая эмиграция евреев, казалось, закончилась. Все, кто мог, приехали. Евреи в Западной Европе и Америке предпочитали жить там, где они родились. Из Советского Союза и других социалистических стран евреев не выпускали.

Не было террора. Никто, кроме политиков, не говорил о палестинской проблеме. Израильцы думали, что эпоха войн закончилась, что отныне они будут жить спокойно.

Вануну помнил, что в те патриархальные и тихие времена премьер-министра Бен-Гуриона считали отцом нации. Вануну это не удивляло: в Марокко тоже почитали короля.

Мордехай провел три года в армии на Голанских высотах в саперных войсках. Он был старательным солдатом

и дослужился до сержанта. Стать офицером не смог — еще одно разочарование. После армии он поступил в университет в Тель-Авиве, куда охотно принимали демобилизованных солдат. Он собирался стать физиком, но не сдал экзамены после первого курса, и из университета ему пришлось уйти.

Он вернулся домой и увидел объявление, что центру ядерных исследований в Димоне требуются квалифицированные технические работники. И тогда же он повстречал старого приятеля, который уже работал в атомной комиссии. Тот сказал, что Димона — отличное место, там неплохо платят.

Мордехай Вануну подал заявление в отдел кадров. Поскольку исследовательский центр принадлежал комиссии по атомным делам, Вануну пригласили на собеседование в службу безопасности.

Это была рутинная проверка. Его спросили, не совершал ли он уголовных преступлений, не употреблял ли наркотики и не пьет ли. Еще поинтересовались его политическими убеждениями, которых у него в тот момент просто не было. Отставной армейский сержант не вызвал сомнений.

Через месяц Вануну получил по почте уведомление о том, что он принят. В ноябре 1976 года он стал получать зарплату в атомном агентстве. Между прочим, в это же самое время тринадцать американских сенаторов попросили правительство Израиля показать им ядерный центр в Димоне, но получили отказ. Об этой истории Вануну ничего не знал: газет он тогда не читал.

Для начала Вануну отправили на краткосрочные курсы — учиться физике, химии, математике и английскому. Он прошел обучение и сдал экзамен. Это удалось не всем: препятствие преодолели тридцать девять из сорока пяти учеников.

Для начала он дал подписку о неразглашении государственной тайны. Он счел это пустой формальностью, не подозревая, чем эта подписка обернется для него в будущем.

В начале февраля 1977 года он впервые сел в служебный автобус «вольво», который привез его в исследова-

тельский центр в Димоне. Ему выдали пропуск номер 9657-8 и отправили на медицинскую комиссию, а затем опять послали учиться. Здесь же в Димоне он постигал основы ядерной физики.

Еще десять недель он осваивал тонкости своей специальности в цехе номер два. Учебный курс закончился приятной вечеринкой. Жизнь казалась устроенной.

Вскоре он в полной мере оценил, что значит работать в Димоне.

Вануну призвали в армию на сборы резервистов, как это происходит со всеми в Израиле. Но когда выяснилось, чем именно он занимается, его мгновенно отпустили. Он вернулся в свой цех. Вместо военных сборов, его поставили в ночную смену — с половины двенадцатого до восьми утра.

Через несколько недель его работу проверила комиссия из трех человек, которая состояла из местного инженера, ядерного физика и преподавателя курсов в Димоне. Комиссия осталась довольна его знаниями, практически навыками и природной сметкой.

Он приступил к исполнению обязанностей контролера цеха номер два и проработал на этом месте девять лет. Сначала работа его устраивала. Но она оказалась слишком монотонной. Год за годом одно и то же. Никакой перспективы — как был контролером, так им и остался. С его образованием рассчитывать на что-то большее не приходилось.

Вечерами, прогуливаясь со своей девушкой, Вануну жаловался на несправедливость судьбы. Он считал, что достоин большего, но повторял, что ему так и не удастся занять свое место в жизни, потому что он выходец из Марокко.

Он попытался искать помощи у тех, кто тоже прибыл из Марокко. Самым известным выходцем из этой страны был профсоюзный лидер Еошуа Перец. Он тоже когда-то работал в Димоне слесарем, а теперь его знала вся страна.

Семья Перца эмигрировала в Израиль еще в 1950 году. Он закончил школу, в армии служил поваром. После армии устроился на работу в порт Ашдод и почти сразу про-

явил себя на профсоюзном поприще. Он возглавил борьбу рабочих, которых ждало увольнение: проводил забастовки, демонстрации, голодовки, — и добился успеха. Неопытная администрация порта, напуганная его бешеной энергией и напором, пошла на попятную.

Директором службы портов был, между прочим, не менее известный в стране человек — бывший начальник генерального штаба армии обороны Израиля Хаим Ласков. Отслужив в этой должности три года, генералы снимали погоны и уходили в отставку. Знаменитый генерал Ласков, который не уступал врагу на поле боя, спасовал перед напористым профсоюзным вожаком.

В отличие от генерала Ласкова, который исходил из того, что даже война ведется по каким-то правилам, Перец не церемонился. У него был только один лозунг: умрем, но не откажемся от своих требований.

Он был нагл до бесконечности, и рабочим это нравилось. Перец запросто мог остановить работу второго по величине порта страны, принося огромные убытки, но при этом закона он не нарушал. Придаться было не к чему. Начиная борьбу с администрацией порта, он знал, что не остановится, пока администрация не уступит.

И это неизменно приводило к успеху. У администрации не выдерживали нервы, она не могла организовать работу порта, и вся страна несла убытки.

Забастовки стали показывать по телевидению, и Перец оказался первым израильянином, который получил известность благодаря телекамерам. Жесткие методы Перца раздражали даже руководство профсоюзного объединения Гистадрут, которое отказывалось его признавать, подавало на него в суд, но вынуждено было отступить.

Перец нравился рабочим и вскоре возглавил всеизраильский комитет портовых рабочих. В конце концов он добился увольнения генерала Ласкова, а новый директор мудро начал свою деятельность с того, что отправил Перца и его профсоюзных помощников в длительное туристическое путешествие по Европе за счет администрации.

Перец умел наслаждаться жизнью. Даже во время забастовок он получал зарплату и премию. Администрация

порта оплачивала его секретаршу. Эта секретарша долго продержала Вануну в приемной, а разговор оказался совсем коротким.

Перец давно научился разбираться в людях. Он увидел, что к нему пришел типичный неудачник, которому суждено всю жизнь обивать пороги. К тому же Вануну не работал в порту и не мог проголосовать за Переца... Знаменитый профсоюзный вожак не привык терять время с теми, кто был ему бесполезен.

Вануну ушел от Переца разочарованным. Когда ему сказали, что у фанатичного борца за рабочее дело Переца две квартиры и две жены, он мрачно усмехнулся: от такого человека разве дождешься помощи?

У Переца действительно были две жены: одна официальная, которая рожала ему дочерей, и вторая, с которой он появлялся на людях и которая родила ему сына.

Вануну попытал счастья еще у одного видного выходца из Марокко и тоже профсоюзного деятеля — Шаула Бен-Симхона.

Он был на двадцать с лишним лет старше Вануну и эмигрировал в Израиль в начале 1948 года. Еще до провозглашения еврейского государства он успел вступить в подпольные боевые формирования Пальмах и участвовал в первой арабо-израильской войне. Боевое прошлое помогло ему устроиться в мирной жизни. Профсоюзной работой, как и Перец, он стал заниматься в портовом городе Ашдоде. Здесь он работал на разных должностях, пока не стал секретарем рабочего совета города.

После шестидневной войны 1967 года Бен-Симхон начал кампанию за иммиграцию в Израиль евреев — уроженцев Северной Африки, которые обосновались во Франции или других странах Западной Европы. Особенно он зазывал молодежь, студентов, выбивал для них стипендии.

Путаясь в словах, Вануну сбивчиво стал жаловаться Бен-Симхону, который в отличие от Переца старался ничем не выдать своих чувств. Он с сожалением смотрел на еще одного несчастного выходца из Северной Африки, который оказался между двух миров. Много он видел таких молодых людей, которые не смогли найти себе место в Израиле, потому что им мешало их прошлое.

А Вануну с завистью разглядывал высокого, с седыми вьющимися волосами Бен-Симхона. Профсоюзный лидер следил за собой и был модно одет. Вануну обреченно решил, что и этот человек его явно не поймет. Бен-Симхон пребывал в ином мире. Он дружил с такими знаменитыми людьми, как министры Моше Даян и Шимон Перес. Где же ему понять Вануну?

Бен-Симхон пригласил Вануну почаще бывать в союзе иммигрантов из Северной Африки:

— Там вы будете среди своих.

Но Вануну жаждал другого. Он хотел признания не среди своих. Он хотел, чтобы его признали своим те, кто стоял у власти. Он три года провел в армии, девять лет отработал в исследовательском центре в Димоне, честно исполнял свой долг, и что же? Служил-служил, а ничего не выслужил.

Если государство обращается с ним, как с пасынком, он лучше уедет. Он ничего не должен этой стране. Это Израиль перед ним в долгу.

Мотти продал свою квартиру в Беер-Шебе, и у него собрались кое-какие деньги. Он не поехал ни в Соединенные Штаты, ни в Европу. Там ему нечего делать. Ему хотелось назад в Северную Африку, мечталось побывать в Марокко, но с его израильским паспортом там лучше было не показываться.

Он полетел в Юго-Восточную Азию. Таиланд — это рай для туристов, в аэропорту даже визы не требуется — при наличии денег и обратного билета. Мотти погулял по Бангкоку, осмотрел местные достопримечательности, но надолго там не задержался. Таиланд слишком шумное место, где ценят только американцев, которые сорят деньгами. Вануну сэкономил на всем и опять чувствовал себя обделенным жизнью.

Из Таиланда он перебрался в Непал, сонное королевство, затерянное в Гималаях. Тут ему больше понравилось. Это была бедная, неиспорченная страна, с удивлением разглядывавшая иностранцев. Мотти стал ходить в буддийские монастыри, познакомился с монахами и принял буддизм. Это оказалось совсем несложным делом, — не то что перейти в христианство

или иудаизм с их скрупулезно разработанными обрядами.

Простая и ясная жизнь монаха показалась ему заманчивой. Вместе с другими монахами он поднимался до восхода солнца и погружался в медитацию. Еда была скудной, день заполненным без остатка молитвами и тяжелым физическим трудом. Но скоро Мотти стал скучать. Язык непали он не выучил, да и говорить с монахами ему было не о чем.

Он подумал, что, вероятно, не готов посвятить всего себя служению Будде: возможно, он поторопился... Но найти работу в Непале не было никакой возможности. Он мог только продать то единственное, что у него оставалось. Его сокровище умещалось в большом бумажном пакете.

Но кому его предложить?

Он раскрыл телефонный справочник Катманду и стал его просматривать. Пробежал глазами список посольств. Арабские страны, скорее всего, заплатили бы ему большие деньги. Но он боялся, что арабы ему просто не поверят. Идти в западное посольство бессмысленно — американцы или европейцы отдадут его в руки Моссад. Он отправился в советское посольство, однако и там у него ничего не вышло.

Глава 3

ПЕНСИОНЕР ИЗ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Все посетители советского посольства в Катманду тщательно фотографировались местной полицией, снимки передавались американцам. Снимок Мордехая Вануну оказался достаточно четким. Некоторое время его фотография циркулировала по американским специальным службам, но никто молодым человеком не заинтересовался. Тогда его показали коллегам из братских спецслужб. В последнюю очередь снимок дали израильтянам.

Возможно, они бы тоже не обратили на него внимания. Но фотография попала в руки человека, мимо которого и муха не пролетит.

Когда старый Зеев появился в приемной заместителя директора израильской контрразведки Шин-Бет, секретарь в больших очках посмотрела на него с изумлением: вот уж кого она меньше всего рассчитывала здесь увидеть.

Зеев был не просто самым рядовым из рядовых. Его вообще держали в Шин-Бет, можно сказать, из милости. Все его ровесники — конечно, те, кому удалось дожить до пенсионного возраста, — давно покинули это здание. Старше Зеева здесь никого не было. И он-то как задержался, непонятно.

— Вас вызывали? — пренебрежительно спросила секретарь.

Зеев покачал головой.

— Так чего же вы хотите?

— Запишите меня на прием, — твердо сказал Зеев.

Он сел на жесткий стул и приготовился ждать. Его пальцы цепко сжимали тонкую пронумерованную папку. Секретарь громко вздохнула и поняла, что от этого старикана ей не отделаться.

Во всяком учреждении есть своя серая мышь — скучный, ничем и никому не интересный человек, от которого мухи дохнут. Он не рассказывает анекдотов, не пьет кофе со всеми, не хвастается успехами детей. Роемся целыми днями в каких-то бумагах и неустанно находит какие-то блохи в работе коллег, вызывая гнев сослуживцев и раздражение начальства, которое конечно же признательно бдительному коллеге... Но от него столько неприятностей!

Жалкий канцелярист по имени Зеев работал в контрразведке Шин-Бет чуть ли не с первого дня ее существования. Его давно должны были отправить на пенсию, но он занимал столь ничтожную должность, что никто на нее не покушался. Два года назад ему поручили просматривать списки приезжающих в Израиль и уезжающих из страны. Никто из молодых не хотел заниматься этой скучной работой.

Всех, кто получал въездную визу для посещения Израиля, проверяли самым тщательным образом — не террорист ли он, не работает ли на палестинцев? И каждый израильтянин, который хотел побывать за границей, тоже

не оставался без внимания контрразведки — почему он уезжает из страны? Тот ли он, за кого себя выдает?

Так что просматривать потом сводные списки приезжающих и уезжающих не было ни малейшей необходимости. Молодежь, глядя на старого Зеева, ворчала, что незачем придумывать за счет тощего бюджета занятия ветеранам, которым пора нянчить внуков, а то и правнуков.

Но серая мышь каждый день приходила на работу, садилась на свой, самый неудобный во всем управлении стул и приступала к делу.

Говорили, что Зеев начинал еще с легендарным Иссером Харелом, создавшим службу внутренней безопасности 30 июня 1948 года — через полтора месяца после провозглашения еврейского государства, которое уже успело за этот срок отразить первое нападение арабских армий.

Харел родился в Витебске, в 1922 году его в высшей степени религиозная семья переселилась в Латвию, а в 1931 году он приехал в Палестину, где работал в киббуце, а потом вступил в подпольные боевые отряды Хаганы. Иссер Харел был прирожденным лидером. Подчиненные его побаивались, называли либо Наполеоном, либо Иссером Грозным, помня, что он родом из России.

Сидя в приемной высокого начальника, Зеев вспоминал, как Иссер Харел занял под свою службу несколько опустевших зданий в Яффе. Эти дома не годились для контрразведки, но в те времена такие мелочи никого не беспокоили. Сотрудники данного ведомства раздобыли себе несколько столов и начали работать. После поспешного отступления арабских армий они собирали по всему городу важные бумаги, оставленные противником.

Первые два года служба безопасности считалась частью вооруженных сил. Ее сотрудникам присвоили воинские звания, жалованье им платила тоже армия. Сам Харел стал подполковником. Зеева произвели в сержанты. Выше он не поднялся.

Харел считал, что служба безопасности должна быть гражданским учреждением, и хотел освободиться от армейского руководства. Он добился своего, но зарплату

контрразведчикам по-прежнему должно было платить министерство обороны, которому, однако, стало жалко отдавать деньги на сторону.

При удобном случае Харел доложил премьер-министру Израиля Давиду Бен-Гуриону, что пятнадцать его сотрудников, которые выполняют задания за границей, не получают зарплаты восемь месяцев. Бен-Гурион распорядился немедленно им заплатить. И после этого служба безопасности стала подчиняться непосредственно главе правительства.

В первые годы существования Израиля люди нищенствовали, двести тысяч новых иммигрантов разместились в палатках, продовольственные склады опустели, страна оказалась на грани голода, была введена карточная система. Многие в стране жили за счет черного рынка. Но Бен-Гурион мог рассчитывать на Харела. «Все иммигранты говорят о nepoтизме, — записывал премьер-министр в своем дневнике. — Трудно найти семью, которая не покупала бы что-нибудь на черном рынке. А в доме Харела нечего есть, потому что он не ходит на черный рынок».

А с другой стороны, это было веселое время. Харел сам набирал себе людей, назначая им встречи в кафе в Яффе, неподалеку от своей штаб-квартиры. Он внимательно смотрел на человека, задавал ему несколько вопросов и сразу же, без всякого отдела кадров, без проверки и согласований, решал, брать его или не брать. Вот так он взял к себе Зеева, который ничего про себя рассказать не сумел и не обладал никакими очевидными достоинствами, за исключением того, что владел арабским языком в совершенстве.

Сначала Зеева назначили в управление контрразведки в Тель-Авиве. Управление возглавлял Яков Карош, который родился в Венгрии. Он потом перешел в Моссад и сделал большую карьеру в разведке.

В Тель-Авиве находились иностранные посольства и миссия Организации Объединенных Наций. Это было самое трудное место для начинающих контрразведчиков: им нужно было учиться выявлять иностранных шпионов и самим следить за иностранцами.

Новичкам из Шин-Бет особенно нравилось ставить скрытые микрофоны в кафе, где проводили свободное время сотрудники миссии ООН, и слушать их откровенные разговоры.

Зеева к этим играм не подпускали. Его и тогда считали скучным и ненаходчивым. Его скоро убрали из этого управления и посадили вести арабскую картотеку — списки тех, кто ненавидел еврейское государство и пытался его уничтожить. На этой канцелярской должности Зеев провел лет двадцать.

Все руководство Шин-Бет состояло из евреев европейского происхождения. Это была линия Харела. Выходцев из арабских и африканских стран держали на оперативной работе.

Харел не доверял своим арабистам, которые сами родились в арабских странах и утверждали, что знают и понимают менталитет арабов. Иногда им трудно было объяснить своим начальникам-европейцам, что арабы не терпят суеты, что к ним надо уметь найти подход, разговаривать не торопясь, спокойно и уважительно и что доверие арабов завоевывается постепенно.

Вскоре Харел ушел в разведку — в Моссад. После него год Шин-Бет руководил Иси Дорот, но широкой публике об этом стало известно только после его смерти тридцать лет спустя.

Иси Дорот родился в Польше, в 1936-м приехал в Палестину. Во время Второй мировой войны служил в британской армейской разведке сержантом и допрашивал пленных немцев: через британскую армию прошли многие из сотрудников Шин-Бет.

Потом Харел забрал Дорота к себе в Моссад заместителем, а новым начальником Шин-Бет предложил Амоса Манора.

Амос Манор родился в венгерской Трансильвании. Его отец научил его ивриту и игре в футбол — это увлечение осталось у него на всю жизнь. Он учился в Париже, когда началась Вторая мировая война. Манор попал в Освенцим, но выжил.

Приехав в Израиль в 1949 году, он стал быстро подниматься по государственной лестнице, несмотря на отсут-

ствие прочных партийных связей: у него была замечательная голова, в которой рождались прекрасные идеи.

Помощники премьер-министра были против назначения на высокий пост Амоса, потому что он совсем недавно прибыл в Израиль, и ему еще не доверяли. Но Харел тут же пригрозил уйти в отставку, если его рекомендацию отвергнут: он часто грозил отставкой, и всякий раз успешно. Амоса утвердили начальником службы безопасности.

Старый Зеев хорошо помнил Амоса. Это был высокий и очень энергичный человек. В нем было столько энергии, что, когда он входил в комнату, бумаги слетали со стола. Он обладал хорошим чувством юмора, и работать с ним было легко и приятно.

Почти десять лет само существование службы безопасности Шин-Бет отрицалось, пока глава правительства Бен-Гурион сам не сделал признание в июне 1957 года в кнессете.

Тогда премьер-министр сказал, что у Израиля есть секретная служба. Ее основная обязанность — борьба со шпионажем. И еще Бен-Гурион заявил: «Мы должны следить за людьми и организациями, которые составляют пятую колонну или могут стать пятой колонной».

В то время Бен-Гурион еще не предполагал, что терроризм со временем станет главной проблемой Израиля. В октябре того же 1957 года во время заседания кнессета молодой человек, находившийся на балконе для гостей, бросил гранату. От ее взрыва пострадали сам Бен-Гурион и Голда Меир, которая со временем станет премьер-министром Израиля. Террорист оказался психически неуравновешенным человеком.

После признания главы правительства Шин-Бет ежегодно представляла отчет о своей деятельности комитету кнессета по международным делам и обороне. Но депутаты знали, что ничего важного в этих отчетах нет и быть не может.

Охрана высших должностных лиц, как и защита секретной информации, тоже была одной из обязанностей Шин-Бет. Но ни Давиду Бен-Гуриону, ни сменившему его на посту премьер-министра Моше Шаретту не нра-

вилось, что их повсюду сопровождают сотрудники Шин-Бет. Хотя однажды офицер охраны вернул Моше Шарретту портфель, полный секретных документов, который рассеянный премьер-министр оставил по пути из Иерусалима в Тель-Авив.

Реальных шпионов в Израиле было не много. В конце 50-х годов сирийская разведка отправила двух агентов с безнадежным заданием проникнуть на ядерный объект в Димоне, — их тотчас схватили. Один иракский еврей перед эмиграцией в Израиль согласился работать на иракскую разведку, но почти сразу был арестован.

Двух шпионов разоблачил тихий и скучный Зеев. Началось это с того, что один недавний эмигрант из Марокко по имени Хаим Авергил, чья жизнь в Израиле не удалась, убежал в соседнюю Иорданию и предложил властям свои услуги. Ему пообещали помочь вернуться в Марокко и снабдить деньгами, если он поработает на иорданскую разведку. Для начала перебежчику поручили допросить нескольких евреев, которые случайно оказались на иорданской территории и были арестованы. Вернувшись в Израиль, они между прочим рассказали и об этом странном человеке, который очень похож на еврея и говорит на иврите с марокканско-французским акцентом.

Пунктуальный Зеев записал их показания на отдельную карточку и запомнил. Когда Авергил на следующий год объявился в Израиле, Зеев заглянул в свою картотеку, и Авергила арестовали, судили и приговорили к четырем годам тюремного заключения.

Через три года еще один выходец из Марокко — Мордахай Лук — сбежал к египтянам. Он явно не годился в агенты, но египтяне так обрадовались, что у них в руках настоящий израильтянин, что попытались использовать его как шпиона. Они собирались сделать ему пластическую операцию и с новыми документами отправить в Израиль, чтобы он открыл туристическое агентство: туристический бизнес — это замечательное прикрытия для разведчика, поскольку позволяет общаться с самыми разными людьми и свободно ездить за границу. Но египтяне действовали на редкость неумело. Разведчик из Мор-

дехая Лука не получился. Он в конце концов попал опять в Израиль, где его приговорили к одиннадцати годам тюремного заключения.

Вот с тех пор Зеев стал присматриваться к выходцам из Марокко. Он ни с кем не делился своими сомнениями, но твердо уверился в их неблагонадежности.

Просматривая списки уехавших из Израиля, Зеев обратил внимание на некоего Мордехая Вануну, выходца из Марокко.

Этот молодой человек в компьютерном досье значился безработным. Он не имел отношения ни к армии, ни к секретным объектам. Его фамилия не была включена в список лиц, чей выезд за границу представлялся нежелательным. Но старомодного Зеева смутило то, что за границу отправился безработный. Раз он остался без работы, значит, у него не должно быть денег, так рассуждал Зеев.

Зеев написал короткие запросы в другие отделы Шин-Бет: не значится ли где богатенький безработный Мордехай Вануну?

Через два дня Зеев получил ответ из отдела, который занимался обеспечением безопасности на особо секретных объектах. Чутье не обмануло старого Зеева: Мордехай Вануну лишь недавно стал безработным, безработные же не представляли особого интереса для службы безопасности. Меняло дело только то, что до этого данный человек несколько лет проработал в ядерном центре в Димоне, охранять секреты которого было поручено именно Шин-Бет.

Как же могло произойти, что Вануну отпустили без предварительного с ним разговора? И зачем он вообще уехал из страны? Пока Зеев размышлял над этой историей, союзники переслали израильтянам фотографию Вануну, выходящего из здания советского посольства в Непале.

Появление Вануну в советском посольстве подтверждало худшие подозрения Зеева. Зачем парню было идти в советское посольство, кроме как с предложением продать секреты, к которым он был допущен?

Зеев написал от руки короткую докладную записку, причесался и пошел к начальству.

Начальник Шин-Бет когда-то руководил советским направлением в отделе контрразведки и не сомневался, что советская разведка не упустит такого случая. Он был уверен, что вскоре Вануну окажется в Москве и все расскажет КГБ.

Когда нынешний начальник Шин-Бет поступил на работу в контрразведку — еще до войны 1967 года, штат российского посольства в Израиле насчитывал примерно шестьдесят человек. Он подозревал, что добрую половину из них составляли разведчики. Его сомнения усилились, когда он обратил внимание на то, что группа советских археологов, которая приехала в Израиль, почему-то больше интересовалась текущими делами, чем древностями.

В Шин-Бет исходили из того, что Советский Союз с помощью своей агентуры, коммунистов, просоветски настроенных палестинцев пытается подтолкнуть арабов к гражданской войне против евреев, то есть превратить Израиль во второй Алжир, где французы и алжирцы безжалостно убивали друг друга.

Мнимые дипломаты из чешского, польского и румынского посольств в Израиле тоже занимались разведывательной работой, и весьма активно. Иногда им удавалось завербовать кого-то из израильтян.

Начальник Шин-Бет в молодые годы сам участвовал в следствии по делу сотрудника израильского посольства в Югославии по имени Авни, который был доставлен домой и на закрытом процессе осужден за шпионаж.

Авни родился в Швейцарии, где его родители даже познакомились с Лениным. Эмигрировав в Израиль в 1948-м, он поступил на дипломатическую службу. Там им были очень довольны, поскольку он говорил на многих языках. До командировки в Югославию Авни служил торговым атташе в Бельгии, Нидерландах и Люксембурге. Он помогал Моссад, исполняя роль почтового ящика: передавал указания из Центра израильским агентам, работавшим под коммерческим прикрытием. Всех их Авни выдал.

С той поры начальник Шин-Бет больше всего ненавидел израильтян, которые выдавали врагу своих. Для него Мордехай Вануну тоже стал врагом, которого надо было остановить.

Историю Мордехая Вануну, работавшего в Димоне, оперативный отдел Шин-Бет оформил в розыскное дело и познакомил с ним коллег из военной разведки и политической разведки Моссад. Директор Моссад со вниманием прочитал справку, переданную из контрразведки Шин-Бет.

Он конечно же не помнил многодетную семью Вануну, но знал множество других еврейских семей, которых тайно и с риском для жизни вывозил из Марокко.

11 января 1961 года, поздно ночью, небольшой пароходик напоролся на камни и пошел ко дну поблизости от марокканского побережья. Утонули все, кто был на борту: рулевой, сорок два марокканских еврея и сотрудник Моссад. Это судно, ходившее под гондурасским флагом, нелегально перевозило евреев из Марокко на Гибралтар, управлявшийся англичанами.

Погибший сотрудник Моссад был отцом нынешнего директора разведки. Его сын, совсем еще молодой офицер, заменил отца на боевом посту.

Операция по вывозу евреев из Марокко была самой длительной, масштабной и удачной (если не считать гибели парохода) операцией израильской разведки. Она продолжалась семь лет.

Операция началась в последние годы борьбы Марокко за отделение от Франции и Испании. В ноябре 1954 года сотрудник Моссад Шломо Хавилио отправился в большую поездку по Магрибу: он побывал в Марокко, Алжире и Тунисе. Вернувшись домой, он доложил начальству, что эти три страны вскоре получат независимость — и это хорошо.

Но плохо то, что национально-освободительные движения в Магрибе установили тесные отношения со злейшим врагом Израиля — президентом Египта Гамалем Абделем Насером. Когда к власти придут националисты, еврейским общинам придется тяжело, их станут воспринимать как врагов. Вывод: Израиль должен подумать о том, как защитить магрибских евреев, а еще лучше — вывезти их оттуда.

Хавилио предложил создать единую для всего Магриба организацию по спасению евреев со штаб-квартирой в Париже и отделением в городе Танжере, который по старому

франко-испанскому договору до середины 1956 года еще оставался международной зоной. Для всей работы требовалось двадцать человек, из них восемь должны были заниматься Марокко, где находилась самая большая еврейская община.

В конце апреля 1955-го Яков Карош, резидент Моссад в Париже, встретился с верховным комиссаром Франции по делам Марокко Фрэнсисом Лакостом. Марокко еще оставалось французским протекторатом. Французское правление должно было закончиться 2 марта 1956 года. Пока французы были на месте, евреи чувствовали себя в относительной безопасности.

Израиль попросил Францию разрешить всем евреям уехать из Марокко. Но Франция, не желая раздражать марокканцев, ограничила еврейскую эмиграцию. Комиссар Лакост сказал, что в месяц из Марокко не должно уезжать более семисот евреев.

Правительство Бен-Гуриона приняло предложение Моссад, и группа разведчиков отправилась в Париж в августе 1955 года, чтобы проложить маршруты для вывоза евреев. Самое время! 24 августа группа восставших марокканцев ворвалась в еврейское гетто неподалеку от Касабланки и убила восемь евреев, покалечила сорок и сожгла их дома. С каждой неделей угроза для марокканских евреев становилась все очевиднее.

Созданная в Касабланке тайная организация занималась вывозом евреев и одновременно готовила отряды самообороны. Сотрудники Моссад сомневались, что они успеют всех вывезти, поэтому оставшихся надо было научить защищаться. Удалось обучить примерно шестьсот молодых евреев, причем часть из них прошла боевую подготовку в Израиле и во Франции.

Самые трудные времена наступили в середине 1956 года. Под давлением арабских стран султан Марокко приказал закрыть транзитный лагерь для уезжающих евреев. А начальник марокканской секретной службы вообще запретил эмиграцию в Израиль. Выезд евреев стал считаться незаконным.

К тому времени из Марокко в Израиль уехало сто десять тысяч евреев. Но еще сто тысяч оставались в стране.

Операцией руководил из Парижа резидент Моссад Яков Карош. У него была постоянная радиосвязь с агентами внутри Марокко и сеть специально обученных курьеров, которые неустанно путешествовали по маршруту Париж — Касабланка.

Агенты Моссад постарались наладить осведомительную сеть внутри марокканской полиции, армии и секретной полиции. Это вполне удалось с помощью проверенного на Востоке средства — барашка в бумажке.

Однажды израильская разведка узнала, что марокканская полиция располагает ордерами на арест четырех агентов Моссад, которые занимались вывозом евреев. Разведке удалось задержать на несколько часов исполнение приказа и переправить всех четверых за границу. Директор Моссад Иссер Харел потом признался, что только на взятки марокканским чиновникам ушло пол-миллиона долларов.

Бежавшим из страны евреям раздавали либо старые французские паспорта, либо фальшивые марокканские: их производили в больших количествах лучшие израильские специалисты по изготовлению поддельных документов, которых срочно командировали в Париж и Марсель.

Оперативники Моссад собирали евреев по всему Марокко и размещали на квартирах поблизости от портов. Если полиция задерживала еврейские семьи, они сочиняли какую-нибудь историю: дескать, идем на свадьбу или на футбольный матч.

На рыбацких судах их доставляли на Гибралтар, где разместился транзитный лагерь Еврейского агентства, оттуда везли в Марсель, а потом уже самолетом или пароходом переправляли в Израиль.

Вся эта операция проводилась с молчаливого согласия испанских властей. Если бы Испания сказала «нет», ничего бы не вышло. Испанцы, вероятно, хотели замолить свою прежнюю дружбу с Гитлером и Муссолини.

Британские власти тоже были на диво любезны. Зимой английские полицейские встречали замерзших марокканских евреев с термосами, наполненными горячим чаем.

Британцы помогали эмигрантам с проездными бумагами, а потом стали пропускать их на Гибралтар и вовсе без паспортов.

Марокканское правительство время от времени делало грозные антиеврейские заявления, чтобы ладить с арабскими странами, но шло на уступки, когда на страну давили Соединенные Штаты или Западная Европа.

Страной правил Мухаммед бен Юсуф, которого считали тридцать четвертым потомком пророка и двадцатым султаном из алауитской династии. Глава правоверных и потомок пророка, он обладал огромным авторитетом в стране.

Султана выбирал совет улемов. В 1957 году султан избавил их от этих хлопот и упростил собственную жизнь: провозгласил себя королем Мухаммедом V, а сына, принца Мулая Хасана, назначил наследником престола. После смерти отца принц стал королем под именем Хасан II.

В Марокко правила просвещенная и вполне разумная монархия. С королями стране повезло. И Мухаммед, и Хасан были умными и гибкими монархами. Они ввели в стране конституцию и многопартийность, умело лавируя между населяющими страну арабами и берберами.

Сплачивая народ, молодой принц Хасан женился на берберке из влиятельного племени. Когда его власть укрепится, король найдет себе новую королеву — на сей раз француженку...

Директор Моссад Иссер Харел несколько раз сам тайно приезжал в Марокко. Однажды он провел в стране две недели, наблюдая за тем, как идет эвакуация евреев. В 1960-м вместо Шломо Хавилио операцию в Марокко возглавил Олек Гутман, в годы Второй мировой войны он партизанил в Польше.

Как уже говорилось выше, в январе 1961 года вблизи марокканского берега пошел ко дну пароход с евреями-беженцами. В годы Второй мировой войны это судно использовалось союзниками для того, чтобы подбирать сбитых над Средиземным морем летчиков. С тех пор оно стало слишком старым.

Когда пароход затонул, марокканские власти взялись искать тех, кто вывозит евреев. Начальник секретной

полиции Марокко, печально знаменитый своей жестокостью генерал Мохаммед Уфкир приказал найти и арестовать участников подполья. Полиция схватила двадцать человек, их пытали, и один из них умер, не выдержав истязаний.

Мировое общественное мнение осудило Марокко. Группа американских конгрессменов пригрозила заморозить помощь этой стране. Новый американский президент Джон Кеннеди отправил личное письмо королю Мухаммеду V.

Президент Франции де Голль при удобном случае посоветовал королю Марокко отпустить евреев. У него были особые отношения с Мухаммедом V, которого в 1953-м французские власти на два года сослали на Мадагаскар. Однажды де Голль сказал Мухаммеду V: «Ваше величество, вы страдали. Я поздравляю вас. Подвергнув вас такому испытанию, вам оказали услугу. Ибо надо страдать, чтобы стать великим!»

Комплимент великого Шарля де Голля многого стоил. И марокканский король обычно откликнулся на слова французского президента. Но тут был особый случай. Арабские страны требовали от короля не выпускать евреев: ведь каждый новый еврей в Палестине укреплял Израиль, который подлежал уничтожению. Король не хотел из-за каких-то евреев ссориться со всем арабским миром.

Но 25 февраля 1961 года король умер. Новым королем стал его сын Мулай Хасан, который решил, что реальный союз с Западом выгоднее для Марокко, чем братство на словах с арабским миром. Он разрешил выдавать евреям, желающим уехать, так называемые «групповые паспорта». В течение двух лет почти все оставшиеся в стране евреи покинули Марокко.

Так мальчик по имени Мордехай Вануну оказался в Израиле, из которого уже взрослым человеком он уедет без всякого сожаления.

С той минуты, когда стало ясно, что Вануну покинул страну отнюдь не с туристическими целями, израильтяне стали его искать. В Непале его уже не застали. Агентам Моссад рассказали, что он улетел в Австралию.

Его предстояло найти на этом огромном континенте, который израильтянам, живущим на узкой полоске земли, казался просто бескрайним. Но начальник контрразведки Шин-Бет продолжал считать, что русские уже вывезли Вануну к себе. Он сильно ошибался...

Глава 4

РАЗГОВОР С ВОЕННЫМ ЦЕНЗОРОМ

Первые слухи о беглом технике появились в Израиле весной. Поговаривали, что израильская контрразведка Шин-Бет совершила непоправимую ошибку, разрешив уехать за границу сотруднику центра ядерных исследований в Димоне.

За этот прокол сотрудницу учетного отделения контрразведки Шин-Бет уже уволили. Замороченная домашними проблемами, пожилая женщина отнеслась к делу формально, не проявила должной бдительности.

В документах беглец значился безработным, а к безработным какие претензии? Пусть едет, если надеется, что за границей ему повезет больше, решила она. Кроме того, до увольнения Вануну был всего лишь простым техником. А это — сотрудник низкой квалификации, не допущенный к особо секретным материалам, не имеющий доступа к охраняемой информации. Тем более, что его уволили по сокращению штатов как не очень ценного работника. Следовательно, препятствий для выезда за границу у него нет, подумала она и поставила на запросе разрешительный штамп.

Но она конечно же должна была обратить внимание своего начальства на то, что желание уехать из страны изъявил бывший сотрудник центра ядерных исследований в Димоне. Все, решительно все, кто там работает или работал, содержится на особом учете. Упустила, упустила...

Димона — один из новых городов в пустыне Негев. Ее население — всего двадцать тысяч человек. Абсолютное большинство — выходцы из Северной Африки. Город основали в 1955 году для рабочих поташных заво-

дов на Мертвом море и для тех, кто приехал на фосфатные разработки.

Ядерный центр находится в нескольких километрах от города. С дороги его практически не видно, а ближе не подпускают: это строго охраняемый объект.

Сколько существует ядерный центр в Димоне, столько и идут о нем разговоры. Все уверены, что там делают ядерное оружие. Но никто не знает, сделали его уже или еще нет.

А тут пошли разговоры о том, что некий техник из Димоны обосновался в Австралии и по секрету рассказывает знакомым, что в центре ядерных исследований действительно производят ядерное оружие и у него на сей счет есть подлинные документы.

Сотрудника самой популярной в стране газеты «Марив» Эфраима Рафаэля в Димону не пустили. В комиссии по атомной энергии на его вопросы о беглом технике ответили, что о таком ничего не знают.

Но материал для небольшой книги о ядерной программе Израиля у Рафаэля так и так уже был собран. Слухи о беглом технике только подстегнули его творческую энергию.

Эфраим Рафаэль выпросил в редакции отпуск и работал над книгой ровно месяц. Ему самому рукопись понравилась. Прежде чем отдавать ее издателю, следовало получить разрешение военного цензора. Ничего особенно нового в его книге не было, все эти материалы так или иначе уже публиковались в израильской или американской прессе. Он просто собрал все, что знал. Ну и кое-что додумал. Тем не менее, зная злой нрав цензоров, Рафаэль ожидал, что военные неминуемо потребуют от него поправок, и даже догадывался, каких именно.

Он был готов пожертвовать несколькими именами и выводами: он постоянно писал на военные темы и предпочитал не ссориться с цензурой. Сдав рукопись цензору в звании полковника, он спросил, как долго будет продолжаться проверка.

— Серьезная книга требует месячной работы. Если материал попроще, получите ответ быстрее, — обещал цензор.

Через две недели нетерпеливый Рафаэль позвонил цензору.

— Работаю, — хладнокровно ответил тот.

— И как долго вы собираетесь это делать? — спросил Рафаэль.

— По закону имею право изучать вашу рукопись три месяца, — упрямо сказал цензор.

Рафаэль разозлился:

— Моя книга написана на актуальную тему. Через три месяца она просто устареет. Весь смысл в том, чтобы издать ее как можно скорее.

— Постараюсь учесть ваше пожелание, — ответил цензор, но в его голосе не было уверенности.

Рафаэль написал уже несколько книг. Некоторые из них были очень злыми, например о военной операции в Ливане в 1982 году. Военные потребовали тогда множества поправок, но разрешение цензура дала быстро: цензоры тоже не хотят злить журналистов. А теперь Рафаэль звонил полковнику каждую неделю и получал стереотипный ответ, что работа продолжается. Рафаэль недоумевал: что случилось, какие к нему претензии, — предлагал приехать и поговорить, но полковник просил подождать. Это продолжалось еще ровно месяц, пока Рафаэлю не сообщили, что его ждет главный военный цензор.

Цензор состоял в звании бригадного генерала. Рафаэль познакомился с ним еще в те времена, когда будущий штатный душитель свободного слова был командиром эскадрильи истребителей и любимцем главнокомандующего военно-воздушными силами Израиля генерала Эзера Вейцмана. Голубоглазый и мускулистый летчик пользовался успехом у женщин, мог ночью махнуть с компанией к морю и отыскать ресторан, где гостей кормят до утра.

Боевого летчика век не долгов. Когда врачи запретили пилоту летать, Эзер Вейцман, к тому времени занявшийся политикой, помог ему приземлиться. Теперь бывший летчик облысел и расстался с привычкой к ночным загулам. Последняя, третья по счету жена крепко держала его в руках. Да и новая служба требовала респектабельности.

Бригадный генерал был вежлив, но не добр. Он усадил Рафаэля перед собой и сухо сказал:

— Я принял решение запретить вашу книгу. Полностью, от первой до последней страницы.

Рафаэль был изумлен и потрясен. Несмотря на военную цензуру, израильская пресса чувствовала себя совершенно свободной. Цензоры вычеркивали названия боевых операций армии или данные о новой военной технике, но запретить книгу целиком? О таком Рафаэль еще никогда не слышал. Такого и не было, вероятно, за всю недолгую историю существования страны.

— Издание вашей книги нанесло бы ущерб безопасности страны и нашим отношениям с союзниками, — продолжал главный цензор. — Издание ее совершенно невозможно. Более того, вы должны сдать мне все экземпляры рукописи и материалы, использованные при ее написании. В том числе экземпляры, которые находятся у других лиц.

Рафаэль пытался сопротивляться.

— Книга состоит из фактов и свидетельств, которые уже публиковались в других газетах, — убеждал он генерала. — Они не могут представлять никакой опасности для нашей страны. Все это известно!

— Я пришел к другому мнению. — Главный цензор был непреклонен.

— Если я перепишу книгу, есть шанс, что вы ее разрешите? — спросил Рафаэль.

— Если вы принесете мне новую рукопись, я опять буду ее читать, — дипломатично ответил главный цензор. — В этом состоит моя работа. Но обещать ничего не могу.

— Тогда скажите мне, чего именно я должен избегать в своей новой книге! — возбужденно произнес Рафаэль.

Бригадный генерал, который провел больше воздушных боев, чем журналист Рафаэль выдержал столкновений со своими редакторами, не попался на уловку:

— Я повторяю вам, что вся ваша книга наносит урон обороноспособности страны. Каждое слово в вашей книге опасно.

На этом разговор закончился. Рафаэлю было вручено письменное заключение военного цензора:

«1. Вы передали на просмотр цензору рукопись вашей книги о ядерной программе Израиля.

2. Я изучил эту рукопись в соответствии со своими полномочиями и настоящим сообщаю вам свое заключение. Поскольку книга почти полностью основана на секретной и совершенно секретной информации и в ней цитируются секретные документы, я запрещаю ее публикацию — как целиком, так и отдельных ее частей. Ее издание, по моему мнению, нанесло бы урон обороноспособности Израиля.

3. Ввиду описанного выше характера рукописи, представленной вами цензору, а также ввиду того, что в книге содержится множество цитат из секретных и совершенно секретных документов, предлагаю вам сдать в цензуру все экземпляры подготовленной вами рукописи, а также все секретные материалы, на основании которых рукопись написана».

Рафаэль не верил своим глазам.

— Секретных документов у меня не было и нет. Отдавать нечего, — пробурчал он напоследок.

Главный цензор пожал плечами.

Рафаэлю было ясно, что дело не в документах. Он поплелся к редактору своей газеты, влиятельному в политическом мире человеку с хорошими связями в правительстве.

Редактор предложил Рафаэлю дорогую кубинскую сигару и искренне посоветовал немедленно сдать цензору все экземпляры рукописи, чтобы не создавать себе новых проблем.

— Я боюсь, что тебя могут просто арестовать, если ты не выполнишь их требований.

— Неужели до этого дело дошло? — изумился Рафаэль. Он был совершенно выбит из колеи.

— Ты себя недооцениваешь. Из-за твоей книги вчера утром собиралось правительство, — сообщил редактор.

— Шутишь? — не поверил Рафаэль.

— Члены правительства тоже думали, что премьер шутит. Но говорят, что Шимону было не до шуток. Премьер-министр сообщил, что твою рукопись необходимо запретить. Генеральный прокурор тут же подтвердил, что цензурный запрет вполне законен.

— И никто не возразил? — спросил Рафаэль.

— Никто не возразил, — подтвердил редактор. — Шимон был убедителен, как никогда.

Премьер-министром Израиля был Шимон Перес, опытный и мудрый политик. Сторонники жесткой линии считали его слишком мягким, но либералы премьера уважали. Рафаэль считал себя сторонником Переса, несколько раз встречался с ним и не ожидал от премьер-министра такого решения.

— Что же мне делать? — проговорил растерянно Рафаэль.

— Сдай рукопись и подожди, — посоветовал редактор. — Я не знаю, почему они так обозлились на твою книгу, но в любом случае запрет не может быть долгим. Через несколько месяцев сделай новый вариант и попробуй еще раз. Может быть, к этому времени я что-нибудь узнаю.

Рафаэль предпринял последнюю попытку. Он хорошо знал одного из министров в правительстве Переса. Он позвонил министру домой.

Рафаэль знал, что в принципе важнейшие вопросы решаются в депутатском буфете в здании кнессета, куда помимо депутатов имели доступ только руководители партий. Здесь можно было за столиком свободно уединиться с нужным министром и поговорить по душам.

Но Рафаэлю нужен был разговор с глазу на глаз.

Они встретились в Кирии — районе в Тель-Авиве, где находятся правительственные учреждения, в том числе резиденция министра обороны и начальника генерального штаба.

Министр каждый понедельник обедал в ресторане тель-авивской гостиницы «Самуэль», на берегу моря. Люди, которые хотели с ним поговорить и имели на то право, тоже заказывали себе столик в «Самуэле»: в ресторане с министром было легче беседовать, чем в его кабинете.

Обычно министр был внимателен к просьбам. В политическом мире страны все постоянно менялось. Дол-

го быть министром невозможно, следовательно, надо с максимальной пользой провести короткий срок в высоком кресле: поспорить с немногими, но подружиться со многими. В маленьком Израиле все друг друга знают, и отказывать очень трудно. Или вместе учились, или служили в армии, или выросли в одном киббуце.

Отнюдь не каждое обращение приводило к успеху. Министр конечно же чаще отказывал, чем соглашался помочь. Но, отказав, в определенном смысле оказывался у просившего в долгу. Отказать в следующий раз было уже значительно труднее.

Тем не менее, едва увидев Рафаэля, министр сказал, что ничего не в состоянии сделать.

— Твое дело в руках Шимона, — сказал министр. — Перес сказал, что если будет издана твоя книга, то пострадает национальная безопасность. Ты же не хочешь навредить стране?

Рафаэль вспомнил слова первого президента страны Хаима Вейцмана: в Израиле невозможно быть пророком, конкуренция слишком велика.

Он вернулся к себе в редакцию. По праву старого знакомого он без стука вошел в кабинет главного редактора, который в этот момент заказывал авиабилеты для себя и жены. Редактор собирался отдохнуть пару недель в Европе.

Рафаэль с завистью смотрел на никогда не унывающего редактора. Он был не просто редактором, но и совладельцем газеты, то есть более чем состоятельным человеком. Понял или не понял редактор, о чем задумался один из его ведущих репортеров, но он решил утешить Рафаэля:

— Я могу послать тебя за границу на несколько месяцев. Сменишь обстановку, развеешься...

— В Австралию! — загорелся Рафаэль, вспомнив, что загадочный Мордехай Вануну, техник из Димоны, один из героев его книги, обосновался как раз в Австралии.

Редактор засмеялся:

— А разве там что-нибудь происходит? Хотел бы я жить в Австралии. Там пьяный водитель грузовика въехал на

газон — уже трагедия национального масштаба. Нет, нам нужен корреспондент в Лондоне. Согласен?

Рафаэль кивнул.

Неужели его книгу запретили только из-за того, что в ней речь идет о технике-беглеце, обещавшем рассказать правду о ядерном центре в Димоне?

Даже если это и так, на несколько месяцев придется забыть обо всем этом деле. Он отправляется в Англию и окажется далеко от всех этих ядерных дел. А вернувшись в Израиль, попробует еще раз переписать рукопись.

Глава 5

НАПАДЕНИЕ НА ШКОЛУ

Ночью заградительная система сработала сразу в пяти местах. Для оперативной группы израильской армии, которая прикрывала границу, это означало только одно: в страну прорвалось сразу несколько групп палестинских боевиков. Мобильные группы прибыли к точкам пересечения границы через несколько минут и начали преследование.

Террористы были хорошо подготовлены. Они шли быстро, укрываясь среди скал. Они спешили затемно дойти до большого арабского села, предполагая укрыться в нем. Потом следы разделились и вдруг вовсе исчезли. Мобильная группа израильской армии доложила в штаб, что потеряла след. Террористы словно растворились в ночном мраке.

Вскоре они объявились. И совсем не там, где их ждали и приготовились встретить. А в Кирьят-Шмоне — городе неподалеку от ливанской границы. В нем примерно пятнадцать тысяч населения. Он появился на месте временного лагеря для новых поселенцев, построенного здесь в 1949 году. Название Кирьят-Шмона означает «город восьми». Его наименовали так в честь выходца из России, героя русско-японской войны однорукого Иосифа Трумпельдора и его семи товарищей, которые погибли здесь в 1920 году, защищая от погромщиков киббуц Тель-Хая. Полный георгиевский кавалер Иосиф Трумпельдор ли-

шился руки при обороне Порт-Артура и был за мужество произведен в прапорщики. После революции он уехал из России в Палестину и попытался организовать оборону еврейских поселений...

Утром ликующий диктор сирийской радиостанции сообщил, что группа палестинских смертников захватила в городе Кирьят-Шмона школу и удерживает в ней заложников. Сирийское радио предупредило, что попытка освободить заложников силой приведет к смерти детей, поэтому сионистам придется вступить в переговоры с палестинскими патриотами и выполнить все их справедливые требования.

В Дамаске не подозревали, что, когда сирийское радио сообщало эту новость, все трое террористов были уже мертвы.

В семь утра они действительно проникли в школу, но никого там не нашли, потому что было слишком рано и детей не успели привезти. Тогда террористы перебрались в соседний жилой дом. Они врываются в одну квартиру за другой, бросали в безоружных жильцов ручные гранаты и расстреливали их из автоматов.

Соседи, увидев, что происходит, вызвали силы безопасности. Когда прибыли войска, палестинцы забаррикадировались на верхнем этаже.

Переговоров не начинали.

Жителей соседних домов эвакуировали из опасной зоны, чтобы никто не пострадал. Затем войска ворвались в дом. Все трое террористов были уничтожены. Они успели убить шестнадцать мирных жителей, из них восемь детей.

Офицеры контрразведки быстро и профессионально осмотрели трупы. Убитые палестинцы были молоды, аккуратно одеты, тщательно выбриты, хорошо пострижены. На улице никто бы и не заподозрил в них террористов. По-видимому, молодые люди считали, что стрелять в женщин и детей — это героический поступок, которым можно гордиться.

На теле одного из террористов нашли взрывчатку. Но взорвать себя никто из троих не решился. Одно дело — говорить о своей самоубийственной миссии, другое —

действительно покончить с собой, когда акция прова-
лилась.

Второй группе палестинских боевиков повезло боль-
ше. Они проникли в небольшой поселок, основанный
в 1957 году из двух лагерей для переселенцев, в основ-
ном из стран Северной Африки. В поселке жило не-
сколько тысяч человек.

Под утро боевики обстреляли машину, в которой груп-
па женщин возвращалась с завода домой после ночной
смены. Одна женщина была убита, десять человек ране-
ны. Но в полицию сообщили слишком поздно, и боеви-
ки успели добраться до поселка, вошли в первый попав-
шийся дом и расстреляли спавшую семью.

Затем они ворвались в здание школы, где спали сто
школьников и четыре учителя. Ребята приехали из дру-
гого города: они совершали экскурсию по Галилее. Одно-
го учителя и нескольких школьников палестинцы отпу-
стили с письменным ультиматумом, который несколько
раз повторили и по громкоговорителю.

Они требовали освободить двадцать палестинцев, ко-
торые отбывали различные сроки в израильских тюрь-
мах, и отправить их в Сирию. Когда сирийское радио
сообщит об их прибытии, заложников освободят. В про-
тивном случае палестинцы обещали взорвать школу вме-
сте со школьниками.

Когда израильские военные окружили школу, главным
был вопрос: действительно ли школа заминирована?

В прежних случаях боевики оставляли себе пути отхо-
да: минировали тропинку, по которой собирались отойти
к границе. На сей раз они об этом не позаботились. Зна-
чит, были уверены, что спокойно улетят в Дамаск вместе
с заложниками.

Эта группа боевиков принадлежала к числу самых не-
примиримых и жестоких отрядов палестинского движе-
ния, который организовал большинство угонов само-
летов.

Когда израильтяне поняли, что произошло и с кем
они имеют дело, возникли две проблемы: подчиняться
ли шантажу террористов? И как осуществлять военную
операцию, если террористы прикрываются детьми?

В первый раз израильское правительство столкнулось с захватом заложников в июле 1968 года, когда палестинцы захватили принадлежащий израильской авиакомпании «Боинг-707», который летел из Рима в Тель-Авив, и посадили его в Алжире.

Мир не был готов к угонам самолетов. Еще не существовали системы безопасности в аэропортах, которые помогали бы обнаруживать оружие и взрывчатку в багаже пассажиров. Два-три террориста превращали сто лишним пассажиров захваченного самолета в заложников, за освобождение которых можно было требовать все, что угодно.

Угонщики хотели, чтобы правительство Израиля освободило из тюрем их осужденных товарищей. Министр обороны одноглазый Моше Даян был против того, чтобы выполнять их требования. Но премьер-министр Леви Эшкол, мягкий по характеру, к нему не прислушался. Террористы получили то, чего они хотели.

Через год двоих израильтян террористы похитили из американского самолета, их держали в Дамаске. И опять израильское правительство согласилось обменять заложников на двух сбитых сирийских военных летчиков.

Но больше Израиль на уступки не шел.

Когда в следующий раз палестинцы захватили самолет авиакомпании «Сабена» и потребовали освободить триста заключенных из израильских тюрем, ответом стала военная операция. Она продолжалась всего несколько минут. Двое террористов — мужчины — были убиты, двое террористок схвачены. Во время боя погибла одна пассажирка.

Выбор был сделан раз и навсегда: не соглашаться на требования террористов, а уничтожать их. Но здесь, в поселке, был особый случай: в заложники взяли детей.

Министр обороны прибыл в поселок вместе с начальником генерального штаба армии обороны Израиля и доложил оттуда о ситуации премьер-министру. В Иерусалиме непрерывно заседал кабинет министров. После короткого обмена мнениями с членами правительства премьер-министр связался с министром обороны:

— Я согласен освободить палестинских заключенных в обмен на захваченных террористами детей, но только если обмен произойдет одновременно. Ты понял меня?

Правительство не хотело оставлять детей на милость боевиков: оно ни на грош не верило их обещанию освободить детей, когда их товарищи уже вернутся в Дамаск.

Французского и румынского послов попросили быть посредниками в переговорах с боевиками. Но переговоры не получались. А время шло быстро, истекал срок ультиматума: в шесть часов вечера террористы обещали взорвать здание вместе со школьниками.

Премьер-министр нервничал. Министр обороны и начальник генерального штаба требовали не ждать, а действовать. Правительство колебалось. Когда до шести вечера оставалось всего ничего, правительство внезапно разрешило провести военную операцию. Это было ошибочное решение.

Операция была обречена на неуспех именно потому, что ее провели буквально в последние минуты. Утром вполне можно было улучшить момент, когда расслабившиеся террористы не ожидали нападения, но около шести часов они были настороже.

Вторая роковая ошибка была совершена уже в ходе операции. Солдаты бросились на третий этаж и, только увидев, что он пуст, спустились на второй, где находились дети.

Да еще один из солдат бросил дымовую фосфорную гранату. Дым мешал самим израильтянам видеть, что происходит. Они потеряли несколько драгоценных минут. Этого времени террористам с лихвой хватило на то, чтобы убить шестнадцать детей и ранить шестьдесят восемь.

Когда все закончилось, картина была страшной. На залитом кровью полу лежали убитые дети. Раненые кричали. Всех троих террористов застрелили. Но смерть преступников была слабым утешением. Гибель детей переживала вся страна.

Сотрудники контрразведки, которые осматривали школу, ожидая опасных сюрпризов, обнаружили пять упаковок взрывчатки: две на лестнице, две в классах,

куда согнали детей, одну в коридоре. Взрывчатка приводилась в действие электродетонаторами. Батареи у террористов были, и у них оставалось время взорвать себя и школу, но они этого не сделали. Они не собирались умирать.

Вместе с детьми погибла учительница из Германии Люсиль Эдер, одна из двух работавших в школе иностранок: второй была Черил Бен-Тов из Соединенных Штатов. Черил — американская еврейка — оставила родителей и приехала в Израиль, чтобы помочь родине своих предков. Люсиль Эдер — немка по национальности — прибыла в Израиль по туристической визе и сразу же предложила еврейскому государству свои услуги, потому что хотела искупить вину немцев перед евреями. Они были очень похожи — высокие, стройные блондинки со спортивной фигурой и очаровательной улыбкой.

Во время ожесточенного боя на втором этаже автоматная пуля попала Люсиль в голову. Она умерла мгновенно. Никто не решался сказать Черил, что ее ближайшая подруга умерла. Но Черил, оттолкнув офицера, подбежала к автобусу, в который грузили трупы, и увидела Люсиль с пробитой головой.

Пока Европа наслаждалась летом, в Австралии началась зима. Впрочем, что такое снег и холод, здесь знали только те, кто ездил за границу. Тимоти Уоллес к этим счастливицам не принадлежал.

Каждый понедельник Тимоти Уоллес встречался со своим осведомителем по кличке Жук, который в обычной жизни был неудачливым газетным репортером. Единственное профессиональное достоинство Жука состояло в том, что он знал всех и вся. Но надо еще уметь изложить то, что узнал, на бумаге. С этим у Жука было плохо. Его с трудом терпели в отделе новостей сиднейской вечерней газеты. Редактор отдела, морщась, переписывал самую маленькую его заметку.

Зарабатывал Жук мало, чувствовал себя отвратительно и поэтому несколько лет назад принял важное для себя

решение. Он сказал «да», когда руководитель местного отделения контрразведки предложил ему потрудиться на благо родины.

Тимоти Уоллес пятнадцать лет служил в Австралийской организации безопасности и разведки, которая занималась в основном контрразведкой. Он заметил Жука в одном из сиднейских баров. Жуликоватый парень без семьи и близких друзей идеально подходил на роль дешевого информатора.

Уоллес, который представлялся менеджером посреднической фирмы, познакомился с Жуком и однажды поил его весь вечер. На следующий день он пригласил Жука в приличный ресторан, где днем бывает совсем мало людей, объяснил, где он работает на самом деле, и предложил сотрудничать.

С тех пор Жук исправно снабжал его всеми новостями, сплетнями и слухами, известными журналистской публике в Сиднее. Никакой сенсационной информации Жук не приносил, но это была не его вина: ведь ничего особо важного в Сиднее и не происходило, свет не видел более спокойной страны, чем Австралия.

Каждый понедельник они ужинали вдвоем, и Жук рассказывал все, что он знал. Тимоти Уоллес внимательно слушал, а утром писал отчет. Письменный отчет был необходим даже в тех случаях, когда информации совсем не было. Отчет подтверждал целесообразность оплаты услуг агента-осведомителя и еженедельных ужинов в хороших ресторанах — удовольствия, которым Тимоти Уоллес весьма дорожил.

— Я тут встретился с латиноамериканским журналистом по имени Гуэро, — рассказывал Жук за ужином. — Полное имя Оскар Гуэро. Он откуда-то из Колумбии, но сбежал из дома. Обосновался у нас. Прохиндей и деляга. Я бы такому и доллара не доверил: украдет, — поэтому не уверен, стоит ли его слушать.

— Давай-давай, — подбодрил его Тимоти, внимательно и с удовольствием изучая меню.

Они уже приняли по два стаканчика виски, потому что худой Жук больше уважал хорошую выпивку, чем обильную закуску.

— Гуэро говорит, что привез в Австралию крупного физика из Израиля. Вроде бы этого физика из страны не выпускали, но Гуэро его каким-то образом вытащил. Врет, наверное... И этот физик может рассказать о том, что Израиль создает собственное ядерное оружие. Гуэро ищет газету, которая купит эту историю, и надеется заработать большие деньги.

— А чего они к нам в Австралию приехали? — спросил Тимоти Уоллес. — Нас эти ближневосточные дела не интересуют.

Жук поманил официанта, чтобы заказать третью порцию виски. Пока у него есть что рассказать, он может беспрепятственно заказывать виски. Когда он истощится, Уоллес заставит его перейти на минеральную воду.

— Гуэро говорит, что увез этого физика подальше от Моссад, потому что израильтянину грозит тюрьма.

— Ты думаешь, он действительно кого-то привез? — поинтересовался Тимоти Уоллес.

— Сомневаюсь. — Жук соорудил скептическую мину. — Очень ненадежный парень. Никто его всерьез не принимает.

— Но ты все же поинтересуйся, — велел Тимоти. — А то начнутся все эти проблемы: израильтяне, палестинцы, взрывы, угоны самолетов... Нам не надо, чтобы они друг друга на нашей территории убивали. Пусть делают это у себя дома.

Жук хихикнул и перешел к другим новостям.

В следующий понедельник он вновь стал рассказывать о колумбийце Оскаре Гуэро.

— Какой-то парень действительно приехал из Израиля, и Гуэро его вроде как опекает, — сообщил Жук. — Говорят, что на большого ученого парень не похож, но он точно из Израиля и вроде как скрывается. А сам Гуэро улетел в Испанию. Где-то раздобыл деньги на билет...

Тимоти Уоллес старательно занес рассказ о странном израильтянине в еженедельный отчет, не сомневаясь, что эту бумагу с грифом «секретно» ждет судьба всех остальных документов такого рода: ее пробежит глазами начальник отделения и спишет в архив.

Так бы оно, вероятно, и произошло, но один из младших сотрудников Австралийской организации безопасности и разведки искренне симпатизировал палестинцам. В студенческие годы он принадлежал к леворадикальной группе. Ничего особенно он не делал, читал размноженные на ксероксе рукописи, ожесточенно спорил с друзьями, ходил на семинары, на которых выступали левые философы из Европы.

Потом он от всех этих удовольствий отказался, чтобы не портить себе карьеру, но сохранил сочувствие к палестинцам как жертвам империалистического заговора.

Прочитав отчет Тимоти Уоллеса, он понял, что может оказать палестинцам большую услугу. Если они первыми доберутся до этого физика, который расскажет, что Израиль создает собственное ядерное оружие, это будет большим успехом в пропагандистской войне.

Он знал представителя Организации освобождения Палестины в Австралии и время от времени с ним встречался. Палестинец тоже не очень поверил в израильского физика, но все равно был благодарен за сообщение и тут же написал письмо в Тунис самому Абу Джихаду, второму человеку в Организации освобождения Палестины. Но письмо пришло слишком поздно.

Глава 6

СМЕРТЬ АБУ ДЖИХАДА

На заседании правительства Израиля министр внутренних дел доложил, что на оккупированных территориях начались столкновения палестинцев с полицией. По агентурным данным, палестинцы исполняли приказ Абу Джихада, второго человека в Организации освобождения Палестины.

— Арабы думают, что мы уже не те, что были, что мы стали слабее и глупее, — резко сказал министр обороны. — Пора доказать им, что они сильно ошибаются.

Министр без портфеля Эзер Вейцман вскинул голову.

— Попытка убрать кого-то из лидеров палестинцев только повредит нам, — с нажимом сказал он. — Она

не поможет борьбе с терроризмом, а лишь отдалит приближение мира, усилит враждебность палестинцев и делает нашу позицию более уязвимой в глазах мирового сообщества.

Эзер Вейцман был боевым летчиком и никого не боялся. Он обвел глазами своих коллег по кабинету министров и мрачно добавил:

— Одного Абу можно ликвидировать, от другого можно избавиться, но палестинскую проблему так не решишь.

Генерал-майор Амнон Шахак, начальник военной разведки, возразил Вейцману:

— Каждый, кто задумывает и проводит против нас террористические операции, делает себя мишенью для ответного удара. Таковы законы войны.

Премьер-министр Шимон Перес мрачно наблюдал за этой дискуссией. Военные давно требовали остановить Абу Джихада, который организовывал один теракт за другим. Перес был слишком опытен, чтобы не понимать, что смерть второго человека в Организации освобождения Палестины будет, как это всегда случается на Ближнем Востоке, иметь самые неожиданные и неприятные последствия.

Ликвидация Абу Джихада конечно же не остановит террор против Израиля. Абу двадцать лет неустанно создавал свою сеть на Кипре, в Европе и в странах Персидского залива. Эта сеть, обладая деньгами и связями по всему миру, подпитывает палестинское восстание на оккупированных территориях.

Зато смерть Абу Джихада, вполне возможно, укрепит позиции радикалов внутри палестинского национально-го движения, воспитает новых палестинских бойцов, которые окажутся еще опаснее, чем покойный Абу Джихад.

Словом, эта операция, возможно, породит значительно больше проблем, чем решит. Но Абу Джихад виновен в смерти детей. Любой суд, выслушав все «за» и «против», приговорил бы его к смерти.

Поэтому сказать «нет», когда генералы и разведчики пришли к нему с планом операции по уничтожению Абу Джихада, премьер-министр не мог. В этом состояло безумие ситуации.

Целую неделю Мариссель провел в открытом море. Вместе со своей группой он изучал морское дело.

Выходить в эфир им запретили, а слушать радио было некогда. Флотские инструкторы гоняли их и день и ночь. Марисселю доставалось больше других. Он был почти в два раза старше своих солдат. В двадцать лет все дается легко, а он чуть не падал с ног от усталости. Никто не делал скидки на его возраст. На катере он был старше всех по званию, но и это не имело никакого значения: он должен был делать то же, что и другие. И лучше других.

Когда тренировки закончились, катер доставил их назад в Хайфу. Они сошли или, точнее сказать, сползли на берег. Мариссель сразу обратил внимание на траурное лицо встречавшего их офицера.

О смерти Люсиль ему сообщил сам директор Моссад, которого никто не называл по имени. Директор — и все. Имя начальника разведки было государственной тайной, печатать его фотографии газетам было запрещено строго-настрого. Директор пригласил к себе Марисселя, велел никого не пускать, сел напротив и рассказал, как погибла Люсиль.

Высокий и крепкий офицер сидел прямо и смотрел куда-то сквозь своего начальника. На глазах у него были слезы. Мариссель плакал, не стесняясь. Они с Люсиль собирались пожениться. Теперь он останется один. Возможно, навсегда. При его профессии трудно встретить женщину, с которой можно связать свою жизнь.

Директор Моссад молчал очень долго. Он дал Марисселю время прийти в себя. Когда один из лучших его офицеров взял себя в руки, директор вернулся за свой письменный стол и напомнил ему о делах:

— Ты можешь приступить к делу. Через неделю-другую это предстоит сделать.

Мариссель кивнул. После нападения на школу правительство Израиля наконец-то решилось нанести ответный удар. С точки зрения Марисселя, это было более чем справедливо.

Человек, который придумал и подготовил обе кровавые операции, был им хорошо известен. Он называл себя Абу Джихад, что в переводе с арабского означало «отец

священной войны». Он жил в Тунисе, где после эвакуации из Бейрута обосновалось руководство палестинских боевых отрядов. Отец священной войны должен был ответить за смерть детей.

Передовая группа прибыла в Тунис заранее.

В пятницу три человека, которые выглядели типичными арабами, предъявив прекрасно сделанные ливанские паспорта, взяли в туристическом агентстве напрокат два микроавтобуса «фольксваген» и машину «Пежо-305». Они весело шутили и довольно улыбались в предвкушении приятного отдыха на Средиземноморском побережье.

Рассевшись по машинам, они двинулись в сторону моря. Через несколько часов прибыли в фешенебельный пригород столицы, где обитало высшее общество, подогнали машины к условленному месту и приготовились ждать.

Ждать им пришлось долго — до самой ночи.

С берега ничего не было видно, но экипаж внезапно появившегося над морем «Боинга-707» точно знал, что происходит внизу. Оснащенный безумно дорогой аппаратурой, самолет видел много больше того, что способен разглядеть человеческий глаз.

Когда окончательно стемнело, ракетный катер без опознавательных знаков спустил на воду одну за другой пять легких моторных лодок. На них разместились тридцать хорошо вооруженных бойцов. Все они были одеты в камуфляжную форму, похожую на ту, что носят солдаты тунисской армии. От тунисцев их отличала слаженность действий и молчаливость. Моторы приглушенно взревели, и лодки понеслись к пустынному берегу.

Бойцы прибыли раньше назначенного времени. Они расположились на песке и, достав сухой паек, наскоро перекусили. Они ели молча. Они столько раз проделывали эту операцию в тренировочном лагере, что обсуждать им было нечего.

В назначенный час они расселись по микроавтобусам, Мариссель, командовавший группой, сел в «пежо», и все три машины двинулись в сторону города. Они про-

ехали всего несколько километров и остановились. Машины сразу отогнали в темное место.

Командир группы приткнулся к прибору ночного видения. Он сотни раз разглядывал фотографии этой виллы и мог бы с закрытыми глазами описать здание во всех деталях. Он даже мог предположить, что именно происходит сейчас в этом белом двухэтажном доме, окруженном садом и высокой стеной.

Операция готовилась долго.

Моссад следила за Абу Джихадом пять лет, знала каждое его движение. Сведения о его доме, его привычках, его слугах и системе охраны раздобыть оказалось совсем нетрудно. Израильтяне были поражены, в какой степени этот мастер тайной войны был беспечен и уверен в своей безопасности. Он, видимо, полагал, что, пока находится на территории Туниса, ему ничто не угрожает. А ведь ему, как никому другому, следовало знать, с кем он затеял войну.

Даже известный всему миру лидер палестинцев, необыкновенно осторожный, избежавший десятки покушений на его жизнь, побывав в гостях у своего заместителя, сказал, что ему следует сменить квартиру — здесь небезопасно. Но Абу Джихад отказался покидать столь приятные места. Он только что заплатил за аренду виллы на три месяца вперед и не хотел терять деньги.

После полуночи несколько бойцов Марисселя выскользнули из микроавтобуса и перерезали все телефонные линии. Остальные по-прежнему терпеливо сидели в «фольксвагенах».

Где-то высоко над ними в ночном небе кружил «Боинг-707». Этот самолет никогда не возил пассажиров. Он был набит сложной электронной аппаратурой и мог подавить любые радиопереговоры в радиусе ста с лишним километров. Пока что его экипаж, составленный из радиооператоров высшего класса, напряженно прослушивал все разговоры, которые велись на земле. Операторы владели арабским, как родным.

В случае возникновения непредвиденных обстоятельств они должны были подать сигнал и предупредить боевую группу, чтоб она отошла в безопасное место.

Стояла жаркая и душная ночь. Ровно в час ночи у ворот виллы, построенной в испанском стиле, остановился автомобиль. Телохранитель, выскочив из него, внимательно огляделся и только потом распахнул заднюю дверцу. Из машины вышел высокий человек в белом костюме и, не оглядываясь, стремительно вошел в дом. Это был Абу Джихад. Водитель, который исполнял обязанности телохранителя, выключил двигатель, но остался в машине.

Когда Абу Джихад вошел в дом, операция началась. Из обоих «фольксвагенов» бесшумно высыпали двадцать человек.

Восемь бойцов, среди них одна женщина — симпатичная блондинка, которая, вместо автомата, держала в руке видеокамеру, проскользнули на территорию виллы. Остальные рассредоточились вокруг забора. Оба «фольксвагена» и «пежо» с двух сторон блокировали улицу.

Двое бойцов подбежали к машине Абу Джихада и застрелили шофера, который даже не успел схватиться за оружие. Второго телохранителя убили возле дверей. Путь в дом был свободен. Слуга, который столкнулся в холле с незваными гостями, тоже получил пулю и рухнул на пол. Четверо бойцов, не теряя времени, бросились по лестнице на второй этаж.

Нападавшие были вооружены автоматами с глушителем, но убивать друг друга, совсем не издавая шума, люди еще не научились.

Хозяин дома сидел в своем кабинете на втором этаже. Днем ему принесли видеокассету с записью митинга палестинцев на оккупированных территориях. Ему не терпелось просмотреть ее. Сейчас он разглядывал места, где он не был сорок лет, и людей, которые восстали для того, чтобы он мог вернуться на родину.

Главное, что Абу Джихад пронес через всю жизнь, — это ненависть к Израилю.

В 1948 году, после первой арабо-израильской войны, его семья покинула город Хайфу, в котором он родился. Его родители не захотели жить под властью еврейского правительства.

Горечь, обида, ненависть к евреям — эти чувства издавна культивировались в его семье. Во дворе дома, где они жили, найдя приют в Ливане, росло апельсиновое дерево, увешанное спелыми плодами. Как-то раз дети пытались сорвать себе по апельсину. Вдруг к ним подошла мать и очень серьезно сказала:

— Это не ваши апельсины. Ваши апельсины остались в Палестине. Здесь нам ничего не принадлежит.

С тех пор Абу Джихад никогда не ел апельсинов. Когда он просил купить ему новую одежду, мать всегда говорила, что они не могут себе этого позволить:

— У нас нет никаких прав, у нас нет ничего, потому что нашу страну захватили чужие люди.

Материнские слова определили всю его жизнь.

Теперь Абу Джихад воспитывал в том же духе своих детей, надеясь, что они продолжат его дело. Если дочь или сын просили новую игрушку, он говорил им, что все красивые игрушки остались в Палестине. Если они хотели сорвать цветок, он говорил, что их цветы растут в Палестине...

Утром Абу Джихад вернулся из Ливии. Он участвовал в секретном пятидневном совещании, которое проводил у себя лидер ливийской революции Муамар Каддафи. Своевольный и капризный Каддафи неожиданно пообещал палестинцам деньги для продолжения борьбы на оккупированных территориях.

Каддафи дал не только деньги, но и выделил места в своих тренировочных лагерях. Абу Джихад обещал собрать около двухсот молодых людей, которые могли бы немедленно приступить к занятиям. Это будет целая армия бойцов, способных нанести тяжелый удар сионистам, с гордостью думал Абу Джихад.

И в это мгновение он услышал необычный шум на лестнице. Он не колебался ни секунды. Он слишком хорошо понимал, какие гости могут так шуметь среди ночи, хотя и не верил, что они когда-нибудь посмеют сюда явиться. Он бросился в спальню за своим пистолетом.

Его жена спала вместе с их двухлетним сыном. Она проснулась, когда муж прибежал за оружием. Он даже ус-

пел один раз выстрелить, прежде чем бойцы израильского спецназа ворвались в спальню и обрушили на него град пуль.

Когда он рухнул, его жена стала кричать, чтобы они ее тоже убили. Один из бойцов направил на нее оружие, но не выстрелил.

— Ты нам не нужна, — сказал он на чистейшем арабском языке.

Проснулась и ее служанка. Они обе плакали, пока симпатичная блондинка хладнокровно снимала все происходящее на видеопленку.

Бойцы обшарили весь дом и обнаружили в одной из комнат девочку-подростка — дочь убитого хозяина.

— Ступай наверх, к матери, — услышала она слова по-арабски, обращенные к ней.

Бойцы вошли в кабинет хозяина, вывернули ящики письменного стола, вскрыли сейфы, набитые бумагами, собрали все документы, которые нашли в доме, и исчезли.

На улице они погрузились в ожидавшие их микроавтобусы и помчались к берегу. Там, бросив взятые напрокат машины, пересели на катера, которые доставили их на корабль. Было ровно четыре часа утра, как и предусматривалось планом.

По злой иронии судьбы за три года до этого сам Абу Джихад планировал аналогичную операцию: он хотел высадить ударную группу палестинцев с алжирского корабля, чтобы они проникли в Израиль и нанесли удар изнутри.

Но ему не повезло: израильский ракетный катер перехватил палестинцев еще в море.

Жена убитого Абу Джихада тщетно пыталась дозвониться до полиции, кричала в трубку, стучала по аппарату, но телефонные линии бездействовали. Тогда она схватила пистолет своего мужа и выбежала на улицу. Она стреляла в воздух и кричала срывающимся голосом:

— Помогите!

К тому времени, когда полиция подъехала к вилле, бойцы израильского спецназа были далеко от тунисского побережья. Ракетный катер военно-морских сил Израиля на полной скорости шел в сторону Хайфы.

Передав в генеральный штаб армии обороны Израиля зашифрованную телеграмму о благополучном окончании операции, загадочный «Боинг-707» растаял в ночном небе. Самолет радиоэлектронной разведки военно-воздушных сил Израиля не только прикрывал оперативную группу, но и обеспечивал связь между самой группой, подразделением поддержки, которое ожидало бойцов на побережье, ракетным катером и генеральным штабом.

Разрешение уничтожить Абу Джихада мог дать только премьер-министр. Он, сколько мог, откладывал решение из опасения, что убийство Абу Джихада повлечет за собой ответную акцию против израильтян и, кроме того, повредит репутации Израиля. Остальные члены кабинета министров узнали о предстоящей операции только за несколько часов до ее осуществления. Кабинет одобрил совместный замысел разведки и военных.

Командовал операцией Мариссель. В день операции ему самому исполнилось сорок лет. Крепкий, тренированный, он легко перенес напряжение, от которого другие седеют и стареют на глазах.

Когда ракетный катер с оперативной группой подходил к Хайфе, из полицейского участка в секторе Газа отпустили одного палестинца. Его выпустили так же неожиданно, как и арестовали.

Он был известным юристом и весьма уважаемым человеком, который старался не конфликтовать с оккупационными властями. Израильтяне ничего против него не имели. И тем не менее накануне вечером в его дом вошел наряд полиции. Его посадили в машину и увезли.

Его не допрашивали и вообще не проявляли к нему никакого интереса, только глаз с него не спускали, а потом отпустили без объяснений.

Мариссель не знал, что израильская контрразведка на свой лад постаралась помочь его оперативной группе. Палестинского юриста взяли в заложники на тот случай, если операция провалится и кого-то из израильтян схватят. Палестинца отпустили после того, как все участники операции вернулись домой благополучно.

Почему в заложники взяли именно его? Потому что мишенью операции был его двоюродный брат, который сам себя называл Абу Джихад — отец священной войны.

Абу Джихад был самым умным, если не сказать — гениальным, террористом. Он вместе с Ясиром Арафатом учился в школе в Египте. Доверие Арафата и очевидные организаторские способности сделали его человеком номер два в палестинском движении: он руководил всеми военными и разведывательными операциями.

В общей сложности в его подчинении было одиннадцать тысяч человек. И он же контролировал финансовую империю палестинцев, которая распоряжалась более чем миллиардом долларов.

Он единственный знал детали всех финансовых операций палестинцев, которые владели пакетами акций, газетными компаниями, пароходными линиями, фермами и успешно занимались операциями по отмыванию денег. Найденные в сейфах Абу Джихада документы открыли израильтянам тайные источники финансирования палестинских боевых операций.

Абу Джихада собирались похоронить в Иордании, поближе к его родным местам. Но иорданский король Хусейн не хотел, чтобы похороны привели к манифестациям среди палестинцев, которые составляют две трети населения Иордании. Тогда решили, что Абу Джихад будет похоронен в Сирии, поскольку его родители жили в Дамаске.

Гроб с его телом обернули в палестинский флаг и погрузили на грузовик, украшенный увеличенной фотографией Абу Джихада и цветами. Выстроилась целая кавалькада машин, но потом гроб сняли с машины, и палестинцы несли гроб на руках до самого кладбища мучеников.

Когда гроб опустили в могилу, палестинцы в красных беретах выпустили в небо залп из автоматов. Мужчины кричали:

— Мы отомстим за твою кровь, наш мученик!

Палестинские женщины плакали:

— Мы будем вскармливать наших младенцев молоком ненависти.

Через неделю в центре Иерусалима взорвалась бомба. Худшие предположения Шимона Переса оправдались.

Глава 7

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ГОВОРИТ «ДА»

Письмо, отправленное в штаб-квартиру палестинцев в Тунисе из Австралии, опоздало. Пока конверт везли через полмира, Абу Джихада убили.

После нападения на его виллу были приняты драконовские меры безопасности. Видных руководителей палестинского движения переселили в новые дома, их охраняли круглые сутки. Палестинская контрразведка искала в своих рядах предателей, которые помогли израильтянам выследить Абу Джихада.

Палестинцам в Тунисе было не до странного еврея, который бежал из Израиля в Австралию. Все знают, что у Израиля есть ядерное оружие, а доказательств нет ни у кого. Какой толк может быть от этого полоумного техника?

Зато обосновавшийся в Тунисе агент израильской разведки, у которого был служебный роман с девушкой, работавшей в штаб-квартире палестинцев, сообщил в Моссад, что палестинцы вступили в контакт с неизвестным израильтянином.

Ничего определенного агент разузнать не смог, но, по его сведениям, сбежавший из страны израильтянин обитал в Австралии и что-то знал о ядерном оружии.

В Австралии Вануну нашел себе работу — водителем такси. Однажды вечером, прогуливаясь по Кросс-стрит, улице развлечений, Вануну увидел кафе при церкви. Огни горели, двери были открыты. Он вошел. Это была пятница, вечер. Он подошел к священнику Макнайту и рассказал, что он из Израиля и интересуется христианством.

Вануну стал часто приходиться в кафе. Ему нравилась классическая музыка и люди, собиравшиеся в кафе. Через два месяца он попросил его крестить.

Вануну стал наравне с другими участвовать в дискуссиях о христианской морали, и тогда-то он впервые поведал новым друзьям о том, что участвовал в создании ядерного оружия. Он показывал посетителям кафе слайды, снятые в Димоне, но тамошняя публика не очень понимала, что все это такое.

В этой церковной группе был колумбийский журналист Оскар Гуэро. Он-то сразу оценил историю Вануну. Гуэро переживал трудные времена. Он подумал, что на фотографиях, сделанных Вануну, можно заработать.

Сначала Гуэро пошел в местную газету «Сидней морнинг геральд» и показал австралийцам фотографии, но он сам выглядел так подозрительно, что ему дали от ворот поворот. Тогда Гуэро решил, что дело иметь можно только с европейцами.

Корреспондент британской газеты «Санди таймс» в Мадриде был в высшей степени скептически настроенным молодым человеком. Колумбийский журналист Оскар Гуэро с первого взгляда вызвал у него неприязнь. Англичанин не поверил ни единому слову Гуэро, когда тот в деталях рассказывал фантастическую историю о том, как он в одиночку, обманув знаменитую Моссад, вывез из Израиля крупнейшего физика и укрыл его в Австралии.

Колумбиец намеревался продать эту историю за большие деньги, но англичанин ничего не хотел платить, тем более за явную липу.

Лишенный комплексов Гуэро не терял надежды. Он приходил вновь и вновь, с латиноамериканским темпераментом рассказывая все новые детали и стараясь убедить англичанина, что тот должен, как минимум, оплатить его, Гуэро, поездку в Лондон. Гуэро верил, что руководители газеты сразу поймут, какую сенсацию он предлагает «Санди таймс».

Англичанин разговаривал с колумбийцем все более пренебрежительно, пока тот однажды не принес несколько

цветных фотографий. На фотографиях были изображены модели ядерных бомб и какое-то здание.

Гуэро утверждал, что израильтянин сделал эти снимки в самом центре ядерных исследований. Чтобы избавиться, наконец, от надоедливого колумбийца, корреспондент отправил фотографии скоростной почтой в Лондон. Через несколько дней ему позвонил взволнованный редактор отдела расследований.

— Две фотографии из тех, что ты нам прислал, возможно, подлинные, — сказал он. — Что это за таинственный израильтянин и как бы до него побыстрее добраться?

Отчеты Тимоти Уоллеса из сиднейского отделения австралийской контрразведки были доставлены в Канберру, в центральный аппарат. Поскольку речь шла об израильском физике, то есть иностранном гражданине, то оповестили разведывательные службы союзников — Англии и США, а в более коротком виде с этой информацией ознакомили разведки всех стран — членов НАТО.

Постепенно информация об израильском физике добралась до ближневосточного отдела директората разведки ЦРУ. Дежурный аналитик прочитал ее безо всякого интереса и отправил в архив. Разговоры о том, что Израиль создает или уже создал собственное ядерное оружие, велись с незапамятных времен. Аналитик исходил из того, что так оно, скорее всего, и есть. Но его заинтересовали бы только какие-нибудь факты, а не фантастические истории нищего колумбийского журналиста.

В ЦРУ точно знали, что ни один израильский физик, предположительно работавший над ядерным проектом, из страны не уезжал.

В службе информации НАТО работал агент советской разведки. Он был немцем, завербованным еще тогда, когда служил в бундесвере. Он собирал по крупицам все, что могло бы заинтересовать советских друзей, которые платили ему регулярно и щедро. Еще несколько лет работы, думал он, и мысль о пенсии перестанет казаться ужасной.

Среди вороха другой информации он принес на очередную встречу со своим куратором из советской разведки и сообщение об израильском физике.

— Отправь это в Москву, — равнодушно сказал заместитель советского резидента в Брюсселе, возглавлявший линию политической разведки и оценивавший материалы, полученные от нелегальной агентуры. — Скорее всего, это пустой номер, но вдруг кому-то пригодится.

В Москве, в здании советской разведки, куратор натовского направления, который расписывал по отделам шифровки, поступавшие от резидентуры в Брюсселе, передал сообщение об израильском физике в управление «А».

Так называлась служба «активных мероприятий»: ее задача состояла в том, чтобы распространять в мировых средствах массовой информации всякого рода дезинформацию. Израильская ядерная бомба была хорошей темой для пропагандистской кампании против агрессивного сионистского режима и его американских покровителей.

Оперативной ценности сообщение об израильском физике не представляло. Никто в КГБ не верил в то, что сообщение может быть подлинным. Когда-то советская разведка помогла своим ученым создать ядерное оружие, и она знала, что атомные секреты на дороге не валяются.

История бегства атомщика из Израиля показалась журналистам в британской газете «Санди таймс» фальшивкой. Особенно портил дело неизвестно откуда появившийся колумбиец Оскар Гуэро. Он и сам по себе производил какое-то ненадежное впечатление, а уж его красочный рассказ о том, как он похитил физика и вывез его из Израиля, окончательно портил дело.

На большинстве полученных от него фотографий были изображены ядерные бомбы, но специалисты сразу сказали, что это всего лишь макеты, которые изготавливают для военных музеев или специальных учебных заведений.

Но несколько фотографий производили впечатление подлинных. Журналисты из «Санди таймс» показали снимки физикам, побывавшим в Израиле, и те ска-

зали, что это действительно израильский ядерный центр, расположенный неподалеку от города Димона. Но снимки сделаны с необычно близкого ракурса, не с дороги, а с территории самого центра. Как минимум, это означало, что снимавший находился внутри центра.

Фотографии — весомый аргумент. В газете были заинтригованы. Кем бы ни оказался снимавший, с ним стоило поговорить. Газета отправила репортера из отдела расследований Питера Ноула, который в студенческие годы изучал физику, в Австралию — поговорить с загадочным израильтянином. Билет в Австралию стоил дорого, но, если получится интересный материал, расходы оправдаются.

Когда английский репортер нашел израильтянина в Сиднее, все стало на свои места. Вануну честно сказал, что он не ученый, что он не бежал из Израиля, а с Гуэро познакомился в Сиднее, где искал себе работу. Но израильтянин действительно работал в ядерном центре в Димоне и твердо стоял на этом. Воспользовавшись халатностью охраны, он сделал множество снимков, в том числе сфотографировал различные модели ядерного оружия, которые он обнаружил в подвале.

Он вывез с собой и другие снимки ядерного центра, всего около шестидесяти, сказал Вануну. Он готов отдать их английской газете и все рассказать, если то, что он расскажет, будет опубликовано.

Знакомство состоялось в спальне Гуэро. Вануну встретил англичанина испуганный и взволнованный. Он не знал, можно ли доверять журналисту, не агент ли он Моссад?

С тех пор как Мордехай Вануну стал рассказывать о Димоне, в его сердце поселился страх. Он боялся, что им может заинтересоваться Моссад. Как и абсолютному большинству израильтян, ему мало что было известно о Моссад. А то, что он знал, было мифами и преданиями.

Вануну и не подозревал, что Моссад давно вмешалась в его судьбу — в тот момент, когда родители привезли маленького Мотти в Израиль. Если бы не Моссад, Вануну так и остался бы в Марокко. Но тогда он находился под защитой Моссад. Теперь Моссад стала его врагом.

С Питером они быстро поладили. Вануну многое рассказал о Димоне и показал не только фотографии, но и двадцать с лишним слайдов, которые он сделал внутри объекта.

Питер Ноул сразу понял, что Гуэро хотел просто заработать денег на этой истории. А Вануну говорил, что он желает рассказать правду из политических соображений. Особенно тяжело на него подействовало вторжение израильской армии в Ливан в 1982 году. Это был поворотный момент. Он разочаровался в Израиле.

Именно тогда Вануну занялся политикой. Он участвовал в движении, которое помогало солдатам, отказавшимся служить в Ливане. Одновременно Вануну задумался над тем, что он сам участвует в создании оружия массового уничтожения.

За два года до увольнения из ядерного центра он стал изучать философию в университете имени Бен-Гуриона в Беер-Шебе, рядом с домом. Там он участвовал в политических дискуссиях и демонстрациях. Он часто общался с палестинскими студентами с оккупированного Западного берега реки Иордан. Он принял их точку зрения.

Его новые политические интересы не остались незамеченными на работе. Его пригласили на профилактическую беседу в местном отделении службы безопасности Шин-Бет. Ему рекомендовали держаться подальше от радикально настроенных палестинцев.

Питер Ноул с изумлением услышал рассказ о том, как Вануну пронес на тщательно охраняемый объект фотокамеру и в свободную минуту снимал то, что происходило внутри.

Когда администрация в Димоне объявила, что предстоят сокращения — по финансовым соображениям нужно уволить сто восемьдесят человек, — Вануну сам предложил отделу кадров свою кандидатуру. Его уволили с выплатой всех положенных видов вознаграждения. Он зарегистрировался на бирже труда как безработный, а сам продал квартиру, снял с банковского счета сбережения и через два месяца отправился за границу.

Он рассказал англичанину о своих поездках в Таиланд и Непал, где он перешел в буддизм и несколько недель

провел в буддийском монастыре. Он не скрыл, что в Катманду он ходил в советское посольство и предлагал фотографии русским. Но русские ему не поверили. Через несколько дней Вануну уехал из Катманду и отправился в Австралию.

На вопросы, которые его мучили, он не нашел ответа ни у буддийских монахов в Непале, ни в христианской общине Сиднея. Он не мог найти себе места на земле и одновременно желал помогать всему человечеству, только не знал как. Вануну был беженцем и одновременно пилигримом. Слишком наивен и прямодушен — довольно необычное сочетание для человека, который намерен раскрыть миру высший государственный секрет своей страны, подумал тогда англичанин.

Питер Ноул вернулся из Сиднея обнадеженным. Возможно, им в руки сама шла настоящая сенсация, только ее следовало хорошенько подготовить. Редактор отдела расследований «Санди таймс» сразу же отрядил его еще и в Израиль, чтобы побольше узнать о Вануну. Прежде всего надо было проверить, действительно ли он тот, за кого себя выдает.

В кабинете начальника израильской службы безопасности Шин-Бет было тихо и светло. Но никто из присутствовавших на совещании не радовался ни тишине, ни хорошей погоде. Грозовые облака уже сгустились, и они ждали, когда сверкнет молния и грянет гром.

Докладная записка старого Зеева была первым штормовым предупреждением. Главные неприятности их ожидали впереди. Никому не известный Мордехай Вануну, который работал в ядерном центре в Димоне рядовым техником, уехал за границу конечно же не для того, чтобы путешествовать и отдыхать. Он намеревался торговать ядерными секретами Израйля.

Когда Шин-Бет стало известно, что прилетевший из Англии журналист разыскивает родственников и друзей бывшего сотрудника центра ядерных исследований в Димоне, руководители службы безопасности поняли, что им придется ответить за прокол с Вануну.

Раз беглецом заинтересовались иностранные журналисты, значит, скоро начнется громкий скандал. Накануне выборов такой скандал — лучший подарок для оппозиции, поэтому правительство жестоко посчитается с теми, кто подпортил шансы правящей партии на победу.

Начальник Шин-Бет отправился с докладом к премьер-министру. Его подчиненные опасались, что, возможно, он вернется из канцелярии главы правительства уже не руководителем контрразведки, а простым пенсионером, соберет свои вещи и навсегда покинет это здание. Но обошлось.

После начальника Шин-Бет к премьер-министру вызвали директора Моссад, но он чувствовал себя значительно увереннее: разведка в этом деле невиновна.

Начальник разведки сам составил для премьер-министра подробную справку о том, как Шин-Бет прощляпила отъезд некоего Мордехая Вануну из страны и как бывший техник в конечном счете связался с британскими журналистами. Приятно признавать провалы коллег.

Но начальник разведки не знал, каким будет решение премьер-министра.

Глава правительства Израиля Шимон Перес был умницей. Возможно, он был самым умным человеком на этом посту за всю историю страны. Но на выборах ему не везло. Как шутили его друзья, за интеллигентных и либеральных евреев не голосуют даже в Израиле.

Переса считали нерешительным и недостаточно жестким. Возможно, именно поэтому иногда Перес принимал слишком жесткие решения. Он словно хотел всем доказать, что способен и на такое.

Немалую часть своей взрослой жизни Шимон Перес проработал в министерстве обороны, но при этом он оставался сугубо штатским человеком. Отсутствие погон ему здорово вредило.

Почти все его политические враги и соперники были отставными военными, участниками борьбы за независимость, синайской кампании, шестидневной или йом-кипурской войн. Героический ореол помогал им побеждать на выборах. А Переса неизменно упрекали в том, что он сам никогда не воевал.

У него было много противников. Бывший заместитель премьер-министра Игал Аллон не упускал случая язвительно пройти по адресу Переса:

— Наш замечательный Перес всегда так занят, что во время освободительной войны мне ни разу не удалось его увидеть ни в окопах, ни на поле боя.

Перес злился, но вынужден был молчать. Игал Аллон взялся за оружие тогда, когда еще не было Израиля. Он учился военному делу в подпольных боевых отрядах Хаганы, отличился в первой арабо-израильской войне 1948 года, быстро стал генералом и командовал южным военным округом.

Шимон Перес втайне считал, что принес стране много больше пользы, чем Игал Аллон, но военной формы он действительно никогда не носил, о чем часто сожалел. Военное прошлое позволяло другим политикам принимать любые, самые непопулярные решения: им все прощалось. А либеральная линия Переса вызывала у многих сомнения.

Шимон Перес родился в Польше. Семья эмигрировала в Палестину в 1934 году. Шимон стал работать в киббуце Алумот. Он рано увлекся политикой, в восемнадцать лет уже занял заметный пост в движении «Трудящаяся молодежь». В двадцать три года его избрали делегатом на сионистский конгресс в Базеле. Это было очень почетно и сыграло роль стартовой площадки в будущей карьере.

Когда Государство Израиль было создано, будущего премьер-министра страны Леви Эшкола назначили генеральным директором министерства обороны: в маленькой стране все толковые и образованные люди были наперечет, и каждому находилась работа. Леви Эшкол вспомнил об организационных талантах молодого партийного работника и сделал Шимона Переса своим помощником.

Когда Перес попал в министерство, на него обратил внимание сам первый премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, который по совместительству исполнял и обязанности министра обороны. Он послал двадцатисемилетнего Шимона Переса в Америку покупать оружие. Перес достойно справился с задачей.

В 1952 году, вернувшись из Соединенных Штатов, он занял место Эшкола, который уже покинул военное ведомство. Фактически, Перес стал человеком номер два в министерстве обороны.

В армии Израиля военные были отделены от гражданских. Начальник генерального штаба командовал армией, а генеральный директор занимался вооружением и снабжением армии. Оба они подчинялись министру обороны, которым был сам Бен-Гурион, и не лезли в дела друг друга.

Именно Шимон Перес и создавал военно-промышленный комплекс Израиля. Перес распределял больше половины расходной части бюджета, и к нему прислушивалась вся промышленность Израиля, которая получала оборонные заказы.

Он создавал предприятия, в которых половина акций принадлежала государству, а половина частному капиталу. Это позволяло акционерам хорошо зарабатывать, а государству держать военную промышленность под контролем. Смешанные компании первыми стали разрабатывать в интересах армии новейшие технологии.

На первых порах главной задачей Переса была закупка вооружений за рубежом. Но необходимость полагаться на импорт приводила к неприятным сюрпризам, если иностранный продавец вдруг отказывался отгружать уже оплаченное оружие или оговаривал продолжение поставок политическими условиями.

Шимон Перес считал, что Израиль должен взять за образец Швецию, которая обзавелась военной промышленностью, полностью обеспечивающей ее потребности. Под давлением Переса израильское правительство, вслед за шведским, стало тратить половину своего военного бюджета на разработку, производство и покупку оружия.

Перес был счастлив, когда Израиль начал движение по шведскому пути. Произошло это в середине 50-х годов, когда израильская промышленность выпустила свой первый реактивный самолет. Это был не боевой, а всего лишь учебный самолет, но и он состоял из двадцати семи тысяч деталей (боевой реактивный самолет состо-

ит из восьмидесяти тысяч деталей), которые производились израильской промышленностью.

Заслуги Переса не остались незамеченными. Его избрали депутатом кнессета и повысили — назначили заместителем министра обороны. Обязанности остались прежними, но название должности было приятнее: заместитель министра звучит лучше, чем генеральный секретарь министерства.

— Что тебе известно об этом человеке? — спокойно спросил Шимон Перес у директора Моссад: в Израиле почти все обращались друг к другу на «ты».

Директор Моссад говорил по-военному коротко:

— Его зовут Мордехай Вануну. Родился в Марокко. Вырос в ортодоксальной семье. Высшего образования не получил. Работал в Димоне. Не женат. Говорят, человек со странностями. Вступил в коммунистическую партию, высказывался в защиту прав палестинцев и считал, что они должны получить свое государство. Видимо, ему удалось пронести на территорию центра в Димоне фотоаппарат и сделать несколько снимков. В прошлом ноябре он попал под сокращение. Уехал за границу. В настоящее время находится в Австралии.

Начальник разведки замолчал и выжидающе уставился на премьер-министра.

— Что он собирается делать, как ты полагаешь? — произнес Перес.

— У нас не было с ним прямых контактов, — честно ответил начальник разведки. — В Шин-Бет полагают, что Вануну пойдет к русским или к арабам. Но я полагаю, что он постарается продать свою историю в газеты. Он думает, что ему хорошо заплатят.

Премьер-министр знал, что задавать вопросы о будущем самое пустое дело. Перес любил повторять слова своего наставника Бен-Гуриона: все специалисты являются специалистами в том, что уже было. Нет специалистов в том, что будет.

— Если мы попытаемся его остановить, — сказал Перес, — все решат, что у нас конечно же есть ядерное

оружие, поэтому мы пытаемся заткнуть рот этому Вануну.

— Но ты же понимаешь, что нельзя позволить ему говорить все это, — промолвил осторожно начальник разведки. — Во-первых, болтовня о Димоне нанесет нам ущерб в мировом общественном мнении. Во-вторых, если Вануну это сойдет с рук, то и другие решат, что можно безнаказанно нарушать закон.

После короткой паузы начальник разведки добавил:

— Самое разумное — предупредить появление интервью с ним. Мы можем это сделать.

Начальника разведки никто не тянул за язык. Но он понимал, что премьер-министр вызвал его не для того, чтобы просто обменяться мнениями. Для пустой болтовни у Переса полно советников с профессорскими степенями, которые сами мало чего умеют, зато неустанно поучают других. От начальника разведки премьер-министр вправе ожидать деловых предложений.

Перес понял, что имеет в виду начальник разведки. Если правительство примет решение, что этот человек представляет особую опасность для государства, специальные службы что-то предпримут. Так уже не раз поступали с главарями террористических групп, которые отличались особой кровожадностью.

— Если с ним что-то случится, — заметил Перес, — это будет лучшим подтверждением правоты его обвинений.

— А если мы позволим ему говорить, все решат, что мы слабы, — откликнулся начальник разведки. — Мы не можем проявлять слабость. Нас просто заклюют.

Начальник политической разведки в молодости служил в десантных частях особого назначения. Он принадлежал к военному истеблишменту, который подозрительно наблюдал за всеми действиями слишком уж либерального Переса. Если премьер-министр не отдаст приказа относительно Вануну, это припомнят Пересу на выборах.

Премьер-министр Шимон Перес был очень умен, но старался не пугать этим собеседников. Всем было известно, что он спокоен, выдержан, владеет собой и почти всегда умудряется добиваться своего.

Перес вспомнил еще одно любимое изречение покойного Бен-Гуриона: «Важно то, что ты делаешь, а не то, что ты говоришь». Если он сейчас не прикажет действовать, это произведет плохое впечатление на страну. Перес не может себе такого позволить. Нельзя пренебрегать мнением военных. Но отдавать приказ о ликвидации Мордехая Вануну премьер-министр не хотел.

— Ты прав, — задумчиво сказал Перес. — Этот человек должен предстать перед израильским судом. Он дал подписку о неразглашении секретных материалов и нарушил ее. Следовательно, он совершил тяжкое преступление и должен быть наказан по закону.

Начальник разведки конечно же прекрасно понял своего премьер-министра. Перес фактически запретил ликвидацию Вануну. Но ведь невозможно сделать так, чтобы Вануну предстал перед израильским судом.

По своей воле Вануну никогда не вернется в Израиль. Может быть, он и человек со странностями, но не такой же идиот, чтобы добровольно сунуть голову в петлю. А украсть человека, о котором вот-вот заговорит весь мир, и насильно вернуть в Израиль — это же затея, заведомо обреченная на неудачу. Как только в западных газетах появится первое интервью с Вануну, австралийская полиция с него глаз не спустит.

Премьер-министр поставил Моссад в дурацкое положение, думал начальник разведки. А все из-за того, что Шимон Перес терпеть не может специальные службы.

Приказ премьер-министра тем не менее должен быть исполнен, хотя непонятно, как именно. Директор Моссад решил, что он все-таки будет готовить ликвидацию Вануну. Может быть, ближе к выборам премьер-министр станет решительнее.

Директор Моссад задумался над тем, кому же поручить эту операцию. Людей мало, и все заняты.

После смерти Люсиль ее подруга Черил Бен-Тов находилась в ужасном состоянии. Психиатр посоветовал ей отдохнуть и сменить обстановку. Она поселилась в маленькой гостинице у Мертвого моря, регулярно ходи-

ла на прописанные врачом процедуры. Легче ей не становилось.

О Черил вспомнил Мариссель, когда после разговора с директором Моссад стал подбирать себе группу.

По его мнению, красивая блондинка Черил была самым подходящим человеком для новой операции. Мариссель показал ее фотографии начальнику отдела Дову Тайберу. Тот согласился: по внешним данным она подходила идеально. Но способна ли она работать на разведку, тем более в таком состоянии?

Дов Тайбер посоветовал Марисселю, пока не поздно, поискать кого-нибудь другого. Черил, сказал он, разумнее отправить домой, в Соединенные Штаты. Пусть вернется к родителям и проживет нормально хотя бы год-другой. Если потом захочет вернуться, дело ей найдется.

Но Мариссель, один из самых уважаемых оперативных офицеров Моссад, уговорил его не торопиться.

— Она просто нуждается в психологической подготовке, — сказал Мариссель.

— А нас с тобой готовили? — Тайбер явно был не в духе.

— Мы с тобой родились в Израиле и с первых дней знали, что сражаемся за свою жизнь. А она родилась в благополучной Америке. С какой стати ей здесь умирать? — резко сказал Мариссель.

Мариссель только что благополучно выполнил опасное задание. Его принял не только директор Моссад, но и министр обороны и поздравил с успехом. Дов Тайбер чувствовал себя в долгу перед Марисселем и не стал с ним спорить.

В первый же свободный день Мариссель съездил на Мертвое море и поговорил с девушкой. Вернувшись, он зашел к Тайберу:

— Я все-таки попробую поработать с ней.

В обычной ситуации, возможно, Дов Тайбер настоял бы на своем. Если бы не история с беглым техником Вануну.

— Что ты собираешься делать? — спросил Тайбер.

— Я должен съездить к отцу Люсиль в Германию. Я возьму Черил с собой, присмотрюсь к ней.

Дов Тайер пожал плечами:

— Дело твое, но помни, что у тебя очень мало времени.

Мариссель вновь поехал к Черил:

— Мы едем с тобой отдыхать в Европу.

Черил смотрела на ровную поверхность Мертвого моря. Она тихо сказала:

— Ты это заслужил.

— Мы оба заслужили отдых, — мягко поправил ее Мариссель.

Черил взяла его за руку и внимательно посмотрела ему в глаза:

— Тебе от меня что-то нужно. Верно?

Мариссель мог бы легко соврать. Это было частью профессии. Но ему не хотелось начинать с вранья. Он промолчал. Черил и не требовала от него ответа. В определенном смысле она конечно же все еще была наивной девушкой, но не до такой же степени!..

Часть вторая

УБИЙСТВО ИЗ МИЛОСЕРДИЯ

Глава 8

ПОЧЕМУ ВЫ ВЕРНУЛИСЬ?

Федеральные железные дороги исправно выполняли свой долг перед пассажирами. На вокзальных электронных часах не успели выскочить кругленькие цифры 15.25, как дневной поезд, неслышно появившийся из-за поворота, замер на привычном месте у платформы. Двери раздвинулись.

Лотар Эдер выбрался из-под козырька билетной кассы, вежливо прекратив затянувшуюся беседу с кассиром, и, раскрыв зонтик, двинулся к пятому вагону. Он никогда прежде не видел своих гостей, но проблем не возникло. Озабоченно посматривая на небо, на платформу сошли всего двое. Высокий мужчина держал в руках чемодан и дорожную сумку. Светловолосая девушка, прикрывшись от дождя газетой, озиралась по сторонам.

Эдер поспешил к ним:

— Госпожа Бен-Тов и господин Мариссель?

Девушка улыбнулась, мужчина подал ему руку. Эдер пытался подхватить хотя бы сумку, но Мариссель не мог принять эту услугу. Тогда Эдер счел долгом хозяина уберечь непокрытую голову гостьи от дождя. Он раскрыл над ней зонтик, зато сам промок до нитки.

Они сошли вниз по бетонным ступенькам. Вдоль железной дороги шло шоссе, которое метрах в пятистах от

станции поворачивало вправо. Чемодан и сумка гостей с трудом поместились в багажнике малолитражки Эдера. Эдер включил «дворники» и уверенно повел машину. Дорога огибала поле, ныряя в лес, и потом уже вытягивалась в поселок. По обе стороны мелькали в окружении цветников и газонов двух-трехэтажные домики, казалось построенные по одному проекту.

Когда глаза Марисселя останавливались на одном из таких домиков, он был готов поклясться, что десять минут назад видел точно такой же.

Жилище Эдера, к счастью, не выходило на главную магистраль. Он свернул в узкий просвет между домами, и еще минут десять они ехали по узкому проселку. Мариссель увидел озеро, церковь и кладбище. Дома здесь были разнообразнее, участки побольше.

Эдер остановился возле большой сосны. На его участке не было цветов, только хорошо стриженная густая трава и кустарник.

Мариссель втащил вещи в дом, Черил остановилась перед зеркалом, стряхивая с волос капельки воды.

— Наверху у меня две комнаты, бывшие детские, — объяснил Эдер. — Они в вашем распоряжении. Хотите принять душ — ванная комната напротив, сейчас зажгу газовую колонку. И приготовлю что-нибудь поесть.

Мариссель покачал головой.

— Я не голодна, — сказала Черил.

— От чая вы не откажетесь, — уверенно заключил Эдер.

Черил выбрала себе комнату посветлее. Марисселю досталась комната с видом на вековую сосну. Дом по ту сторону дороги был скрыт цветущими яблонями. Мариссель расстегнул сумку и выложил на кровать аккуратно сложенные рубашки и легкие светлые брюки.

В неглубоком стенном шкафу висели мужские вещи — застиранный вельветовый комбинезон, старая кожаная куртка. Видимо, он расположился в комнате, где прежде жил сын Эдера.

Мариссель быстро умылся и спустился вниз. Черил еще переодевалась. В кухне с занавешенными окнами умело хозяйничал Эдер. В большом прозрачном чайни-

ке он заварил чай непривычной для Марисселя крепости. Из микроволновой печи достал пирог с корицей.

Эдер стащил с себя куртку и остался в одной рубашке. Теперь Мариссель мог повнимательнее его рассмотреть. Крупная голова увенчивалась короткой седой шевелюрой. Излишне полный, с двойным подбородком, под глазами мешки. Но производил он впечатление бодрого, жизнерадостного человека.

— Я заметил, ваш дом находится в прекрасном районе. Наверное, он вам дорого обошелся?

Эдер покачал головой. Он быстро нарезал пирог, поставил на столе чашки, блюдца и ловко пресек попытку Марисселя помочь. Чайная посуда у Эдера была особенная — явно купленная не в магазине, изумительной работы какого-то мастера.

— Мы купили участок сразу после войны, — объяснил Эдер, — тогда поселка не существовало. У нас были полноценные швейцарские франки. На них в те годы можно было приобрести все, что угодно. А через двадцать лет это местечко у озера облюбовали те, кто преуспел в эпоху экономического чуда, и мы оказались здесь белыми воронами, чужаками. На нас посматривали с вежливым удивлением: вы-то сюда как попали?

— Ваша жена?..

— Она умерла еще совсем молодой, перед этим долго болела.

— Мне очень жаль...

Эдер сделал предупреждающий жест рукой:

— Я давно сжился с этим горем. Я вообще оказался на редкость стойким, хотя маме в детстве моя будущность виделась в самом черном свете. Она боялась, что я расту не подготовленным к житейским невзгодам и испытаниям. Но вот я как раз умудрился через все страшные годы пройти практически без потерь. А вот уже в благополучные времена лишился и жены, и дочери.

— Мне очень жаль, — повторил Мариссель. — Я надеялся, что наш приезд поможет вам рассеяться, а получается наоборот.

Наступила неловкая пауза. Мариссель вертел в руках чашку. Глаза Эдера увлажнились.

— Ваши вопросы никоим образом мне не досаждают, — сказал он. — Здесь я чувствую себя достаточно одиноко и рад возможности поговорить.

— Почему ваш сын не захотел жить с вами?

— Когда мы вернулись сюда после войны, он уже был взрослым юношей. Ему было шестнадцать лет, и пять из них он провел вне Германии, в эмиграции. Он совсем не чувствовал себя немцем. Эта страна осталась для него чужой. Я помню, мы обедали в привокзальном ресторане. Несмотря ни на что, мы с женой испытывали некие ностальгические чувства, с сочувствием смотрели на обедневших и почти голодающих людей. За соседним столиком обедала какая-то пара. К ним подошли дети. В костюмах, галстуках, они приветствовали своих родителей по-военному четким поклоном, шелкнули каблуками. Словом, они вели себя так, как должны поступать добропорядочные немецкие дети. Но для нашего сына это было дико. Он уехал в Англию, закончил университет и остался в Лондоне.

— Почему он не поехал в Швейцарию?

— Собственно говоря, в Швейцарии у нас никаких корней не осталось. Родственники жены умерли. В сорок первом мы бежали в Швейцарию, потому что у нас не было иного выбора. Я не хотел, чтобы меня призвали в вермахт и отправили на Восточный фронт, и предпочел удрать от призывной комиссии. По тем временам мы прекрасно жили в Швейцарии, но никогда не считали, что останемся там навсегда.

— А ваша жена? Ведь для нее Швейцария была родиной. Неужели и она хотела вернуться в Германию?

— Она была швейцаркой только по рождению и — к счастью для меня — по паспорту. Она с десяти лет жила в Германии, в Кельне.

Наконец спустилась и Черил. Она надела джинсы и свободную блузку с короткими рукавами. Косметики на ней был минимум.

Эдер налил ей чая и отвалил огромный кусок пирога. Черил сделала большие глаза, но отказываться не стала. Она отщипнула кусочек и одобрила пирог.

— Так вы дружили с моей дочерью? — спросил Эдер.

На глаза Черил навернулись слезы.

— Мы познакомились в школе, работали вместе и подружились. Люсиль была замечательной девушкой.

— Да, она тоже рано нас покинула, — вздохнул Эдер, — хотя мы с женой были уверены, что уж дочка-то останется с нами. Она была таким домашним ребенком, прекрасно играла на рояле. Мы думали, что она станет профессиональным музыкантом. Но и ей не нравилось в Федеративной Республике. Она имела право на швейцарский паспорт, получила его и поехала в Израиль, чтобы искупать вину немцев перед евреями. Соседи здесь, наверное, считают ее дурочкой.

Кухня в доме Эдера соединялась с небольшой гостиной, обставленной очень скромно: простая деревянная мебель, проигрыватель компакт-дисков, большой телевизор. На полу, на столике, на буфете — везде стояли оригинально вылепленные глиняные вазы. Мариссель взял одну из них в руки.

— Память о жене, — объяснил Эдер. — Когда мы здесь поселились, она сама вылепила всю кухонную утварь: приходилось экономить каждый пфенниг. А потом уже лепила ради собственного удовольствия. Она преподавала в школе рисование, со способными детишками занималась и лепкой.

Черил забралась в большое кожаное кресло с ногами. Теперь она совсем походила на маленькую девочку. Мариссель невольно ею залюбовался. А Эдер продолжал рассказывать. Он был рад, что ему, наконец-то, есть с кем поговорить.

— Я тоже работал в этой школе. Некоторое время даже был директором. Знаете, после войны возникли трудности с кадрами. Оккупационные власти приказали убрать большинство директоров, поскольку они состояли в нацистской партии и воспитывали детей в духе верности фюреру. Это называлось денацификацией. Меня окружное начальство сочло персоной грата: с нацистами не связан, но и не коммунист, не левый. Семь лет я был директором, пока не прислали более молодого коллегу на смену. Я продолжал преподавать историю в старших классах, потом вышел на пенсию.

— Конфликт с новым директором? — понимающе спросил Мариссель.

— Скорее, с новыми учениками. Родители написали на меня жалобу в окружное управление. Они хотели, чтобы дети имели достойное представление об истории родной страны, а я, с их точки зрения, клеветал на Германию. Когда мы с женой начинали работать, в школе учились в основном дети крестьян. А когда это местечко стало модным, из Кельна приехали совсем другие люди.

Когда стемнело, с озера потянуло прохладой. Эдер кряхтя опустился на колени и стал разжигать камин. Черил и Мариссель подтащили кресла поближе к огню.

— Конечно, наши дети чувствовали себя здесь не слишком уютно. И соседи относились к ним отчужденно. Я понимаю, почему они захотели уехать, — продолжал Эдер. — И все же мне жаль, что никто из Эдеров не останется в этом доме.

— Может быть, ваш сын рано или поздно захочет вернуться? — предположил Мариссель. — Сейчас молодое поколение тянется к деревенской жизни. Свой дом у озера — что может быть прекраснее. Надоест ему Лондон, и переберется сюда, а?

Эдер отверг это предположение:

— Когда меня не станет, он продаст дом, и все.

Они надолго замолчали. Мариссель посмотрел на часы. Эдер понял его жест:

— Прошу вас, отдыхайте и не обращайтесь на меня внимания. Я привык засиживаться с книгой за полночь.

Черил и Мариссель поднялись наверх. Стоя у двери спальни, молчавшая весь вечер Черил произнесла:

— Выходит, я буду спать в комнате Люсиль? — Она зябко поежилась. — Не очень-то это приятно.

Мариссель обнял ее за плечи.

— Если хочешь, приходи ко мне. Я и не знал, что ты такая суеверная.

— Спокойной ночи, — сказала Черил. — Все дело в том, что я просто не гожусь на ту роль, которую, видимо, должна сыграть. Времена Маты Хари ушли.

Она закрыла за собой дверь комнаты, в которой когда-то жила Люсиль Эдер.

Мариссель пошел в свою комнату. Несмотря на позднее время, поселок еще не спал. Горел свет в окнах соседних домов, проехало несколько автомобилей, и откуда-то лилась тихая музыка. Мариссель разделся и лег.

Но он еще долго лежал с открытыми глазами. Мариссель думал о молодом человеке по имени Мордехай Вануну, которого он никогда не встречал, но о котором знал почти все.

Потом Мариссель вспомнил последние слова Черил.

Глава 9

КТО ДАЛ ЕЙ ЯД?

У израильской разведки была своя Мата Хари. Ее звали Иоланда Хармер, в девичестве Габай. Потом она изменила фамилию и стала Хар-Мор. Она находилась в Египте в критические дни первой арабо-израильской войны — 1948 года. Ее мать была смешанного еврейско-турецкого происхождения, но в Египте никто не подозревал о ее еврейских корнях.

Будущий первый министр иностранных дел Израиля Моше Шертук уговорил Иоланду помогать еврейскому государству, которое еще не было провозглашено. Шертук встретился с ней на каком-то приеме и разговорился. Он почувствовал в ней человека с сильным характером. Иоланда легко приняла его предложение. Возможно, она не совсем понимала, чем рискует, а может быть, верила в свою неуязвимость.

Она называла себя журналисткой и отправляла небольшие статьи в парижские журналы. Миниатюрная, хрупкая блондинка, она была трижды замужем. Она овдовела, когда ее третий муж, преуспевающий южноафриканский бизнесмен, погиб в авиакатастрофе. От этого брака у нее остался ребенок. И у нее было множество любовников — богатейшие и влиятельнейшие люди Каира или иностранные дипломаты, аккредитованные в Египте.

Один из будущих премьер-министров Ливана был ею очарован, равно как и шведский посол в Египте, который стал источником полезных сведений о египетской армии. Она сумела познакомиться с дипломатами из американ-

ского посольства в Каире и иногда получала копии донесений в Вашингтон.

Среди ее близких знакомых был главный советник генерального секретаря Арабской лиги и сын великого муфтия Каира Махмуд Малуф. Ни о чем не спрашивая, Махмуд охотно рассказывал ей обо всем, что он знал. Впрочем, может быть, он даже понимал, почему эта очаровательная женщина проявляет чисто мужской интерес к политике, дипломатии и военным делам. В обмен на секретную информацию он попросил у Иоланды тысячу египетских фунтов на свою избирательную кампанию — он хотел стать депутатом парламента.

Ее главная проблема состояла в том, что она не могла быстро связаться с Израилем. Ей доставили в Каир передатчик, но радиста не смогли подыскать. Все сообщения она вкладывала в письма, адресованные в Соединенные Штаты, и только оттуда информация попадала, наконец, в Тель-Авив.

История Иоланды закончилась нехорошо. Впрочем, вечных разведчиков не бывает. Генеральный секретарь Арабской лиги Аззам-паша все-таки заподозрил в ней израильского агента. Иоланду арестовали, но высокопоставленные покровители ее спасли. Она быстро вышла из тюрьмы и уехала в Париж.

Ее хотели отправить в США и включить в состав израильского посольства. Но в министерстве иностранных дел Израиля предпочли оставить Иоланду без официальной должности, чтобы сохранить ее для работы с Египтом.

Израильские дипломаты верили, что отношения с самым крупным арабским соседом рано или поздно улучшатся, и тогда Израилю понадобятся все специалисты по Египту. Служба в израильском посольстве скомпрометировала бы ее навсегда. Но Иоланда не дождалась возвращения в Каир. В 50-х годах она работала на Израиль в Испании. В 1959 году умерла.

Мариссель проснулся от шума, доносившегося с улицы. Еще не рассвело. Он потянулся за часами: пять утра. Внизу хлопнула дверь, и он явственно услышал голос сво-

его хозяина. Эдер с кем-то разговаривал на повышенных тонах. Мариссель раздумывал, что ему делать: попробовать еще заснуть или подниматься. Любопытство пересилило.

Он спустился по лестнице и столкнулся с Эдером, который вернулся с улицы.

— Мы вас разбудили? — с сожалением спросил Эдер. — Полицейские барабанили в дверь, пока я не открыл.

Эдер был небрит, глаза усталые.

— Полиция? — неприятно удивился Мариссель. На появление полиции он никак не рассчитывал.

— Умерла моя соседка Герда Шарф, — пояснил Эдер. — Судя по записке, это самоубийство. Приняла яд. Герда Шарф оставила записку: «Не могу больше так страдать и хочу воспользоваться своим правом уйти из жизни достойно». Но полицейские все равно подозревают что-то криминальное.

Эдер был в давешней куртке и домашних брюках.

— Проходите на кухню, — предложил он Марисселю. — Я уже поставил кофейник. Сейчас приведу себя в порядок и присоединюсь к вам.

Мариссель включил старый ламповый приемник. Передавали новости. После бритья лицо Эдера посвежело. Он снял куртку и надел чистую рубашку.

— За свежими булочками я хожу к семи, — объяснил он. — Но я пока подогрел вчерашний пирог.

— Вы были близко знакомы с госпожой Шарф? — из вежливости поинтересовался Мариссель.

— Соседи. Они поселились здесь в пятьдесят четвертом. Ее муж умер несколько лет назад, а в позапрошлом году она сама заболела раком. Она не скрывала своей болезни. Все знали, что рак неизлечим. У нее начались острые боли.

— В таком случае самоубийство — это избавление от страданий, — сказал Мариссель. — Решение, которое нельзя осуждать.

— Кто-то дал ей яд, — сообщил Эдер. — Принес специально для того, чтобы она ушла из жизни.

Вот почему полиция занялась этим делом, понял Мариссель.

— Возможно, полиция не была бы столь активна, но есть одно обстоятельство, в поселке всем известное, — продолжал Эдер. — Герда Шарф после смерти мужа владела большим состоянием. Но она ничего не давала своим детям. У нее двое детей — дочь и сын, и оба какие-то неустроенные, неудачные. Раньше каждое воскресенье они приезжали к матери, клянчили денег. Она их прогоняла. А когда заболела, вовсе запретила пускать их в дом. Наш врач нанял ей нескольких медицинских сестер, они и стали ее постоянной компанией. Но вчера она неожиданно отпустила дежурную сестру. А соседи, как только что выяснилось, видели машины и дочери, и сына. Выходит, они оба по очереди приезжали к Герде.

— Полиция полагает, что кто-то из детей?..

Марисселю стало не по себе. Соприкосновение с семейными трагедиями всегда сильно на него действовало.

— Сейчас полиция их ищет, чтобы допросить, — лаконично прокомментировал Эдер его слова. — У меня есть предложение. Раз уж мы поднялись, пройдемся. А на обратном пути прихватим свежих булочек для Черил.

Они вышли из дома, и Эдер сразу повернул к озеру. Небо было чистое, водная гладь дышала прохладой. Мариссель понял, что правильно поступил, приняв приглашение прогуляться.

Вокруг озера вела тропинка. Через каждые триста метров стояла деревянная скамейка. Лес вокруг озера был чистый, ухоженный.

Эдер шел, заложив руки за спину. От быстрой ходьбы Марисселю стало жарко, он расстегнул пиджак. Над озером голоса были слышны издали. Еще не увидев вышедших им навстречу людей, они знали, что не одни совершают утренний моцион. Из-за деревьев появились два человека, увлеченные разговором. Они были примерно одного возраста с Эдером и, подойдя ближе, раскланялись.

Эдер представил их Марисселю:

— Доктор Берфельде и доктор Гебхард.

Гебхард служил главным врачом местной клиники, а Берфельде раньше был главным врачом. Худой и следивший за собой Берфельде выглядел моложе, а полный, со

склеротическим румянцем на щеках Гебхард — старше своих лет.

— Что вы думаете об этой истории? — сразу спросил доктор Гебхард Эдера.

— Мне жаль Герду. Жизнь у нее была не слишком счастливой, а смерть ужасной.

Гебхард усмехнулся и возразил:

— Ужасной она была бы, если бы Герда дотянула до конца. Она еще легко отделалась, если можно так выразиться.

— Она знала, какие страдания ее ждут? — поинтересовался Мариссель.

Гебхард повернулся в его сторону:

— В наше время каждый раковый больной прекрасно представляет себе свое будущее. Популярные книги и журналы прекрасно заменяют медиков.

— Герда очень мучилась? — спросил Эдер.

Доктор Гебхард скривился.

— В принципе — да. Но в последние две недели она получала наркотики круглосуточно. Инъекция за инъекцией, и она почти не чувствовала боли.

Эдер смотрел куда-то поверх его головы.

— Тогда не понимаю, почему именно сейчас? — Не ясно было, к кому обращался Эдер — к врачам или к самому себе.

Гебхард немедленно откликнулся:

— Конечно, теперь проникнуть в ее мысли уже никому не дано. Но я знаю, что несколько дней назад она вызывала нотариуса, продиктовала ему новое завещание и несколько писем. Словом, Герда привела свои земные дела в порядок. Значит, готовилась уйти в мир иной.

— А почему вечером не оказалось медсестры? — спросил Эдер.

— Герда ее отпустила, — развел руками Гебхард. — Сказала, что чувствует себя хорошо, примет лишнее снотворное и пораньше ляжет спать. После полуночи приехала следующая дежурная сестра. Она немного опоздала и нашла Герду уже мертвой. Она вызвала «скорую», но было поздно.

— Тогда остается только один невыясненный вопрос: кто дал Герде яд? — вздохнул Эдер.

— Как раз это не имеет ни малейшего значения, — вступил в разговор доктор Берфельде, который до этого молча слушал. — Ни малейшего. Герда Шарф была женщиной с характером. И ушла из жизни так, как считала нужным.

Доктор Берфельде страдал сильной дальнозоркостью, и толстые очки увеличивали его глаза до невероятных размеров. Мариссель старался не смотреть ему в глаза.

— Неужели лучше гнить заживо, превращаясь в живой труп и теряя человеческий облик? Нет, — продолжал Берфельде, — если кого-то интересует мое мнение, то я скажу твердо: незачем сейчас устраивать процесс вокруг покойницы, перемывать ее косточки. Я повторю эти слова и перед пастором, хотя он и не согласится со мной.

— Он станет возражать скорее по обязанности, чем по убеждению, — ухмыльнулся Гебхард. — Наш пастор симпатичнейший человек и без предрассудков. Мы с ним в прежние времена частенько...

— Остановитесь, — шуточно пригрозил ему Эдер. — Не компрометируйте пастора в глазах человека, который его еще никогда не видел.

Мариссель поднял руки.

— Прошу, коллеги, считать меня человеком, не утравшим чувство юмора. Мой родной язык французский, но шутки я пойму и на немецком.

Берфельде внимательно посмотрел на него своими огромными глазами и перевел взгляд на Эдера:

— Я считаю, что полиция может найти себе занятие поважнее, чем мотивы самоубийства Герды. В округе и грабежи, и кражи, и поджоги...

Гебхард приветственно поднял руку, и они разошлись.

— Ну что же, — миролюбиво сказал Мариссель, — оба почтенных медика придерживаются идеи убийства из милосердия.

Эдер искоса посмотрел на него.

— Убийство из милосердия? — насмешливо повторил он. — В немецком языке есть другое слово, им и надо пользоваться — эвтаназия.

— Это не немецкое слово. — Мариссель хотел перевести разговор в шутку.

Эдер не принял шутливого тона.

— Но это понятие из современной немецкой истории, — все так же серьезно проговорил Эдер.

Он хотел еще что-то сказать, но вдруг замолчал. Он словно раздумывал, стоит ли ему делиться своими соображениями с человеком, которого он впервые увидел днем раньше. Он смотрел на Мариссея, и в его взоре тот прочитал вопрос и сомнение.

— Господин Эдер, — Мариссель счел нужным объяснить, — вы можете быть уверены в моей скромности. Я вообще имею обыкновение держать язык за зубами. Научен этому службой в Красном Кресте и некоторыми обстоятельствами личной жизни.

Эдер понимающе кивнул: Мариссель сказал именно то, что он надеялся услышать.

— Поймите простую вещь, — произнес Эдер, — кто, кроме доктора Гебхарда, мог дать яд Герде Шарф? Препарат, принесенный кем-то иным, вызвал бы у нее подозрение: то ли это средство, подействует ли оно мгновенно, не вызовет ли дополнительных мучений... А доктору Гебхарду покойная Герда доверяла всецело.

Мариссель пожал плечами. Ему вся эта история казалась не такой уж важной. Он просто хотел, чтобы разбирательство закончилось как можно скорее и полиция убралась из поселка.

— Если доктор Гебхард и совершил этот поступок, едва ли стоит судить его строго, — выразил свое мнение Мариссель. — Я понимаю, вы человек глубоко религиозный. Конечно, католицизм не признает за человеком права самому уходить из жизни. Но ведь сегодня многое изменилось, и сама католическая церковь вынуждена...

Эдер знаком остановил его. Они обошли почти все озеро.

— Дело не в моих религиозных убеждениях, — молвил он. — Гебхард не только преемник, но и ближайший друг доктора Берфельде. А племянница Берфельде замужем за

непутевым сыном покойной Герды. Своими детьми Берфельде не обзавелся, племянница выросла у него в доме, она ему как дочь. Ради счастья племянницы Берфельде готов на все.

Черил проснулась поздно. К этому времени Мариссель, пошуршав газетными листами, уже успел подремать в кресле-качалке. Когда она спустилась, он охотно еще раз выпил с ней кофе с горячими булочками. Потом они два с лишним часа гуляли, и Мариссель пересказал ей историю с Гердой Шарф.

Когда они вернулись с прогулки, Эдер еще читал газеты. Он, сразу было видно, относился к газетам серьезно. Он начинал читать газету с первой страницы и не откладывал в сторону, пока не добирался до последней. Бросив на ковер последнюю газету, Эдер удовлетворенно вздохнул и снял очки.

— Предлагаю пообедать в нашей деревенской харчевне. — В предвкушении вкусенького его глаза заблестели. — Я и сам умею стряпать, от моей кухни вам не уйти. Но для начала полакомимся чем-нибудь более съедобным.

Хотя солнце светило с самого утра, жарко не стало. Черил закуталась в вязаную кофту, мужчины натянули пиджаки, и все вместе двинулись по той дороге, по которой они вчера ехали. Ближе к главной улице расположилось несколько магазинов. Эдер любезно раскланивался практически с каждым встречным.

«Харчевней» оказался маленький ресторан, отделанный изнутри свежим деревом. Гостей сердечно приветствовали и усадили за дальний от входа столик.

— Хозяин когда-то учился у меня в школе, — не без удовольствия заметил Эдер. — По истории он не очень успевал, зато открыл собственное дело.

Официантка принесла бутылку местного вина и меню, но Черил предложила Эдеру выбрать самому:

— Вы знаете, что здесь повкуснее.

— Раза два в неделю я обязательно здесь обедаю, — сказал Эдер, сделав заказ. — Здесь готовят лучше, чем в

городских ресторанах. Продукты хозяин покупает поблизости и сам ест то же, чем угощает посетителей.

— Похоже, здесь все знают, где вас можно найти, — прервал его Мариссель.

Эдер с готовностью повернулся, и улыбка исчезла с его уст. У входа стоял полицейский в форме и какой-то человек в теплом не по сезону костюме. Они подошли к столику.

— Прошу извинить, — пророкотал полицейский. — Господин следователь прибыл из города и желает с вами поговорить.

— За обедом это будет даже приятнее, — спокойно произнес Эдер. — Присаживайтесь, господа.

— Ну, ежели не испорчу вам аппетит. — Следователь по-хозяйски расположился рядом с Черил.

Полицейский пробормотал что-то невнятное и исчез. Он, верно, не хотел демонстрировать свои гастрономические пристрастия в присутствии высокого городского начальства, а может быть, получил на сей счет прямые инструкции.

— Мне то же, что и господам, — распорядился следователь, когда подошла официантка. — Полагаюсь на ваш вкус, господин директор. Вдруг это поможет мне быстрее проникнуться здешней атмосферой и разобраться в этой прискорбной истории. Как вы считаете, Черил?

Девушка неопределенно покачала головой. Она жевала кусочки свежеподжаренного хлеба с сыром и без особого интереса следила за разговором мужчин.

Принесли суп, и следователь с удовольствием принялся за него, придерживая спадавшую салфетку. Очистив тарелку, он вспомнил, что не успел представиться:

— Моя фамилия Вессель. Я следователь палаты по уголовным делам.

Черил улыбнулась. Мариссель вежливо склонил голову. Он не знал, огорчаться ли ему, что эта поездка обернулась невольным участием в невеселой истории, или воспринимать все спокойно, поскольку происходящее ни к нему, ни к Черил не имеет никакого отношения.

— Уголовное дело уже возбуждено? — спросил Эдер. Вессель стремительно развернулся к нему.

— Да, прокурор счел необходимым провести дознание. Скажу честно, — он понизил голос до шепота и склонился над самым столом, вынуждая к тому же Черил и Марисселя, — пока что у меня нет оснований кóго-либо подозревать. Но закон требует выяснения всех обстоятельств дела.

Следователь развел руками. Эдер взялся за салат. Мариссель последовал его примеру. Зеленый салат понравился и Черил.

— Скажите, господин директор. — Следователь обратился к Эдеру. — Что вы сами думаете о смерти госпожи Шарф? Неофициально, разумеется. Мне сказали, что вы старожил, знаете каждого, а половина поселка еще и училась у вас. У вас и вашей жены, — счел он необходимым добавить, выказав знакомство с биографией Эдера.

Эдер был не расположен к долгим разговорам.

— То, что произошло в доме Герды Шарф, в любом случае подлежит суду не земному, а высшему, — сказал Эдер.

Следователь Вессель насторожился.

— Герду Шарф никто не убивал, — пояснил Эдер. — Она ушла из жизни по собственному желанию. Тот, кто помог ей, мог руководствоваться разными мотивами — возвышенными или низменными. Но уголовного преступления он не совершал.

— Вот тут вы ошибаетесь, господин директор, — бодро заметил следователь, — есть статья уголовного кодекса, предусматривающая наказание за такую, как вы изволили выразиться, гуманную помощь.

— Ну, этой статьей в последнее время почти не пользуются, — возразил Эдер. — Достаточное число врачей в Федеративной Республике избавляет неизлечимо больных пациентов от ненужных мучений.

— Уголовная ответственность не отменена, — настаивал следователь. — Другое дело, что прокурор, изучив обстоятельства дела, вправе не передавать дело в суд, а суд вправе не выносить обвинительного приговора. Но расследование должно быть проведено. И потом, господин директор, я слышал о вас как об исключительно справедливом человеке. Неужели ваша совесть может мириться с тем, что кто-то спровадил госпожу Шарф на тот свет ради материальной выгоды?

— Людям свойственно даже к благим делам примешивать личный интерес, — философски заметил Эдер.

— Доктор Гебхард всех лечит в округе? — вдруг спросил следователь.

— Теперь уже нет. Став главным врачом клиники, он вынужден был сократить практику, но кому-то, большей частью старым пациентам, продолжает оказывать услуги.

Мужчинам принесли свиную отбивную с жареным картофелем и красной капустой. Черил предпочла запеченную на углях рыбу. Мариссель налил ей белого вина, а себе минеральной воды. Следователь и Лотар Эдер пили местное темное пиво и с сочувствием смотрели на Марисселя, который отказался от пива и тем самым лишил себя главного удовольствия в жизни.

— По какому принципу доктор Гебхард выбирает себе пациентов? — поинтересовался следователь.

Он энергично жевал, но даже отбивная не могла отвлечь его от дела. Его маленькие глаза-буравчики поочередно осматривали Эдера, Марисселя и Черил.

— Думаю, по меркантильным соображениям, — подумав, сказал Эдер. — Как главному врачу ему важно сохранять контакты с людьми, имеющими вес в Кельне. Ну и богатый пациент лучше бедного.

— Разве Герда Шарф относилась к числу влиятельных людей?

— Ее муж пользовался в свое время большим авторитетом... Но в данном случае, скорее, размер гонорара решил дело.

Следователь Вессель вытащил из портфеля блокнот и после каждого ответа Эдера делал себе какие-то пометки. Хотя Черил сидела рядом и позволила себе нескромно заглянуть в блокнот, она ничего не разобрала: худшего почерка она еще не видела.

— А какие отношения связывали доктора Берфельде с госпожой Шарф? — задал новый вопрос следователь.

— Когда-то очень хорошие. Ее сын, как вы уже наверняка знаете, женат на племяннице доктора Берфельде. Потом, когда Герда отказалась давать деньги сыну-оболтусу, Берфельде, говорят, попробовал закатить ей скан-

дал. Но Герда была женщина резкая и своенравная. Она выставила Берфельде. С тех пор они не здоровались, даже в церкви.

— Ночью вы что-нибудь особенное слышали?

Эдер покачал головой.

— А вы? — Следователь внимательно посмотрел на Черил и Марисселя.

— Я спала как сурок, — ответила Черил.

— Засыпая, я слышал шум подъезжающих автомобилей, — добавил Мариссель. — И больше ничего. Проснулся, когда пришел полицейский.

Следователь вновь вернулся к Эдеру. Разговаривая с гостями, он лишь выполнял необходимые формальности. На показания Эдера он рассчитывал всерьез.

— Вы прожили здесь столько лет, господин директор. Были ли у госпожи Шарф враги?

Эдер задумался.

— Герда, повторяю, была женщина жесткая, властная. Ее муж только у себя в конторе был хозяином. Дома всем руководила она. Но жесткость уживалась в ней с чувством справедливости. Нет, я не могу представить себе, что у нее были настоящие враги.

Следователь доел кусок шоколадного торта, допил чай, расплатился, оставил на блюдечке мелочь и, несмотря на сытный обед, неожиданно легко поднялся.

— Я не прощаюсь. Мы еще увидимся.

Проводив его глазами, Мариссель обратился к Эдеру:

— Вы подозреваете доктора Берфельде? Считаете, что он уговорил Гебхарда дать Герде яд? Почему же вы прямо не сказали об этом следователю?

Лицо Эдера осталось невозмутимым.

— Сколько вам лет, Мариссель? — неожиданно спросил он.

— Сорок.

Эдер чуть улыбнулся.

— Вы родились и живете в демократической стране. Вы можете не любить полицию, но в целом относитесь к ней с пониманием. Она нужна, она защищает общество от преступников... А меня с юности полиция пугает. Полиция в рейхе охотилась за теми, кого я никак не мог

считать врагом общества. Я боялся полиции и никогда по своей воле не стал бы ей помогать.

— Я понимаю, — сказал Мариссель. — Но прошло столько лет. Вы живете в другой стране. И полиция в Германии другая.

— Но я-то остался тем же. — В глазах Эдера не было ничего, кроме грусти.

Когда Черил и Мариссель остались одни, она спросила:

— Ты не думаешь, что нам следовало бы отсюда уехать?

Мариссель покачал головой:

— Если мы уедем, будет еще хуже, нас еще и заподозрят в чем-нибудь.

Глава 10

ПОЯВЛЕНИЕ ПРИЗРАКА

После обеда они опять гуляли часа два, пока Мариссель не заметил, что Эдер устал. Эдер не хотел, чтобы из-за него Мариссель и Черил прекращали прогулку, но Мариссель уверил его, что жаждет обосноваться в облюбованном кресле, а Черил сказала, что хотела бы переодеться.

Когда они вернулись, Эдер выразил готовность поставить кофейник. Мариссель поддержал эту идею с энтузиазмом, но Черил отвергла появившийся на столе пирог с корицей.

— Я приехала на пять дней, господин Эдер, — взмолилась Черил. — Если я буду неумеренна в еде, то перед отъездом мне придется полностью сменить гардероб.

Стук в дверь заставил их оторваться от кофе.

В дверях стоял толстошекий доктор Гебхард.

— Надеюсь, я не помешал вашему послеобеденному отдыху? — поинтересовался он, разглядывая кухню, из чего Мариссель сделал вывод, что доктор здесь не частый гость.

Эдер поставил на стол еще одну чашку. Мариссель подумал, что теперь пирог не пропадет, и, действитель-

но, доктор Гебхард одобрительно отнесся к большому куску, который положила ему Черил.

— Эта история совершенно выбила меня из колеи, — пожаловался он почему-то Марисселю. — Уже появился следователь. Допросы, суд. Кому все это надо? Даже господин Эдера, который давно находится на отдыхе, и то побеспокоили.

Значит, уже весь поселок знает об обеденном разговоре со следователем, сообразил Мариссель. Доктор старательно жевал пирог и рассказывал.

— Между прочим, этот следователь Вессель с вами первым разговаривал, — выдал Гебхард свою осведомленность. — И все решили, что вы и есть главный подозреваемый.

Гебхард захохотал, но глаза его внимательно ошупывали и Эдера, и Марисселя, и Черил. Эдер не откликнулся на его шутку.

— Как знать, — заметил Эдер. — Может быть, у него есть основания и меня числить среди подозреваемых.

С лица Гебхарда слетела улыбка. Он даже тарелку с пирогом отставил в сторону.

— А он что, и в самом деле ищет преступников? Ведь Герду никто не убивал!

— Во-первых, мне кажется, что следователь далеко не убежден, что происшедшее — самоубийство, — неторопливо рассуждал Эдер. Он видел, что Гебхард болезненно реагирует на его слова, но ему словно нравилось дразнить доктора. — Во-вторых, он придерживается старомодных представлений относительно роли врача, дающего яд больному.

— Все газеты пишут, что гуманнее помочь страдающему избежать мук, чем заставлять его пройти через все круги ада, — искренне возмущился Гебхард.

Эдер не спорил с Гебхардом, только слушал, ограничивался междометиями, свидетельствовавшими о том, что разговор его интересует.

— Мы не можем оставаться безучастными к просьбам неизлечимо больных, — говорил Гебхард. — Умирающие от рака легких не должны испытывать все ужасы, которые им уготованы. На финальной стадии больного надо из-

бавить от мучений, которые действительно невыносимы. Католическая церковь считает, что сохранение запрета на эвтаназию необходимо, иначе эта практика станет преступной. Но ведь это несправедливо! Больной лишается своего права уйти от страданий, потому что не каждый врач — из страха — решится прийти ему на помощь.

Юная Черил, в силу возраста свободная от размышлений о старости, болезнях и страданиях, смотрела на Гебхарда во все глаза. Доктор Гебхард съел три больших куска пирога, которые подкрепили его красноречие.

— Разумеется, те, кто требует узаконить право на самоубийство, тоже размышляют небезупречно, — продолжал Гебхард. — Это экстремизм, это призыв к созданию клуба самоубийц. Но нельзя под страхом уголовной ответственности насильно сохранять жизнь безнадежному больному, если он этого не хочет и врач понимает, что продолжение лечения бессмысленно и жестоко. — Он наконец выдохся. — Вы все время молчите, господин Эдер. Что же вы обо всем этом думаете?

— Вероятно, годы, проведенные в свите епископа, не прошли для меня даром. Я по-прежнему считаю, что, сколько бы больной ни просил о смерти, стоит ли эта жизнь продолжения — вопрос, который ни одно человеческое существо не может решать за другого. Если придать эвтаназии правовой статус, она быстро станет обязательной. Люди начнут просить о смерти только ради того, чтобы не быть обузой для родных.

Лицо Гебхарда приобрело ироническое выражение.

— Словом, пусть несчастные мучаются?

— Эвтаназия не единственная альтернатива, — мягко возразил Эдер. — В отношении неизлечимо больных следует идти по другому пути: применение обезболивающих средств позволяет даже раковым больным умереть достойно.

Доктор Гебхард развел руками, словно показывая, что продолжение разговора не имеет смысла: Эдер безнадежен. Гебхард встал и попрощался. Пирог с корицей был съеден без остатка.

Когда доктор ушел, Черил пошла мыть тарелки. Мариссель спросил Эдера:

— Он приходил оправдываться?

— Во всяком случае, это так выглядело, — откликнулся Эдер. — Только я не понимаю, почему он делал это здесь?

— Гебхард мог предположить, что вы подозреваете именно его и поделитесь своими мыслями со следователем.

Лотар Эдер откинулся в кресле.

— Мы знакомы уже четверть века. Он знает, что я его не люблю. Но ему прекрасно известно, что ни при каких обстоятельствах я не стану ни на кого доносить.

Эдер прикрыл глаза и, кажется, задремал. В его возрасте такие переживания не особенно полезны. Мариссель стал вспоминать, есть ли у него с собой сердечные препараты — на случай, если Эдеру станет плохо.

Вечером к дому покойной Герды Шарф подъехало сразу несколько автомобилей. Мариссель и Черил как раз вышли на улицу, чтобы немного подышать воздухом, и застали появление целой кавалькады.

— Это еще кто? — заинтересовалась Черил.

После визита доктора Гебхарда она стала живо интересоваться происходящим. Из машин вышли несколько совсем молодых парочек, и Мариссель подумал, что прибыли наследники. Но одновременно появились и весьма солидного вида господ. Подоспел и полицейский автомобиль.

Из дома вышел Эдер, выбросил мусор в стоящий у ворот бак. Мариссель поделился с ним новостями.

— Да, скорее всего, наследники спешат утвердить свои права, — подтвердил Эдер. — Завтра похороны на местном кладбище и оглашение завещания.

— Завещание может пролить свет на загадку смерти Герды Шарф, — предположил Мариссель.

— Яд дал тот, кто был заинтересован в ее смерти, не так ли? — спросила Черил.

— Возможно, что и так, — уклончиво ответил Эдер.

Больше в тот день они к теме таинственной смерти Герды Шарф не возвращались.

В этот вечер Мариссель дважды звонил в Израиль. Все ждали, когда Мариссель приступит к работе, и спрашивали о состоянии Черил. Пока что он не мог сказать ничего обнадеживающего.

Похороны были назначены на десять утра. В половине десятого Мариссель вслед за Эдером вошел за ограду дома Герды Шарф. Черил идти на похороны отказалась. Она заварила себе чай и уселась перед телевизором.

На Марисселя, чужого здесь человека, посматривали с удивлением. На похороны собрался весь поселок. Несмотря на жару, мужчины были в черных костюмах, женщины в темных платьях. Распоряжался всем какой-то низенький человек. Мариссель не прислушивался к разговорам, и до него доносились обрывки словно бы одной общей беседы. Люди, не стесняясь, подсчитывали стоимость дома Герды Шарф, гадали, продадут его наследники или останутся здесь жить, и как они в таком случае поделят дом.

Доктор Берфельде стоял в одиночестве, опершись о палку с резной ручкой. Гебхарда, его неизменного спутника, нигде не было видно.

Без пяти десять из дома появились наследники — две молодые пары, еще какие-то люди; сзади скромно маячил доктор Гебхард. Вынесли гроб. До церкви шли молча.

Мариссель и без того был настроен меланхолически, а в траурной процессии его мысли приняли и вовсе печальный характер. Он подумал, что его самого некому будет проводить в последний путь — в прямом смысле этого слова. Он упустил момент, когда следовало обзавестись семьей и детьми, и лишился большей части друзей из-за того, что годами жил за границей под чужим именем. И какие могут быть друзья у людей его профессии? Только сослуживцы. Они-то понимают, почему он не может быть откровенен. Друзья же этого никогда не поймут.

Церковь была небольшой, и Мариссель подумал, как же все в ней уместится. Но внутрь вошла примерно по-

ловина участников процессии. Остальные ждали перед входом.

Около часа дня служба закончилась. Гроб закопали на церковном кладбище. Люди стали расходиться. Эдер посмотрел на Марисселя, словно только сейчас заметил его присутствие.

— Когда Шарфы приехали в поселок, чтобы присмотреть себе участок, они пришли к нам за советом. Герда потом сказала, что выбрала соседний с нами участок потому, что ей понравилась моя жена. Я учил ее детей...

Мариссель взял его под руку, помогая перебраться через канаву. После похорон все разом заговорили о чем-то своем, кое у кого уже появились улыбки. Церемония закончилась, можно было забыть о скорби. Похоже, один Эдер переживал и искренне сожалел о смерти Герды Шарф.

Мимо них, тяжело шагая и больше обычного опираясь на палку, прошел Берфельде. Он не заметил или сделал вид, что не заметил Эдера. Гебхард так и не появился.

Они вернулись домой. Эдер был по-прежнему погружен в себя, но хотел сразу идти на кухню, чтобы позаботиться об обеде. Мариссель остановил его.

— Я вижу, какое впечатление произвели на вас похороны, и рекомендую вам прилечь. А как врач, посоветовал бы принять успокаивающее.

От лекарств Эдер отказался. Но перебрался на диван. Черил принесла ему плед и подложила под голову подушку.

— Друзья мои, — вдруг сказал Эдер, — там на кладбище у меня было видение. Как вы относитесь к возможности такого рода явлений?

Мариссель насторожился: как-никак Эдер долго стоял под солнцем с непокрытой головой. Он подсел поближе к Эдеру, взял его за запястье.

— Хочу померить пульс, не пугайтесь. Как доказывает история медицины, это еще никому не повредило, — успокоил он Эдера.

В медицинском институте Мариссель выбрал специальность хирурга. Она казалась ему самой нужной для страны. Но все преподаватели говорили, что из Марисселя получился бы отличный психотерапевт.

Эдер улыбнулся словам Марисселя и руку не отнял.

— Мне явилась не Дева Мария, а вполне реальный человек, которого, по моим понятиям, давно уже нет в живых, — произнес он. — Он стоял в церкви у самого выхода, потом на кладбище я вновь встретился с ним взглядом. Он отвернулся и исчез в толпе... Странно, правда?

Эдер вздохнул. Мариссель отпустил его руку.

— Пульс вполне приличный. Но надо послушать сердце и кое-что принять. Профилактически.

Эдер его не слушал.

— Прошло полвека. Представляете, как мы оба изменились с тех пор. Но он узнал меня. Я уверен, что он именно меня искал в церкви. Он знал, что я здесь. Но когда увидел меня, почему-то сразу вышел из церкви.

Мариссель принес из своей дорожной аптечки несколько капсул и налил Эдеру стакан воды.

— Вам нужно отдохнуть и прийти в себя.

Когда Эдер уснул, он пошире раскрыл окна, чтобы в доме был сквозняк. Свежий воздух и покой — в эти лекарства Мариссель верил свято.

Черил и Мариссель пошли на улицу. Возле дома Герды Шарф по-прежнему было много машин. Но никого не было видно, все собрались в доме. Наверное, приехал нотариус с завещанием, решил Мариссель.

Неожиданно из дома Герды Шарф появился доктор Гебхард. Вид у него был встрепанный.

— А, коллега, — приветствовал он Марисселя, пытаюсь пригладить волосы и привести себя в порядок. — Были на похоронах? А я с пяти утра на ногах, еле живой. Даже не завтракал, только выпил кофе с коньяком. Мечтаю домой попасть. А вы главную новость знаете?

— Какую? — спросил Мариссель.

— Герда лишила всех наследства. — Вид у Гебхарда был убитый. — Деньги и дом завещала детскому приюту. Вот это сюрприз! Дочь в истерике, сын в бешенстве. Еле успокоил обоих. Будут судиться с приютом.

— Почему она так поступила? — тихо проговорила Черил.

— Это у нее надо бы спросить, — пожал плечами Гебхард.

— Со странностями была дамочка, между нами говоря. Вздорная, возражений не терпела, детей разогнала.

Геххард ухмыльнулся, и непонятно было, то ли он восхищается необузданным нравом своей бывшей пациентки, то ли осуждает ее.

— Ладно, пойду к Берфельде, — сказал он. — После похорон ему дурно стало, гадость какая-то мерещится.

— Господин Эдер тоже себя плохо чувствует, — сказал Мариссель. — Я дал ему успокоительное. А то у него видения начались, — добавил он с улыбкой.

Геххард заинтересованно поднял голову.

— И у него тоже?

Он пошел вперед. Потом остановился.

— Берфельде на всякий случай полицию вызвал. Может, попросить полицейского и к вам заглянуть — потолковать насчет видений?

Эдер проснулся к вечеру. Он выглядел отдохнувшим, на щеках появился слабый румянец. Мариссель пересказал ему разговор с Геххардом.

— Выходит, ваше предположение не подтвердилось. Племянница Берфельде меньше всего выиграла от смерти свекрови.

Они поужинали и перебрались к камину. Но в этот вечер Эдер не был расположен к разговору. Дотянув кое-как до одиннадцати, они разошлись по спальням.

Мариссель проснулся от шума внизу. Стучали в дверь. Он посмотрел на часы: пять часов. Опять что-то случилось?

Он оделся и спустился вниз. В комнате сидели — помимо хозяина — следователь Вессель и доктор Геххард. За стеклянной дверью маячили фигуры полицейских.

— Хорошо, что вы спустились, — сказал следователь. — Присоединяйтесь к нам: есть тема для беседы, равно интересной всем.

Следователь был хмурый и злой, но не потому, что ему не удалось поспать.

— Только что убит доктор Берфельде, — объяснил Геххард.

У него был такой вид, словно он вообще не ложился в эту ночь. Костюм из дорогого материала превратился в тряпку. Глядя на него, Мариссель подумал, что Гебхард просто пьян.

— Как это произошло? — спросил Эдер.

Гебхард посмотрел на следователя, тот кивнул.

— Доктор Берфельде позвонил мне примерно в начале второго. Я только вернулся и начал раздеваться. Он был очень встревожен, просил меня немедленно приехать. Но я не предполагал, что ему понадобится такого рода помощь. Я знал, что у его дома дежурит полицейский. Племянница приезжала к нему вечером, очень нервная барышня. Он дополнительно расстроился. Я вывел машину из гаража и поехал...

— Рассказывайте все, что вы видели, — подбодрил его следователь. — У меня нет оснований что-то скрывать от этих господ.

Гебхард кивнул и продолжал:

— Полицейского я не увидел. Дверь была открыта. Это не похоже на Берфельде. Он тщательно запирает двери и окна. Даже летом. Доктор лежал на полу. Вид его был ужасен. Вероятно, концентрация яда была недостаточной. Он мучился перед смертью. Недолго, но мучился. Рядом с телом лежал расколовшийся стакан. В доме никого не было. Но потом я заметил чьи-то следы на ковре и позвонил в полицию.

— Я дополню картину, — сказал следователь, — хотя это выходит за рамки моих служебных обязанностей. Берфельде не отравился. Судя по всему, это хладнокровно совершенное преступление. Полицейского ударили по голове камнем и связали. На осколках стакана остались отпечатки пальцев, я отправил их в Кельн. Судя по всему, преступник заставил доктора Берфельде выпить яд. Так что это лишь инсценировка самоубийства.

Следователь повернулся к Эдеру:

— Я не случайно приехал сразу к вам. Какое видение явилось вам вчера во время похорон?

Мариссель пожалел о своей откровенности. Наверное, не стоило пересказывать доктору Гебхарду разговор с Эдером. Он может обидеться, хотя в тот момент Ма-

риссель не придавал значения словам о «видении» и заговорил о нем с Гебхардом в шутку.

Но Эдер даже и не посмотрел в сторону Марисселя. Он ничего не собирался скрывать.

— Мне показалось, господин следователь, что в церкви и позднее на кладбище я видел человека, который перед войной работал в детском приюте Ахенхоф. Он был столяром, садовником, дворником, словом, занимался всей хозяйственной работой. Прошло столько лет, но я уверен, что это был он и что он узнал меня. Он очень плохо выглядел. Подумать только, он выглядел как старик. А перед войной был молодым парнем...

— Как его звали? — Следователь буквально впился взглядом в Эдера.

— Ганс. Фамилии не знаю. Все называли его по имени. Приятный добродушный парень, но со странностями, малоразвитый. В другом месте, возможно, его бы не стали держать, но приют был католическим, кто-то назвал парня Божьим человеком, и Ганса взяли на работу.

— Когда вы видели его в последний раз?

— Перед началом войны с Россией, когда приют закрыли, а епископ произнес свою знаменитую речь.

— Вы его больше не встречали? Ничего о нем не слышали? Вспомните, пожалуйста.

— Мы вернулись после войны, и я сказал жене: «Подем в Ахенхоф, может быть, найдем кого-то из знакомых». Но это была напрасная надежда. Местечко обезлюдело, и никто из прежних обитателей сюда не вернулся. Что произошло с Гансом и всеми, кто работал в приюте, не знаю. Считал, что нацисты разделались с ними.

— Так, — произнес удовлетворенно следователь, — похоже, мы имеем дело с призраком, вернувшимся с того света.

— А что испугало доктора Берфельде? — задал вопрос Эдер. — Почему он попросил защиты у полиции?

— Он сообщил, что его угрожает убить человек, который хочет ему за что-то отомстить, — нехотя рассказал следователь. — У нас не было информации, которая свидетельствовала бы о том, что существует опасность для

жизни доктора. Но на всякий случай я выставил полицейского, что не помогло предупредить преступление.

— Я, честно говоря, сильно сомневаюсь, что ваше видение, господин Эдер, и смерть доктора Берфельде как-то связаны между собой, — упрямо сказал Гебхард. — Что это еще за граф Монте-Кристо? И за что можно мстить врачу? Нет, тут какое-то более тривиальное преступление.

— Там будет видно, — молвил рассеянно следователь. — Сейчас важно найти следы вашего Ганса.

— Архивы приюта не сохранились, — предупредил его Эдер. — В конце войны нацисты все уничтожили.

На следователя пессимизм Эдера не произвел впечатления.

— В нашем бюрократическом государстве, — поучающе поднял палец Вессель, — ничего не пропадает. Надо только уметь искать.

Он закрыл свой портфель и вышел.

— Рюмочку чего-нибудь покрепче? — предложил Эдер доктору Гебхарду.

— Не откажусь. Я должен был участвовать в земельном съезде врачей, выступать, но теперь вынужден все отменить, — пожаловался Гебхард. — Выступление мне сейчас не по силам.

Эдер вернулся с бутылкой французского коньяка и тремя рюмками.

— Я уже забыл, когда Берфельде стал главным врачом?

— По-моему, в сорок седьмом году. Сначала у него были какие-то недоразумения с оккупационными властями.

— Почему? — насторожился Эдер. — Он не служил ни в армии, ни в СС.

— Не знаю, — ответил Гебхард. — Я никогда его не спрашивал. Наверное, напал на слишком рьяного антинациста. Тогда же было настоящее сумасшествие, хватали и виновного и невинного.

— Но в конечном счете все уладилось?

— Да, он прошел денацификацию и получил право работать. В Кельне не захотел остаться, перебрался сюда.

Гебхард налил себе еще коньяку.

Заскрипели ступеньки лестницы, ведущей наверх. Черил проснулась и присоединилась к мужчинам.

— Мы разбудили вас, — с сожалением сказал Гебхард.

Пока Мариссель излагал ей события прошедшей ночи, Эдер приготовил завтрак.

— А что это за приют Ахенхоф? — спросила Черил.

— Он существовал здесь с начала века. Для детей, родившихся психически неполноценными. В основном это были сироты или те, кого родители не могли или не хотели воспитывать.

— И что случилось с приютом?

— Нацисты уничтожили. В рамках программы эвтаназии.

— А-а, — протянул Гебхард. — Дурацкая идея. И всех детей?..

— Удалось спрятать лишь нескольких, кого согласились взять крестьяне из округи.

— Так этот ваш Ганс — мститель за убитых детей, так, что ли? — пробормотал Гебхард. — Но при чем здесь Берфельде? Разве он работал в приюте?

— Нет, Берфельде в приюте не было, — ответил Эдер. — И я до войны никогда не слышал его имени.

— Фантастическая история, — пробормотал Гебхард. — Пойду-ка я домой, а то окончательно сойду с ума. А вдруг этот ваш Ганс ополчился на всех врачей? Впору и мне просить защиты у полиции.

Эдер проводил его и вернулся.

— Господин Эдер, простите меня за болтливость, — произнес Мариссель. — Это я рассказал о вашем «видении»...

Эдер отмахнулся:

— Вам не о чем сожалеть. Какие уж тут секреты в такой ситуации.

— То, что вы рассказали о детском приюте, это и в самом деле так ужасно? — запинаясь, задала вопрос Черил. — Нацисты убили всех детей? Просто потому, что они больные?

Эдер кутался в теплую куртку, ему явно нездоровилось.

— Приютом занималась зондеркоманда СС. У нее был приказ — уничтожить всех, чье существование вредит

нравственному и физическому здоровью нации, как тогда говорили. А люди вокруг... Немецкий народ был равнодушен к судьбе детей-калек.

Я работал тогда в кельнском епископате, — продолжал Эдер. — Я ушел из школы, потому что не мог преподавать то, что требовали нацисты. Проповеди нашего епископа, человека мужественного и честного, произвели на меня впечатление. Я подумал: вот человек, рядом с которым я должен быть в такое время. Он, не скрываясь, говорил о своей оппозиции режиму.

В начале сорокового года эсэсовцы потребовали выдать им тридцать детей-калек. Они подогнали к приюту серый автобус с занавешенными окнами. Эти автобусы, использовавшиеся зондеркомандами, принадлежали нацистской организации «Бесплатная перевозка больных». Директор не отдал детей, и епископ его поддержал. Эсэсовцы уехали. И мы успокоились, решив, что дети спасены.

Разумеется, мы недооценили силу и настойчивость партийного аппарата. По распоряжению партийной канцелярии в приют прислали анкету. Каждый воспитанник должен был пройти планово-экономическую регистрацию. В анкете были два главных вопроса: диагнозы больных и их расовая принадлежность. Директор приюта скрывал у себя нескольких еврейских детей, и нацисты узнали об этом: ведь в приюте работали не одни праведники.

Наибольшей опасности подвергались самые беспомощные и неработоспособные обитатели приюта. Тогда директор собрал всех нас, кому он доверял, и попросил написать новые истории болезни. Мы сидели всю ночь, и к утру больничные карты были исправлены в пользу несчастных детей. На основании новых больничных карт мы ставили в анкетах спасительные пометки: «условно работоспособен», «способен к обучению». Но и эта победа была недолгой.

В конце концов нацистам просто надоело с нами возиться. Эсэсовцы явились в приют и вывезли всех, кого сочли недостойными жизни. Воспитательницы рассказывали мне потом, что дети, даже не понимая, что

именно их ждет, уезжали с криком и плачем. Мальчики постарше срывали со стен портреты Гитлера и топтали их ногами. Воспитательницы, плача, увязывали им узелки с одеждой и упаковывали игрушки, хотя было ясно, что игры для этих детей закончены навсегда.

Директор приюта уже ничего не мог поделать. Он все-таки хотел остаться на этом месте, чтобы избежать худшего. На его место могли назначить человека, который разом отправил бы весь приют на эвтаназию. Директор жертвовал одними, чтобы спасти других. Он еще на что-то надеялся.

В те дни я часто приезжал в приют, — вспоминал Эдер, — епископ хотел знать, что там происходит. По его просьбе я попытался проследить путь увезенных из приюта. Один католический священник помог мне. Он сказал, что дети находятся в бывшей больнице для туберкулезников. Их либо убивают смертельными инъекциями, либо используют для медицинских экспериментов.

Вместе с мужественным священником мы проникли в больницу, куда отвезли наших детей. Трое мальчишек еще были живы. Священник потребовал, чтобы ему разрешили их увидеть. Он носил партийный значок, и старшая сестра не посмела ему отказать.

Нам пришлось ждать три часа. Столько времени понадобилось санитарам, чтобы привести детей в порядок. Нас провели в только что вымытую комнату, дети лежали на чистых простынях. Священник потребовал, чтобы старшая сестра вышла из палаты, и тогда мальчики показали, что с ними сделали. Их худенькие тела были в красных, синих и желтых кровоподтеках. Им делали какие-то болезненные уколы. Им пересаживали кусочки кожи, в том числе от животных.

Когда мы уходили, мы понимали, что детей не оставят в живых. Священник дал им последнее причастие. Они умерли еще до того, как я успел добраться до епископа.

Выслушав меня, епископ спросил: «Что я могу сделать?»

Я не знал. Мы не могли противостоять нацистам. Что такое совесть, они не знали, а законы приспособили к сво-

ей идеологии. Нацисты могли подчиниться только силе, но сила была в их руках.

Епископ был смелым человеком. Монархист и консерватор по убеждениям, он первоначально приветствовал усиление Германии под руководством Гитлера, но уже очень скоро отказался одобрить политику нацистов.

Епископ написал воскресную проповедь, которую произнес в переполненной церкви. Но лишь немногие из тех, кто слушал епископа, были готовы согласиться с ним: его склад мыслей противоречил настроениям в немецком обществе.

«Если когда-нибудь будет признано, что люди имеют право убивать «непроизводительных» людей, пусть даже для начала речь идет о душевнобольных, тогда будет разрешено убийство всех «ненужных», будь то неизлечимо больной, инвалид труда или войны. Затем станет позволительным убийство всех нас, когда мы станем старыми и ослабеем и тоже превратимся в «ненужных», — говорил епископ, и голос его разносился над паствой. — Горе людям, горе нашему народу, если святая заповедь Божья «не убий», которую Господь, Творец наш, провозгласил на горе Сион и с самого начала записал в души людей, постоянно преступается, к тому же совершенно безнаказанно для тех, кто вершит сие зло».

Текст воскресной проповеди, размноженный на гектографе, разошелся в тысячах экземпляров. Британские самолеты сбрасывали ее над Германией в виде листовок. Имперский министр пропаганды и руководитель столичной партийной организации доктор Йозеф Геббельс назвал проповедь «бесстыдной и провокационной речью, ударом в спину».

Епископа не тронули, чтобы не портить отношения с Ватиканом и призывниками-католиками. С епископом решили посчитаться после войны, когда Германия одержит победу...

Проповедь возымела некоторое действие. Партийные власти отступились. Приют на какое-то время оставили в покое, и я подумал, что худшее позади. В этот момент мы с женой окончательно решили уехать в Швейцарию, потому что началась война с Россией, меня могли при-

звать, а я не хотел воевать на стороне нацистов. Заграничные паспорта с помощью епископа мы получили достаточно легко и, таким образом, сумели спастись.

— А что же произошло с приютом после того, как вы уехали? — спросила Черил.

— В сорок третьем я получил письмо от того самого священника, с которым мы навещали умирающих детей в больнице. Директору приюта местные власти сообщили, что район Кельна подвергается бомбардировкам союзников и детей нужно эвакуировать в безопасное место. Причина казалась вполне правдоподобной. Директор и врачи ничего не заподозрили, хотя в письме была фраза, которая должна была их насторожить: «Необходимо оповестить родственников о перемещении больных, но это следует сделать после эвакуации». В приюте должны были понять скрытый смысл этого предупреждения.

И вот вновь появились эти длинные серые автобусы с зашторенными окнами. Забрали всех детей, и всех убили. Приют обезлюдел, а в сорок пятом сгорел.

За несколько месяцев до конца войны немецкие епископы распорядились прочесть в церквях послание волхвов о десяти заповедях. В этом послании осуждалось убийство «невинных и беззащитных, слабоумных и душевнобольных, неизлечимо больных и смертельно раненных, людей с наследственными заболеваниями и нежизнеспособных новорожденных, безвинных заложников, безоружных военнопленных и уголовных преступников, людей иной расы и происхождения». Само по себе это было прекрасное послание, но оно уже никого не спасло. Слишком поздно...

Эдер замолчал. Он залпом выпил стакан воды и откинулся в кресле.

Черил молчала, потрясенная его рассказом.

— Я много читала о Третьем рейхе, — сказала она. — Я слышала и об эвтаназии, но ничего конкретного. Я не могу понять, как же немецкие врачи перестали лечить людей и стали их убивать.

Эдер устал и потому говорил теперь медленно:

— Врачи, которые занялись программой эвтаназии, были очень молоды, честолюбивы и озабочены исклю-

чительно карьерой. Они жаждали участия в крупных проектах, разработанных партийным аппаратом, и воспринимали такого рода поручения как возможность выдвигнуться, как честь, им оказанную...

Эти врачи охотно откликнулись на лозунг нацистов о здоровой нации и решили, что душевнобольных и инвалидов в обществе быть не должно.

В марте сорок пятого Гитлер одобрил меры, которые предполагалось предпринять после победы: провести всегерманское рентгеновское обследование, и больных, страдающих заболеваниями сердца и легких, отсортировать и стерилизовать.

— В марте сорок пятого Гитлер, видимо, уже находился в состоянии параноидального бреда, — произнес Мариссель.

Эдер провел рукой по лицу, прикрыл глаза. Ему были неприятны слова Марисселя.

— Поймите, дорогой Мариссель, вы совершаете величайшую ошибку, когда называете бредом нацистские идеи. Гитлер предложил людям программу, которую они поддержали. А многие поддерживают и сейчас. Даже в либеральных общественных системах, таких, как Швеция или Соединенные Штаты, еще в сороковых—пятидесятых годах люди подвергались насильственной стерилизации. Так наказывали алкоголиков, проституток, бродяг. Их жизнь тоже признавалась ненужной обществу, а потомство опасным. И эта идея очищения общества от вредных элементов медико-биологическими средствами не умирает. Теперь сторонники таких мер предлагают избавиться от больных СПИДом.

Мариссель хотел продолжить разговор, но, увидев, в каком состоянии находится Эдер, уговорил его идти спать. Мариссель и Черил остались одни. Черил посмотрела на Марисселя:

— Наверное, я понимаю, зачем ты повез меня сюда.

Мариссель посмотрел ей прямо в глаза.

— Нет, ты не понимаешь, — проговорил он ровным голосом. — Ты просто плохо знаешь историю своей семьи. Один из твоих близких родственников погиб вместе с другими обитателями приюта Ахенхоф.

Черил с изумлением посмотрела на него:

— Это невозможно, все мои родные бежали из Германии вскоре после прихода нацистов к власти.

Мариссель покачал головой:

— Все, кроме твоей сестры.

— Но у меня не было сестры! — удивилась Черил.

— У тебя была сестра, — произнес Мариссель. — Просто твои родители никогда тебе о ней не рассказывали. Они сами хотели забыть обо всем и уж тем более не желали отравлять жизнь тебе.

Черил была потрясена:

— Моя сестра? У меня была сестра?

— Точнее сказать, сводная сестра, — сказал Мариссель. — Твой отец рано женился, когда жил в Германии. Девочка родилась слепой и с некоторыми другими отклонениями. Ее отдали в приют Ахенхоф. Здесь она и погибла. Ее звали Рита. Твой отец был женат на немке. Нацисты заставили ее развестись с твоим отцом. Он бежал из Германии и уже в Америке познакомился с твоей матерью, которая тоже была родом из Германии.

Ошеломленная Черил спросила:

— Откуда ты это знаешь?

— Люсиль попросила меня помочь ей найти родственников тех, кто погиб в приюте. Это ведь история приюта подействовала на нее так сильно, что она решила приехать в Израиль. Она составила списки всех погибших в приюте. Люсиль хотела найти в Израиле их родных. Но не все живут в Израиле. Я стал искать других, — так мелькнула прежняя фамилия твоего отца. Он сменил фамилию, когда переехал в Соединенные Штаты.

— Почему же Люсиль сама мне ничего не сказала?

— Я не успел ей об этом рассказать, — вздохнул Мариссель. — Я узнал о твоём отце совсем недавно.

Они помолчали.

— Но почему же он никогда об этом не говорил? — недоумевала Черил.

Мариссель улыбнулся:

— Станешь матерью, поймешь, почему так хочется избавить детей хотя бы от некоторых неприятностей. — И тут его лицо вновь стало серьезным. — Я прошу тебя

быть осторожной. Из-за того, что здесь случилось, ситуация стала щекотливой. Никому не говори о том, что я тебе рассказал. Твоя личная заинтересованность может насторожить следователя, а я не хотел бы привлекать к тебе внимание.

Черил отвернулась:

— О своей службе ты не в состоянии забыть ни на секунду. Я даже не знаю, в состоянии ли ты позволить себе быть просто человеком.

Мариссель развел руками.

Глава 11

ОПОЗНАНИЕ

Проснувшись, Эдер обнаружил, что его припасы истощились, посему они все вместе предприняли вылазку за продуктами. В поселке только и говорили, что об убийстве доктора Берфельде. Доктора считали человеком неприятным, при жизни его недолюбливали — в отличие от Гебхарда. Но сейчас все были полны сочувствия к несчастному доктору.

— У кого только могла подняться рука на бедного старика? — сокрушался зеленщик, помогая Эдеру загрузить покупки в сумку на колесиках. — Не иначе, как какой-то бродяга, которых бог знает сколько развелось по стране...

В булочной продавщица высказала другое предположение:

— Мне говорили позавчера, что в округе видели цыган. Я сразу мужу сказала: теперь жди неприятностей. Это же такой народ — обязательно что-нибудь украдут или пожар устроят. Доктор один жил, вот и польстились на его добро...

Назад сумку вез Мариссель. Он же, вежливо отстранив Эдера, и расплачивался повсюду.

— Мы и так беззастенчиво пользуемся вашим гостеприимством, — объяснился он с Эдером.

В местной вечерней газете уже были сообщение об убийстве доктора Берфельде и некролог, написанный

Геххардом. Покойного называли «великим тружеником, беззаветно служившим отечественной медицине».

Дома их ждал сюрприз. Слегка съехав с дороги, стоял полицейский автомобиль, а у двери нетерпеливо прогуливался следователь Вессель. Он отоспался и выглядел лучше, чем ночью. Вид у него был решительный и деловой. Он объявил, что должен допросить Марисселя как свидетеля. Эдер и Черил оставили их в гостинной, а сами поднялись наверх.

Следователь разложил свои блокноты и включил магнитофон. Мариссель с интересом наблюдал за его манипуляциями. Люди его профессии избавлены от унижительного сердцебиения, которое обычно начинается у законопослушного гражданина, когда его останавливает полицейский.

— Могу я выяснить, чем вызвана необходимость допроса? — поинтересовался Мариссель.

— Можете, — кивнул полицейский. — После вашего появления при невыясненных обстоятельствах умерли два человека.

— После не значит поэтому, — возразил Мариссель.

— Разумеется, — согласился следователь. — Я допрашиваю вас не как подозреваемого, а как свидетеля.

За себя Мариссель не беспокоился, но вслед за ним следователь захочет допросить Черил, и неизвестно, как девушка это перенесет.

Со стандартными вопросами следователь Вессель справился быстро. Мариссель рассказал, что по профессии он врач и в настоящее время работает в Международном комитете Красного Креста в Женеве.

Следователь заставил его вспомнить в деталях, что он делал после приезда, и даже попытался составить нечто вроде хронологической таблицы. Получалось, что в часы смерти Герды Шарф и убийства доктора Берфельде алиби Марисселя никто не мог удостоверить.

— Печальная ситуация, — иронически заметил Мариссель.

— Неприятная, — поправил его следователь. Ему не понравилось, что свидетель позволяет себе шутить. Следователь не находил ничего смешного в своей работе и

подозрительно относился к тем, кто веселился на допросах. — Вообще говоря, у меня есть все основания взять у вас подписку о невыезде. Но я пока воздержусь. Предупреждаю, однако, что я пошлю запрос в Женеву, — многозначительно добавил следователь, — относительно вашего прошлого.

— Зачем же вы мне это говорите? — усмехнулся Мариссель. — Если я не тот, за кого себя выдаю, то после вашего предупреждения немедленно смоюсь.

— У каждого свои методы работы, — произнес загадочно следователь. — А правосудия избежать невозможно.

У Марисселя на сей счет были сомнения, но он не стал ими делиться со следователем. Относительно запроса в Женеву он мог не беспокоиться. Он действительно работал некоторое время на Красный Крест и числился в длительном отпуске.

Вессель пригласил на допрос Черил.

Она держалась спокойно и уверенно, показала свой американский паспорт и по часам изложила, что именно делала в доме Эдера. Ей показалось, что следователь допрашивал ее чисто формально.

События развивались стремительно. От неспешного первого дня, проведенного Марисселем и Черил в доме Эдера, не осталось и следа. Да и весь поселок в значительной мере лишился покоя. Мариссель пытался читать газету, но из этого так ничего и не вышло: он больше прислушивался к шуму с улицы, по которой разъезжали на машинах и мотоциклах полицейские. Черил устроилась в углу с какой-то книгой в руках. А вот Эдер, в отличие от нее, никак не мог обрести равновесие. Он то присаживался на диван, то вскакивал, то брал в руки газету (их накопилась целая пачка), то выглядывал из дому.

Мариссель, беспокоясь за Эдера, предложил ему прогуляться: когда нервничаешь, лучше всего двигаться.

Они вышли втроем на улицу, и тут же у дома затормозил «мерседес» доктора Гебхарда.

— Вы позволите воспользоваться вашим телефоном? — на ходу спросил он и, не дожидаясь ответа, влетел в дом.

— Опять что-то случилось, — пробормотал Эдер. — Если так дело пойдет, все отсюда разъедутся, и мой дом опять останется единственным обитаемым во всей округе, как это было после войны...

Геххард вернулся через минуту. Он был возбужден до крайности и тяжело дышал.

— У меня в больнице назначена операция. Я сказал ассистенту, чтобы они обошлись без меня. Вы знаете, что происходит?

— Что вы имеете в виду? — одновременно спросили Мариссель и Черил.

— Полчаса назад у озера лодочник заметил подозрительного типа. Лодочник пьян, но, похоже, обнаружился тот, кого вы видели в день похорон Герды, то есть убийца Берфельде. Сейчас его ищут. Приехал следователь, вызвал подкрепление. Полиция всех жителей созывает на поиски. У меня с собой в машине ружье, хочу помочь им.

Он открыл багажник и вытащил новенькую двухстволку и патронташ. Силой вогнал два патрона и победно посмотрел на Эдера.

— С вашего разрешения я оставлю здесь машину.

Он приветственно взмахнул рукой и быстрым шагом направился к озеру.

Мариссель с изумлением посмотрел Геххарду вслед.

— В нашем крае хорошая охота, — сказал Эдер. — Всякий сколько-нибудь уважающий себя житель поселка бредит охотничьими подвигами. Благородная мужская забава...

Еще несколько машин на большой скорости пронеслись к озеру, откуда слышались чьи-то бодрые крики.

— Мне это не нравится, — произнесла Черил.

Эдер, заложив руки за спину, смотрел в сторону озера.

— Охота на людей — не новость на этой земле. И всегда находились желающие принять в ней участие.

Мариссель посмотрел на часы.

— Скоро стемнеет. Они могут перестрелять друг друга.

— Ну, себе они вряд ли навредят, — заметил Эдер. — Скорее, бродяге какому-нибудь достанется, если он им в руки попадется.

Он открыл дверь небольшой пристройки к дому, где находился гараж и небольшая мастерская. Покойная жена Эдера оборуговала ее под студию.

— Я немного повожусь по хозяйству, — объяснил Эдер. — А вы погуляйте еще.

Мариссель и Черил отправились в обратную от озера дорогу. Поселок по-прежнему был возбужден. Страсти бушевали в пивной, мимо которой прошли Мариссель и Черил. Посетителей набилось до отказа, и к стойке невозможно было протиснуться. Только возле кинотеатра не было никого. На секунду у Марисселя возник соблазн забраться на два часа в темный зал и, обо всем забыв, посмотреть фильм, но Черил решительно воспротивилась.

— Будем гулять, — заявила она.

Время от времени какая-нибудь машина проносилась к озеру. Оттуда пока никто не вернулся.

— Какая страшная история произошла с доктором Берфельде, — сказала Черил. — Кому понадобилось убивать его? Неужели действительно какой-то бродяга, увидев, что в доме больше никого нет, напал на старого человека?

Мариссель пожал плечами: бродяга или даже грабитель, увидев, что поблизости стоит полицейский, за три версты дом обойдет. Ему показалось, что Эдер чего-то недоговаривает. Его странное видение в церкви, обращение Берфельде в полицию... Явно они видели одного и того же человека, только Эдер не испугался, а Берфельде сразу понял, зачем появился этот человек.

— Загадочная история, — чуть слышно пробормотал он.

Черил и Мариссель сделали круг и двинулись назад. Уже стемнело, и их беспокоило, что охота на озере продолжалась.

Эдера в доме не было. Мариссель расположился у приемника, чтобы послушать новости. Черил забралась с ногами в кресло и накрылась пледом. Эдер появился минут через десять, усталый и озабоченный. Он долго мыл руки и переодевался.

— В сущности, я мог бы помочь вам в гараже, — предложил Мариссель. — Я кое-что умею. В молодости мне приходилось даже двигатели ремонтировать.

Эдер от помощи отказался.

— Эта работа мне в удовольствие, — пояснил он. — Я стараюсь побольше двигаться и заниматься физическим трудом. Давно собирался почистить гараж, да все недосуг было. А тут разозлился и почти все сделал.

Они сели ужинать. Мариссель прислушивался: что там на озере. Черил разливала чай.

Доктор Гебхард появился в четверть двенадцатого, когда Черил начала откровенно зевать. Мариссель уговаривал ее пойти спать, но она отказалась. Гебхард ощущал себя героем и как должное принял и рюмку коньяку, и овощное рагу, разогретое в микроволновой печи, и апельсиновый чай с неизменным пирогом.

— Пусто, — сказал он с набитым ртом. — Прочесали всю рощу, прошли через поле, добрались до леса. Все усталые, злые. Следовательно уверен, что он где-то здесь.

— Кто он? — переспросила Черил.

— Как кто? — огрызнулся Герхард. — Убийца! — Он повернулся к Эдеру: — Следовательно уверен, что он скрывается у нас в поселке, нашел пустой дом или залез в подвал. У Весселя хватка бульдожья, не выпустит.

Гебхард доел пирог и уехал, напомнив, что они скоро увидятся — на похоронах Берфельде.

— Когда они состоятся? — спросил Мариссель у Эдера.

— Послезавтра. Пока тело увезли в Кельн, для судебно-медицинской экспертизы.

— А на следующий день мы с Черил вас покинем, — заметил Мариссель.

— Уже? — искренне огорчился Эдер. — Я привязался к вам. Грустно мне будет опять одному оставаться. С вашим появлением жизнь здесь действительно стала наполненной.

— В таком случае нам надо поскорее уносить отсюда ноги, — заключил Мариссель. — Если каждый день нашего пребывания в поселке ознаменуется одной смертью, то поселок быстро опустеет...

Утро против обыкновения началось спокойно. Прогулка, завтрак, газеты. Как в санатории, подумал Мариссель. Он внимательно наблюдал за Черил. На свежем воздухе она приободрилась, смотрела веселее, иногда улыбалась.

Но в полдень появился следователь, и разговоры в доме Эдера вернулись к привычной уже теме.

Вессель был напряжен и озабочен. Теперь его повсюду сопровождали два полицейских. Один остался в машине, другой вошел вместе с ним и расположился на диване, внимательно рассматривая присутствующих.

— Я намерен провести опознание, — объявил Вессель.

Он достал из портфеля несколько фотографий и, сверяя с записанными на обороте номерами, разложил их на столе. Две фотографии, как заметил Мариссель, были совсем старыми, пожелтевшими. Черил рассматривала снимки с детским любопытством.

— Вы знаете этого человека? — резко спросил Вессель. — Учтите, что все ваши ответы заносятся в протокол.

Эдер склонился над столом.

— Конечно, — сказал он. — Это Ганс. До войны он работал в детском приюте Ахенхоф.

— Вы его видели во время похорон госпожи Шарф?

— Думаю, что его.

— Такой ответ меня не устраивает, — произнес недовольно Вессель. — Посмотрите еще раз.

Эдер не стал больше разглядывать фотографии. Он сидел очень прямо и смотрел Весселю в глаза.

— К сожалению, господин следователь, я не могу выразиться определеннее. Я видел его буквально несколько секунд, его лицо мелькнуло в толпе и исчезло. Не могу поручиться, что это он.

Вессель сложил фотографии в портфель.

— Это фотографии одного и того же человека. Его зовут Ганс Райнфранк. Вы правы, господин Эдер, он действительно работал в приюте. В сорок четвертом был посажен в концлагерь. После войны оказался в психиатрической клинике. В период ремиссии выпущен. Устроился в Кельне в столярной мастерской, но пробыл на свободе меньше года. Совершил тяжкое уголовное преступление: убил доктора Манфреда. Специалист по врачам! — иронически добавил следователь. — Неделию назад освобожден из тюрьмы. И сразу же совершил новое убийство. Наша юридическая система страдает из-

лишним либерализмом, — с явным сожалением завершил следователь.

— Я знал доктора Манфреда, — как всегда коротко заметил Эдер.

Мариссель с интересом посмотрел на Эдера. Он уже понял, что Эдер знает много больше, чем говорит.

— Он был известным человеком в Кельне, — сказал Вессель. — Я слышал о его трагической гибели. Варварское, ничем не мотивированное убийство человека, представляющего самую гуманную профессию. Я затребовал дело из архива и пролистал его. Этот Ганс Райн-франк просто дегенерат и садист.

— Он объяснил тогда, почему убил Манфреда? — поинтересовался Эдер.

Вессель небрежно отмахнулся:

— Он отказался отвечать на вопросы, да и вряд ли он способен сформулировать хотя бы одну мысль. Его схватили на месте преступления, так что его желание или нежелание давать показания значения не имело.

Вессель собрал свои бумаги в пухлый портфель.

— Сегодня парень сумел уйти от нас, но, думаю, скрывается где-то поблизости. Отсиживается у кого-то из друзей. Сейчас мои люди пытаются установить его старые связи. Наверняка тут есть кто-то, кто ему помогает.

— Он не был здесь с сорок четвертого года. Какие у него могут быть друзья? — возразил Эдер. — Да он и не умел разговаривать с людьми. Молчал, даже когда к нему обращались. Правда, дети в приюте его любили.

— Какие-то контакты есть у всех, — проговорил веско следователь. — Вот вас же он знает, например, верно?

Следователь кивнул полицейскому, и они вышли.

— Необъяснимые бывают повороты в жизни, — сказал Мариссель. — С одной стороны, безобидный паренек, которого любят несчастные дети-калеки, с другой — беспощадный убийца.

— Почему он убивает врачей? — спросила Черил. Она молчала, пока следователь не ушел: побаивалась холодного взгляда Весселя.

— Частично я отвечу на ваш вопрос, — произнес Эдер. — Доктор Манфред одним из первых среди вра-

чей Кельна вступил в национал-социалистическую партию и СС. Он занимался проведением в жизнь Закона о предотвращении появления потомства с нездоровой наследственностью. Ганс был психически нездоров, он подпал под действие этого закона, и его стерилизовали. Так что, вероятно, это была месть доктору Манфреду за боль и унижение.

— В некоторых европейских странах в начале века тоже были приняты законы о стерилизации, — заметил Мариссель, — но обычно требовалось согласие пациента или родственников. В те времена евгенику повсюду понимали примитивно, и задачу улучшения наследственности решали хирургическим путем.

— Ужасно, — промолвила Черил и зябко повела плечами. — Как хорошо, что у нас в Америке ничего подобного не было.

— Увы, Черил, — проговорил мягко Мариссель, — это было почти везде. В Калифорнии закон о стерилизации тоже существовал, но применялся редко. Когда стали очевидны жестокость и бессмысленность таких мер, его отменили.

— Но не в Германии, — сказал Эдер. — Напротив, здесь все подобные идеи только расцвели при нацистах.

Эдер принес целую папку со старыми газетными вырезками: он сохранил их с тех пор, как преподавал историю.

Закон о предотвращении появления потомства с нездоровой наследственностью был принят вскоре после прихода нацистов к власти — 14 июня 1933 года.

Первый параграф закона гласил, что носитель наследственного заболевания может быть стерилизован хирургическим путем, если можно ожидать, что его потомки будут страдать тяжелыми физическими или психическими недугами.

Носителем наследственного заболевания закон признавал тех, кто страдает врожденным слабоумием, шизофренией, маниакально-депрессивным психозом, эпилепсией, пляской святого Витта, наследственной слепотой или глухотой. В законе говорилось также, что может быть подвергнут стерилизации и тот, кто страдает тяжелой формой алкоголизма.

Некоторые врачи возражали: еще неизвестно, действительно ли эти заболевания являются наследственными. Но особых протестов закон не вызвал. Многие сочли его справедливым, потому что он должен был помочь улучшить жизнь народа.

Вступившие в нацистскую партию ученые доказывали, что, если бы не был принят закон, полноценные немцы были бы поглощены морем неполноценных, которые размножаются с невиданной скоростью. Поэтому «душевнобольные и прочие неполноценные не имеют никакого права иметь детей».

Один психиатр поразил воображение своих сограждан исследованием генеалогического древа женщины, которая жила век назад и, как он утверждал, была «пьяницей, воровкой и бродягой»:

«Известны 843 потомка этой женщины. Обстоятельства жизни 709 из них изучены с достаточной степенью достоверности. Среди них незаконно рожденных — 106, проституток — 181, нищих — 142, проживающих в приюте для бедных — 64, преступников — 76, из них семеро убийц. Преступники из числа ее потомства провели в тюрьмах в общей сложности 116 лет. В пятом поколении почти все женщины были проститутками, а мужчины преступниками».

Черил быстро заметила, что авторы подобных статей постоянно цитируют друг друга, оперируя одними и теми же примерами. Но читателю, ознакомившемуся только с одной статьей, кажется, что суждения автора научно обоснованы.

Перелистывая небольшое досье Эдера, Черил с удивлением и отчаянием убеждалась, что стерилизацией занимались не садисты, а врачи, которые называли себя патриотами.

Серьезные ученые пытались предостеречь малограмотных коллег, вдохновленных идеями национал-социализма, от ложных надежд, объясняя, что стерилизация никоим образом не способствует искоренению психических заболеваний. Опытные психиатры говорили, что девяносто процентов шизофреников рождается от практически здоровых родителей, но стерилизация казалась таким замечательным делом...

Вальтер Гросс, руководитель бюро нацистской партии по политике в области народонаселения и сохранения расы, заявил на партийном съезде в Нюрнберге:

«Государство тратит свои средства на содержание душевнобольных, слабоумных и идиотов в то время, как для простого здорового сына народа едва находятся деньги! Для пьяниц и слабоумных строят настоящие дворцы! Немыслимые суммы тратятся на школы для слабоумных! Закон о предотвращении появления потомства с нездоровой наследственностью освободит нас от балласта существ, которые парализуют силы нашего народа».

Черил, конечно, не знала, в каком состоянии находились психиатрические учреждения в Германии в начале 30-х годов, но насчет «дворцов» для психических больных сильно сомневалась. Даже в богатой Америке пациенты подобных учреждений меньше всего могли надеяться на роскошь. Выступление партийного чиновника было чистой воды демагогией, но неосведомленному человеку все объясняло: вот почему мне живется плохо — мои деньги уходят дегенератам и пьяницам.

Черилл, не отрываясь, читала несколько часов. Она перенеслась в другую эпоху и, когда Мариссель оторвал ее от чтения, с каким-то удивлением посмотрела вокруг себя. То, о чем она узнавала, происходило на этой земле каких-то полвека назад.

Эдер принес еще одну с папку с вырезками.

Нацистские врачи с энтузиазмом взялись исполнять Закон о предотвращении появления потомства с нездоровой наследственностью. Они составили перечень признаков врожденного слабоумия: «ограниченные способности суждений», «несамостоятельность в мышлении, суждениях и действиях», «отсутствие критической оценки чужого влияния»...

Мариссель заметил, что под это описание больше всего подходят сами члены национал-социалистической партии, воспринимавшие каждое слово фюрера как закон...

Исполнителей закона охватил охотничий азарт. Учителя из школ для умственно отсталых предлагали для стерилизации своих учеников. Добровольные помощни-

ки партии задерживали и передавали властям для стерилизации нищих и пьяниц. Зубные врачи, массажисты, акушеры и даже знахари были обязаны сообщать государственным органам о пациентах, страдающих наследственными заболеваниями.

«Ведь ты скажешь правду, если тебя спросят? — говорилось в обращении попечителя глухонемых из Вупперталя. — Подари своему дорогому народу то, что он от тебя требует! Принеси ему эту жертву как знак благодарной любви!»

Представления на стерилизацию поступали в суды по делам о здоровой наследственности. В каждом заседании принимали участие двое врачей. «При подборе врачей, — говорилось в комментариях к закону, — особое внимание следует уделить тому, чтобы эти врачи стояли на позициях национал-социалистического мировоззрения».

Доктор Манфред, которого убил этот странный парень Ганс, накануне войны стал в Кельне заседателем в суде по делам о здоровой наследственности. Он принадлежал к убежденным сторонникам стерилизации.

Черил обнаружила одну из его статей. Доктор Манфред писал, что «преступный мир по большей части формируется из слабоумных, поэтому общество должно быть заинтересовано в сооружении плотины против наследственного слабоумия. Наша задача — очистить пашню Божью от этих сорняков».

В этих судах формула «сомнение толкуется в пользу обвиняемого» заменялась другой — «сомнение толкуется в пользу родины». Один из профессоров, читая лекцию по расовой гигиене, назвал суд по делам о здоровой наследственности полем боя: «Эта битва ведется ради всего народа и его детей». Лучше стерилизовать на одного больше, чем на одного меньше, потому что каждый из них представляет опасность для нации...

Стерилизацией занимались люди, которые по долгу службы должны были заботиться об инвалидах с детства, о сиротах и других несчастных. Один из таких опекунов издал целую работу, которая называлась «Немецкие законы об охране брака и наши подопечные»:

«В настоящее время стало совершенно очевидно, что кровь евреев, негров и цыган несовместима с нашей. Государство должно принять на себя обязанности садовника. Задача — устранить непригодный с точки зрения партии семенной фонд. Работа по очистке неизбежна».

— Сколько же человек стерилизовали? — спросила Черил.

— Примерно четыреста тысяч, — ответил Эдер. — В данном случае национал-социалисты не очень беспокоились о статистике и не стремились к тому, чтобы все случаи обязательно были зафиксированы. Когда в сентябре тридцать девятого началась Вторая мировая война, многих врачей и судей призвали в армию, неизлечимо больных, инвалидов и прочих стали просто истреблять. Со стерилизации государство переключилось на эвтаназию.

Они проговорили до поздней ночи, пока Черил не начала засыпать прямо в кресле. Уйдя к себе в комнату, Мариссель думал о страданиях людей, которых сочли опасными для общества. О несчастных, которые скорее готовы были покончить с собой, чем перенести этот позор. О тех, кто умер на операционном столе. О тех, кто и сейчас страдает и чьи душевные раны никогда не заживут.

Глава 12

ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Утром полицейский на мощном мотоцикле привез повестку. Следователь Вессель официально вызывал Эдера на допрос.

— Следователь начинает нажимать на вас, — забеспокоился Мариссель. — Какие, интересно, сведения он рассчитывает у вас получить?

Эдер одевался перед зеркалом.

— Он не может найти убийцу доктора Берфельде, он не может найти Ганса и поэтому нервничает. Сейчас он по второму кругу начнет допрашивать всех, с кем уже беседовал. Дело распухает, и создается ощущение, что расследование продвигается.

Эдер предложил Марисселю и Черил воспользоваться случаем и съездить вместе с ним в город.

Но Черил, даже выпив большую чашку кофе, никак не могла проснуться. Мариссель тоже отказался:

— Дорожу каждым часом, который можно провести на свежем воздухе.

Мариссель действительно гулял часа два с половиной вокруг озера — в полнейшем одиночестве, ему не встретился ни один человек. На вилле Герды Шарф было пусто. Возле опечатанного дома Берфельде дежурил полицейский, проводивший Марисселя внимательным взглядом.

Аккуратный Мариссель решил воспользоваться отсутствием хозяина, чтобы навести порядок в доме. На кухне он тщательно подмел пол, а гостиную, отыскав пылесос, основательно вычистил.

Черил, которая сидела на диване, одобрительно следила за Марисселем.

— Если ты решишь жениться, — сказала она, — я в твоём распоряжении. Если ты ещё и завтрак будешь готовить, я буду любить тебя до гроба.

Мариссель запустил в неё мокрой тряпкой и поднялся на второй этаж. Он пропылесосил свою комнату, затем позвал Черил и заставил её убраться у себя. Потом, поколебавшись, зашел в комнату Эдера. Здесь царил абсолютный порядок. Застеленная кровать, стол с большой лампой под абажуром, платяной шкаф с зеркалом.

Эдер был человеком скромного достатка, но его комната показалась Марисселю совсем уж аскетической. Она свидетельствовала о полном равнодушии к благам современного мира.

Под кроватью стояла плетеная корзинка. Мариссель отодвинул её в сторону, чтобы пройти пылесосом, и увидел, что в корзине лежит груда тряпья, отдаленно напоминавшая мужской костюм. Этот костюм был в пятнах бурого цвета.

Мариссель, подумав, задвинул корзину на прежнее место и продолжил уборку.

Когда приехал Эдер, Мариссель сразу сказал, что убрался повсюду, в том числе и в комнате хозяина. Эдер

поблагодарил его и стал пересказывать беседу со следователем.

За эти дни Вессель успел подробно ознакомиться с делом об убийстве доктора Манфреда и кое-чем поделился с Эдером.

Следователь сообщил Эдеру, что ему не удалось найти фамилию Ганса Райнфранка в списках подвергшихся стерилизации, но что он уверен, что Гансу все-таки сделали такую операцию. После войны Ганс, вероятно, хотел получить какую-то компенсацию. Для того чтобы его признали жертвой преследований при нацизме, он должен был предстать перед специалистами. Вессель полагал, что таким образом Ганс оказался в кабинете доктора Манфреда, которого как раз и назначили экспертом по таким делам...

— Да, прямо-таки шекспировский сюжет, — заметила Черил. — Жертва вновь оказывается перед своим мучителем — на сей раз в роли просителя.

— Таких историй сколько угодно, — произнес Эдер. — Конечно, желательно было назначить на все должности ненацистов, но их в Германии оказалось не так уж много.

И этот день, как и предыдущий, пролетел незаметно. Мариссель поднялся к себе, с сожалением подумав о том, что им с Черил остался всего один день отдыха в этом доме. Он потушил свет и лег, но почувствовал, что в комнате жарко, и решил пошире открыть окно.

Мариссель взялся за оконную ручку и вдруг увидел на улице спрятавшегося в кустарнике человека. Он присмотрелся внимательнее. Несомненно, кто-то сидел в кустах в нескольких метрах от дома.

Не включая света, Мариссель быстро оделся. Он раздумывал, не разбудить ли Эдера, но для начала захотел посмотреть, кто же бродит у них под окнами.

После двух загадочных смертей по соседству хладнокровный Мариссель ощутил в себе несвойственную ему прежде подозрительность. Стараясь не шуметь, он спустился вниз и пошел по коридору к гостиной. На первом этаже он опять выглянул в окно, но никого не увидел: незнакомец исчез.

Мариссель подошел к двери, очень тихо повернул ключ и медленно отворил ее. Он вышел на улицу и двинулся вдоль стены. Было очень тепло. Мариссель вглядывался в каждую тень. Он обошел вокруг дома и оказался у кустов, где несколько минут назад кто-то стоял. Теперь здесь было пусто.

Где-то по соседству дежурил полицейский. Мариссель подавил в себе желание наведаться к нему и спросить, не заметил ли он что-нибудь подозрительное. Он решил еще раз обойти вокруг дома. Теперь он уже шел увереннее, не пугаясь хрустнувшей ветки или шороха листьев.

Он приблизился к пристройке, где находился гараж, и в этот миг услышал шум у себя за спиной. Мариссель стремительно повернулся, но его ударили по голове чем-то тяжелым, и он без сознания рухнул на землю.

«Ничего не взяли», — это была мысль, с которой к Марисселю вернулось сознание. Открыв глаза, он увидел свою руку с золотыми часами и подумал, что нападавший не собирался его грабить. Он потрогал затылок — крови не было. «Уже хорошо», — решил Мариссель. Приподняв голову, он осмотрелся: вокруг никого. Вдруг в доме вспыхнул свет!

Сквозь неплотно задернутые занавески Мариссель увидел, что по лестнице поднимается одетый Эдер. Он вошел в свою комнату, и свет сразу потух.

Откуда шел Эдер? Почему он был одет? Неужели это милый и доброжелательный хозяин стукнул его по голове?.. Куда ходил Эдер ночью? От кого прятался в кустах? Мариссель вспомнил об одежде с пятнами крови в корзине.

Мариссель добрал до крыльца. Дверь оставалась незапертой. Он прошел в ванную, умылся. До затылка больно было дотрагиваться. Он растерся полотенцем, застегнул рубашку, собираясь выйти из ванной, и замер. За окном взвыла полицейская сирена, брызнул свет фар. Кто-то забарабанил в дверь:

— Откройте, полиция!

Мариссель стоял в нерешительности. Вниз спустился Эдер в халате. Он словно и не удивился, увидев Марисселя одетым, с полотенцем в руках.

Эдер спокойно открыл дверь и спросил:

— Что случилось?

На крыльце стояли следователь Вессель, а за ним двое полицейских в форме. Еще один полицейский остался возле машины. Полицейские держали в руках автоматы, и вид у них был очень решительный.

— Господин Эдер, вы не хотели бы сделать добровольное признание?

В тоне следователя была уверенность. Эдер по-прежнему стоял на пороге, не позволяя ночным гостям войти в дом.

— Я надеюсь, господин следователь, что у вас есть достаточно веские основания для того, чтобы врываться ночью в дом, — сказал он. — И вы завтра сможете изложить их прокурору, поскольку я намерен утром подать жалобу. Хочу напомнить вам, господин следователь, что мы сегодня беседовали два с лишним часа, и я подробнейшим образом ответил на все ваши вопросы. Мы можем продолжить наш разговор, если вы будете действовать в рамках уголовно-процессуального кодекса и вызовете меня должным образом оформленной повесткой.

— А если я попрошу у вас разрешения войти и осмотреть дом? — спросил сквозь зубы следователь.

— Вы получите отказ, — холодно ответил Эдер.

Минуту или две они смотрели друг на друга. Полицейские так же молча сжимали свои автоматы. В какой-то миг Марисселю показалось, что следователь Вессель прикажет полицейским войти в дом, но боязнь неприятностей пересилила.

— Утром я вернусь с ордером, — предупредил Вессель. — Во избежание недоразумений оставляю возле вашего дома полицейский пост. У вас нет оснований протестовать: это мера безопасности. Смысл ее — убедить вас от преступника, который, по моим сведениям, находится здесь... Я советую вам хорошенько подумать, господин Эдер, над последствиями вашего поведения. Тут уж не просто ваша репутация пострадает...

— Вы угрожаете мне? — тем же ровным голосом поинтересовался Эдер.

Вессель отвернулся от него и обратился к Марисселю:

— Господин Мариссель, у вас нет, надеюсь, оснований занимать такую же негативную по отношению к органам правопорядка позицию. Скажите мне честно, что вы знаете о скрывающемся преступнике?

Мариссель ответил с максимальной искренностью:

— Ничего, кроме того, что известно всем.

Следователь Вессель приблизил свое лицо к нему.

— У меня есть сведения, что беглый преступник скрывается в доме господина Эдера. Что вы можете об этом сказать? — произнес он, четко отделяя одно слово от другого, и тут же жестом остановил Марисселя. — Прежде чем отвечать, решите, стоит ли вам фигурировать на судебном процессе в качестве сообщника убийцы.

Мысли стремительно неслись в голове Марисселя. Похоже, следователь не ошибся. Одежда с пятнами крови в комнате Эдера... Неизвестный под окнами... Сказать? Ведь этот человек чуть не убил самого Марисселя. Им с Черил не нужны неприятности с полицией... Но он вдруг вспомнил слова Эдера: «Я никогда ни на кого не донесу полиции».

Эдер стоял в той же позе, равнодушно наблюдая за действиями следователя. Он и не подумал вмешаться в его разговор с Марисселем.

— Мне ничего не известно о скрывающемся преступнике, — ответил Мариссель.

Следователь повернулся на каблуках и спустился с крыльца. Полицейские следовали за ним. Они уехали на одной из двух машин. Вторая осталась.

Эдер запер дверь и без сил опустился на скамеечку, вырубленную из старого пня. Его лицо побелело, он тяжело дышал. Мариссель побежал за сердечными препаратами. Когда Эдера отпустило, он сказал:

— Как только началось все это, мне следовало сразу же посоветовать вам с Черил возвращаться домой.

— Бойтесь свидетелей? — вырвалось у Марисселя.

Эдер с удивлением посмотрел на гостя.

— Я свое отбоился. Однажды ко мне уже приходили. В отличие от нашего следователя, сотрудники гестапо сразу же меня забрали. Но на следующий день после моего ареста гауляйтеру понадобился наш епископ — что-то попросить у него. Епископ взамен попросил, чтобы меня отпустили. Гестаповец, возвращая мне отобранные при аресте деньги и документы, предупредил: «Прощаемся ненадолго». Тогда я мысленно уже приготовился к смерти, но все-таки успел уехать в Швейцарию. Чем же теперь может напугать меня следователь?

— Простите. — Мариссель действительно раскаивался. — Я сказал глупость. Но объясните: зачем вы или ваш... знакомый ударили меня полчаса назад возле дома?

— Я вас ударил? — изумился Эдер. — Чушь какая-то. Как это может быть? Я не выходил из дома и уж в любом случае не причинил бы вам зла.

— Я видел с улицы вас одетого и подумал, что вы только что вошли в дом.

— Я был в гараже, — объяснил Эдер. — Из коридора можно попасть в пристройку, не выходя на улицу.

— Но кто же в таком случае ударил меня? — Мариссель совсем запутался.

Эдер раздумывал недолго.

— Это мог быть только полицейский шпик. Они следят за домом, и, видимо, не первую ночь...

Мариссель присел на стул рядом с ним.

— Простите... Но мне придется задать этот вопрос.

— Конечно. — Эдер кивнул. — Я вам все расскажу. Собственно говоря, следовало это сделать раньше. Но я не хотел втягивать вас во все это...

— Он в гараже? — осторожно спросил Мариссель.

— Да. Он пришел к мне в тот день, когда на него устроили охоту. Он упал и распорол руку о сук. Я перевязал его и отдал свой костюм.

— Зачем вы это сделали? Ведь он преступник, убийца.

Эдер ответил не сразу.

— Я не мог поступить иначе. Его преследовали и гнали, как бешеную собаку. На всем белом свете у него был только один человек, к которому он мог обратиться за помощью. И он пришел ко мне.

Мариссель предложил выключить свет, чтобы полицейские не заглядывали в окна. Они сидели на кухне. Глаза Марисселя привыкли к темноте, и он даже различал, как менялось выражение лица Эдера.

— Что же теперь делать? — К Марисселю вернулось его обычное хладнокровие и привычка искать выход из любого положения. — Утром следователь вернется с ордером и арестует и его, и вас.

Эдер посмотрел на него тоскливыми глазами:

— Не знаю.

— Из дома есть второй выход?

— Бесполезно. Тут и двух шагов не пройдешь незамеченным. Вессель наверняка со всех сторон своих людей расставил.

— Попробуем вывезти его на машине? — предложил Мариссель. — До утреннего появления Весселя с ордером нас никто не остановит. Спрячем его в багажник машины.

— В багажник моей малолитражки не влезет и ребенок.

— А этот Ганс... Он что, действительно не в себе? — осторожно спросил Мариссель.

— По-моему, он рассуждает вполне разумно, — устало ответил Эдер. — Он сразу же пробормотал, что не хочет навлекать на меня неприятности, поэтому не останется в доме. Переоденется и уйдет. Я настоял на том, чтобы он лег спать. Он сказал, что больше не хочет в тюрьму. У него с собой яд.

— Яд, которым он убил доктора Берфельде?

Эдер не отозвался. Мариссель подумал про себя, что вариант с ядом совсем не плох. Если бы этот Ганс покончил жизнь самоубийством, Эдер всегда мог бы сказать, что ничего не знал, что преступник залез в дом без его ведома...

— Утром похороны Берфельде. — Мариссель словно бы размышлял вслух. — Нужны цветы, много цветов. Положим Ганса на заднее сиденье и завалим цветами. Вы останетесь здесь, а я отвезу его.

— Куда? Где он может спрятаться? — покачал головой Эдер. — Его задержат на первой же железнодорожной станции.

Марисселю казалось, что его добрый и милый хозяин не отдает себе отчета в том, что его ждет завтра, когда появится следователь с ордером на обыск.

— Я понимаю ваше особое отношение к полиции. Но в данном случае, несмотря на любые смягчающие обстоятельства, вы спасаете от правосудия убийцу, причем дважды убийцу.

— Он убил только одного человека, — поправил его Эдер, — Манфреда.

— А доктора Берфельде не он убил?

— Берфельде сам выпил яд. Тот же, что и Герда Шарф.

— Тут есть какая-то связь? — насторожился Мариссель.

— Прямая. Все произошло не так, как мы думали. Берфельде позвонил Герде и трагическим тоном сказал, что должен поговорить с ней наедине. Герда согласилась, отпустила дежурную медсестру, как просил Берфельде... Он пришел и стал уговаривать ее изменить завещание в пользу сына. Он откровенно сказал, что она должна поторопиться: ей осталось жить всего несколько недель, и скоро у нее начнутся невыносимые боли, от которых не спасут и наркотики. Он утверждал, что, несмотря на ссору, относится к ней очень хорошо, и в доказательство оставил ампулу с ядом. Герда пришла в ужас от этого разговора и, не желая больше мучиться, приняла яд.

— Откуда вы это знаете?

— От Ганса. Берфельде все рассказал, когда Ганс приставил ему нож к горлу.

— Так он из-за Герды убил Берфельде?

Эдер покачал головой:

— Он не убивал Берфельде. Говорит, что хотел ударить его ножом, но не смог. Берфельде дико испугался, когда увидел Ганса. Берфельде даже не пытался соврать. Ганс предложил ему на выбор: либо самому все рассказать полиции, либо принять яд...

— А чего испугался Берфельде? — не понял Мариссель. — За то, что он принес яд Герде Шарф, насколько я понял, его бы за решетку не посадили.

— Вы не знаете главного, — медленно произнес Эдер. — В годы войны молодой врач Берфельде свои-

ми руками убил маленькую дочь Герды Шарф. Девочка родилась слепой, ее отобрали у матери и отдали в приют, откуда она попала в клинику, где в программе эвтаназии под руководством доктора Манфреда участвовал Берфельде.

— Так как же Герда могла позволить своему сыну жениться на племяннице Берфельде? — поразился Мариссель.

— Герда ровным счетом ничего не знала. Ей сказали, что девочка умерла от дифтерии.

Но Ганс знал. Он работал в клинике, куда попала девочка, и дружил с ней. Девочка носила другую фамилию, потому что она родилась от первого брака Герды. В сорок пятом Ганс отправился на поиски родных несчастной девочки и в клинике предстал перед Манфредом. Манфред выслушал его, вызвал скорую психиатрическую помощь и отправил Ганса в больницу на принудительное лечение. Ганс человек со странностями, его легко счесть душевнобольным.

— И сколько же времени он провел в сумасшедшем доме? — Мариссель с волнением слушал эту историю. Она казалась слишком мелодраматической, нереальной.

— Восемь лет. Потом его отпустили, и он опять бросился на поиски родственников убитой девочки и вновь наткнулся на Манфреда, теперь уже профессора и уважаемого в городе человека. История повторяется: Манфред отправляет его в ту же клинику для душевнобольных. Еще десять лет в заточении... Его выпускают, и на сей раз он выходит на волю уже с другой целью — отомстить Манфреду. — Эдер сделал паузу. — Я не могу и не хочу оправдывать убийство. Манфред за свои преступления должен был предстать перед судом, но этого не произошло. Восемнадцать лет, проведенных, фактически, в заключении, ожесточили и озлобили Ганса. На суде он ничего не захотел объяснять, и ему дали максимальный срок, сочтя это убийство немотивированным и особо жестоким. Он отсидел срок полностью. Первые годы, по его словам, совсем не отпечатались в памяти, слились в один серый нескончаемый день. Понемногу он стал приходить в себя. Ему разрешили писать, и он

начал опять искать родственников убитой девочки. Какие-то архивы сгорели в войну, другие исчезли, служащие не самым старательным образом отвечали на малограмотные запросы, которые шли из тюрьмы. И все же он узнал адрес матери девочки — Герды Шарф. За неделю до освобождения он написал Герде. Он не назвал ни одной фамилии, только сообщил, что знает обстоятельства, при которых умерла ее дочь, и что скоро придет. Герда, как я понимаю, показала письмо человеку, который стал ее главным собеседником в последние месяцы, — доктору Гебхарду.

— Все это вы узнали от Ганса?

— Да, он рассказал мне историю своей жизни. Вернее, я вытянул из него этот рассказ, потому что он предпочитает молчать. Я помню, что он и в юности был неразговорчив, а уж клиника для нервных больных и тюрьма вовсе отбили у него желание вести беседы... Мы проговорили две ночи, я задавал массу вопросов и из коротких ответов нарисовал такую картину.

— Вы ему верите? — осторожно поинтересовался Мариссель.

— У меня такое ощущение, что он не умеет врать, — вздохнул Эдер. — Если он не хочет что-то сказать, он молчит.

— Но ему никто не поверит, — решительно сказал Мариссель. — Убийца-рецидивист — вот каким он предстанет перед судом.

— Я твердо решил помочь ему и не отступлюсь. — Эдер говорил тихим голосом, но уверенно. — Найму хорошего адвоката, на это у меня денег хватит. Нельзя допустить, чтобы на суде Ганса выставили убийцей-маньяком. Суд должен понять, почему он так поступил. А история с Берфельде... Сомнение толкуется в пользу обвиняемого. Принуждение к самоубийству тоже преследуется законом, но это все же не умышленное убийство.

— Конечно, ваше свидетельство может изменить ситуацию, — с сомнением сказал Мариссель. — Но думаю, когда ваше намерение относительно разоблачения Манфреда и Берфельде станет понятным следователю, он решит, что лучше обойтись без суда. Назначит судебно-пси-

хиатрическую экспертизу, и Ганс вернется туда, где он провел восемнадцать лет.

— Я тоже думал о такой опасности, — согласился Эдер. — Попытаюсь как-нибудь этому противодействовать.

Мариссель решительно встал.

— Я хотел бы посмотреть на него.

Они тихо прошли по коридору до небольшой двери, которую Мариссель прежде и не замечал. По дороге он бросил взгляд в окно: полицейская машина стояла на том же месте. Она была особенно хорошо видна на фоне начинающего розоветь неба.

Потом, вспоминая всю эту историю, Мариссель прежде всего представлял себе этот полутемный гараж. За перегородкой — столик, на котором какая-то еда и электрический чайник, а на кровати дремал Ганс — длинный, худой, с пергаментным лицом. Когда они вошли, он очнулся, сразу приподнялся и сел, не удивившись появлению Марисселя. Смотрел на него спокойно и вообще нисколько не волновался — в отличие от Марисселя.

Лампочка была тусклая, и Мариссель плохо разглядел его чисто выбритое лицо. Ганс производил впечатление очень старого человека, почти окончившего счеты с жизнью, — так оно, собственно говоря, и было. Мариссель задал ему много вопросов. Ганс отвечал скупно, одним-двумя словами, междометиями, жестами. Иногда Эдер, который лучше понимал Ганса, что-то разъяснял Марисселю.

О приюте Ганс вспоминал с удовольствием. Это были лучшие годы его жизни, самые светлые и счастливые. Его учили читать и писать, но он с большим увлечением проводил время в столярной мастерской. Чему его обучали? В основном делать гробы. Он не сознавал трагического характера своего труда, быстро стал учеником столяра, а когда тот умер, заменил его.

Ганс застал приют процветающим хозяйством с коровами, овцами, пчелиными ульями. Постепенно жертвования в пользу приюта уменьшились: национал-социалисты не приветствовали такого рода благотворительность, да и времена наступали суровые. Жены крестьян, которые ра-

ботали в приюте, вынуждены были его покинуть: их ждала трудовая повинность. Исполнительный Ганс принимал на себя все новые обязанности.

Когда нацисты взялись за приют, Ганс не понял, что произошло. Воспитатели с ним не разговаривали. Единственное, что он от них слышал: «Сделай то, принеси это, убери, почини...»

Ганс дружил с самыми маленькими и беззащитными обитателями приюта. Многие среди них были немые или глухими и объяснялись знаками, которые Ганс научился понимать. Когда его подопечных увозили, Ганс очень горевал, но не подозревал, какая судьба их ждет.

В 1943-м приют закрыли. Воспитатели разъехались. Гансу дали расчет, но руководивший эвакуацией офицер не отпустил юного столяра. Не стесняясь, прямо в его присутствии, офицер выговаривал директору приюта, теперь уже бывшему:

— Как получилось, что этот молодчик миновал программу стерилизации? Разве вы не видите, что он законченный дебил? Он же представляет опасность для нации. Здоровый, крепкий парень, он будет плодить себе подобных. Этот вредоносный элемент должен быть обезврежен.

Ганса посадили в автобус с последней партией воспитанников, и он попал в клинику, которой руководил доктор Манфред. В это время доктор Манфред уже утратил интерес к стерилизации. Это была нудная и медленная работа, поскольку приходилось возиться с каждым пациентом.

Манфред же был увлечен идеей массовой чистки, полного очищения немецкого народа от вредоносных элементов. Детей с врожденными пороками, доставлявших к нему в клинику, убивали уколами. Манфред поставил дело на конвейер и гордился производительностью труда в своей клинике.

Ганс заинтересовал его как рабочая сила. Ему было приказано хоронить трупы. При клинике была небольшая столярная мастерская, и он начал делать гробы. Но кто-то из помощников Манфреда зашел в мастерскую и отругал Ганса за расточительность и растрату необходи-

мых для родины ресурсов. Детей было приказано хоронить завернутыми в оберточную бумагу. Если на погребение успевали приехать родственники, что случалось нечасто, поскольку клиника не торопилась оповещать их, то в дело пускали гроб с откидывающимся дном.

Ганс сколотил его по чертежам Манфреда. Гроб опускали в могилу, но не засыпали землей. Когда родственники уходили, гроб поднимали, дно откидывалось, труп оставался в могиле, а гроб уносили.

Как относился Ганс к тому, что происходило вокруг него? Марисселю трудно было составить себе представление о чувствах этого странного человека, скупого на слова. Наверное, Ганс, который привык с детства видеть смерть и провожать людей в последний путь, приобрел стоический взгляд на вещи. И даже смерть, настигавшая десяти-двенадцатилетних детей, не казалась ему противоестественной, ведь вокруг него умирали всегда, сколько он себя помнил.

Перелом наступил, когда он познакомился со слепой девочкой. Ее звали Рита.

— Рита? — переспросил Мариссель.

— Да, — сказал Ганс своим тихим голосом, — ее звали Рита.

Бог мой, подумал Мариссель, это же сестра Черил...

Рите было девять лет. Несмотря на то, что она уже несколько лет провела в приюте, Рита не сумела адаптироваться. В ней жила память о родительском доме и матери. Она безумно тосковала, и все ее мысли были о доме.

Другие дети, попавшие в приют в младенчестве, иной жизни не знали и инстинктивно избегали разговоров о доме и родителях. Рита оказалась в полной изоляции. Ее единственным собеседником, заступником и другом стал Ганс.

И опять же Мариссель не мог определить, что это было: привязанность, или же Ганс испытывал некие отцовские чувства к девочке. Сидевший на кровати старик не в силах был ничего объяснить. Даже если в нем и сохранились воспоминания о пережитых тогда чувствах, он не мог подобрать слова, чтобы все выразить.

Было ясно, однако: на пороге подстергавшей их смерти, в одичавшем мире эти двое, брошенные на произвол судьбы, остались людьми.

Ганс подкармливал девочку, мастерил ей игрушки. Охватившее его чувство сделало юношу предусмотрительным. Он узнавал наперед об очередном обходе Манфреда (его осмотр пациентов именовался по-прежнему врачебным обходом, хотя на самом деле руководитель клиники отбирал детей для эвтаназии) и с утра уводил девочку из палаты к себе в мастерскую... Рита прожила на три месяца дольше, чем ей полагалось.

Возможно, Ганс, при всей малости его возможностей, сумел бы ее спасти: до конца войны оставалось не так уж много времени, — но в клинику к Манфреду приехал молодой и подающий надежды доктор Берфельде. Он гордился своей научной работой, имеющей важное расовое значение, и был полон решимости довести ее до конца. Манфред широким жестом отдал в его распоряжение весь контингент клиники.

Берфельде не тратил время на обход палат. Он засел с утра в больничной канцелярии, пробежал глазами по больничным формулярам и поставил галочки против нужных фамилий. Об этом Ганс ничего не знал. Девочку забрали в его отсутствие.

Когда Ганс хватился, на ее койке лежала другая девочка. Он пытался задавать вопросы, на него смотрели с удивлением: валаамова ослица заговорила, — но никто не утрудил себя ответом. К Гансу относились как к чему-то неодушевленному, предмету обстановки.

Еще один раз Ганс встретился с Ритой — когда хоронил ее вместе с другими детьми, которые своей жизнью послужили германской медицине и ее представителю доктору Берфельде. При погребении каждого пятидесятого трупа Ганса посылали за вином. На сей раз он потряс могильщиков тем, что отказался идти. Он похоронил Риту в гробу, который сколотил ночью. Ганса, впрочем, и без того считали помешанным, поэтому последствий его выхода не имела.

После убийства девочки Ганс все время проводил у себя в мастерской. Он безостановочно вырезал фигур-

ки из дерева, пытаясь придать им черты Риты. Незадолго до конца войны ему неожиданно приказали изготовить еще один гроб. Этот гроб был предназначен для него самого.

Никто в клинике и представить себе не мог, что Ганс посмеет сопротивляться. Когда врач, который делал смертоносные уколы, пошел к шкафу с инструментами, Ганс выскочил из кабинета и убежал из клиники. До конца войны он скрывался где-то за городом, питался какими-то отбросами и осмелился выйти только тогда, когда пришли союзники.

Мысли о девочке не покидали его. Он точно не понимал, что именно заставляло его искать следы ее родителей. Едва ли желание рассказать, какая судьба постигла Риту. Скорее — нечто мистическое, надежда увидеть кого-то, кто напомним ему Риту...

Оборванный, нестриженный, таким он появился в кабинете доктора Манфреда. Оба не виделись всего несколько месяцев, но за это время все изменилось. То, что еще недавно ставили Манфреду в заслугу, теперь вполне могло стоить доктору свободы. Ганс вовсе не собирался доносить на Манфреда, но тот увидел в юноше опаснейшего свидетеля. Внешний вид Ганса, его странные манеры подсказали Манфреду спасительный выход: звонок коллегам, и беглец надолго попадает в руки психиатров.

Мариссель видел и слышал многое, но эта трагическая история, растянувшаяся на многие десятилетия, ошеломила его. Он не сомневался ни в едином слове Ганса. Этот человек, кажется, действительно не умел врать. Каким образом он смог выжить в тюрьме? Наверное, его спасла полная неприхотливость и абсолютная нечувствительность к оскорблениям и обидам.

Лотар Эдер принес Гансу еду, налил в чашку горячего кофе, но тот не стал есть. Мариссель ожидал увидеть в его глазах ярость, гнев, ненависть, но старик был спокоен и почти равнодушен к окружающему миру, словно смерть Берфельде примирила его с жизнью.

Мариссель заговорил о том, что они с Эдером попытаются спасти его от новой тюрьмы, но Ганс слушал его

без всякого интереса. Он не боялся тюрьмы? Или, напротив, не верил в возможность ее избежать?

Ганс прикрыл глаза и провел рукой по лицу.

— Он устал, — решительно произнес Эдер, поднимаясь со стула, — ему надо отдохнуть.

Закрывая за собой дверь, Мариссель оглянулся на Ганса. Он, не снимая одежды, прилег на кровать.

— Я бы посоветовал вам тоже немного поспать, — сказал Эдер. — Утро едва ли будет легким.

Мариссель представлял себе, что начнется утром, когда следователь Вессель появится здесь с ордером. Ганс обнаружен, следователь торжествует, допрашивает Эдера, Марисселя и Черил уже как соучастников преступлений, совершенных Гансом, возможно, добивается в прокуратуре разрешения на их арест, везет в город, их фотографии появляются в газетах...

Видит Бог, при всей своей смелости Мариссель никак не желал испытать нечто подобное. Тенью скользнуло сожаление: им давно следовало уехать.

Эдер, вероятно уловив настроение Марисселя, молчал. Он налил себе кофе, следовательно, не собирался ложиться. Мариссель минуту колебался, не присоединиться ли ему к Эдеру, но все-таки предпочел поспать несколько часов. Он поднялся к себе. Переложил из бумажника во внутренний карман пиджака паспорт и другие документы, захлопнул чемодан, понимая, что в следующий раз его — нельзя исключать — откроют уже полицейские.

В поселке что-то произошло, пока он спал! Эта мысль первой пришла в голову Марисселю, когда он услышал внизу возбужденные голоса и шум подъезжающих автомобилей. Часы показывали пять утра.

Он с трудом вылез из кровати и оделся. Неужели следователь привел свою угрозу в действие столь буквальным образом: явился в дом Эдера с первыми лучами солнца?

Мариссель спустился по лестнице. В доме было пусто. Эдер не откликнулся: Увели?

Он вышел на улицу. Недалеко от дома Эдера стояли четыре полицейских автомобиля, несколько человек суеилось вокруг. Он узнал Эдера и Весселя.

Про Мариссея словно забыли, и ему никак не хотелось напоминать о себе полиции, но, судя по тому, что, вместо обыска в их доме, полиция занималась чем-то другим, произошло нечто неожиданное, и он хотел знать, что именно.

Он захлопнул дверь и быстро зашагал вперед. Несмотря на раннее утро, было уже тепло, но Мариссея била какая-то странная дрожь.

Полицейские возились в придорожной траве и фотографировали небольшой участок земли. Мариссель подошел поближе. Ему показалось, что среди зелени травы мелькнуло что-то красное. В одной из машин на заднем сиденье в компании двух полицейских он увидел доктора Гебхарда.

Гебхард, похоже, хотел было с ним поздороваться, но потом отвернулся. Зато полицейские пристально посмотрели на Мариссея. В их лицах не было откровенной враждебности, но Марисселю стало не по себе. Он подошел к следователю. На звук его шагов одновременно повернулись Вессель и Эдер.

— Пришли посмотреть на негодяя, который терроризировал весь поселок? — Лицо Весселя, несмотря на явно бессонную ночь, было свежим и бодрым. — Его уже увезли. Так что можете чувствовать себя в полной безопасности и продолжать отдых. Прошу извинить за ночное вторжение. Меня ввели в заблуждение мои помощники. Господину Эдеру я уже принес извинения.

Эдер тронул Мариссея за плечо и отвел в сторону.

— Полчаса назад из охотничьего ружья доктор Гебхард убил Ганса. Вот на этом самом месте, — показал Эдер. — Вернее, смертельно ранил, но у бедняги нет ни единого шанса.

— Гебхард? — Мариссель не верил своим ушам.

— Да. Гебхард уверяет, что проезжал мимо, увидел подозрительную фигуру и выстрелил.

— Что Гебхард делал здесь ночью?

Эдер покачал головой, показывая, что не имеет ответа.

— А Ганс? — растерянно спросил Мариссель.

— Он выбрался из гаража так тихо, что ни я, ни полицейский, следивший за домом, ничего не заметили. Он

полз по земле, скрываясь в траве. А здесь, можно предположить, решил перебраться через дорогу, чтобы идти в сторону автобусной станции. Надеялся уехать. Однажды ему удалось спастись...

— И все же как здесь оказался Гебхард? И почему он выстрелил?

Эдер вновь ничего не ответил.

Полицейские закончили свою работу и стали рассаживаться по машинам. Вессель поговорил с кем-то по радиотелефону и подошел к Эдеру и Марисселью.

— Ганс умер по дороге в больницу. Пожалуй, это лучший вариант для всех. Честно говоря, я не хотел бы с ним возиться. До суда дело бы все равно не дошло, пришлось бы отправлять в клинику для нервных больных — на сей раз пожизненно.

— А что ждет Гебхарда? — спросил Мариссель.

Вессель пренебрежительно махнул рукой.

— Психопат. Увидел ночью бандита — и сразу стрелять!.. Нервы не в порядке. Получит несколько лет условно. Учтут все смягчающие обстоятельства.

Следователь сделал энергичный жест, и полицейские машины стали отъезжать. В одну из них уселся и Вессель.

— Грешно так говорить, но хорошо, что Вессель все-таки не стал проводить обыск, — с облегчением сказал Мариссель. — Быстро он отказался от подозрений в отношении вас.

— А я думаю, у него и сомнений нет в том, что Ганс все эти дни скрывался у меня, — спокойно сказал Эдер.

— Но почему же тогда Вессель не обыскал ваш дом? — удивился Мариссель.

— Ганс мертв, и больше всего Весселю хочется закрыть дело. Обыск же заставил бы его возиться с вновь полученными доказательствами существования у преступника сообщников. Работы будет много, а результат мизерный. Посадить меня он не сможет, а иные результаты своей деятельности он считает браком. Ему интересно поймать преступника и доложить, что тот обезврежен в результате его умелых розыскных действий. Гебхард украл у него этот победный рапорт.

И все-таки Мариссель испытывал облегчение из-за того, что все кончилось подобным образом. Но Эдеру он этого не решился сказать.

Они вернулись домой. Через полчаса у Эдера начался сильный сердечный приступ. Мариссель сам сделал укол, Черил вызвала врача. Медицинская бригада, которая приехала в карете «Скорой помощи», с большой охотой посудачила бы о событиях прошедшей ночи, но вид страшно бледного Эдера их встревожил. Возникла мысль сразу отправить его в больницу, но Эдер энергично запротестовал.

Мариссель, всегда считавший, что больничная обстановка сама по себе является стрессовым фактором, предложил не трогать Эдера. Кардиограмма была не очень оптимистической, но в целом терпимой. Договорились, что на ночь придет сиделка, а утром врач примет окончательное решение.

Черил пошла проводить медиков. Мариссель открыл в комнате Эдера окна нараспашку, принес еще одну подушку, чтобы Эдер мог повыше поднять голову, и присел рядом.

— Теперь я понимаю, что своим приглашением отдохнуть в тишайшем городке я надолго отбил у вас охоту приезжать в Германию, — тихо сказал Эдер.

— Да уж, никто не мог предположить, что вы в нашу честь сумеете организовать такие приключения.

— Я и сам не предполагал, — еще тише заметил Эдер. — Пожалуй, вам стоит поспать. Я уже прекрасно себя чувствую и вполне могу побыть один.

— Совершенно не хочу спать, — немедленно возразил Мариссель. — И мне как раз не хотелось бы оставаться одному. Так что прошу вас потерпеть меня немного.

— Узнаю профессионального медика, — усмехнулся Эдер.

Время от времени Мариссель проверял пульс Эдера. Марисселю не хотелось пичкать своего хозяина лишними лекарствами, но, чтобы избавить его от необходимости глотать капсулы, следовало быть уверенным, что состояние стабилизировалось.

Черил всем принесла чая, очень слабого, чтобы Эдер тоже мог выпить чашку. Мариссель утром пересказал ей все, что услышал от Ганса, и Черил была потрясена.

Эдеру было очень неудобно, что он эксплуатирует гостей:

— Жаль, что у меня нет здесь телевизора, — сказал он. — Все-таки какое-то развлечение для вас.

— Раньше у вас бывали приступы? — Мариссель не без удовольствия вернулся к привычной роли врача.

— Таких сильных, как сегодня, еще не было. Иногда сердце жмет, но это быстро проходит. Не было причин...

— А к врачу обращались? Что он вам советовал?

Эдер вдруг перестал слышать Марисселя.

— Когда я увидел Ганса с залитым кровью лицом, мне стало страшно и стыдно, — вдруг произнес Эдер. — Он пришел ко мне за помощью, и я ничем ему не помог.

— Как же так! — запротестовала Черил. — Вы спрятали его, рискуя всем. Уж кому-кому, а вам не в чем себя винить.

— Нет, — отчетливо сказал Эдер. — Я виноват в его смерти. И не только в его. Я не служил в вермахте, не состоял в партии нацистов, ни в кого не стрелял. Ну и что? Велика заслуга — сам никого не убивал. А чем я помог обреченным?

— Но вы пытались. — Мариссель искренне считал, что Эдеру не в чем себя винить.

— Пытался... Но я думал при этом о себе и боялся только за себя. А потом и вовсе сбёжал из страны.

— Никто не вправе осудить вас за отъезд, — молвила Черил. — Вы уехали, чтобы не стать палачом. Если бы так поступили и другие, нацизм бы рухнул.

— Да, но меня мучает то, что я ничем не помешал палачам. — Эдер прикрыл глаза. Было видно, что ему трудно говорить, но Мариссель не знал, как перевести разговор на другую тему. — И сейчас Ганс пришел ко мне за помощью, а его убили. Получается, я дважды предал его.

— Но он же сам убежал! — не выдержала Черил.

— Убежал, потому что он оказался благороднее меня. Он-то не хотел подвергать риску других и всегда был готов пожертвовать собой.

— И все же согласитесь, что никто не мог предположить, что он убежит и, тем более, что какой-то доктор Гебхард со страху выстрелит в него и попадет.

— Да не со страху, — вдруг громко сказал Эдер. — Теперь-то я понял, в чем дело. Он подкарауливал Ганса. Каждую ночь бродил по поселку с ружьем, клинику забросил. Днем спал, ночью охотился.

— Зачем? — не поняла Черил. — Неужели он так сильно жаждал отомстить за доктора Берфельде?

Эдер ответил не сразу. Он словно колебался. Потом, видно, решил и, с усилием приподняв над одеялом руку, показал на свой стол.

— Откройте верхний ящик.

Мариссель пододвинулся к столу и неуверенно потянул ручку на себя. В ящике лежали папки, писчая бумага, старые телефонные книжки.

— Развяжите верхнюю папку.

Мариссель вытащил из папки связку писем и повернулся к Эдеру.

— Эти письма Ганс принес из дома Берфельде.

— Зачем?

— Берфельде пытался от него откупиться, полез в сейф за деньгами, а письма разлетелись по полу. Ганс нагнулся и увидел, что на одном было крупно написано «Детский приют Ахенхоф». Он отдал письма мне, поскольку читал только по слогам, и просил пересказать, что там говорится о приюте.

— И?..

— Прочитайте сами, а я попробую уснуть.

Эдер отвернулся к стене, а Мариссель, поколебавшись, стал читать письма вслух.

Это были письма, которые призванный на военную службу доктор Берфельде писал оставшейся дома молодой жене.

«Дорогой мой ангелочек!

Еще один трудный день позади. Я сижу одиноко в гостинице и только что съел на ужин вареную треску с картошкой и горчичным соусом. Сейчас я осиливаю полбутылки вина «Греттнахер ойхарьерберг» урожая 1934 года.

Сегодня работа шла довольно быстро. Приют Ахенхоф уже почти готов. Тридцать воспитанников я обработал сам. С завтрашнего дня (суббота) и до понедельника наша работа приостанавливается, так как мы не хотим нарушать евангельский воскресный покой в городе».

«Дорогой мой ангелочек!

Теперь я, как офицер резерва войск СС, прикомандирован к городской больнице. Мой шеф — доктор Манфред, человек в городе известный, великолепный врач. Сегодня мы еще не приступали к работе, потому что люди из СС должны предварительно оформить шапки бланков, которые мы будем заполнять. В клинике больше тысячи человек, но мы справимся быстро».

«Дорогой мой ангелочек!

Сейчас шесть вечера, я выполнил свою дневную норму и снова сижу в гостинице. Работа продвигается быстро, потому что шапки бланков уже заполнены, и мне остается только вписать диагноз, основные симптомы и так далее. Доктор из гражданских тоже сидит при этом, шарфюрер СС приводит мне пациентов: все организовано безупречно».

«Дорогой мой ангелочек!

Вчера и сегодня я обработал триста двадцать человек. Тот, кто быстро работает, экономит время. Итак, детка, твой папочка составляет такие заключения, что и сам не может нарадоваться. Стопроцентный результат: после меня у пациента только одна дорога — на тот свет».

«Дорогой мой ангелочек!

Вчера я осмотрел морг в подвале и печь крематория, которая тоже находится в подвальном помещении. Эта печь используется для сжигания тех, кого ликвидируют по программе эвтаназии. Почти ежедневно приезжает серый автобус и привозит материал для печи. Поскольку вчера печь не использовалась, мы смогли ее осмотреть. В ней был пепел четырех неполноценных. Как мало

остаётся от человека, когда сгорают все органические вещества! Зрелище этой печи несет в себе что-то успокаивающее... Перед моим кабинетом сейчас цветут чудесные белые акации, точно такие же, как у нас в саду».

«Дорогой мой ангелочек!

Если бы ты знала, как много вкусенького слопал твой папочка за последние полчаса! Четыре булочки с маслом и сто граммов мясного фарша, а к этому две порции вишневой водки... Сегодня утром во время прогулки я увидел, как здесь в городе старая культура соединяется с современной национал-социалистической культурой. Везде натыкаешься на гений Вагнера, Гете, Шиллера, Гитлера...

Я видел сегодня доктора Манфреда, вели переговоры о снабжении трупами его клиники в Кельне. Одновременно с письмом отправляю тебе большую посылку. В ней четыре килограмма жидкого мыла стоимостью двести марок. Посылку, пожалуйста, не распаковывай, дождись моего возвращения».

«Дорогой мой ангелочек!

Потливость моих ног полностью прошла! Исключительно благодаря двухкратному применению мази для ног, выпускаемой вермахтом. Сегодня после обеда я просидел три четверти часа на крыше, загорая на солнце. Справа и слева от меня лежали отбеленные скелеты, ждущие отправки в Страсбург. Через неделю я вновь отправлю тебе посылку: жидкое мыло и продукты. Общая стоимость — триста рейхсмарок. Все — кроме продуктов — куда-нибудь спрячь».

«Дорогой мой ангелочек!

Сегодня на улице противный восточный ветер. Я сильно прищемил пальцы дверцей машины, когда ездил отправлять тебе очередную посылку — яблочный компот. Стоимость — двести семьдесят рейхсмарок. Возможно, отправлять эти посылки я обязан доктору Эрнсту Гравитцу. Он выдающийся врач и генерал СС. Доктор Гравитц привез ценкер и карной — самый роскошный

подарок, на который был только способен. Доктор Гравитц осведомился, получаем ли мы кофе и пирожные. Когда я ответил отрицательно, он отдал необходимые распоряжения».

«Дорогой мой ангелочек!

Кажется, скоро я смогу обнять тебя. Сегодня я составил последний диагноз, который уже не стоил мне никакого труда. Рука выводит сама: «Прогноз неблагоприятный, испытываемый не способен к обучению и труду. Характер асоциальный, полная интеллектуальная неразвитость, действует бесконтрольно».

Несколько дней назад я написал рапорт: не могу безучастно наблюдать за тем, как в подвале института трупы бессмысленно превращаются в пепел. Я считаю это бесхозяйственностью. Кажется, я убедил начальство, что в трупах находятся прекрасные скелеты по цене сорок марок, черепа по пять марок, внутренние органы и ткани для препарирования...

Надеюсь, что скоро попаду домой. В саду созревают косточковые, а я не могу принять участие в сборе урожая. В прошлом году тебе нравилось, как я тряс фруктовые деревья».

Мариссель сложил письма и вернул пачку Эдеру.

Они сидели в гостиной. Черил приготовила чай, но ни один из них не притронулся к чашке. Эдеру нездоровилось. У Черил и Марисселя пропал аппетит.

— А раньше вы не знали, что доктор Берфельде участвовал в программе эвтаназии? — спросила Черил.

— Какие-то слухи ходили. Но Берфельде после войны успешно работал. Молодой врач, он проводил хорошее впечатление на пациентов. И к науке у него были способности.

— Но какая все-таки связь между военным прошлым Берфельде и выстрелом Гебхарда в Ганса?

— Гебхард был учеником Берфельде, — пояснил Эдер. — Он защитил диссертацию по соматическому стрессу. В диссертации фигурировали ссылки на результаты неопубликованных научных изысканий Берфельде.

Это привлекло внимание коллег. Берфельде объяснил: старые работы послевоенного времени он не стал публиковать, потому что изменились его научные интересы, а охотно передал способному молодому ученому.

Коллеги-врачи обратили внимание на то, что и Берфельде, а затем и Гебхард располагали большим количеством хорошо приготовленных препаратов — печенью, селезенкой, поджелудочной железой, зафиксированных, как отмечено в диссертации, «в свежем состоянии». У кого были взяты эти органы?

Кто-то задался вопросом: не в ходе ли опытов над живыми людьми получены эти препараты? Берфельде клялся, что все собранные им препараты получены абсолютно законным способом — в анатомическом отделении военного госпиталя, где он работал в последний год войны.

— Считаете, что он соврал? — спросил Мариссель.

— Вы, как медик, конечно, знаете, что такое карной и ценкер? — вопросом на вопрос ответил Эдер.

— Бельгиец Жан-Батист Карной был специалистом в клеточной биологии, немец Фридрих Альберт фон Ценкер — патологом. Они разработали методы консервирования свежей живой ткани. Обычно лабораторные пробы помещали в спирт или формальдегид. Но такие препараты годятся только для учебных целей. Для научной работы используют растворы карной и ценкер, которые обеспечивали полную сохранность препаратов.

Эдер удовлетворенно кивнул.

— А вы обратили внимание на то, что Берфельде все время отправлял домой посылки? Откуда Берфельде вообще брал такое количество медицинского жидкого мыла или яблочного компота? И почему мыло и компот стоили таких бешеных денег?

— К сожалению, этого я не мог заметить, поскольку не знаю курса марки военного времени, — сказал Мариссель.

— Берфельде отослал домой компота на двести семьдесят марок, тогда как полукилограммовая банка стоила всего двадцать пять пфеннигов! Получается, что он отправил домой полтонны компота! Для этого нужен был

грузовик. Да где же он мог раздобыть столько еды в военное время?

— Что же за этим скрывается? — спросила Черил.

— Берфельде посылал домой не мыло и не компот. В военном снабжении мыло и компот упаковывались в консервные банки большой вместимости. Берфельде предусмотрительно запасался пробами печени, селезенки, поджелудочной железы для своей будущей научной карьеры. Эти пробы он погружал в растворы ценкер или карной, чтобы они надежнее сохранились, и отсылал домой в консервных банках.

— Вы хотите сказать, что он брал органы у живых людей?

Черил вся подалась вперед.

— Первой медицинской специальностью Берфельде был соматический стресс, — произнес Эдер. — Можно ли представить себе более сильный соматический стресс, чем тот, что испытывает жертва, которую оперируют без наркоза?

Черил обхватила голову руками. Марисселя передернуло.

— Я бы, честно говоря, чего-нибудь выпил, — неожиданно сказал он.

Эдер вытащил из бара бутылку водки, налил и себе, но под встревоженным взглядом Марисселя только пригубил.

— После войны Берфельде побоялся обнародовать свои изыскания, основанные на изучении препаратов, полученных в результате операций на живых людях. Но прошло время, и своему лучшему ученику Гебхарду он с легкой душой отдал замечательный в научном смысле материал.

— Значит, Гебхард знал, где взяты препараты.

— Без сомнения. Гебхард и сам бы догадался, но Берфельде наверняка ничего от него не скрывал... Но Гебхард переоценил опасность, — совсем тихо добавил Эдер. — Он испугался, что эта история выплывет наружу, и его репутация пострадает. Думаю, письма Берфельде вообще никто бы не стал читать...

Последние минуты перед отправлением поезда Черил и Мариссель простояли на платформе молча. Им каза-

лось, что все уже переговорено и добавить, собственно, нечего. Эдер приглашал приехать еще. Но они не были уверены, что увидятся вновь. Эдер плохо себя чувствовал, ему следовало полежать, но он бодрился перед гостями.

Сигнал к отправлению поезда Черил и Мариссель восприняли с каким-то облегчением. Они поднялись в вагон и прошли в свое купе. Но не сели на свои места, а остановились у окна.

Эдер улыбнулся им в последний раз и помахал рукой. Когда поезд мягко тронулся, Мариссель пересказал Черил рассказ Ганса о судьбе ее сестры Риты, убитой нацистами.

Черил, не таясь, плакала. Закончив рассказ, Мариссель закрыл глаза. Поезд уносил их все дальше от дома Эдера, от могилы уважаемого согражданами доктора Берфельде, от могилы несчастного Ганса и от неизвестных могил обитателей детского приюта, которого больше не существовало.

Часть третья

ПАРТИЗАНЫ И ПОДПОЛЬЩИКИ

Глава 13

ПРОКАЗА СПАСАЕТ ОТ ПОЛИЦИИ

Почему Мариссель сразу не рассказал Черил, что Моссад нуждается в ее помощи?

Мариссель еще не был уверен в Черил. Она совсем недавно приехала в Израиль и не знала, какую роль в истории еврейского государства сыграла разведка.

— Значит, и твои родители из Германии? — спросила Черил.

— Да, — нехотя кивнул он, — и все мои бабушки и дедушки погибли в Германии. А отец и мать бежали во Францию, там они и познакомились. Потом они уехали — в Палестину. А брат отца, то есть мой дядя, перебрался в Соединенные Штаты. Дядя стал военным летчиком, после Второй мировой войны добывал оружие для Израиля. А мой отец занимался нелегальным вывозом евреев из Европы в Палестину. Они с братом не виделись почти десять лет и встретились в Тель-Авиве.

— Так ты потомственный разведчик? — произнесла Черил.

Мариссель улыбнулся:

— Вроде того.

Из скромности или по привычке он не рассказал, что его отец был одним из первых сотрудников Моссад.

Спасение евреев от арабских погромов и доставка оружия в Палестину для отрядов самообороны были главной целью, ради которой появились на свет израильские специальные службы.

Израильская разведка началась с молодого человека по имени Эзра Данин, который родился в Яффе и работал на апельсиновой плантации.

Арабские волнения в Палестине неизменно сопровождались убийствами евреев. Однажды летом 1936 года к Данину обратился командир отряда Хаганы, еврейской самообороны, и попросил его пустить в ход все его знакомства среди арабов, чтобы попытаться узнать, кто же в этой местности убил двух безоружных евреев.

Данину было тогда тридцать три года. Выполняя просьбу командира Хаганы, Эзра Данин завербовал своего первого агента. Он нашел молодого араба, который согласился сообщать ему все, что ему станет известно о планах арабских боевиков.

Данин понял, что, если еврейская община в Палестине хочет выжить, необходимо иметь много агентов среди арабов. Он стал заходить в политический отдел Еврейского агентства — это был прообраз будущего правительства Израиля. Чиновникам агентства Эзра Данин повторял:

— Нам противостоят не просто какие-то абстрактные арабы. Наши враги — это конкретные люди. Мы должны точно оценить их намерения и возможности и отличать злого врага от потенциального союзника.

Его главная идея — прежде всего надо проникнуть в замыслы врага — сформировала мировоззрение сотрудников израильских спецслужб.

Хагана выдавала Данину шесть британских фунтов стерлингов в месяц. Даже по тем временам это были совсем маленькие деньги. Вербуя агентов, Данин приплачивал им из своих средств. Но многие арабы сотрудничали с евреями не из-за денег, а потому, что хотели разделаться с соседями, которые их обманули или обидели.

Данин предложил создать настоящую разведывательную службу, чтобы предупреждать нападения на евреев.

Он написал записку на двух страницах, в которой изложил принципы разведывательной работы. Эту записку изучали потом все, кто составил костяк разведки Израиля.

Физически крепкий, Данин был очень самоуверенным. Работать с ним было непросто, но лучшего специалиста в Палестине не нашлось.

Вторым создателем израильской разведки считается Реувен Заслани, которому в 1936-м было всего двадцать семь лет. Он закончил Еврейский университет в Иерусалиме и прекрасно знал арабский язык. Он провел год в Багдаде, где преподавал иврит. Положение евреев в Ираке вызывало тревогу, и Заслани регулярно информировал политический отдел Еврейского агентства о ситуации в стране.

Заслани был помешан на секретности. Друзья посмеивались над ним. Его мания секретности приводила к тому, что он даже таксисту на вопрос: «Куда ехать?» — мог ответить:

— А зачем вам это знать?

Вдвоем Данин и Заслани составили мощную команду.

Летом 1940 года в штабе Хаганы был создан арабский отдел, который возглавил Эзра Данин. Практически одновременно в Хагане появился и контрразведывательный отдел, чтобы как-то противодействовать англичанам, которые пытались сокрушить еврейскую самооборону.

Особенно неприязненно контрразведка Хаганы относилась к тем евреям, которые сотрудничали с англичанами, и еврейкам, которые вступали в нежные отношения с британскими офицерами.

Начинающие контрразведчики составили список в двести человек. За каждым неотступно следили. В отношении многих подозрения оказались беспочвенными.

Но когда английская полиция находила подпольные склады оружия или арестовывала офицеров Хаганы, то отдел контрразведки всякий раз исходил из того, что это работа предателя, старался обнаружить его и наказать. Несколько человек за предательство приговорили к смертной казни. Приговоры неизменно приводились в исполнение.

Во время Второй мировой войны англичане заключили временный союз с палестинскими евреями. Двад-

цать тысяч палестинских евреев вступили в британскую армию, чтобы воевать с Гитлером. После долгих проволочек была сформирована Еврейская бригада.

В марте 1942 года в Палестине была — втайне от англичан — создана единая специальная служба (Шерут едиот, сокращенно Шай). Она состояла из трех отделов: контрразведывательного, политического (проникновение в британские органы власти) и арабского, которым руководил Эзра Данин.

Спецслужба разместилась в Тель-Авиве под крышей комитета социального обеспечения солдат. Начальником службы стал Израэль Амир, который прежде занимался тайными закупками оружия. В разведке он был новичком. Да и вся эта служба была любительским учреждением. Профессионально работал один только Эзра Данин.

Он пунктуально разбил территорию Палестины на районы и в каждом постарался найти себе информатора, который рассказывал бы ему о настроениях местных арабов. Он искал агентов среди евреев — торговцев скотом и мясников, которые постоянно имели дело с арабами.

В помощники Данин взял себе Биньямина Гибли, который со временем станет начальником военной разведки. У Данина было от тридцати до пятидесяти информаторов-евреев и несколько надежных агентов-арабов.

Весь архив разведывательной службы помещался в двух больших чемоданах, которые хранились под кроватью Элияху Бен-Гура, одного из командиров Хаганы.

В разгар Второй мировой войны началось систематическое изучение арабской прессы и составление картотеки арабов, которые могли представлять опасность для еврейского населения. Архивом занялся невысокий динамичный человек по имени Иссер Харел, будущий директор Моссад. Он сделал архив предметом гордости всей службы.

Архив прятали в палатке, в которой студенты медицинского факультета Еврейского университета изучали проказу. Чужие туда не совались.

Эзра Данин издал небольшим тиражом для командиров Хаганы сборник документов арабских повстанцев,

которые сражались против евреев. В коротком предисловии он написал: наше самое эффективное оружие — это знание противника, мы должны знать, как они атакуют, обороняются, маскируются, мы должны учитывать детскую любовь арабов к власти и к деньгам, слабость нервов арабского солдата, степень его готовности бросить товарища на поле боя и предать своего командира...

Глава 14

НОЧЬЮ УСПЕХ НА СТОРОНЕ НАПАДАЮЩИХ

Искусство разведки палестинские евреи постигали вместе с учением вести диверсионные операции. Этому делу их учил один странный англичанин.

В 1938 году в Палестине появился британский капитан Чарльз Уингейт. Чистокровный англосакс и ревностный христианин, он поддерживал сионистскую идею из религиозных соображений. Он считал, что все евреи имеют дарованное Богом право вернуться в Палестину и создать свое государство.

Он взял на себя задачу научить палестинских евреев предупреждать нападения арабов. Уроки капитана Уингейта были простыми. Он постоянно повторял бойцам Хаганы:

— Не ждите нападения, нападайте сами. Никаких компромиссов — нападайте там, где враг не ждет удара. Не позволяйте арабским боевикам вторгаться в еврейские поселения, а уничтожайте их в арабских селах. И не бойтесь воевать ночью. Ночью успех всегда на стороне нападающих.

При первой встрече капитан Уингейт производил странное впечатление. Он был среднего роста, с бледным лицом. На боку у него всегда висел револьвер, а в руке он держал маленькую Библию. Когда капитан говорил, то смотрел прямо в глаза, как человек, который твердо намерен убедить собеседника в своей правоте.

Собрав еврейскую молодежь из Хаганы, он заговорил с ними на иврите, который, приехав в Палестину, начал учить. Но молодые евреи вежливо попросили его перейти

ти на английский язык, потому что не понимали его иврита. Зато его военные уроки были просты и доступны.

Во время длинных переходов в жарком и влажном климате Палестины Уингейт страшно уставал, но никогда не сдавался. В минуты отдыха он неизменно читал Библию.

Наверное, со стороны капитан казался сумасшедшим. На деле он был гениальным офицером и прекрасным человеком.

Его приверженность идеям сионизма привела к тому, что англичане отозвали его из Палестины. Но его тактика прижилась в армии обороны Израиля и в специальных службах.

Во время Второй мировой войны после личного вмешательства Уинстона Черчилля капитан получил возможность применить свои идеи на практике — сначала в Эфиопии, затем в Бирме, куда вторглись японцы. Он успешно сражался с японцами, был произведен в генералы.

Враги не могли его одолеть: он погиб в результате авиационной катастрофы в той же Бирме в 1944 году.

Одним из учеников капитана Уингейта был будущий министр обороны Израиля генерал Моше Даян. Он вступил в Хагану, когда ему было четырнадцать лет, и стал самым юным бойцом еврейской самообороны.

Состоять в Хагане — значило подвергать себя постоянной опасности. Среди английских офицеров капитан Уингейт был исключением. Британские власти не считали, что палестинские евреи имеют право на самооборону. Пойманных с оружием евреев сажали в тюрьму.

Осенью 1939 года во время учебных занятий на нелегальных курсах командиров взводов Моше Даян и его друзья были арестованы британцами. Их судили и приговорили к десяти годам тюремного заключения. Правда, отбывать полный срок Даяну не пришлось: у англичан появился более опасный враг — Гитлер, и евреев стали отпускать из тюрем.

В годы Второй мировой войны палестинские евреи создали Пальмах — ударные роты. Англичане обучили примерно сто бойцов Пальмаха под командованием Моше Даяна умению вести тайные операции. Эти знания пригодились позже — в бесконечных войнах с арабами.

В 1945-м новым командиром Пальмаха стал Игал Ядин, который собрал говоривших по-арабски бойцов в особый взвод. Он отбирал евреев, которые не просто свободно говорили по-арабски, но могли выдавать себя за арабов. Бойцы пробирались в арабские страны и возвращались с важной информацией.

Это была смертельно опасная служба. В конце декабря 1947 года три разведчика из Пальмаха были расстреляны арабами. Эти евреи, родившиеся в Ираке, успешно выдавали себя за арабов и пытались узнать военные планы Багдада. Но их не научили элементарным правилам конспирации, и они допустили роковую ошибку: чтобы передать срочную информацию своему командованию, попытались прямо из гостиницы позвонить в Тель-Авив. Звонок засекали, и их схватили.

Все трое служили во взводе, которым командовал Ицхак Ландоберг, сменивший фамилию на Саде. Он родился в России, воевал в Первую мировую, за храбрость был награжден Георгиевским крестом и произведен в унтер-офицеры. В 1918-м он вступил в Красную Армию, командовал ротой. После Гражданской войны уехал в Палестину. Он основал там первые военные курсы, в 1939-м создал первый диверсионный отряд. В 1941-м возглавил Пальмах. Когда был образован Израиль, генерал-майор Саде получил под свое командование первую танковую бригаду...

29 ноября 1947 года Организация Объединенных Наций приняла решение о разделе Палестины и о создании двух государств — арабского и еврейского. Британцы, которые управляли Палестиной, должны были уйти в мае следующего года. Сразу же после их ухода евреи предполагали провозгласить свое государство. Им было ясно, что, как только англичане уйдут из Палестины, арабские страны нападут на них.

Палестинским евреям и палестинским арабам Организация Объединенных Наций предоставила равные возможности создать свое государство. Евреи были полны решимости использовать этот единственный в их истории шанс. Арабы, вместо того чтобы создавать свое государство, заявили, что уничтожат еврейское.

Арабские страны не желали появления ни еврейского государства, ни палестинского. Иордания и Египет собирались поделить Палестину между собой.

Соотношение сил было таково, что арабские страны не сомневались в успехе: несколько сотен тысяч евреев против десятков миллионов арабов. Хагана, то есть отряды самообороны, насчитывала всего шестьдесят пять тысяч человек.

Израильская разведка лихорадочно старалась завербовать новых агентов — в Ливане, Сирии, Египте и Иордании, чтобы выяснить политические и военные планы этих стран. Израильтяне понимали, что у них остается совсем немного времени для подготовки к войне.

Каждый агент был на вес золота.

Один из сотрудников британской службы прослушивания телефонных разговоров согласился каждый день передавать израильтянам все, что записывали британцы. Израильтяне и сами стали следить за телефонными звонками из арабских стран. Так им удалось узнать в марте 1948 года о прибывающем конвое с оружием из Ливана. Конвой был перехвачен. В стычке командир арабской милиции Хайфы был убит, что отрицательно сказалось на боевом духе арабов.

В первые же месяцы арабо-израильской войны 1948 года разведывательная сеть израильтян развалилась. Война разделила арабские и еврейские поселения, дороги были перекрыты. Непосредственное общение с агентами стало невозможным, а радиопередатчиками израильская подпольная сеть еще не обзавелась. Несколько арабов-информаторов были убиты, а другие бежали: Палестину, спасаясь от войны, покидали многие палестинские арабы.

Израиль ждал арабского нападения. Разведка должна была понять, когда и кто нападет, какими силами и в каком направлении. Но она не смогла ответить на эти вопросы.

Считается, что ближневосточный конфликт возник из-за палестинской проблемы, из-за того, что палестинские арабы бежали и лишились родины. В реальности арабские страны начали войну против Израиля за два года до массового бегства палестинцев и руководства

лись отнюдь не заботой о положении палестинских арабов. «Наша война против евреев, — заявляли египетские политики, — давняя битва, начатая пророком Мухаммедом и принесшая ему много побед. Наш долг — сражаться с евреями во имя Аллаха и мусульманской веры, наш долг — закончить начатую Мухаммедом войну».

15 мая 1948 года, на следующий день после провозглашения Израиля, в Палестину с севера, востока и юга вторглись армии Египта, Сирии, Иордании, Ирака и Ливана. Они хотели уничтожить еврейское государство в зародыше, но натолкнулись на ожесточенное сопротивление.

Арабские страны отказались от надежды ликвидировать еврейское государство и удовлетворились тем, что поделили земли, на которых ООН предлагала создать государство палестинских арабов. Сектор Газа получил Египет, Западный берег реки Иордан достался Иордании. Египет и Иордания управляли этими землями девятнадцать лет, до шестидневной войны 1967 года, но им и в голову не пришло передать эти территории палестинцам, чтобы они сами собой управляли.

В конце мая 1948 года отряды самообороны — Хагана — были преобразованы в армию обороны Израиля. Офицеров-разведчиков прикрепили ко всем боевым частям. Они должны были собирать информацию о войсках противника, допрашивать пленных и составлять разведывательные сводки для главного штаба.

Через три недели после создания Израиля премьер-министр Давид Бен-Гурион пригласил к себе двух офицеров Хаганы, которых хорошо знал и чьим мнением дорожил: Реувена Шилоаха и Иссера Беери. По складу характера онигодились в руководители специальных служб.

Втроем они решили, что еврейскому государству следует взять за образец Англию и создать три специальные службы — военную разведку, политическую разведку и общую контрразведку. Они договорились о том, что военная разведка станет отделом генерального штаба армии. Руководство ею было возложено на подполковника Иссера Беери и Вивиана Герцога, его заместителя. Они отвечали за разведку на поле боя, контрразведку, цензуру и радиоперехват.

Контрразведку (Шерут биталон клали — Служба общей безопасности, сокращенно — Шабак, или Шин-Бет) возглавили Иссер Харел и Иосэф Израэли.

Также было решено, что внешняя разведка, поступавшая под начало Реувена Шилоаха, будет пока что, до конца войны, подчиняться министерству обороны, а после войны войдет в состав министерства иностранных дел — опять же как это принято у англичан.

А в аппарате министерства иностранных дел временно было создано отдельное политическое управление, руководителем которого стал Борис Гуриэль. Задача данного ведомства состояла в подготовке и проведении подрывных действий за пределами территории Израиля.

Политическое управление Гуриэля было явно лишним в структуре специальных служб и сразу оказалось на ножах и с разведкой, и с контрразведкой.

Оперативный отдел политического управления возглавил Артур Бен-Натан. Он родился в Германии, служил в Хагане и много лет занимался вывозом евреев из Европы. Его люди рьяно взялись за дело. Они следили за сотрудниками иностранных посольств и консульств, подслушивали телефонные разговоры иностранных дипломатов, залезали в багаж с дипломатической почтой.

Несколько восточноевропейских миссий пожаловались, что кто-то вскрывает их корреспонденцию. Начальник контрразведки Шин-Бет Иссер Харел сначала подумал, что за этим стоит какая-то крупная западная спецслужба, действующая на территории Израиля, пока его агенты не прихватили коллег из политического управления, что называется, на месте преступления.

Харел возмутился и поехал к премьер-министру, которому твердо заявил, что Борис Гуриэль не имеет права заниматься такими делами. Иссер Харел был сильно недоволен конкурентами из политического управления. Он говорил премьер-министру:

— Гуриэль и Бен-Натан используют разведку как инструмент для проведения незаконных и аморальных акций. Это непозволительно. Они считают разведывательную работу в Европе романтическим приключением. Эти детские игры нас до добра не доведут.

Харел пользовался особым уважением у премьер-министра и почти всегда добивался своего. Борису Гуриэлю устроили разнос, а летом 1950 года вся контрразведывательная работа была передана в Шин-Бет.

Затем политическое управление атаковали коллеги из внешней разведки. Борис Гуриэль первым стал обзаводиться резидентурами за границей. Он взялся снабжать страну информацией о положении в неарабских странах.

Первая разведывательная резидентура появилась в Риме. Вслед за этим израильские разведчики обосновались в Голландии, Северной Африке, Бельгии, Чехословакии, ФРГ. Они собирали информацию о закупках арабами оружия, экономических отношениях арабских стран с Европой, изучали ближневосточную политику Франции, Италии, Бельгии и Англии.

Руководители военной разведки также критически относились к деятельности политического управления. Военные разведчики доказывали своему начальству в генеральном штабе, что могут работать точнее, потому что лучше понимают нужды армии.

В конце концов в 1949 году руководство армии пришло к выводу, что политическое управление не обеспечивает вооруженные силы необходимым уровнем информации.

Тогда военная разведка завела собственную резидентуру в Париже, ее начальником стал майор Хаим Гаон. Заместитель начальника военной разведки подполковник Биньямин Гибли приказал ему сформировать полноценный разведывательный аппарат с собственной агентурной сетью и обеспечить шифровальную связь с Тель-Авивом. В 1950-м военная разведка создала свои резидентуры и в других европейских столицах.

Куратором всех специальных служб страны назначили Реувена Шилоаха, который был наделен громким титулом советника министра иностранных дел по специальным вопросам.

В 1949 году он стал также председателем высшего межведомственного координационного комитета по разведке. Этот комитет создали по предложению заместителя на-

чальника военной разведки Хаима Герцога, который наивно желал избежать постоянных тренировок и конкуренции между разведывательными ведомствами.

Комитет впервые собрался в апреле 1949 года. Шилоах руководил им до марта 1953 года. В комитет помимо Шилоаха входили руководители военной разведки, политического управления и Шин-Бет, их заместители, а также генеральный инспектор полиции.

Премьер-министр Давид Бен-Гурион с удовольствием получал сводки разных разведывательных ведомств и был их внимательным читателем. Он даже исправлял ошибки в сводках, которые не были редкостью в начале 50-х: недавние эмигранты еще не усвоили премудрости древнего иврита, который им приходилось учить уже в солидном возрасте.

В разведку пришли ветераны британской и американской армий, большое число технических экспертов, радисты, криптографы, географы. Они быстро освоились с новым делом.

Когда разведчики приходили в штаб-квартиру военной разведки в Яффе в конце 1948 года, она походила на временный бивуак. А уже через год разведка напоминала прилично организованное учреждение. В приемной сидела женщина в военной форме, которая записывала имена посетителей в толстую черную тетрадь.

Глава 15

ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ

Первой внутренней проблемой израильских специальных служб стало дело начальника военной разведки Иссера Беери. Это был высокий мрачный человек, который носил неизменные шорты, рубашку цвета хаки без знаков различия и манерой поведения больше походил на инквизитора.

Он был очень подозрительным по натуре, и это погубило его самого. Он обвинил одного человека в сотрудничестве с англичанами и приказал подделать доказательства его вины. Кроме того, он приказал убить

араба, который работал на израильскую разведку, считая его агентом-двойником.

По требованию министра юстиции Беери отстранили от должности, а когда выяснилось, что он еще и приказал подделать доказательства, то вовсе уволили из армии и отдали под суд. Кроме того, Беери обвинили в том, что он в июне 1948 года устроил суд над офицером Хаганы Меиром Тобянски, считая, что тот — британский шпион, и приговорил его, не имея на то достаточных доказательств и полномочий, к смерти. Причем приговор был незамедлительно приведен в исполнение.

Вместо Беери военную разведку возглавил генерал-майор Хаим Герцог, а его заместителем стал уже упоминавшийся выше Биньямин Гибли, красивый молодой человек, который начинал еще под руководством Эзры Данина. Во время первой арабо-израильской войны Гибли возглавлял разведку в Иерусалиме и считал себя опытным разведчиком.

Хаим Герцог, будущий президент Израиля, родился в Дублине. Его отец Ицхак Галеви Герцог был главным раввином Ирландии. В 1935-м он эмигрировал в Палестину.

Хаим поехал в Англию учиться. Когда началась Вторая мировая война, прямо из Кембриджа он пошел добровольцем в британскую армию, стал танкистом, участвовал в освобождении Франции от нацистов и закончил войну в Германии.

Демобилизовался Герцог в звании майора и в 1947-м вернулся в Палестину, намереваясь держать экзамен на адвоката. Но солдаты были нужнее юристов. Как заслуженного боевого офицера с фронтовым опытом, его назначили начальником военного департамента Еврейского агентства.

Военную разведку он возглавлял два года, затем поехал военным атташе в Вашингтон. В 1957 году он стал начальником штаба южного военного округа, а через два года вновь возглавил разведуправление армии. В 1961-м ушел в отставку, занялся бизнесом. В шестидневную войну его вновь призвали в армию и назначили военным губернатором Западного берега реки Иордан. Его младший

брат Яков Герцог был начальником канцелярии главы правительства и главным советником трех сменявших друг друга премьер-министров — Бен-Гуриона, Леви Эшкола и Голды Меир. Семейственность в маленькой стране была делом обычным.

Первую крупную операцию в Европе военная разведка затеяла в декабре 1947 года, когда в британских архивах в Иерусалиме израильтяне обнаружили копию контракта на поставку сирийской армии с чешских заводов «Шкода» восьми тысяч автоматов, двухсот пулеметов и шести миллионов пуль к ним.

По тем временам это было огромное количество оружия. Усилия израильтян убедить правительство Чехословакии, которое в ту пору еще хорошо относилось к Израилю, отменить контракт успехом не увенчались. Чехам позарез нужны были деньги. Они, правда, согласились продавать оружие не только Сирии, но и Израилю.

Тогда премьер-министр Бен-Гурион отдал приказ перехватить груз. Разведка установила, что в конце марта 1948 года оружие, предназначенное для Сирии, было отправлено железной дорогой в Югославию, а там погружено на пароход «Лино», который взял курс на Бейрут.

Но из-за неполадок в двигателе судно сделало вынужденную остановку в порту Бари в Южной Италии. В Бари срочно перебросили группу боевых пловцов Пальмаха. Они прикрепили мину к борту «Лино». После взрыва судно затонуло.

На этом дело не кончилось. Сирийцы не отчаивались. Они провели дорогостоящую операцию по спасению груза, который во вполне приличном состоянии был поднят и размещен на складе в порту. Затем зафрахтовали итальянское судно «Аргиро», чтобы доставить груз в Бейрут.

19 августа судно вышло из порта. Накануне два члена экипажа согласились работать на израильскую военную разведку. В открытом море с судном встретился траулер, на котором находились два израильтянина, в совершенстве владевшие арабским языком. Они поднялись на борт и с важным видом представились офицерами египетской армии. Они приказали капитану взять курс на Александ-

рию и сказали, что намерены лично сопровождать груз до порта назначения, чтобы с ним ничего не случилось.

Два дня понадобилось израильтянам, чтобы овладеть судном. Они перегрузили оружие на израильский корабль, который ждал их в условленном месте, а итальянское судно затопили.

Через несколько недель чешское оружие раздали бойцам израильской армии. Итальянских моряков с извинениями вернули домой. Сирийского полковника, который отвечал за сделку, в Дамаске казнили, обвинив в работе на Израиль.

Израиль выиграл первую войну, но он все равно оставался один на один с враждебным арабским миром, союзников у него не было.

Глава 16

РУССКИЕ КОРНИ

Первоначально израильтяне рассчитывали на то, что их поддержат Соединенные Штаты. Тогдашний президент Гарри Трумэн считался другом Израиля. Он помог еврейскому государству появиться на свет, но продавать Израилю оружие отказался наотрез. Американские политики не горели желанием содействовать Израилю. Американцы считали, что Израиль создан левыми социалистами, которые слишком связаны с Москвой и потому опасны.

Первые боевые еврейские организации самообороны возникли во время первой русской революции в Одессе и Вильно. Они действительно были связаны с левыми еврейскими партиями: сионистами и Бундом.

Первая боевая организация в Палестине называлась Хашомер. Ее основал Израэль Шохат из социалистической партии Поалей Цион. В этой партии начинал политическую карьеру премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион.

В апреле 1920-го Хашомер, в который входило всего полтора человека, самораспустился, а летом того же года появилась новая боевая организация — уже упоми-

навшаяся выше Хагана. Она была создана с тем, чтобы предоставить евреям в Палестине возможность защитить себя, не нападая при этом первыми ни на арабов, ни на британские власти. Хагана тоже находилась под сильным влиянием профсоюза Гистадрут и социалистической партии Ахдут Гаавода (партия рабочего братства).

Хагана установила отношения с австрийскими и немецкими левыми, которые охотно помогали единомышленникам оружием. Особенно щедры были австрийские социал-демократы. Правда, этих подарков было недостаточно, чтобы вооружить отряды самообороны, и бойцы занялись самоснабжением.

В ноябре 1923 года группа бойцов Хаганы остановила караван контрабандистов в Ливане, отобрала товар и, продав его, выручила огромную по тем временам сумму — пятнадцать тысяч британских фунтов стерлингов. На все деньги было куплено оружие, которое заложили в большой бункер. На тайных складах Хаганы хранилось двадцать семь пулеметов, тысяча пистолетов, семьсот пятьдесят винтовок и столько же ручных гранат.

Советская разведка в какой-то момент заинтересовалась Палестиной: а нельзя ли и здесь поднять революцию?

В конце 1923 года в Палестину по линии иностранного отдела (внешняя разведка) Объединенного государственного политического управления был командирован знаменитый чекист Яков Серебрянский. До революции он был эсэром-максималистом и начал свою карьеру соучастием в убийстве начальника минской тюрьмы. Он получил орден Красного Знамени за похищение лидера русской военной эмиграции, бывшего генерала Белой армии Александра Кутепова в Париже. А потом возглавлял спецгруппу при наркомвнудел — диверсии и террор за границей. Яков Серебрянский пробыл в Палестине два года и вернулся домой. Революция в Палестине была отложена до лучших времен.

Некоторые члены Хаганы ездили в Москву и возвращались назад убежденными коммунистами. Но в целом организация не подпала под контроль Коминтерна, хотя и осталась под влиянием социалистических идей. Члены

Хаганы либо работали в сельскохозяйственных кооперативах (киббуцах), либо состояли в левых профсоюзах (Гистадруте).

Создатель Государства Израиль и его первый премьер-министр Давид Бен-Гурион тоже в юности увлекался социалистическими идеями. Он родился в маленьком польском городке Плоньске, который входил в состав Российской Империи, и с юности мечтал отправиться или, точнее, вернуться в Палестину — единственное место, где должны жить евреи. В 1906 году его мечта сбылась. Палестина тогда мало напоминала землю, описанную в Библии. Это было пустынное и унылое место, бесконечно отставшее в своем развитии от Европы. Еврейские переселенцы гибли от малярии и голода, отчаявшись, уезжали, но самые упорные оставались. Работа была крестьянская, но переселенцы радовались этому: они считали, что евреи должны вернуться к своему исконному делу — возделыванию земли.

Летом 1923 года Бен-Гурион ездил в Москву: он представлял палестинских трудящихся на международной сельскохозяйственной выставке. Он был восхищен Лениным и верил, что коммунизм гарантирует евреев от антисемитизма. Ему еще предстоит пережить горькое разочарование в советской политике относительно Израиля и евреев...

В 1929 году в городе Хевроне на Западном берегу реки Иордан арабы устроили еврейский погром — убили шестьдесят семь евреев. Еще шестьдесят были ранены. Нападения на евреев начались после того, как иерусалимский муфтий Хадж Амин аль-Хусейни обвинил евреев в намерении осквернить святые места ислама.

Хеврон был столицей царства Давида (это потом он перенес столицу в Иерусалим). Крестоносцы изгнали евреев из Хеврона. Во времена Османской империи некоторые евреи туда вернулись, и в городе возникла еврейская община, но после резни 1929 года еврей вновь покинули Хеврон. Они думали, что навсегда...

Еврейская община Хеврона была единственной, которая отказалась от помощи Хаганы. В Иерусалиме, Тель-Авиве и Хайфе даже малочисленные отряды самообороны

сумели защитить еврейские общины. Тогда палестинские евреи поняли, что их изолированные друг от друга поселения, окруженные со всех сторон арабскими деревнями, не должны оставаться беззащитными и зависеть от милости арабов. Сотни молодых людей стали вступать в Хагану. В 1931 году было создано единое командование.

В годы Второй мировой войны шла активная военная подготовка еврейской молодежи, копилось оружие. Через Хагану прошли видные в будущем израильские политики и военные — премьер-министры Бен-Гурион, Моше Шаретт, Леви Эшкол, генералы Моше Даян и Хаим Бар-Лев, который окончит свой земной путь на посту посла Израиля в России.

Все они придерживались социал-демократических идей. Но коммунистами не были, в чем их подозревали опасливые американцы.

Хагана не являлась единственной боевой организацией евреев в Палестине: слева и справа от нее появлялись небольшие, но более радикальные боевые организации.

Внутри самой Хаганы Ицхак Табенкин и Ицхак Саде создали свою более активную группу, которая со временем превратилась в Пальмах. Хагана вела себя сдержанно, а Пальмах отвечал ударом на удар: мстил тем, кто нападал на евреев. Пальмах родился во время Второй мировой войны, когда британские власти попросили прикрыть отступление британской армии, отходившей под ударами немецкого экспедиционного корпуса генерала Роммеля. После поражения Роммеля англичане хотели было распустить Пальмах, но сдавать оружие никто не захотел.

Члены Пальмаха работали в киббуцах и брались за оружие только в момент операции. В эту хорошо подготовленную организацию входило пять тысяч человек. Наиболее известные выходцы из нее — начальник генерального штаба Игал Аллон, премьер-министр Ицхак Рабин, директор Моссад Ицхак Хофи.

Хофи родился в Палестине, во время первой арабо-израильской войны командовал ротой, потом преподавал в военном училище. Во время синайской войны 1956 года был заместителем командира десантной бригады, а ко-

мандовал бригадой знаменитый Ариэль Шарон, будущий министр обороны. В звании генерал-майора он вышел в отставку в 1974 году и вскоре стал директором Моссад.

В коммунистических симпатиях американцы подозревали даже тех израильтян, которые занимали крайне правые позиции.

Праворадикальная организация Иргун цвай леуми (Национальная военная организация) была основана весной 1931 года, когда некоторые командиры Хаганы во главе с Абрахамом Техоми, недовольные оборонительной тактикой, решили создать собственную боевую группу.

В апреле 1937 года Иргун, в который входило примерно три тысячи человек, сам раскололся. Сторонники осторожных действий вернулись в Хагану. Остальные взяли на вооружение тактику возмездия и проводили карательные операции против арабов, которые участвовали в нападениях на евреев.

После того как британское правительство Рамсея Макдональда в мае 1939 года опубликовало «Белую книгу», ограничивавшую право евреев переселяться в Палестину, Иргун повернул оружие и против англичан. Помешав европейским евреям искать спасения в Палестине, англичане лишили их возможности избежать гитлеровских лагерей уничтожения.

После начала Второй мировой войны Иргун объявил перемирие в борьбе с британскими властями, потому что у них был общий враг — Гитлер.

Тогда от Иргуна откололась группа под руководством Авраама Штерна. Он создал свою организацию Лохамей херут Исраэль (Борцы за освобождение Израиля), сокращенно Лехи. Соратники Штерна исходили из того, что и нацисты, и англичане в равной степени остаются врагами, с которыми придется сражаться. Перемирия в этой войне нет и быть не может.

Командиром Иргуна был Давид Разиэль. Он погиб в мае 1941 года во время операции против пронацистского режима Рашида Али аль-Гайлани в Ираке. Новым командиром стал Яков Меридор. В декабре 1943 года Иргун возглавил будущий премьер-министр Израиля Менахем Бегин.

В Иргун входило больше трех тысяч человек, в основном это были городские жители, выходцы из Польши и Йемена. В Хагане и Пальмах большинство составляли эмигранты из России.

В 1944 году, когда исход Второй мировой войны был ясен, Иргун вновь объявил войну англичанам. Но Хагана и Пальмах продолжали помогать британским властям. Пальмах захватил главных руководителей Иргуна и интернировал их в одном из киббуцев. Хагана поступила еще жестче — поймала некоторых командиров Иргуна и передала их англичанам. Хагана считала, что, пока идет война с нацистами, они с англичанами союзники и воевать на два фронта глупо.

С политической линией Иргуна многие палестинские евреи не соглашались, но уважали твердость, мужество и находчивость его бойцов. Например, будущий генеральный директор объединения промышленников Израиля Пелег Тамир за участие в террористической организации Иргун цвай леуми в августе 1945 года был приговорен англичанами к тюремному заключению. Он отсидел два года в тюрьме, и его перевели в концентрационный лагерь Атлит. Оттуда он бежал. Его вынес в большом чемодане заключенный, чей срок закончился.

После окончания Второй мировой войны британское правительство по-прежнему не разрешало евреям переселяться в Палестину. 1 октября 1945 года Бен-Гурион отдал приказ Хагане поднять вооруженное восстание против англичан и помочь приезжающим из Европы евреям прибыть в Палестину. Он понимал, что еврейское подполье не в силах одолеть британскую армию, но надеялся привлечь внимание мировой общественности. Бен-Гурион в запальчивости говорил тогда:

— Действия нового британского правительства являются продолжением враждебной политики Гитлера.

Отряды самообороны осуществляли диверсии на железных дорогах и пускали ко дну корабли британской береговой охраны, которые перехватывали суда с иммигрантами.

Англичане ввели комендантский час. Евреи, задержанные с оружием в руках, приговаривались к пожизненно-

му заключению. Устраивались массовые облавы, арестованных пытали, добиваясь, чтобы они выдали адреса командиров подпольных боевых организаций.

В ответ боевики Иргуна провели несколько дерзких операций. Они нападали на британских солдат и офицеров, дерзко освобождали заключенных, захватывали оружие. Иргун взорвал южное крыло гостиницы «Царь Давид», где находились чиновники британской администрации. Их предупредили по телефону о том, что заложена взрывчатка, но они не приняли угрозу всерьез, и под обломками погибло девяносто человек.

Когда англичане стали казнить и пороть пойманных боевиков, Иргун ответил тем же. Но англичане не могли допустить, чтобы их солдат вешали или пороли в Палестине. Поэтому громкая деятельность Иргуна сыграла свою роль в решении англичан отказаться от мандата на управление Палестиной.

После провозглашения еврейского государства Иргун долго не хотел входить в состав единой армии обороны Израиля, потому что армией командовали люди из Хаганы и Пальмаха.

Израиль был провозглашен в ночь с 14-го на 15 мая 1948 года, и в ту же ночь арабские армии перешли в наступление, но потерпели поражение. В июне было объявлено первое перемирие, Израиль и арабские страны согласились не доставлять на свою территорию новое оружие.

Обе стороны, ясное дело, нарушали это соглашение, но тайно. И вдруг боевики Иргуна, не скрываясь, привели в порт к северу от Тель-Авива груженную оружием канонерскую лодку «Альталена» (Альталена — псевдоним видного деятеля сионистского движения Владимира Жаботинского). Это было открытое неподчинение правительству Израиля.

Армия получила приказ захватить судно и конфисковать оружие, но не решалась поднять руку на товарищей. Будущий министр обороны Моше Даян лично взялся исполнить эту миссию. Он взял с собой роту и приказал отрядам Иргуна сдать. Они ответили огнем. Тогда Даян приказал обстрелять судно, и бойцы Иргуна сдались.

— Они не были нашими врагами, — объяснил позже Даян, — это было чисто политическое дело.

21 сентября 1948 года отряды Иргун все же вступили в армию обороны Израиля. Бывшие члены этой боевой организации вошли в правую партию Херут, которую возглавил Менахем Бегин.

Своих соратников по Иргуну Якова Меридора и Хаима Ландау со временем Бегин сделает министрами. Командир потопленной канонерки «Альталена» Элияху Ланкин станет послом в Южно-Африканской Республике. Все это были крайне правые политики.

Что касается группы Лехи, которую обычно именовали бандой Штерна в честь ее первого командира — Авраама Штерна, то в нее и в самом деле входило много бывших коммунистов. Но действительно бывших, то есть радикально изменивших свои взгляды. В Лехи собрались сторонники индивидуального террора, экстремисты разных направлений. Очень скоро от их левых убеждений ничего не осталось. Все они тоже стали правыми.

Они были против британцев, а после создания Израиля повернули оружие против ООН, которая, по их мнению, вредила Израилю. Они убили международного посредника графа Бернадота и британского комиссара на Ближнем Востоке лорда Мойна.

9 апреля 1948 года группы Иргун и Лехи в отместку за нападение на евреев атаковали арабскую деревню Дейр-Ясин. Среди мирного населения было много жертв, что вызвало панику у арабов. Эта трагедия легла мрачным пятном на репутацию Израиля.

Группа Лехи состояла из боевых ячеек, которые часто действовали на свой страх и риск. Командира группы Авраама Штерна схватили англичане и казнили. Его сменил Ицхак Шамир, еще один будущий премьер-министр Израиля. Как и Менахем Бегин, он был выходцем из Польши.

Шамир и Бегин придерживались крайне правых убеждений. Когда они по очереди встанут во главе правительства, американцы убедятся, как трудно иметь с ними дело.

Но в конце 40-х этих людей американские дипломаты называли просоветски настроенными, чуть ли не комму-

нистами! Американский генеральный консул в Каире докладывал в 1947 году государственному секретарю США, что получил документы, из которых следует, что руководители еврейских боевых подпольных организаций Лехи и Иргун тесно связаны с советской миссией в Бейруте. Лидер Иргуна по имени Менахем Бегин, сообщал он, получает деньги от второго секретаря советской миссии в Бейруте Евгения Подвигина. Американская военная разведка доносила из Парижа, что некоторые из лидеров организации Лехи прошли боевую подготовку на деньги, полученные из Советского Союза.

Когда в сентябре 1948 года был убит посредник ООН на Ближнем Востоке граф Фолькер Бернадот, генеральное консульство США в Иерусалиме сообщило в Вашингтон, что чешские консульства в Иерусалиме и Хайфе в тот день работали допоздна, чтобы выдать визы примерно тридцати членам организации Лехи, участвовавшим в убийстве. В течение трех дней все тридцать человек улетели в Прагу...

Представления американцев об этих группах были не совсем правильны. Глава Иргуна Менахем Бегин, бывший солдат польской армии, в 1939-м, после раздела Польши между Гитлером и Сталиным, попал в советский плен, сидел в тюрьме и не испытывал добрых чувств к Москве. Глава Лехи Ицхак Шамир относился к Советскому Союзу точно так же.

Правда, и к американцам люди из Иргуна и Лехи не питали симпатий. Ицхак Шамир, будущий премьер-министр Израиля, и его окружение терпеть не могли американцев, считая, что Соединенные Штаты в годы Второй мировой войны ничего не сделали для спасения евреев от нацистов.

В мае 1948 года государственный департамент США получил сообщение о том, что в рядах израильской армии воюют не менее восьми тысяч бывших солдат и офицеров Советской Армии. Как будто бы демобилизованных командиров-евреев в Советском Союзе приглашали в военкоматы и говорили:

— Если хотите вместе с семьей поехать в Палестину, чтобы сражаться с британским империализмом, подавайте заявление. Мешать не будем...

А еще раньше Министерство государственной безопасности СССР получило указание подготовить и забросить в Палестину группы агентов-диверсантов. Они тоже должны были сражаться против англичан. В эту группу включали офицеров госбезопасности, имевших опыт разведывательно-диверсионной работы в немецком тылу. Советская агентурная сеть в сжатые сроки была развернута в Палестине, но ее участие в боевых действиях против англичан не понадобилось: англичане сами ушли. Теперь уже Комитет информации при Совете Министров СССР, а затем Первое главное управление МГБ СССР получили приказ вести агентурную разведку внутри нового государства — Израиля.

Когда в январе 1949 года было сформировано первое правительство Израиля, американская военная разведка взялась тщательно изучать прошлое членов кабинета министров: а нет ли среди них советских агентов? Американцы не могли понять, почему Сталин отпустил в Израиль так много евреев...

Первого советского посла в Израиле, который прибыл в Тель-Авив поздно вечером 8 августа 1948-го, израильтяне приветствовали восторженно. Американцев все это настораживало.

Глава 17

НОЧНЫЕ ПОЛЕТЫ

В начале 1948 года военный атташе США в Ливане майор Стивен Мид докладывал о том, что какие-то самолеты по ночам садятся на небольшом аэродроме в долине Бекаа. Иногда в течение ночи прилетало сразу несколько самолетов. Американский атташе выяснил, что самолеты доставляют оружие еврейским боевым формированиям в Палестине.

В марте американский военный атташе в Праге сообщил, что в чехословацкой армии — с очевидного согласия Советского правительства — ведется вербовка добровольцев для еврейского государства.

В последний мартовский день 1948 года в пражском аэропорту приземлился американский транспортный самолет DC-4 «Скаймастер» без опознавательных знаков. Погрузка самолета велась под охраной офицеров управления госбезопасности Чехословакии. Вечером самолет поднялся в воздух и сел ночью в бывшем английском военном аэропорту Бейт-Даррас в Палестине.

Директор ЦРУ адмирал Хилленкеттер доложил президенту Трумэну, что оружие на Ближний Восток нелегально доставляется из Чехословакии, причем американскими самолетами.

Государственный секретарь США Джордж Маршалл сообщил американскому послу в Праге, что намерен выразить официальный протест чехословацким властям. Посол скептически ответил своему начальнику, что протест ни к чему не приведет. Прага остро нуждается в валюте, а продажа оружия приносит чехам хорошие деньги.

После провозглашения Израиля пражский канал заработал на полную мощность. Летали по маршруту Чехословакия — Израиль американские летчики.

Адольф Уильям Швеймер, который со временем стал генеральным директором концерна «Авиационная промышленность Израиля», до конца жизни очень плохо говорил на иврите. Он родился в Соединенных Штатах и с детства мечтал стать летчиком. Но денег на учебу у него не было, поэтому он пошел работать механиком. Выучился летать он самостоятельно и все-таки получил диплом авиаинженера и права пилота.

Во время Второй мировой войны он служил в военно-воздушных силах США. После войны перешел в гражданскую авиацию, летал по маршруту Нью-Йорк — Париж — Мадрид. Тогда-то с ним и познакомились представители Хаганы. Они попросили его помочь Израилю.

Швеймер собрал группу бывших военных летчиков, американских евреев, и сколотил из них несколько экипажей. Затем Швеймер купил десять двухмоторных транспортных самолетов «С-46»: эту устаревшую технику распродавала со своих складов американская армия.

Экипажи Швеймера через Панаму, Дакар, Касабланку и Сицилию перебросили самолеты на аэродром, рас-

положенный возле Праги. На этих машинах тайно, по ночам вывозили оружие в Израиль.

Затем Швеймер купил на складе американской армии три «летающие крепости» — бомбардировщики «В-17». Это были первые бомбардировщики ВВС Израйля.

Перегнав эти самолеты в Израиль, Швеймер нарушил американские законы. Посольство США в Чехословакии пригрозило лишить американского гражданства тех, кто занимается доставкой оружия в Палестину. Американский военный атташе в Праге предложил министерству обороны предупредить экипажи этих самолетов, что если самолеты и экипажи не вернуться немедленно на родину, то они будут сбиты истребителями-перехватчиками. Это предложение в Вашингтоне отвергли...

В августе директор ЦРУ доложил президенту Трумэну, что поставки оружия из Чехословакии значительно возросли: «Чехословакия стала основной базой для операций разветвленной подпольной организации, занятой тайной переброской по воздуху военных материалов в Палестину».

В середине августа правительство США все-таки направило официальный протест правительству Чехословакии и информировало Организацию Объединенных Наций о незаконных поставках оружия на Ближний Восток. Государственный департамент заявил, что американцы, которые участвуют в этом незаконном бизнесе, должны сдать свои американские паспорта.

Правительство Чехословакии ответило, что все американцы, о которых шла речь в ноте, давно покинули территорию страны.

Но американская военная разведка быстро выяснила, что переброска оружия идет теперь с небольшого аэродрома неподалеку от Братиславы. На этом аэродроме советские и чехословацкие инструкторы учили израильтян летному делу.

Израильские военные закупили в Европе старые английские истребители «Спитфайры» и трофейные немецкие «Ме-109». В районе Брно их разбирали на части и отправляли в Израиль на самолетах панамской авиакомпании.

На территории Чехословакии обучали не только будущих израильских летчиков. Полторы тысячи пехотинцев

прошли подготовку в Оломоуце, еще две тысячи — в Миккулове. Из них сформировали часть, которая первоначально называлась «Бригадой имени Готвальда». Медицинский персонал готовили в Вельке-Штребне, радистов и телеграфистов — в Либереце, электромехаников — в Пардубице, танкистов и десантников — в Ческе-Будеёвице.

Советские инструкторы читали молодым израильтянам лекции на политические темы. Израиль, по мысли Сталина, должен был стать форпостом в борьбе против британского колониализма и опорой советской политики на Ближнем Востоке.

В октябре 1948 года настроения в Москве стали меняться, пришел приказ закрыть авиакомпании в Страконице и Брно. Оттуда каждый день в Израиль вылетали два транспортных самолета со стрелковым вооружением. Израильских летчиков предупредили, что им пора готовиться к возвращению домой. Но потом как будто бы все восстановилось. В начале 1949 года Израиль продолжал покупать в Чехословакии танки, зенитные орудия и противотанковые ружья.

Американская разведка нашла объяснение этому факту. В середине декабря 1948 года в пригороде Праги сел четырехмоторный «Скаймастер». Самолет отогнали в тщательно охраняемый дальний ангар. Но агент американской разведки, который работал в чехословацкой полиции, выяснил, что было в этом самолете.

Американский военно-воздушный атташе доложил в Вашингтон: «Это подарок Израиля чехословацкому правительству. Наш информатор описывает его как небольшую самоходную конструкцию с неким устройством чашевидной формы на конце. Источник предполагает, что это малогабаритный мобильный радар раннего обнаружения».

Американцы считали, что это был американский радар, украденный израильтянами специально для Советского Союза в знак благодарности за военную помощь.

Поддержка Советского Союза в 1947 году обеспечила принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции о разделе Палестины, а советское оружие позволило израильтянам отразить наступление арабов в 1948 году.

И все же подозревать руководителей Израиля в коммунистических настроениях было нелепо. К тому же симпатии к Советскому Союзу стали быстро угасать. Израиль был потрясен разгулом антисемитизма в Восточной Европе: процесс Сланского и других бывших партийных руководителей в Чехословакии, «дело врачей» и суд над членами Еврейского антифашистского комитета в Советском Союзе... Советский Союз ужесточил свою позицию в отношении Израиля и стал решительно поворачиваться лицом к арабскому миру.

Будущий президент Израиля Хаим Вейцман, родившийся в России, встречался с актером Соломоном Михоэлсом и писателем Исааком Фефером, когда они от имени Еврейского антифашистского комитета приезжали в Соединенные Штаты в 1943 году. Вейцман просил передать Советскому правительству, что если в Палестине будет создано еврейское государство, то оно никогда никаких враждебных выступлений против Советского Союза не допустит.

Вейцман искренне был расположен к России. Но судьба его родных, оставшихся в Советском Союзе, произвела на него тяжелейшее впечатление. Его сестра Мария Вейцман, врач Госстраха, была арестована в феврале 1953 года. Ее муж был арестован еще раньше, в 1949-м. Другого брата президента — Самуила Вейцмана, который в 20-х годах был заместителем председателя Общества земельного устройства еврейских трудящихся, — расстреляли как английского шпиона...

Так что опасения американцев были беспочвенны. Тем более, что израильская контрразведка, повинаясь указаниям премьер-министра Бен-Гуриона, бдительно наблюдала за всеми радикалами в стране. Глава правительства приказал не давать им спуска.

Глава 18

БЫВШИЙ ПОЛКОВНИК РАБОТАЛ НА КГБ?

О существовании службы безопасности Шин-Бет долгое время официально не говорилось. Но то, что она есть, знали все. В 1949 году члены правой оппозицион-

ной партии Херут, которая сложилась из ветеранов боевой организации Иргун, обнаружили, что за ними следят. Они пожаловались полиции, которая задержала двух молодых людей и одну девушку, но, установив, кто перед ними, полиция их немедленно отпустила.

Руководитель службы безопасности Иссер Харел исправно снабжал премьер-министра информацией относительно планов партии Менахема Бегина. Кроме того, Харел ликвидировал остатки боевой группы Штерна: этих людей побаивались. Он отыскал бывших боевиков и посадил их — всех, кроме Ицхака Шамира, которому он порочил большое будущее.

Но в принципе в Шин-Бет считали, что левые опаснее правых, и следили в основном за левыми. Хотя из всех политических партий Израиля только новая Объединенная рабочая партия (МАПАМ), которая была близка к коммунистам, выступала против прозападного курса правительства Израиля и поддерживала Советский Союз.

Глава Шин-Бет Харел считал, что партия МАПАМ работает на Советский Союз. Он приказал выявлять членов партии, которые нанимались на военные заводы. И поручил своему подразделению специальных операций фотографировать активистов компартии во время манифестаций.

Но Харел просчитался с этим поручением. Ведь в самой контрразведке работали люди разных политических убеждений.

Министр труда Перец Бернштейн публично пожаловался на то, что прослушиваются разговоры всех членов правительства, которые не принадлежат к правящей партии. Откуда министр мог об этом узнать? Тут Харел сообразил, что отдел специальных операций перешел в Шин-Бет прямо из Пальмаха. Отдел возглавлял Гершон Рабинович, который прежде работал в киббуце и был членом левой партии МАПАМ, как и многие другие члены Пальмаха. Харел решил, что у него в Шин-Бет существует целое антиправительственное подполье, что Рабинович выдает все секреты товарищам по партии. И он очистил свою службу от левых: их он всегда был готов заподозрить в предательстве. Иногда они давали для этого повод...

Полковник Израэль Беер родился в Вене, эмигрировал в Палестину в 1938-м и сразу же вступил в Хагану. В 1948-м он был старшим помощником Игала Ядина, начальника оперативного управления Хаганы. После первой арабо-израильской войны Беер был назначен начальником оперативного управления генерального штаба армии обороны Израиля, и все ждали, что его назначат заместителем начальника генштаба. Когда эта должность досталась генералу Мордехаю Маклефу, Беер обиделся и вышел в отставку.

Полковник был человеком левых убеждений и не скрывал этого. Он присоединился к партии МАПАМ, когда она была основана в 1948 году. Сняв военную форму, Беер постоянно писал на военные темы в партийной газете.

Он с гордостью рассказывал о своем боевом прошлом, о том, как в Вене он был членом шуцбунда, боевой организации австрийских социал-демократов, и принимал участие в восстании венских рабочих в 1934 году. Через два года он отправился в Испанию и воевал в Интернациональных бригадах. Случайное знакомство с трудами Теодора Герцля, основоположника сионизма, подтолкнуло его к переезду в Палестину.

В Израиле полковника Беера уважали. Он участвовал в стольких войнах, у него было много наград... Он только очень плохо говорил на иврите. Он сам шутил:

— На моем иврите я не могу объяснить разницу между мужчиной и женщиной, хотя в жизни я в этом вроде бы неплохо разбираюсь.

В 1953 году Беер внезапно совершил поворот в своих политических взглядах. Когда его левые друзья по партии МАПАМ перешли в ряды коммунистов, он порвал с ними, резко поправел и вступил в правящую партию, стал писать для ее газеты. Это вызвало подозрения бдительного Харела, и за Беером установили слежку.

Министру иностранных дел Моше Шаретту нравились статьи Беера, и он настоял, чтобы и газета правящей партии постоянно его печатала. Беер попытался даже вернуться в армию. В кадры его не зачислили, но поручили написать официальную историю войны 1948 года. Беер

получил доступ к секретным архивам армии и право спрашивать о перипетиях той войны самого премьер-министра Бен-Гуриона. Бывшему полковнику предоставили кабинет в министерстве обороны и выделили в помощь секретаря.

Вторую половину 1956 года в министерстве обороны и в генеральном штабе шла интенсивная подготовка к синаяской кампании — совместной войне Англии, Франции и Израиля против Египта.

Беер, допущенный к секретным документам, был одним из тех, кого специально попросили избегать общения с иностранцами, особенно с русскими. Но Беер демонстративно встречался с советским журналистом — корреспондентом ТАСС, которого считали офицером КГБ.

Харел был уверен, что на самом деле Беер не изменил своим крайне левым взглядам. Рафи Эйтан, новый начальник оперативного отдела Шин-Бет, провел негласный обыск в квартире Беера в Тель-Авиве, но ничего подозрительного не нашел.

А бывший полковник Беер становился все более заметным человеком. Его пригласили на кафедру военной истории в Тель-Авивский университет. Он сблизился с Шимоном Пересом, амбициозным молодым генеральным секретарем министерства обороны. Беер стал ездить в Западную Германию, бывать на базах НАТО. Он свободно говорил по-немецки, считался признанным специалистом по военным вопросам, и в Западной Германии его принимали как почетного гостя.

В декабре 1957 года министры, не принадлежавшие к правящей партии, выразили возмущение намерением руководителей министерства обороны Моше Даяна и Шимона Переса тайно поехать в Западную Германию, чтобы приобрести две подводные лодки. Министры считали, что еврейское государство не может покупать оружие у немцев.

Рассказать им о поездке в Западную Германию, которую готовили в глубокой тайне, мог, по мнению Харела, только Беер. Харел вообще полагал, что бывший полковник слишком много знает и не умеет держать язык за зубами.

Из-за скандала Моше Даян не рискнул поехать в ФРГ. Вместо него в Бонн отправился генерал Ласков, который стал новым начальником генерального штаба, а до этого командовал бронетанковыми войсками. Руководил израильской военной делегацией генеральный секретарь министерства обороны Шимон Перес.

Министр обороны ФРГ Франц Йозеф Штраус — один из самых известных немецких политиков — принимал израильских гостей у себя дома, где их не могли увидеть журналисты. Встреча держалась в секрете. Штраус вел себя с израильтянами подчеркнуто уважительно. Тем более, что Переса считали фактическим главой министерства обороны, потому что формально министром был сам Бен-Гурион.

Шимон Перес просил дать Израилю транспортные самолеты, вертолеты, артиллерию и противотанковые ракеты. Бундесвер еще только создавался, и его запасы были невелики, но министр Штраус считал, что ФРГ обязана помочь Израилю. Оружие взяли со складов бундесвера. На самолетах и вертолетах без опознавательных знаков его перебросили на территорию Франции, а оттуда на судах перевезли из Марселя в Израиль. Эта операция оставалась секретом семь лет. Для вида министерство обороны ФРГ даже сообщило в полицию, что некоторое количество оружия исчезло, видимо, было украдено...

А начальник Шин-Бет Харел продолжал заниматься делом полковника Беера. Подозрения Харела усилились, когда Беер попросил разрешения встретиться с Райнхардом Геленом, руководителем западногерманской разведки. Разрешение Бееру не дали, потому что отношения с западногерманской разведкой носили крайне деликатный характер.

В Израиле знали, что директор ЦРУ Аллен Даллес, склонявшийся на сторону арабов, попросил Гелена вдохнуть новую жизнь в разведку Египта, и в Египет отправились несколько бывших офицеров СС и гестапо, опытных службистов, — в качестве консультантов и советчиков.

Одновременно Гелен признавал, что немцы в долгу перед евреями и нужно помочь Израилю выжить. Он

решил, что поскольку президент Египта Насер решительно повернул в сторону Москвы, то надо помогать израильтянам создавать агентуру в арабских странах. Гелен хотел расширить контакты с Моссад, но в Израиле никак не могли решить, откликаться ли на предложение бывшего гитлеровского генерала и в какой степени можно сотрудничать с немцами.

Израэль Беер все-таки встретился с Геленом в мае 1960 года, несмотря на запрет. Харел считал, что только агент КГБ может так настойчиво стремиться к встрече с начальником западногерманской разведки. В его глазах Беер был предателем, который давно работает на советскую разведку.

Оперативники Шин-Бет, следившие за Беером, докладывали, что в последнее время поведение отставного полковника сильно изменилось. Уважаемый ученый в очках стал часто посещать ночные клубы, он сильно пил и заводил роман за романом. Однажды его избил ревнивый муж женщины по имени Ора Зехави. Смущенный Беер объяснил коллегам синяки на лице тем, что попал в автотрагедию.

Наконец Харел доложил свои подозрения Бен-Гуриону, просил премьер-министра не откровенничать с бывшим полковником. Самому Бееру начальник Шин-Бет с угрозой в голосе сказал:

— Я думаю, что премьер-министр слишком наивен в отношении тебя.

Харел запретил Бееру покидать страну и установил за ним постоянное наружное наблюдение. Однажды утром бывшего полковника засекли в компании нескольких сотрудников советского посольства — предположительно офицеров КГБ. Наблюдение было усилено. Группа агентов обосновалась в доме напротив его квартиры в Тель-Авиве.

Беером лично занялся Цви Малчин, новый начальник оперативного отдела Шин-Бет. Вечером 31 марта 1961 года служба наружного наблюдения установила, что Беер передал чемоданчик с документами советскому дипломату Соколову, которого считали сотрудником резидентуры внешней разведки КГБ.

Дело доложили непосредственно Харелу. Он получил в прокуратуре ордер на арест, и ранним утром Беер был задержан. В его чемоданчике нашли страницы из личного дневника премьер-министра Бен-Гуриона и секретные документы министерства обороны. В Шин-Бет считали, что эти документы советский разведчик уже успел перефотографировать и теперь Беер собирался вернуть их на место.

В записях Беера нашли упоминания о его секретных встречах с какими-то людьми. Харел решил, что речь идет о сотрудниках советской разведки. Беер настаивал на том, что это его подружки. Допрашивавшие были поражены его успехами на этом поприще. Они допросили нескольких женщин, которые выразили возмущение интересом Шин-Бет к чисто личным делам, но подтвердили, что Беер не лжет...

В Шин-Бет знали, что Беер часто бывал в посольствах стран восточного блока. Теперь они выяснили, что он познакомился с советским дипломатом Соколовым в конце 1957 года и встречался с ним более двадцати раз. 10 апреля, еще не зная об аресте Беера, Соколов явился на обычное место встречи, а через несколько дней, видимо, выяснив, что его агент провалился, внезапно покинул Израиль.

Выяснилось, что замечательная биография полковника Беера придумана. Он никогда не состоял в австрийском шуцбунде и не сражался в Испании. Но стремление приписать себе чужие заслуги — еще не доказательство работы на чужую разведку. Беер утверждал, что встречался с советскими дипломатами только с одной целью — в надежде убедить их изменить курс Москвы в отношении Израиля.

Сообщение об аресте Беера было как гром среди ясного неба. Очень неприятно чувствовал себя Шимон Перес. Он боялся, что эта история повредит его карьере. Он и его помощники из министерства обороны намекали Харелу, что желательно прикрыть и не раздувать это дело.

Иссер Харел поступил наоборот. Ходят слухи, что он получил оперативную информацию от британских спецслужб: Беер был завербован советской разведкой в Вене

практически одновременно со знаменитым Кимом Филби, который три десятилетия работал на Москву.

В конце марта 1962 года бывший полковник Беер был приговорен к десяти годам тюремного заключения за шпионаж в пользу иностранного государства. Защита и обвинение, равно недовольные приговором, подали апелляции. Верховный суд прислушался к обвинению и увеличил срок до пятнадцати лет.

Беер умер в тюрьме. Уже после смерти вышла его книга «Безопасность Израиля вчера, сегодня и завтра». Историки высоко оценили его описание войны 1948 года, обнаружив в книге множество оригинальных идей.

Через несколько лет лица, ответственные за хранение архива Бен-Гуриона, заявили, что у них отсутствуют записи, которые первый премьер-министр Израиля делал с января по декабрь 1956-го. Эти дневники, вероятно, хранятся в архивах КГБ.

Беер признал на допросе, что показывал советским дипломатам страницы из дневника Бен-Гуриона, чтобы убедить их, что премьер-министр искренне готов установить новые отношения с Москвой и арабским миром...

Иссер Харел винил себя в том, что не разобрался с Беером раньше. Именно в то время Харел был чертовски занят и часто ездил за границу, потому что занимался подготовкой к самой знаменитой акции Моссад — похищению нацистского военного преступника Адольфа Эйхмана, отвечавшего в нацистской Германии за «окончательное решение еврейского вопроса». Этот человек наладил гигантский механизм, с помощью которого сумел за несколько лет уничтожить шесть миллионов евреев.

С 8 мая 1945-го Эйхман всячески избегал встреч с людьми, за которыми столько лет охотился.

Роли поменялись: теперь уже искали его. Искали пятнадцать лет и нашли в Аргентине, где он скромно жил под чужой фамилией.

В апреле 1960 года в штаб-квартиру Моссад в Тель-Авиве поступила информация о том, что Эйхман, который называет себя Рикардо Клементом, живет на окраине Буэнос-Айреса. Его опознал один эмигрант из Гер-

мании. Первой в Аргентину отправилась группа наружного наблюдения. Она сообщила, что Рикардо Клемент и его жена устроили торжественный ужин в день, когда Адольф Эйхман и его жена должны были бы отмечать двадцатипятилетие своей свадьбы!

Латиноамериканские страны нацистских преступников не выдавали. Так как же посадить Эйхмана на скамью подсудимых?

В Моссад составили план операции: захватить Эйхмана, доставить его на конспиративную квартиру и держать там до тех пор, пока не появится возможность вывезти нацистского преступника из страны. Но как это сделать? Между Аргентиной и Израилем в 1960 году не существовало прямого авиасообщения. А морской путь был слишком долгим.

3 мая 1960 года оперативная группа Моссад из трех человек отправилась в Аргентину. Руководитель группы Питер Малкин выдавал себя за немца, двое остальных — за англичан.

С большим трудом им удалось снять отдельный дом, где предполагалось спрятать Эйхмана, и взять напрокат два автомобиля. Захват был намечен на 11 мая. Все эти дни в Аргентине находился директор Моссад Иссер Харел. Он разработал план операции в мельчайших деталях.

Эйхмана взяли поздно вечером, когда он возвращался домой после работы. Было уже темно, шел дождь. Питер Малкин сбил его с ног и затолкал в машину. Нацист почти сразу признался, что он и есть Адольф Эйхман.

Харел придумал, как вывезти его из страны. В Буэнос-Айрес на празднование 150-летия Аргентины прилетела официальная израильская делегация — на спецсамолете. Экипаж состоял из людей, отобранных сотрудниками Моссад. Эйхмана провели на борт самолета под видом захмелевшего члена экипажа. Самолет немедленно взмыл в воздух.

Адольфа Эйхмана судили в Иерусалиме.

Процесс продолжался четыре месяца. Еще четыре месяца судьи совещались. Они знали, что приговор по этому делу должен быть безукоризненным и беспристрастным. Вердикта ожидали не только миллионы простых

людей по всему миру, но и множество профессиональных юристов и ученых.

История юриспруденции знает подсудимых с более громкими именами и высокими званиями. Человек, которого судили в Иерусалиме, имел скромный чин подполковника и возглавлял сравнительно небольшой отдел в крупном ведомстве. Он, возможно, остался бы безвестным функционером нацистского аппарата, если бы не итоги его деятельности.

Для выживших Эйхман был воплощением зла, дьяволом во плоти. Его мало кто видел. Узники лагерей знали только своих непосредственных мучителей — надзирателей. Эйхман никого не избивал, не загонял в газовую камеру, вообще редко появлялся в лагерях. Но каждый еврей, оказавшийся сначала в гетто, а затем и в лагере уничтожения, знал, что нашел его и отправил туда Адольф Эйхман.

Эйхман старался не жаловаться, но товарищам по партии объяснял, какую тяжелую задачу он выполняет.

Прежде всего он скрупулезно выяснил, скольких евреев придется уничтожить. Составил подробные карты расположения еврейского населения в Европе, затем подробные списки. Он настоял на том, чтобы все евреи носили звезду Давида, дабы легче было их опознать, сселял их в гетто — оттуда проще отправлять в лагерь. Евреев понемногу расстреливали и вешали, но темпы этой работы не устраивали Эйхмана и его начальство.

В 1941 году, накануне вторжения в Советский Союз, были созданы специальные подразделения войск СС, которые по мере продвижения вермахта должны были уничтожать еврейское население. Эйхман снова озабочен: достаточно ли эффективно работают эти подразделения?

Неподалеку от Минска он устроил проверку. Колонну евреев поставили перед рвом. Эсэсовцы стреляли им в затылок — одному за другим. Эйхман неосмотрительно встал слишком близко к одной из женщин, державшей в руках ребенка.

Эсэсовцы сначала застрелили женщину, потом ребенка. Эйхман был поражен неаккуратностью эсэсовцев: кровь и мозги из простреленной головы ребенка испач-

кали его кожаное пальто, которое потом ему отчистил шофер.

Расстрел как метод не понравился Эйхману: слишком медленно, слишком неаккуратно и слишком дорого. Германия должна экономить патроны для фронта.

Как альтернативу ему предложили душегубки — грузовые автомобили с герметически закрывающимися кузовами. В кузов набивали людей и пускали газ. Но автомобилей не хватало и для вермахта. Сама акция длилась долго, а вытаскивать трупы было вредно для здоровья. Эсэсовцы жаловались на головную боль после экзекуций.

Тогда появилась идея устроить газовые камеры прямо в концлагерях. Эйхман понял, что найдено настоящее решение. В газовые камеры можно было загонять людей целыми партиями прямо из эшелонов, а трупы сжигать здесь же, в лагерных крематориях. В тот момент, когда заработали газовые камеры, Эйхман почувствовал себя счастливым. Он понял, что сможет выполнить порученное ему дело.

Он без усталости колесил по Европе, выискивая неустроенных евреев, договариваясь с транспортным ведомством и местными властями о вывозе евреев в лагеря уничтожения. Власти почти всегда шли ему навстречу. Только в Дании и Голландии у Эйхмана возникли затруднения: здесь не хотели выдавать евреев.

Зато он обнаружил, что кое-кто даже обошелся без его помощи. Литовцы, латыши и эстонцы сами уничтожали своих евреев. Прибалтов быстро догоняли украинцы и хорваты. С удовольствием избавлялись от евреев поляки. Практически все лагеря уничтожения были построены на территории Польши: немцы знали, что поляки возражать не станут. Везде Эйхман легко находил единомышленников: они помогали ему отправлять евреев поближе к газовым камерам.

За редчайшим исключением никто не пожелал помочь евреям. Этот мотив возникнет потом и во время суда в Иерусалиме.

Сотни тысяч людей жили рядом с лагерями смерти. Они шли пешком на работу, вдыхая запах горящего человече-

ского мяса. Когда они смотрели в ту сторону, то видели нескончаемые клубы дыма, поднимавшиеся в небеса.

Дома их соседей опустели: исчезли люди, которые жили рядом с ними. Они стояли и смотрели, как избивали евреев, как их штыками загоняли в вагоны, везли за сотни километров без воды и пищи. Видели, как их заставляли бежать — полумертвых, полубезумных, в крови и экскрементах, — бежать в «раздевалку», откуда открывалась «дорога в небеса», как говорили немцы, — в газовые камеры.

Что чувствовали эти свидетели террора? Что они думали об эсэсовцах и их подручных из числа местного населения? За малым исключением они были равнодушны к происходившему. Или даже благодарны эсэсовцам:

— Евреи сами во всем виноваты. Разве они не были богатыми? Разве они не контролировали весь капитал? Разве они не эксплуатировали нас?

Католики, хотя и им тоже досталось при Гитлере, увидели в нацистах инструмент, способный избавить мир от «народа, распявшего Христа». Вполголоса они говорили друг другу: «После войны поставим памятник Гитлеру за то, что избавил нас от этих». Пройдут годы, и Папа Римский Иоанн-Павел II попросит прощения за это позорное поведение европейских католиков. Он изменил католический катехизис, который возлагал на евреев коллективную вину за распятие Христа, и покаялся перед Богом за грехи католиков — инквизицию, крестовые походы и антисемитизм. Он несколько раз повторил, что евреи — старшие братья христиан по вере, что Христос, Дева Мария и апостолы были евреями. Но когда Адольф Эйхман занимался окончательным решением еврейского вопроса, до этих слов Папы Римского Иоанна-Павла II было еще далеко...

Эйхман с возмущением реагировал на любые попытки спасти евреев, полуевреев или евреев на одну четверть. Он воспринимал это как личную обиду, словно его лишали самого дорогого в жизни. «Значительно разумнее уничтожить их всех», — объяснял он.

После войны его искали полтора десятка лет. За это время в воображении людей он превратился в настоя-

шее чудовище. Агенты израильской разведки, которые вывезли его из Аргентины, были поражены, увидев самого обычного, скорее, даже жалкого человечка. И это он истребил шесть миллионов?

На суд в Иерусалим приехали многие видные ученые: они хотели понять феномен Эйхмана. Среди них была Ханна Арендт, крупнейший немецкий социолог и философ. Она пришла к выводу, показавшемуся тогда неожиданным.

Эйхман — не дьявол, не фанатик, не маньяк, не садист. «Во время суда каждый мог убедиться, что этот человек не чудовище, — писала Ханна Арендт. — Он нормальная среднестатистическая личность. Не слабоумный, ни заикленный идеологически, не циничный».

Эйхман был образцовым немецким чиновником. Полдюжины психиатров подтвердили, что Эйхман — вполне нормален.

«Банальность зла» — это формула Ханны Арендт. Это объяснение позволяло каким-то образом понять необъяснимое: нормальный, с точки зрения психиатров, человек годами методично убивает людей и считает это своим долгом.

Эйхман готов был принять это объяснение, считая, что такое толкование его поступков избавляет его от ответственности.

— Вы должны мне поверить, — убеждал Эйхман захвативших его израильских оперативников. — Я ничего не имею против евреев. Я просто выполнял порученное мне дело. Я никогда не был антисемитом. Мне даже нравились евреи. У меня были друзья евреи. Когда я приезжал перед войной в Палестину, то в Хайфе всегда нанимал евреев-таксистов. Евреи мне нравились больше, чем арабы.

Он, кажется, даже верил в то, что говорил.

— Вы же солдат, вы выполняете приказ, — внушал он израильскому офицеру. — Почему вас удивляет, что и другие делают то же самое? Идея состояла в том, чтобы создать государство, свободное от евреев. Первоначально хотели всех евреев выслать из Германии. Но ни одно государство не согласилось принять всех евреев. Кто же виноват в их гибели: Германия или западный мир?

На суде Эйхман не отрицал своего участия в «окончательном решении еврейского вопроса», но наотрез отказывался признавать себя убийцей:

— Я никогда никого не убивал. Я занимался только тем, что находил евреев и отправлял их в лагеря. Таков был приказ фюрера. Я должен был подчиняться. Выбора у меня не было.

Само понятие «банальность зла» помогло многое понять в механизме тоталитарного государства. Тем не менее на один вопрос ответа нет. Почему из десятков миллионов немцев именно Эйхман был выбран для «окончательного решения еврейского вопроса», почему он так рьяно взялся за это дело?

Уничтожение евреев стало для него не просто выполнением приказа, а делом всей жизни. Он был словно заморожен этой целью. Он не думал ни о чем другом.

— Уже в самом конце Гиммлер хотел, чтобы я оставился, — признался Эйхман израильтянам. — Он решил, что нам всем пора спасать наши шкуры. Я продолжал действовать. Если человеку поручено дело, он обязан довести его до конца...

В свое время иерусалимский суд поручил психиатру установить, является ли Эйхман психически вменяемым и может ли он предстать перед судом. Среди прочего израильский психиатр попросил Эйхмана сделать несколько рисунков, позволяющих заглянуть в характер человека. Через двадцать лет после суда на основании этих рисунков была организована еще одна экспертиза. Пятерых психиатров ознакомили с рисунками, не называя имени автора.

Вот их заключения:

— Это очень агрессивный человек. Он был когда-то воинственным, а теперь не имеет больше власти продолжать эту войну...

— Это человек, вызывающий страх. Ему свойствен садизм. В нем есть нечто от хичкоковских персонажей, он словно играет роль в фильме ужасов...

— Он чудовищно агрессивен, его гнев не знает границ...

— Этот человек буквально кипит от злости, но старается ее скрыть...

— Ярко выраженный садо-мазохистский тип. Агрессор, способный быть очень жестоким...

Анализ рисунков может показаться не очень надежным методом исследования, но на самом деле он давно входит в инструментарий психиатров, позволяя определить не только интеллектуальные способности, уровень умственного развития, но и характерные черты подсознания. Клинический опыт, который собирается годами, позволяет психиатрам ставить точный диагноз.

Нервозный, жестокий, не терпящий возражений — вот каким увидели психиатры Эйхмана. Другие черты его характера: холодный, недоверчивый, эгоцентричный, не способный к дружбе.

Рисунки, утверждают психиатры, свидетельствуют о том, что в родительском доме он вырос без тепла, радости. Вместо любви, в семье культивировалась дисциплина. Строгость, наказания воспитали страх перед начальником, способным причинить боль. Его собственные потребности и интересы подавлялись. Это сделало Эйхмана неврастеником, склонным к паранойе.

Одержимый исполнитель, который педантично следил за исполнением каждой детали приказа, трусливо думал только о том, как угодить начальнику, и больше всего боялся не справиться...

«Выполнение приказа было самым главным для меня. Возможно, это в природе немца», — писал Адольф Эйхман в своих записках, пытаясь объяснить, почему он сыграл такую роль в уничтожении европейского еврейства.

Он рисовал себя человеком, который исполнял свой служебный долг, а вовсе не руководствовался чувством ненависти. Эйхман, находясь в израильской тюрьме, написал в свое оправдание 1200 страниц, которые через много лет после суда израильское министерство юстиции передаст немецким ученым для изучения.

«С детства исполнительность была чрезвычайно важным для меня качеством. Когда я поступил на военную службу, то обнаружил, что мне нравится подчиняться приказам... Когда я оглядываюсь назад, я понимаю, что жизнь, основанная на привычке подчиняться и исполнять приказы, это очень комфортная жизнь. Это сводит

к минимуму необходимость размышлять». Когда нацисты были разгромлены, он был в панике — как жить в мире, где тобой больше никто не командует. «Я чувствовал себя совершенно не способным жить самостоятельно».

Иерусалимский суд вынес вердикт 10 декабря 1961 года: Адольф Эйхман виновен в преступлениях против человечности. Это был единственный человек, приговоренный к смерти в Государстве Израиль. 31 мая 1962 года его повесили.

Питер Малкин, который руководил группой по захвату Эйхмана, после ухода из Моссад получил право рассказать об этой операции. Через сорок лет Малкин высоко оценил работу коллег из Федеральной службы безопасности России, которые в марте 2000 года захватили чеченского террориста Салмана Радуева:

— Главное, что операция была проведена без единого выстрела. Каким бы сложным ни было задание, разведчик не должен применять оружие. Его оружие — это голова.

Сотрудники Моссад охотились еще за одним нацистским преступником, который вошел в историю как один из символов нацистского рейха. За улыбку и мягкие манеры узники Освенцима называли его «ангелом смерти».

В памяти жертв он остался именно таким: аккуратный пробор, темно-зеленая форма выглажена, эсэсовская фуражка сдвинута набок, ноги в начищенных сапогах слегка расставлены. Большой палец на ремне с кобурой. Это он встречал эшелоны с новыми узниками и приказывал им идти либо налево, либо направо.

Налево — смерть, направо — жизнь. Жить или умереть — это решал врач из концлагеря Освенцим Йозеф Менгеле. Ему было всего тридцать с небольшим. Он распоряжался жизнями людей совершенно бесстрастно. Огонек интереса загорался в его глазах, лишь когда он видел близнецов. Близнецов отправляли в отдельный блок.

Доктор Менгеле был генетиком. Свои научные занятия он продолжал и в Освенциме. Пребывание в лагере было для него своего рода научной командировкой. Он пытался понять, что в развитии близнецов определяет

природа, наследственность, а что — среда, влияние внешнего мира.

Была и практическая цель. Нацистский режим поставил перед медиками задачу увеличить рождаемость. Одним из путей считалось искусственное увеличение рождения двойней и тройней. Разумеется, только в том случае, если потомство будет суперарийским — голубоглазым и светловолосым.

Думая о послевоенной научной карьере, Йозеф Менгеле собирался обогатить генетику исследованиями близнецов. Менгеле сам убивал близнецов, чтобы изучить их внутренние органы. Он вводил им хлороформ прямо в сердце. После расчленения трупа глаза и другие органы вместе с необходимыми документами отправлялись в Берлин. На посылке стояла пометка: «Материалы военного значения — доставить срочно».

После войны Менгеле исчез. Какие только легенды не рассказывались о его жизни в Латинской Америке!

Считалось, что Менгеле продолжает свои опыты в труднодоступных районах Латинской Америки. Что он создал подпольную организацию из старых и новых фашистов. Что с ним советуются латиноамериканские диктаторы. Что он готовит восстановление нацистского рейха. Об этом был снят даже художественный фильм «Мальчишки из Бразилии», где роль Менгеле играл Грегори Пек.

Менгеле рисовали могущественным и безжалостным борцом, которого охраняет множество телохранителей и который скрывается за стенами настоящих крепостей где-то в глубине латиноамериканских джунглей.

Вообще все послевоенные десятилетия считалось, что бывшие нацисты, укрывшиеся в Латинской Америке, создали некий черный интернационал, что они не сдались, а продолжают сражаться за идеалы Адольфа Гитлера. Называли два имени — бывшего начальника партийной канцелярии Мартина Бормана и врача из Освенцима Йозефа Менгеле. Они считались вождями уцелевших нацистов.

Все это оказалось мифом. Мартин Борман погиб в 1945 году, пытаясь бежать из Берлина. Не так давно при строительных работах в Берлине были найдены его останки.

А что Йозеф Менгеле?

Менгеле не был прирожденным садистом и убийцей. Он считал себя настоящим ученым, который продолжал свою научную миссию в труднейших условиях военного времени. Он принадлежал к тем нацистским врачам, которые убедили себя в том, что надо избавить человечество от неполноценных особей.

Институт антропологии, человеческой наследственности и генетики имени кайзера Вильгельма в Берлине выделял фонды для Менгеле в Освенциме, а Менгеле отправлял в институт свои научные отчеты из концлагеря. Менгеле буквально расцвел в Освенциме. Его коллеги делали только то, что входило в их обязанности. Менгеле трудился с удовольствием.

Когда в лагере появился тиф, Менгеле сразу сообразил, как остановить эпидемию. Он отправил всех обитателей барака, в котором были больные тифом, в газовую камеру.

В Освенциме у Менгеле были все условия для работы. Офицеров СС хорошо кормили. Вот типичное письмо домой: «Сегодня прекрасный воскресный обед — томатный суп, половинка цыпленка с картофелем и красной капустой, чудесное ванильное мороженое». В Освенциме к услугам эсэсовцев был футбольный стадион, библиотека, фотолаборатория, театр, плавательный бассейн, симфонический оркестр.

Менгеле представлял опасность только в эсэсовском мундире. Когда война закончилась, он превратился в трусливого беглеца. Он и не думал о продолжении борьбы за идеалы национал-социализма. Он думал только об одном: как спастись от наказания? Его непрерывное бегство продолжалось тридцать четыре года — до его смерти в 1979 году в Бразилии.

Менгеле спасли семейные деньги. Он принадлежал к очень богатой семье. Его переправили в Латинскую Америку и исправно снабжали всем необходимым. Но после того, как израильтяне нашли Эйхмана в Латинской Америке и судили его, жизнь Менгеле превратилась в сплошной кошмар. Он думал только о том, что и на него охотятся. Он перезжал из города в город, из страны в страну, хотя

на самом деле его практически не искали. Руководители Моссад пришли к выводу, что бывшие нацисты больше не представляют никакой опасности и разведка не может тратить свои скромные ресурсы, выслеживая их по всему миру.

Глава 19

ДЕВЯТЬ ПОВЕШЕННЫХ

Политическая разведка Моссад — Институт координации (с 1963-го — Институт аналитических и специальных служб) — была создана по приказу премьер-министра Давида Бен-Гуриона 2 марта 1951 года. Первым возглавил политическую разведку Реувен Шилоах, разведчик и дипломат.

Начало работы Моссад совпало с крупнейшим провалом в истории израильской разведки — арестом ее скромной агентурной сети в Ираке.

В полдень 22 мая 1951 года иракская полиция арестовала двух израильтян — Иегуду Таджара и Мордехая Бен-Пората. Первый представлял разведку, а второй занимался вывозом евреев из Ирака в Израиль.

Иегуда первоначально работал в оперативном отделе политического управления министерства иностранных дел. Этот отдел в начале 1951-го передали военной разведке, а само политическое управление Бориса Гуриэля упразднили. Но его люди, отправленные в Ирак, продолжали работать. Разница состояла в том, что Иегуде после перевода в военную разведку присвоили звание капитана.

Впоследствии Моссад много раз пыталась понять, что привело к их провалу. Высказывались разные предположения. Наиболее вероятной сочли версию о том, что один палестинец, побывавший в израильском плену, узнал Иегуду, который одно время ходил в форме.

Работа израильской разведки в Ираке была совершенно непрофессиональной. Разведчики, не имея ни опыта, ни должной подготовки, занимались самодеятельностью. Они все смешали в кучу — сбор информации о военных намерениях Ирака, вывоз евреев из страны и попытки создать отряды самообороны на случай погромов.

Иегуда, который выдавал себя за иранского торговца, приехавшего в соседний Ирак, не знал ни одного языка, на котором говорят в Иране, а по-арабски говорил с заметным палестинским акцентом.

Бен-Пората иракская полиция трижды арестовывала за то, что он нелегально переходил границу, а однажды в гневе ударил иракского офицера.

Записной книжки Иегуды иракской полиции хватило с лихвой, чтобы арестовать многих участников подпольной структуры еврейской самообороны. Полиция захватила ее склады, на которых обнаружила четыреста гранат, двести пистолетов и несколько десятков автоматов.

Отряды самообороны в Ираке начали создаваться после погрома в 1942-м, когда евреев убивали в ходе восстания, поднятого иракским премьер-министром Рашидом Али аль-Гайлани, который был пламенным сторонником Гитлера.

Англичане быстро подавили восстание. Но иракские евреи больше не чувствовали себя в безопасности.

В Ираке жило сто десять тысяч евреев. После Второй мировой войны подпольщикам удалось вывезти почти всех. Помимо нелегального маршрута, который шел через Иран, организовали специальную авиакомпанию, занятую только вывозом евреев.

Другие арабские страны злились на Ирак, разрешивший евреям уезжать в Палестину. Но иракское правительство не мешало евреям уезжать, потому что все имущество евреев оставалось в стране. С собой брать ничего не разрешалось.

Кроме того, правительство Ирака за все брало деньги — за выдачу виз, за пролет самолетов над страной, за посадку в аэропорту. Чиновники, которые еще отдельно вымогали большие взятки, тоже были довольны.

Когда эмиграция евреев практически закончилась, иракское правительство решило показать, что оно мужественно сражается с сионистским врагом.

Двадцать восемь евреев и девять арабов судили в Ираке по обвинению в шпионаже и незаконном владении оружием. Их также обвинили в том, что они подкладыва-

ли бомбы в разных местах в Багдаде, чтобы представить в ложном свете положение в стране.

Два человека были приговорены к смертной казни и повешены в январе 1952 года. Семнадцать получили длительные сроки. Восемнадцать признали невинными.

Моссад удалось спасти своих агентов от смерти. Директор Моссад и один британский адвокат дважды встречались с представителями министерства внутренних дел Ирака — в Лондоне и в Париже — и вручили им десять тысяч фунтов стерлингов. Бен-Пората отпустили. Иегуду приговорили к пожизненному заключению.

Военная разведка разработала план спасения Иегуды из тюрьмы, но Иссер Харел, который в 1951 году стал директором Моссад, запретил это делать. Харел возглавлял Моссад одиннадцать лет. По просьбе премьер-министра он одновременно осуществлял также общее руководство контрразведкой Шин-Бет. Он не верил в авантюрные операции и не хотел понапрасну рисковать людьми.

В 1960-м израильтяне через посредство иранцев предупредили иракского лидера генерала Кассема о готовящемся против него заговоре. В знак признательности иракцы отпустили Иегуду. Он провел в заключении девять лет...

Проблема израильской разведки состояла в том, что ей приходилось заниматься не только чисто разведывательными делами. Прежде всего от нее требовали обеспечивать безопасность евреев, которые жили в арабском мире.

После первой арабо-израильской войны в 1948 году почти миллион евреев вынужден был бежать из своих домов в арабских странах, где к ним относились как к врагам. К моменту начала шестидневной войны в июне 1967 года в арабских государствах оставалось меньше ста тысяч евреев. Это были запуганные люди, которые ждали худшего.

В Египте осталось всего около тысячи евреев. В Сирии — три с половиной тысячи, и им не позволили уехать. Они превратились в своего рода заложников. Им запрещалось даже ездить по стране, покидать местечки, где они жили.

В Ливии сразу после начала войны в июне 1967 года начались погромы, магазины, принадлежавшие евреям, поджигали. Несколько человек были убиты толпой. Затем ливийские власти внезапно отменили запрет на эмиграцию, и все евреи уехали. Взять с собой деньги или имущество им не разрешили.

В Ираке вскоре после шестидневной войны начались массовые аресты евреев. 27 января 1969 года на площади в Багдаде были повешены девять евреев, которых обвинили в шпионаже. Публичная казнь была превращена в праздник. Толпы прошли мимо виселиц, среди них были ликующие подростки из молодежной секции палестинской организации ФАТХ, которую возглавлял Ясир Арафат.

Премьер-министр Израиля Леви Эшкол заявил тогда:

— Мы знаем, и я со всей ответственностью утверждаю, что и иракское правительство тоже это знало, что все обвинения, выдвинутые против девяти казненных, не имели под собой абсолютно никакого основания. Их единственное преступление состояло в том, что они были евреями.

Эшкол заметил, что ни один арабский террорист не был казнен в Израиле, в котором просто нет смертной казни...

Когда прошли первые годы существования Израиля, его лидеры поняли, что враждебность арабских соседей исчезнет не скоро, что коалиция арабских стран рано или поздно попытается военным путем уничтожить еврейское государство.

Некоторые израильтяне были настроены совсем пессимистично:

— Арабский мир воспринимает Израиль как чужеродное тело в самом сердце арабского мира, и ничего нельзя с этим поделать. Можно заключать мир с какими-то арабскими лидерами, но невозможно изменить настроения арабов.

В начале 50-х военная разведка приступила к составлению ежегодных докладов о положении дел в арабских странах. Один из ее отделов следил за арабской прессой и радиопередачами. Другой отдел подробно опрашивал евреев, которые бежали из арабских стран. Глав-

ная задача военной разведки состояла в том, чтобы следить за всеми переменами в арабских странах и арабских армиях.

В начале 50-х у израильтян была широкая разведывательная сеть в сирийской армии, состоявшая из друзов, приверженцев одной из шиитских сект. Друзы исходили из того, что Израиль рано или поздно возьмет принадлежавшие Сирии Голанские высоты, на которых обитали друзы, так что есть смысл заранее поладить с израильтянами.

Но способности разведки предсказывать события в арабском мире оказались невысокими. 23 июля 1952 года молодые египетские офицеры свергли короля. Движущей силой восстания был полковник Гамаль Абдель Насер. Израильская разведка не предполагала такого развития событий.

27 сентября 1955 года новый глава Египта Гамаль Абдель Насер, открывая военную выставку в Каире, сказал, что подписал соглашение с Чехословакией на поставку большого количества оружия в обмен на рис и хлопок. Всем было ясно, что речь идет о советском оружии, которое по политическим соображениям будет поставляться через Чехословакию.

Сенсационное заявление Насера было поворотным пунктом в истории Ближнего Востока. Это радикальным образом изменило стратегическую ситуацию на Ближнем Востоке, здесь открылся второй фронт «холодной войны», а для Израиля возникла еще более опасная ситуация.

Количественно арабские армии и так во много раз превосходили израильскую. Израильтяне и не надеялись сравняться с арабами в количестве оружия, но думали, что сумеют компенсировать их превосходство более высоким качеством своего оружия и боевой выучкой войск.

Поставки советского оружия меняли баланс сил. Правда, арабских солдат и офицеров надо было еще учить новой технике. Израильтяне надеялись, что египетским летчикам понадобится минимум год для того, чтобы освоить «МиГи». Но весной 1956 года стало известно, что в Польше под Гданьском уже идет обучение египетских летчиков.

Это было тяжелое известие для Израиля.

Перевооружение Египта для израильтян могло означать только одно — молодой и честолюбивый президент Гамаль Абдель Насер готовится к новой войне.

Израиль рассчитывал на военный союз с Соединенными Штатами, но Вашингтон желал партнерства с арабскими странами. Маленькое еврейское государство прагматичных американских политиков не интересовало.

Администрация президента Дуайта Эйзенхауэра сформулировала стратегию массированного возмездия и обещала в случае войны засыпать Советский Союз ядерными бомбами. Поэтому американцам понадобились военные базы поблизости от советской территории. Это изменило взгляд американцев на Ближний Восток. Они нуждались в хороших отношениях с арабскими странами, надеялись сформировать из них антисоветский альянс и давили на Израиль, чтобы он не злил арабов.

В 50-х годах израильтяне почувствовали себя как-то особенно одинокими. Отношения с американцами строились очень сложно. После военного переворота в Гватемале в 1954 году, который был организован с помощью американцев, встревоженный глава Моссад Иссер Харел написал секретное письмо премьер-министру. Он считал, что такой же переворот ЦРУ может попытаться произвести и в Израиле, чтобы поставить во главе страны послушных американцам людей.

Площадь Израиля составляла всего-навсего двадцать одну тысячу квадратных километров. Еврейское население насчитывало полтора миллиона человек. Годовой бюджет страны составлял каких-нибудь двести пятьдесят миллионов долларов. И ко всему прочему — никаких природных ресурсов и высокая степень зависимости от иностранной помощи...

Маленький Израиль, не имея союзников, должен был противостоять враждебно настроенным арабским странам с огромной территорией, большим населением и неограниченными ресурсами.

Часть четвертая

ПОБЕДА ВЕДЕТ К ПОРАЖЕНИЮ

Глава 20

НОЧНОЙ ВИЗИТ

Израильтяне в растерянности обратились за помощью ко всем крупным державам. Никто не согласился продавать им оружие. Единственной надеждой оставалась Франция, симпатизировавшая Израилю.

Французские военные восхищались своими израильскими коллегами. Французские депутаты разделяли с израильскими политиками социалистические идеи. Некоторые французские государственные чиновники узнавали в гостях-израильтянах недавних соратников по движению Сопротивления.

Когда во Францию приехал премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, он остановился не в гостинице, а на частной вилле, где был почетным гостем одной знаменитой семьи. В годы войны восемнадцатилетнему сыну хозяина виллы поручили поехать в Алжир и убить французского адмирала Жана Луи Дарлана, который сотрудничал с нацистами, но юношу поймали и казнили.

Его комнату в доме сохранили в том же виде, какой она была при его жизни. Две свечи стояли у его фотографии. Знаменитая семья свято хранила традиции Сопротивления. Она дружила с министром обороны Франции и со многими участниками Сопротивления, которые теперь занимали министерские посты. Эти люди были на стороне Израиля.

В 1954 году Шимон Перес подписал в Париже первое соглашение о продаже Францией оружия Израилю и разместил на французских заводах заказ на производство танков для израильской армии. Но Франция соглашалась продавать танки, артиллерию и авиацию только устаревших моделей — времен Второй мировой войны.

Теперь Израилю нужно было современное оружие. Министр обороны Франции Морис Буржес-Монури был готов продать такое оружие. Но министерство иностранных дел возражало против увеличения поставок оружия на Ближний Восток, чтобы не раздражать арабов. Вопрос состоял в том, кого поддержит премьер-министр Ги Молле: дипломатов или военных?

Решение о продаже оружия Израилю зависело от многих государственных чиновников. Большинство из них считало, что этого не следует делать, потому что продажа оружия Израилю испортит отношения с арабскими государствами.

Но по мнению посольства Израиля и резидентуры Моссад в Париже, были несколько человек, которых стоило попытаться разубедить в этом...

Два немолодых уже человека однажды вечером позвонили в дом одного из советников премьер-министра Франции. Хозяин был предупрежден о визите. Он был рад видеть этих людей. После ужина хозяин и гости перешли в библиотеку пить кофе. Слуга разлил кофе по чашкам, поставил молочник и сахарницу на столик и вышел, плотно притворив за собой дверь.

Хозяин предложил гостям коньяка. Пожалуй, они впервые могли спокойно встретиться и поговорить, хотя знали друг друга еще с 1939 года, когда Франция вступила в войну с Германией. В те времена они были на пятнадцать лет моложе, крепче и оптимистичнее. Хозяин уже был заметным политиком, депутатом парламента. А его гостей во Франции мало кто знал.

Молодой человек по имени Пауль и девушка по имени Беата были беженцами из Германии. Они искали в Париже работу и собирались пожениться.

3 сентября 1939 года, через день после нападения немецких войск на Польшу, Франция объявила Гитлеру войну, но не спешила переходить к боевым действиям.

Первыми начало войны ощутили не нацисты, а немецкие эмигранты, те, кто бежал во Францию от Гитлера. Всех, кто прибыл из Германии, французы сочли нежелательными элементами, подозревая в них нацистских шпионов.

7 сентября по всей стране были расклеены объявления: «Иностранцы в возрасте от 17 до 50 лет, прибывшие из враждебной страны, должны явиться на сборные пункты. С собой иметь одеяло, предметы личной гигиены и продукты на двое суток».

Немецких эмигрантов интернировали и загоняли в лагерь. Пауль был тогда совсем молодым человеком, но он уже успел побывать в немецком концлагере. Теперь его посадили во французский лагерь.

— Вы все это помните? — спросил хозяин.

— Думаете, это можно забыть? — горько улыбнулся Пауль. В его словах не было упрека. — Когда нас пригнали во французский лагерь в Лё-Верне, я вспомнил тот прием, который был оказан нам весенним днем 1933 года в болотах Северной Германии одним обершарфюрером со сворой лютых эсэсовцев. Знаете, в чем состояло единственное отличие между вашими и нашими надзирателями? Немцы избивали нас более жестоко.

Эмигрантов разместили в темных и грязных бараках, на полу, покрытом соломой. Полчища блох, вшей и клопов набросились на новичков. Все покрывала мельчайшая кирпичная пыль — она проникала под одежду, попадала в еду. Вместо туалета — канава.

Хозяину горько было слышать этот рассказ. Но он слушал со вниманием.

— Зимой столбик термометра опускался ниже отметки двадцать градусов, — продолжал Пауль. — На улице ледяной ветер. В лагерных бараках не было ни одной печки. Спасаясь от холода, мы не могли даже заползти под солому: соломенное покрытие пола было три сантиметра толщиной.

Вода не годилась для питья. Единственная мера гигиены состояла в том, что прибывших в лагерь стригли наголо. В бараках болели дифтерией и тифом. Интернированным врачам запрещалось помогать больным. Те, кто возмущался открыто, попадали в лагерную тюрьму, где их избивали ногами. Нескольких заключенных застрелили при попытке к бегству.

— Неужели французские лагеря были такими же ужасными, как и немецкие? — спросил хозяин.

— Конечно нет, — сказал Пауль. — Французские лагеря появились в результате типичных для французской администрации глупости, коррупции и небрежности. Во французском лагере били между делом. В немецких забивали до смерти. Во Франции заключенные умирали, потому что им не оказывали медицинской помощи. В Германии их уничтожали сознательно...

За колючей проволокой оказалось примерно двадцать пять тысяч немецких и австрийских эмигрантов. Среди них были известные писатели, выдающиеся художники, артисты, архитекторы, ученые, в том числе лауреат Нобелевской премии по медицине Отто Майерхоф.

В лагерь отправили и знаменитого немецкого писателя Лиона Фейхтвангера. Он был потрясен: когда он прибыл во Францию, его торжественно встречали, газеты писали о нем уважительные статьи, его принял президент республики, сказав, что это честь для Франции оказать ему гостеприимство. А теперь писателя просто посадили за колючую проволоку.

Франция была страной, где немцы, которых преследовали дома, всегда могли найти прибежище. Когда нацисты пришли к власти, во Франции возникло движение солидарности: левые партии, религиозные и благотворительные организации протянули руку помощи беженцам.

Но симпатии и готовность помочь быстро улетучились. Эмигрантов было слишком много. С одной стороны, французы видели в каждом немце нацистского агента, а с другой — в стране появилось множество хорошо организованных фашистских групп, которые открыто объявили себя сторонниками Гитлера. Француз-

ские фашисты требовали не пускать в страну немецких антифашистов и евреев...

Хозяин дома не забывал о своих обязанностях. Он подливал гостям коньяк, но сам пил только кофе.

Хозяин дома был в 1939 году молодым депутатом французского парламента. После того как ему стало известно о судьбе эмигрантов, отправленных в лагеря, он произнес возмущенную речь в Национальном собрании:

— Тысячи людей арестованы без ордера на арест, без предъявления обвинения. Они не предстали перед судьей. Это произвол. Недопустимо людей, которым удалось избежать гитлеровских лагерей, отправлять во французские лагеря. Это несправедливо и жестоко. Этим людям надо освободить.

Его речь подействовала. В правительстве сообразили, что за решеткой оказались отнюдь не враги. Но освободили только очень известных эмигрантов. Отпустили и молодых мужчин, которые согласились служить в Иностранном легионе.

10 мая 1940 года немецкие войска начали наступление, успешно прорывая французскую оборону.

Министр внутренних дел Жорж Мандель приказал собрать всех немецких беженцев и переправить их в лагеря на юге страны. Он хотел спасти беженцев, разместить их подальше от нацистов. Но приказ оказался роковым...

Об этом хозяину дома могла рассказать Беата. Она стала жертвой приказа министра внутренних дел. Иностранцев гнали по стране, как каторжников.

— По обе стороны дороги стояли крестьянки, с головы до пят укутанные во все черное. Они смотрели на нас враждебно. Злые лица. Молча плевали в нас и бросали камни. За мостом плевки прекратились. Мы увидели лагерь — пустынная земля и бараки.

Для Беаты этот лагерь был первым.

— Бараки стояли в грязной пустыне. Люди страдали от голода и болезней. За несколько месяцев в лагере умерло больше шестисот человек. Ответственный за наш барак офицер приходил каждый вечер с кнутом и выбирал самую хорошенькую из девушек, чтобы переспать с ней. За это ее кормили...

Хозяин дома не был наивным человеком. Он понимал, почему Пауль и Беата постучались в его дверь. Французское правительство обсуждало вопрос о продаже оружия Израилю.

Политический расчет требовал отказать Израилю. Но хозяин дома считал, что его соотечественники-французы тоже виновны в страданиях евреев. Гости только напомнили ему о том, что он знал и сам.

Они, как и многие другие иностранцы, стали жертвой вероломства французской власти. Они-то верили, что смогут укрыться от нацистов в стране, о которой Виктор Гюго говорил, что она становится второй родиной каждому попавшему в беду, а оказались в ловушке.

Вина должна быть искуплена, считал хозяин дома. Если он в состоянии повлиять на премьер-министра, он это сделает.

Глава 21

«ТЕ, КТО НАС ПРЕДАЛ»

Будущий заместитель министра обороны Франции в годы войны, тогда еще молодой офицер, покинул страну вслед за бригадным генералом де Голлем. Он не захотел вместе с большей частью французской армии покориться немцам и жить в оккупированной стране.

В 1943 году молодого офицера, подготовленного англичанами, сбросили с парашютом. Он возглавил террористическую группу из пяти человек, цель которой состояла в уничтожении высокопоставленных немцев.

Молодой офицер не вступал в контакты с движением Сопротивления, он предпочитал действовать самостоятельно.

В Сопротивлении было много коммунистов, а он очень не любил коммунистов — из-за того, что до 22 июня 1941-го по приказу Коминтерна они были готовы сотрудничать с нацистами. После того как в августе 1939 года Сталин заключил союз с Гитлером, коммунистические партии получили из Москвы распоряжение прекратить антифашистскую пропаганду.

Компартии Франции было велено сотрудничать с немецкими оккупационными властями. Но от позора французских коммунистов спасли сами немцы, которые, войдя в Париж, презрительно отказались иметь с ними дело...

Хмурым апрельским днем, поеживаясь от внезапного холода, молодой французский офицер разглядывал большой плакат, только что отпечатанный немцами, с фотографиями расстрелянных участников Сопротивления. Немецкий пропагандист, который составлял текст плаката, настойчиво подчеркивал, что все расстрелянные, кроме одного, евреи.

Прохожие останавливались рядом с ним, тоже рассматривали плакат и проходили мимо. Никто не сказал ни слова. Молодой офицер не мог знать, о чем думают другие парижане. Он размышлял о том, что эти расстрелянные немцами люди сражались на чужой войне. Они умерли за его страну, умерли вместо него, и он теперь навек их должник...

Ранним утром 21 февраля 1944 года группу арестованных немцами бойцов Сопротивления вывели во двор тюрьмы, где уже находилась съемочная группа киноновостей.

Арестованные с трудом держались на ногах. Но режиссеры с помощью надзирателей заставили их принять нужные позы. Камера снимала их одного за другим. Оператор командовал:

— Голову вверх! Смотреть налево!

Гживач должен был выглядеть возбужденным, Бошов замкнутым, Вайсброт должен был смотреть дико. Райману в руки дали пистолет, Элеку гаечный ключ.

Шламу Гживача долго пытали. Перед съемкой на него надели свитер с высоким воротником, чтобы не было видно следов пыток. На допросах немецкие следователи забили его до полусмерти, его половые органы были раздавлены. Одному из заключенных пришлось водить его рукой с вырванными ногтями, чтобы Гживач смог написать последнее письмо родным.

Томасу Элеку в тот день исполнилось девятнадцать лет. Его родители, беженцы из Венгрии, открыли в Париже ресторан. Он учился в лицее, когда немцы вторг-

лись во Францию. Как только Париж был оккупирован, на дверях родительского ресторана появилась табличка: «Еврейское заведение». Таков был приказ немцев.

Растерянный Элек бросился к матери:

— Почему вы никогда не говорили мне, что мы евреи?

Ресторан вскоре закрыли, семье было предписано носить желтые звезды на одежде. Волна арестов, облав и депортаций сделала жизнь евреев в Париже практически невозможной. Элек ушел из лицея, учился на курсах электриков. Кто-то показал ему, как можно сделать бомбу.

В октябре 1942 года он взял своего двенадцатилетнего брата за руку и пошел с ним в книжный магазин на площади Сорбонны, где продавалась исключительно нацистская литература. Было пять часов вечера, смеркалось. Элек поставил брата напротив магазина:

— Стой здесь и внимательно наблюдай. Если что-то случится, предупреди меня.

Брат сосредоточенно кивнул. Элек вошел в магазин. Под мышкой у него был зажат толстенный том «Капитала», внутрь которого он вмонтировал свою первую бомбу. Элек выбрал себе книгу потоньше, взамен незаметно поставил на полку «Капитал», заплатил за покупку и ушел.

— Ничего подозрительного, — доложил младший брат.

Они медленно обошли вокруг площади и вновь оказались напротив книжного магазина, когда бомба взорвалась.

Вольфу Вайсброту было семнадцать лет, когда летом 1942 года его родителей французские полицейские затолкали в грузовик. Вольф поздно возвращался домой, и это его спасло. Родителей отправили в концлагерь. Он остался один.

Несколько недель он, как дикий зверь, бродил по Парижу. Он ничего не боялся. В 1943-м сразу после Нового года в одиннадцать часов утра он подошел к немецкому взводу, который горделиво маршировал по центру Парижа, и бросил самодельную бомбу под ноги солдатам. Шестнадцать немцев были убиты.

Роберт Вихитц, сын шахтера, перебравшегося во Францию из Польши, убивал коллаборационистов — французов, которые служили немецким оккупационным

войскам. Он ездил по Парижу на велосипеде, переодевшись почтальоном, чтобы не привлекать внимания. Когда его арестовали, следователи записали его евреем. Роберт был поляком, возможно, даже с примесью немецкой крови, но он не стал спорить с немцами.

Мориса Фингерцвайга в отряде Сопротивления называли Немым. Он мало говорил и двигался почти бесшумно. Он даже научился беззвучно заряжать пистолет.

В июле 1943 года прямо перед воротами Версаля он, проезжая на велосипеде мимо немецкого взвода, бросил в немцев бомбу. Когда бомба взорвалась, он соскочил с велосипеда, прислонил его к платану и застрелил оставшихся в живых немцев, которые бесцельно падали во все стороны.

Ференц Бошов родился в Трансильвании. В семнадцать лет он уже был членом Коммунистической партии Румынии. Когда началась война в Испании, он вместе с двумя товарищами пешком добрался до Мадрида. Он служил лейтенантом в Интернациональной бригаде Анны Пауер, которая после войны станет членом Политбюро ЦК Компартии Румынии.

Челестино Альфонсо тоже был лейтенантом в республиканской армии в Испании. Он был фантастически хладнокровен.

В июле 1943 года он подошел к стоявшему на улице автобусу, в котором находились немецкие военные моряки, открыл заднюю дверь, вошел в автобус и бросил гранату в проход между сиденьями. Затем выпрыгнул из автобуса и плотно закрыл за собой дверцу. Взрыв был такой силы, что разлетелись стекла в окнах расположенной неподалеку церкви.

В этот момент появился второй автобус с немецкими моряками, которые высыпали из автобуса и стали стрелять в Челестино. Но он сумел убежать.

На следующий день вдвоем с Марселем Райманом они бросили три гранаты в сад перед домом, где расположились немцы. Двое немецких офицеров были убиты, тринадцать ранены.

Марсель Райман не любил дисциплины и ничего не боялся. Во время облавы на евреев в июле 1942 года за-

брали его родителей. После этого, потеряв всякую осторожность, он бродил по Парижу с револьвером в кармане, выслеживая немцев. В одиночку он застрелил пять немецких офицеров.

Из всех арестованных только итальянцу Спартако Фонтаноту, как обладателю паспорта союзной Германии державы, разрешили за две недели до казни свидание с матерью.

Смертный приговор был уже вынесен, но его мать об этом не подозревала. Перед смертью Спартако написал ей: «Я вступил в ряды освободительной армии и умираю, когда победа уже рядом. Такова моя судьба. Меня расстреляют вместе с моими товарищами. Я надену папину рубашку, чтобы не мерзнуть».

Спартако родился в Италии под Триестом, где его отец в одиночку боролся с фашистами. В 1930-м им пришлось бежать во Францию. В июне 1943 года Спартако застрелил немецкого генерала Апта прямо перед немецкой штаб-квартирой. Спартако, держа пистолет обеими руками, подошел к генералу так близко, что кровь немца его обрызгала.

Через два дня он бросил бомбу в парижский центр итальянских фашистов. Восемь итальянцев были убиты, двадцать семь ранены.

Как же получилось, что среди бойцов Сопротивления было так много иностранцев? После того как Гитлер и Сталин договорились и поделили Польшу и Прибалтику, Французская компартия получила из Москвы указание не выступать против нацистов. Даже когда Германия напала на Францию, компартия осталась пассивной.

Партийная линия изменилась только после нападения Германии на Советский Союз. Теперь уже из Москвы поступила команда всеми средствами бороться с оккупантами. Но в компартии были совершенно к этому не готовы: первые вооруженные отряды компартии появились только в апреле 1942 года. Однако коммунисты сразу же взяли под контроль уже существующие партизанские отряды, требуя от них безоговорочного подчинения и обещая взамен боеприпасы и оружие.

Первыми борьбу с немцами начали иностранные рабочие — в основном поляки, а также отчаявшиеся немец-

кие евреи, испанцы, бежавшие от Франко, и бойцы Интернациональных бригад, которым удалось вырваться из лагерей на юге страны.

21 августа 1941 года в Париже на станции метро был застрелен первый немецкий офицер. Это было начало вооруженной борьбы против оккупантов.

Командиры боевых отрядов пытались установить строгую дисциплину. Партизанам запрещалось заниматься торговлей на черном рынке, брать на задание документы и носить оружие вне боевых операций. Им даже платили какие-то деньги. Но прокормить семью на них было невозможно, поэтому все жили с черного рынка и всегда ходили с оружием.

Против партизан действовали немецкие эсэсовские части и французские полицейские, преданно служившие оккупационному режиму. Они успешно внедряли осведомителей в партизанские отряды.

В марте 1943 года за одну ночь были арестованы семьдесят молодых бойцов Сопротивления. Охотников занять их места оказалось немного. Оставшиеся на свободе чувствовали, что немцы и полиция идут за ними по следу. Командир еврейской группы Сопротивления Адам Райский попросил у местного руководства компартии разрешения вывести группу за пределы Парижа. Ответ был отрицательным: продолжайте сражаться.

Летом 1943 года немцы схватили сто пятьдесят евреев — бойцов Сопротивления. Из оставшихся на воле сформировали две боевые группы. Одна отвечала за диверсии на транспорте — пускала под откос поезда. Вторая занималась нападениями на немцев и ликвидацией предателей. Командирами групп стали армянин Миссак Манусян и польский еврей Марсель Райман.

Представителю партийного руководства Манусян честно признался:

— Я вообще не способен стрелять в кого бы то ни было, даже в немца. Ставьте меня, куда хотите, но убивать я не могу.

Партийный руководитель посмотрел на него снисходительно:

— Откуда ты знаешь, что не можешь убивать? Если бы ты только знал, как это просто...

Манусян не хотел его слышать.

— Послушайте, вы сотни раз говорили мне, что вам нужен смелый руководитель. Вы знаете, что смерти я не боюсь. Я выполню свой долг. Но убивать я не могу.

Манусян ошибался.

Во время первой же боевой акции он убил сразу нескольких немцев. Они были вдвоем с Райманом. У Раймана пистолет, у Манусяна граната. Манусян достал гранату, зубами сорвал предохранитель, размахнулся и бросил гранату прямо в группу немецких солдат.

Немецкий офицер увидел Манусяна и схватился за оружие, но выстрелить не успел. Через шесть секунд граната взорвалась. Несколько солдат рухнули на землю. Офицер, оглушенный, стоял на месте. Его застрелил Райман. Итог операции: четверо убитых немцев, двенадцать тяжело раненных.

За четыре месяца обе группы провели сто семьдесят боевых операций: пускали под откос военные транспорты, нападали на немецких солдат и офицеров.

Они решили убить военного коменданта Парижа немецкого генерала графа фон Шаумбурга: он подписывал приказы о казни заложников и пойманных бойцов Сопротивления.

В один из последних дней июля 1943 года машина фон Шаумбурга въехала в город. В кабине сидели три человека в военной форме. Марсель Райман подбежал к машине и бросил бомбу через полуоткрытое окно генеральского автомобиля прямо на колени водителю. Но фон Шаумбурга в машине не оказалось — были убиты трое немецких офицеров, которые воспользовались любезностью коменданта города и взяли его автомобиль, чтобы покататься по Парижу...

Уполномоченный нацистской партии Юлиус Риттер отвечал за отправку французов на принудительные работы на военных заводах в Германии. Он вывез шестьсот тысяч человек.

28 сентября 1943 года испанец Селестино Альфонсо стрелял в машину Риттера, но промахнулся. Водитель

затормозил, и Риттер выскочил из машины. Альфонсо дважды выстрелил в него, но Риттер был жив. Альфонсо еще раз спустил курок, но выстрела не последовало. Тогда Марсель Райман вытащил нож и ударил Риттера.

Обозленные немцы искали бойцов Сопротивления по всему Парижу. Однажды вечером командир группы Манусян встретился с партийным связным. Манусян говорил о том, что проводить операции все рискованнее, его группу преследуют по пятам, а компартия совсем не помогает ему оружием и боеприпасами. Связные не приходят на условленные встречи. Что происходит?

— Мы все засветились, — взволнованно говорил Манусян. — Вот-вот нас всех арестуют. Вам надо перевести нас в другое место.

Кадровый партийный работник лениво возразил:

— А кто в этом виноват? Вы сами. Вы, армяне, слишком любите болтать.

Манусян посмотрел ему прямо в глаза:

— Вы что, хотите, чтобы мы все поскорее сдохли?

Связной отрезал:

— Партия желает, чтобы вы все выполняли свой долг. Я тебя предупреждаю, что первый, кто посмеет покинуть Париж, получит по заслугам как дезертир.

Партизаны-иностранцы чувствовали себя в изоляции. Им никто не помогал. Не хватало взрывчатки, оружия давали мало, но и оно часто оказывалось неисправным.

Манусян вновь попросил разрешения перевести группу в район Гренобля. Ему опять отказали.

— Почему мы не получаем оружия? — допытывался Манусян.

— Сейчас мы вынуждены избегать контактов с вами, — таков был ответ. — Вы, возможно, находитесь под наблюдением. Мы не можем рисковать оружием.

— Так почему же вы нас не выпускаете? — вскипел Манусян.

Связной замахал руками:

— Об этом не может быть и речи! Вы скоро нам понадобится, вы должны быть на месте.

Манусян посмотрел на него долгим взглядом и, встав, мрачно сказал:

— Что тебе от нас надо, товарищ, так это наши трупы. И ушел.

В октябре был арестован политкомиссар боевых отрядов Парижа. Он не выдержал пыток и заговорил на допросах. Он называл имена и явки. Он дал подписку о сотрудничестве. Гестапо организовало его ложный побег, и он работал на немцев, выдавая бывших товарищей по партии. 16 ноября Манусян был арестован.

Миссак Манусян родился в Турции в крестьянской семье и был младшим из четырех детей. Его отец погиб в стычке с турецкой армией. Его мать умерла от голода, когда ему было всего семь лет.

Этот страшный день он запомнил навсегда. Выносят гроб с телом его матери. Женщины плачут у ее могилы. Вдруг что-то происходит. Пыль клубится столбом. Это прискакали турки. Они стреляют в толпу, окружают похоронную процессию, в руках у них ружья с примкнутыми штыками.

Следующая картина: они с братом живут в переселенческом лагере рядом с каким-то болотом. Они выуживают из гнилой воды мертвых рыб с выпученными глазами, варят их и едят.

Курдская семья спасла сирот от турецкой резни. Они попадают в Сирию, их помещают в сиротский приют. Здесь Манусян знакомится с армянской литературой и сам неожиданно начинает писать стихи.

В 1925 году они с братом отправились к дальнему родственнику во Францию. Они нашли работу в Марселе у столяра. Вставали до рассвета, возвращались, когда уже стемнело. Старший брат стал кашлять и вскоре слег. Они перебрались в Париж, здесь Манусян вступил в коммунистическую партию. Партийное поручение — организовать иностранных рабочих в пригородах Парижа.

Партийная работа не мешала ему писать лирические стихи и, даже издавать крохотным тиражом литературную газету. Он же еще не знал, что немцы нападут на Фран-

цию, что ему предстоит взять в руки оружие, стрелять, убивать и быть убитым...

Бойцов Сопротивления немцы поставили к стенке и расстреляли из пулемета. А через полтора месяца стены домов в Париже были облеплены тысячами плакатов, напечатанных немецкой армией. Под крупной шапкой «И это освободители?» были помещены фотографии десяти расстрелянных бойцов Сопротивления. Под снимками, сделанными в тюрьме, были напечатаны имена бойцов и перечень совершенных ими преступлений:

Гживач, польский еврей: два бандитских нападения;

Элек, венгерский еврей: восемь крушений поездов;

Вайсброт, польский еврей: одно бандитское нападение, три крушения поездов;

Вихитц, польский еврей: пятнадцать бандитских нападений;

Фингерцвайг, польский еврей: три бандитских нападения, шесть крушений поездов;

Бошов, венгерский еврей: отвечал в банде за диверсии на транспорте, двадцать бандитских нападений;

Фонтанот, итальянский коммунист: двенадцать бандитских нападений;

Райман, польский еврей: тринадцать бандитских нападений;

Манусян, армянин, главарь банды: пятьдесят шесть бандитских нападений, сто пятьдесят убитых, шестьсот раненых.

Искаженные, злобные лица бойцов Сопротивления, их еврейское происхождение, помещенные на плакате фотографии трупов и пущенных под откос поездов — все это должно было настроить французов против партизан.

Но многие французы, которые в апрельские дни 1944 года останавливались у плакатов, думали иначе...

Уже после войны молодой офицер, которому покровительствовал генерал де Голль и который быстро делал карьеру, заинтересовался судьбой расстрелянных бойцов. Он узнал, что, оказавшись в тюрьме, ночами, после допросов, Манусян пытался понять, почему провалилась его группа.

Конечно, бойцы выбились из сил и стали неосторожными. Но только ли в этом дело? После войны стало известно последнее письмо, которое за несколько часов до казни Манусян написал жене: «Я прощаю всем, причинившим мне боль или хотевшим причинить мне боль, я прощаю тех, кто нас предал, чтобы спасти свою шкуру, и прощаю тех, кто нас продал».

«Тот, кто нас предал», — это политкомиссар Парижа, который сотрудничал с гестапо.

А кого он имел в виду, говоря о «тех, кто нас продал»? Эти слова — ключ к провалу группы. Манусян говорил о французских полицейских, которые помогали гестапо? Или же о своих начальниках в компартии, которые ничего не сделали для того, чтобы спасти бойцов-иностранцев от провала?

Заместитель министра обороны считал, что коммунистические функционеры обрекли на смерть бойцов-евреев и их армянского командира.

Активное участие Коммунистической партии Франции в движении Сопротивления должно было заставить страну забыть о позорном сотрудничестве коммунистов с нацистами в период между октябрём 1939-го и июнем 1941-го.

Но компартии не хотелось признавать, что самыми активными бойцами Сопротивления оказались иностранцы — поляки, евреи, армяне, немцы. После войны партийные лидеры старались не вспоминать своих погибших товарищей с их труднопроизносимыми именами.

Враги моих врагов — мои друзья. В годы Второй мировой войны французы пренебрегли этой циничной мудростью и позволили умереть людям, которые хотели сражаться на их стороне.

Заместитель министра обороны чувствовал себя в долгу перед этими иностранцами, которые погибли за Францию. Теперь он был готов помочь израильским евреям. Когда военный атташе израильского посольства в Париже попросился к нему на прием, заместитель министра откровенно сказал, что сделает все от него зависящее, чтобы Израиль получил оружие...

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

У министра иностранных дел Франции был только один друг, которого он любил и уважал, — судья. Министр еще продолжал служить Франции, а судья уже вышел в отставку. Хотя, возможно, он и поспешил с отставкой: член Верховного суда мог оставаться на своем посту и дальше.

Дело в том, что он несколько лет вел судебные процессы над людьми, которых теперь уже президент де Голль амнистировал и выпустил из тюрьмы. С этим судья категорически не был согласен. Ведь речь шла о коллаборационистах, о тех, кто в годы оккупации сотрудничал с немцами.

Бойцы Сопротивления расправлялись с теми, кто заводил дела с оккупантами, еще до появления союзников. Больше всего досталось легкомысленным француженкам, которые не отказывали в ласке и немцам.

Когда Франция была освобождена, в стране началась большая чистка. В 1946 году первый послевоенный министр юстиции доложил Консультативной ассамблее, что его суды приговорили 3920 коллаборационистов к смерти, 1508 — к каторжным работам, 8500 — к тюремному заключению.

Новое правительство хотело вычистить из армии тех, кто был против де Голля, но у министерства ничего не вышло: кастовая солидарность спасла офицеров. То же самое произошло в государственном аппарате.

В 1945 году Верховный суд решил судить бывшего президента страны маршала Анри Филиппа Петена, который опозорил Францию, вступив в союз с нацистами. Но генерал де Голль не хотел суда над Петеном. Генерал говорил своим помощникам:

— Я надеюсь, что какой-нибудь случай удержит вдали от французской земли этого старца, к которому, невзирая ни на что, немало французов все еще сохранили уважение или жалость.

В конце войны немцы помогли Петену укрыться в Швейцарии. Генерал де Голль пригласил к себе швей-

царского посла и неофициально сказал, что не будет спешить с требованием выдать маршала. Но престарелый маршал сам захотел вернуться на родину.

Анри Филипп Петен молчал на процессе. Он был приговорен к смертной казни, но сам суд тут же высказался за то, чтобы казнь не состоялась.

В Первую мировую войну маршал командовал французской армией. Тогда победа над Германией сделала его национальным героем. В 1940-м, когда стало ясно, что Франция потерпела поражение, маршал возглавил правительство. Французы надеялись, что его авторитет спасет Францию от унижения, что маршал сумеет как-то договориться с Гитлером.

Петен подписал с Гитлером перемирие. Париж был занят немцами, а новое французское правительство переехало в курортный городок Виши, расположенный на территории, свободной от немецких войск.

Правительство Петена было законным. За него проголосовало Национальное собрание. Его признали кадровый состав французской армии, остаток французского флота, колонии Франции, многие государства. До 22 июня 1941 года в Виши находился советский посол. До 7 декабря — американский.

В чем же состояла вина маршала Петена?

Летом 1940 года он действительно казался многим спасителем Франции: полстраны немцы оставили неоккупированной. Разве удивительно, что французы повиновались маршалу Петену, национальному герою, и не последовали за никому не известным молодым генералом де Голлем, который сказал, что будет сражаться с немцами?

Страна была разгромлена. В Париже расположились немцы. Людям надо было как-то жить. Присоединиться к бойцам Сопротивления или наниматься в пронемецкую милицию — это был вопрос личного выбора. Казалось, что немцы выиграли войну, и надо привыкать жить с ними.

Но 11 ноября 1942 года Германия оккупировала и территорию вишистской Франции, которая формально еще была независимой. С той минуты легенда, согласно ко-

торой личность маршала Петена, его присутствие защищали французов от немцев, утратила всякий смысл.

Генерал Максим Вейган, бывший главнокомандующий вооруженными силами Франции, и многие другие офицеры умоляли Петена отправиться в Северную Африку, где находились французские колонии, и возобновить войну с немцами.

Правительство могло отправиться в Алжир и продолжить борьбу. В этом состоял долг Петена. В распоряжении правительства был флот, который практически не пострадал, авиация и воинские части в Африке и на Ближнем Востоке.

Маршал отказался и с той поры приносил Франции больше потерь и страданий, чем преимуществ.

Петен совершил преступление, когда приказал французской полиции вместе с гестапо вести борьбу с участниками Сопротивления и передал Гитлеру французских политических заключенных, евреев и немцев, бежавших от нацистского режима.

По приказу Петена правительство Виши помогало германской военной машине, отправляло в Германию сырье и посылало молодых французов работать на немецких заводах. Добровольческое подразделение войск СС «Французский легион» с благословения правительства Петена отправилось на Восточный фронт сражаться с Советской Армией.

Подписывая летом 1940 года унижительный мир, французское правительство обязалось «выдать германскому правительству всех немцев, чьи имена будут названы немецким правительством». Гестапо смогло, наконец, сквитаться с теми, кто ускользнул из Германии.

В конце августа немецкая комиссия посетила в еще неоккупированной части Франции 31 лагерь, 16 тюрем и 10 больниц. У комиссии был список лиц, разыскиваемых гестапо.

Маршал Петен с готовностью выдавал всех, кого желали получить немцы.

Некоторым интернированным удалось бежать из лагерей, уйти в подполье, присоединиться к движению Сопротивления. Счастливики получали американскую или

мексиканскую въездную визу, добывали деньги на паром и уезжали через Испанию и Португалию. Отчаявшись спастись кончали жизнь самоубийством.

Когда в ноябре 1942 года немецкие войска заняли всю территорию Франции, еще оставшихся на свободе эмигрантов гестаповцы арестовали сами.

Вслед за политическими эмигрантами настала очередь евреев, не только бежавших из Германии, но и граждан Франции.

Правительство Петена и не пыталось их защитить. Антиеврейские законы были приняты во Франции в октябре 1940 года, то есть еще до того, как этого требовали немцы. Это была инициатива правительства Петена.

Евреям запрещено было заниматься юриспруденцией и медициной, состоять на государственной службе и владеть недвижимым имуществом. При французском правительстве был создан пост верховного комиссара по делам евреев. Им стал ненавидевший евреев Луи Даркье де Пеллапуа. Он объяснил политику своего правительства: «Нам необходимо избавить Францию от евреев, от всех этих чуждых элементов, от полукровок, от космополитов, которые были причиной наших несчастий».

В марте 1942 года поездка с французскими евреями стали отправлять в Освенцим. В июле парижская полиция без участия немцев, самостоятельно провела операцию «Весенний ветер»: согнала парижских евреев на велодром и отправила в Германию.

За четыре года немецкой оккупации в лагеря уничтожения депортировали семьдесят пять тысяч французских евреев, из них одиннадцать тысяч детей. Почти все они были арестованы не немцами, а самими французами. Еще три тысячи евреев погибли от голода и болезней во французских лагерях, которые подчинялись правительству в Виши.

Вывозом французских евреев руководил эсэсовский генерал Вернер Бест. После успешно выполненной миссии во Франции ему было поручено депортировать евреев из Дании. Однако там генерал потерпел неудачу, потому что датчане не захотели ему помогать.

Датские полицейские в отличие от французских отказались охотиться на евреев. Датские власти заявили, что будут противиться любым проявлениям антисемитизма. Более того, датчане организовали успешную операцию по спасению евреев и всех, кого смогли, вывезли в нейтральную Швецию.

Во Франции немецкому генералу действовать было проще.

Для какой-то части французов — например, для ревностных католиков — режим Виши был совсем не плох. Им предоставилась возможность вернуть старую добрую Францию, такую, какой она была до отделения Церкви от государства, до изгнания Церкви из школы и общественной жизни.

Практически весь французский епископат оказался на стороне Виши. Кардинал Жерлье радостно восклицал в 1940-м:

— Работа, семья, отечество — эти три девиза правительства являются и нашими девизами. Маршал Петен — это Франция, Франция — это Петен

Католический поэт Поль Клодель писал в те дни: «Франция освобождена от ига антикатолической партии — профессоров, адвокатов, евреев и масонов».

Французам никогда не хотелось признавать, что существовал французский нацизм, или они, по крайней мере, предпочитали не говорить на эту тему. Но нацистов во Франции было предостаточно. Они ненавидели иностранцев и хотели, чтобы маршал Петен, воспользовавшись удобным случаем, избавил, наконец, страну от чужаков.

После Первой мировой войны в относительно благополучную Францию хлынуло огромное количество иммигрантов — в основном из Центральной и Восточной Европы, а также из бедных Испании и Италии.

В 1930-м во Франции было три с половиной миллиона иностранных рабочих. Большая часть из них шла за коммунистами. Со времен Великой французской революции немцам было известно, что они могут найти убежище у соседей. Во Францию уезжали поколения немецких инокомыслящих — от Карла Маркса до Генриха

Гейне. Левые партии, церкви и благотворительные организации охотно помогали беженцам.

В первые же месяцы после прихода нацистов к власти во Францию бежало двадцать шесть тысяч человек. А всего из Германии во Францию до начала войны уехало примерно сто пятьдесят тысяч эмигрантов, большинство, правда, двинулись дальше.

Но накануне войны симпатии к ним и готовность помогать быстро испарились. Власти видели в каждом беженце потенциального немецкого агента, «пятую колонну». Французские националисты считали немецких эмигрантов подрывными элементами. К тому же значительное число беженцев были евреями, а антисемитизм был распространен во всех социальных слоях Франции.

Даже находившиеся в Лондоне французы, которые объединились вокруг де Голля, придерживались молчаливого соглашения: как можно меньше говорить о евреях. Гитлеровская пропаганда утверждала, что мировая война навязана миру евреями. Самый простой способ опровергнуть гитлеровскую пропаганду состоял в том, чтобы не упоминать о евреях: за Францию сражались французы. Аналогично поступали и американцы с англичанами.

Проведенный после освобождения Франции опрос общественного мнения показал, что больше половины французов не склонны судить Петена. Основная масса французов не считала маршала предателем, каким он был для участников Сопротивления. Французам была дорога память о славном прошлом, о великом человеке, который, по их мнению, принес себя в жертву ради того, чтобы избавить народ от лишних страданий.

Французы были несчастны. Они нуждались в мифах.

Больше тысячи осужденных коллаборационистов де Голль помиловал — всех женщин, почти всех шахтеров и тех чиновников, кто просто подчинился официальному приказу в ситуации, когда неподчинение грозило смертью. Но и для остальных тюремное заключение оказалось недолгим. Последние коллаборационисты вышли из тюрьмы по амнистии 1953 года...

Вот после этого судья и подал в отставку. Ему было стыдно за своих соотечественников, которые не смог-

ли ни защитить французских евреев, ни признать свою вину.

Каждый четверг в его хлебосольном доме обедал министр иностранных дел. В этот раз судья, отступив от привычного ритуала, позволил себе дать совет своему другу. Он знал, что министр был решительным противником продажи Израилю оружия — по одной простой причине: Франции не стоит ссориться с арабским миром.

Судья сказал своему другу, что тот не прав. Франция не должна вести себя таким образом. Исторические ошибки и преступления нужно исправлять. Министр внимательно отнесся к словам судьи. Если на свете и был человек, к которому прислушивался министр, то это был судья...

Глава 23

«УБЕЙТЕ НАШЕГО ПРЕЗИДЕНТА»

Переговоры с французами неизменно вел Шимон Перес. Он вновь и вновь поражал своей способностью добиваться во Франции того, что казалось невозможным.

Перес подружился с французским министром обороны. У него сложились также неплохие отношения с премьер-министром Ги Молле и министром иностранных дел Кристианом Пино. Шимон Перес мог разговаривать с ними откровенно и добивался некоторого облегчения финансовых условий поставок.

Должность Шимона Переса формально была невысокой — генеральный директор министерства обороны. Но, как уже говорилось, все знали, что фактически он человек номер один в министерстве, потому что обязанности министра исполнял сам премьер-министр Бен-Гурион. Решения по важнейшим вопросам он принимал в одиночку, а все остальное передоверил Пересу.

Бен-Гурион предоставил большие права начальнику генерального штаба, который получил почти полную автономию в чисто военных делах. Зато внутри министерства обороны всем управлял генеральный директор, занятый вооружением армии.

Премьер-министр поручил Пересу покупать оружие за границей и создавать собственную военную промышленность.

На первые серьезные переговоры в Париже Бен-Гурион отправил ему в помощь начальника генерального штаба Моше Даяна. Они с Пересом были любимцами Бен-Гуриона, один — военный, другой — штатский. И к Бен-Гуриону они часто приходили вместе, докладывая каждый о своем.

Моше Даян и Шимон Перес отправились в Париж тайно. Они надеялись договориться о поставках современного оружия, которые могли бы компенсировать поток советских танков и самолетов, прибывающих в Египет.

В Париже Даян и Перес остановились в гостинице и старались вести себя незаметно. Днем они вели напряженные переговоры, а в свободный вечер решили пойти в ночной клуб на Монмартре, но изысканный стриптиз их не вдохновил: мысли у них были заняты другим. Они зашли в бистро выпить кофе и вдруг услышали слова на иврите:

— Смотри-ка, ребята, кто тут сидит! Моше Даян и Шимон Перес! Наверное, они затеяли что-то секретное, раз Даян в темных очках.

Перес рассмеялся: вся их конспирация рухнула в один момент. Но узнавшие их израильтяне оказались не болтливыми. Французские газеты так и не узнали о приезде Даяна и Переса в Париж.

Бен-Гурион отправил Даяна на переговоры во Францию не только потому, что Даян возглавлял генеральный штаб.

Моше Даян лишился глаза во время Второй мировой войны — в ходе совместной операции с солдатами генерала де Голля из «Свободной Франции». Черная повязка, пересекавшая лицо Даяна, была постоянным напоминанием о боевом прошлом и принесенных жертвах.

Во время боя на реке Литани молодой Моше Даян, глядя в бинокль, искал огневые точки врага. Только он обнаружил место, откуда противник вел интенсивный автоматный огонь, как вражеская пуля попала прямо в бинокль.

Осколки линзы и металла впились ему в левый глаз. Он был ранен еще и в руку. В госпитале Даян спросил врача, что с ним будет.

— Две вещи я могу сказать точно, — ответил доктор. — Вы потеряли глаз, но жить будете. Что мне не ясно, это что происходит с вашей головой, потому что в ней много осколков.

Сначала Даян надеялся, что сможет скоро вернуться к армейской службе, но лечение затягивалось. Он вернулся в Иерусалим, где жил в доме родителей жены, которая была беременна, и каждый день ходил в глазную клинику. Осколки, засевшие в голове, стали причиной сильнейшей головной боли. Пальцы пострадавшей руки были парализованы.

К счастью для Даяна, на первом этаже родительского дома жил Реувен Шилоах, который руководил специальными операциями политического отдела Еврейского агентства. Это был прообраз израильской разведки. Реувен заходил проведать раненого солдата и однажды предложил ему работу. Это решило главную для Даяна проблему — как кормить семью.

Даян вновь смог читать и даже обходился без очков. Он научился с одним глазом правильно определять дистанцию и водить машину. Для того чтобы вернуть себе способность ориентироваться в сумерках, он много ходил по ночам. Спотыкался о камни, падал, но постепенно научился не падать.

В 1941-м англичане, предполагая, что Гитлер попытается захватить Ближний Восток, предложили Хагане техническую помощь в создании подпольной разведывательной сети — на случай прихода немцев. План этой сети разработал Моше Даян. Он намеревался во всех крупных городах создать подпольные ячейки — командир, радист и группа сбора информации. Даян сам обошел места размещения будущих разведгрупп, подыскивая для них надежные конспиративные квартиры.

В сентябре открылись курсы радистов. Их учили разбирать и собирать радиоприемники и передатчики, работать на ключе, зашифровывать и расшифровывать радиограммы. Всех людей Даян подобрал из числа бойцов Хаганы.

Он искал тех, кто свободно говорил по-немецки и по-арабски. Тех, кто говорил по-немецки, потом англичане сбрасывали в составе разведывательных и диверсионных групп на территорию оккупированной немцами Восточной Европы. Большинство из них погибло.

А те парашютисты, которым удалось выжить, погибли уже после войны, в 1954 году в результате нелепого случая. Ветераны собрались в киббуце Мааган, чтобы почтить память павших в борьбе с нацистами. Легкий самолет, который привез приветствие премьер-министра, сделав над ними круг почета, внезапно потерял управление и врезался в собравшихся.

После войны Моше Даян по настоянию семьи поехал в Париж, чтобы сделать операцию. Хирург надеялся, что сложная операция по пересадке кости позволит Даяну носить искусственный глаз. Даян был готов на все, лишь бы избавиться от черной повязки, закрывавшей пустую левую глазницу.

Все обращали на нее внимание, и это было невыносимо. Даян предпочитал сидеть дома, только бы не видеть обращенных на него взглядов. Он мечтал ходить по улицам, сидеть в кафе или кино и не привлекать к себе внимание. Человеку, у которого есть два глаза, трудно понять, что значит быть объектом постоянных любопытных взглядов и перешептываний...

Но операция оказалась неудачной. Организм отверг пересаженную кость, у Даяна началось воспаление с высокой температурой. Месяц он пролежал в крохотной больничной палате. За ним ухаживали его жена и ее сестра. Как только удалось собрать деньги на билет, они улетели домой. Даян был обречен до конца своих дней носить черную повязку.

Он считал, что военная служба для него закончилась. Яаков Дори, которого Бен-Гурион назначил командиром Хаганы, привлек Даяна для работы в разведке. Это, конечно, не армия, но, по крайней мере, достойное занятие для мужчины, грустно решил он. Моше Даян еще не знал, что его ждет блестящая военная карьера, которой не повредит ни потерянный глаз, ни черная повязка, пересекающая лицо...

Не только личные симпатии бывших участников Сопротивления сыграли решающую роль в согласии Франции продать оружие Израилю. Франция стала щедрее, потому что у нее начались собственные неприятности с арабами. Вспыхнуло восстание в Алжире, который требовал независимости.

Алжирские повстанцы получали оружие из Египта и вдохновлялись радикальной политикой египетского президента Гамалы Абделя Насера. В этой ситуации Израиль воспринимался французами как естественный союзник.

После начала восстания в Алжире в 1954 году французы обратились к израильтянам за помощью. Они хотели знать, какие арабские страны и как именно помогают алжирским повстанцам. Французская Служба внешней документации получила указание «нейтрализовать» лидеров Фронта национального освобождения Алжира. Но выполнить задачу оказалось трудным делом.

А вот военная разведка Израиля в мае 1956 года получила информацию о людях, которые совершенно не интересовали Израиль, зато нужны были французам. Речь шла о лидерах восставших алжирцев. Среди них был и Ахмед Бен-Белла. Между делом сотрудники израильской военной разведки выясняли маршруты передвижений Бен-Беллы и его людей, пути доставки оружия алжирским повстанцам. Добытыми ими сведениями израильтяне стали снабжать французов, что укрепило их желание продавать Израилю оружие.

Информация, получаемая французами от израильтян, была абсолютно точной. В середине октября 1956 года в Средиземном море с помощью израильтян было перехвачено судно, которое шло из Александрии под суданским флагом. На борту оказалось семьдесят тонн оружия — достаточное количество для того, чтобы вооружить три тысячи человек. Это оружие алжирцам отправили египтяне.

— Я не могу сказать, что французы едят у нас с руки, — докладывал начальник военной разведки Иешофат Харкаби премьер-министру Израиля, — но наша информация об алжирских делах для них необычайно важна.

Когда президент де Голль принял решение предоставить Алжиру независимость и против него восстали во-

енные, считавшие это национальным предательством, один из мятежников, французский офицер, обратился за помощью к Ицхаку Барону, помощнику военного атташе Израиля во Франции.

Они встретились с соблюдением всех правил конспирации. Француз сделал израильской разведке деловое предложение. Израильцы одалживают им одного из своих арабских агентов, который убьет предателя — президента де Голля. В знак благодарности новое правительство Франции даст Израилю любое количество оружия.

Барон немедленно доложил в Иерусалим об этой встрече. Военная разведка предлагала на всякий случай французским властям об этой встрече не сообщать. Но директор Моссад Харел убедил премьер-министра Бен-Гуриона, что отношениями с французами нельзя рисковать и глупо скрывать от них такую информацию. Премьер-министр всегда прислушивался к своему главному разведчику. Французы узнали имя еще одного заговорщика. Его арестовали и казнили.

Никогда — ни до, ни после — между Израилем и Францией не было таких хороших отношений, как в то время.

В 1955-м Израиль получил шестьдесят штурмовиков «Мистер-IV» и вздохнул с облегчением: французские самолеты были не хуже советских «МиГов», которые в большом количестве поступали в Египет.

Шимон Перес сопровождал премьер-министра Бен-Гуриона во время тайной поездки в Париж, когда была достигнута договоренность о совместных военных действиях Англии, Франции и Израиля против Египта. После синайской войны 1956 года Перес был награжден орденом Почетного легиона.

Все эти переговоры с Францией были настолько секретными, что Перес даже не ставил в известность израильского посла в Париже Якова Цура.

Это возбудило ненависть министра иностранных дел Голды Меир, которая не любила, когда кто-то вторгался в ее сферу влияния. Она даже поссорилась с премьер-министром из-за того, что он не запретил Пересу

влезать в дела, которыми, по ее мнению, должно заниматься только министерство иностранных дел.

Непосредственно закупками оружия во Франции занимался Ашер Бен-Натан. Он родился в Вене. Высокого роста, с прекрасными манерами и густой шапкой волос, он больше походил на прусского барона, чем на израильского дипломата.

В восемнадцать лет он нелегально перебрался в Палестину, работал в киббуце и вступил в Хагану. Главная его работа началась после войны. Он вернулся в родную Австрию с журналистским удостоверением и даже что-то писал оттуда.

На самом деле у него были две задачи: выслеживать нацистских преступников и переправлять освобожденных из концлагерей евреев в средиземноморские порты, откуда их любыми путями старались доставить в Палестину.

Бен-Натан был известен невероятным спокойствием. О нем говорили, что его точка кипения равна не 100, а 150 градусам. После создания Израиля ему предложили работать в министерстве иностранных дел и отправили учиться в Высшую школу международных отношений в Женеве.

После удачных переговоров Переса в Париже Бен-Натан стал представителем министерства обороны в Европе. Он установил добрые отношения с высшим французским обществом. Летом 1959 года его отозвали в Израиль и назначили генеральным директором министерства обороны — вместо Шимона Переса.

Хорошие отношения установились и между французской и израильской разведками.

После Второй мировой войны сотрудники могущественного министерства внутренних дел Франции, придерживавшиеся левых взглядов, охотно помогали оперативникам Хаганы.

Израильтянам симпатизировал и сам Роже Вибо, начальник французской контрразведки, которая называлась Управлением охраны территории, соратник де Голля. Когда его люди обнаружили секретный передатчик Хаганы в районе Парижа и арестовали радистов, Вибо вмешался, и израильтян освободили.

В 50-х годах отношения с Францией стали прочнее. В начале 1956 года военный атташе Израиля в Париже полковник Нишри сообщил начальнику генерального штаба Моше Даяну, начальнику военной разведки Иешофату Харкаби и его заместителю Ювалу Нееману, что французы заинтересованы в установлении прямых связей с военной разведкой.

За несколько дней до войны 1956 года Харкаби прилетел в Париж и встретился с начальником французской Службы внешней документации и контрразведки.

Вначале разговор не клеился. Француз подозрительно посматривал на израильтянина, потому что плохо разобрался в структуре израильских спецслужб и решил, что перед ним начальник контрразведки. А у разведчиков с контрразведчиками всегда плохие отношения. Но Харкаби удалось сломать лед.

Тогда француз устроил торжественный обед в честь гостя, пригласив начальников всех отделов. Резидентом военной разведки в Париже назначили Ювала Неемана, свободно говорившего по-французски, и канал двусторонней связи заработал. Обе разведки стали обмениваться информацией — о Египте, Алжире и арабском мире в целом. Они делились даже методами работы.

Продажа оружия Израилю оказалась очень выгодной сделкой для Франции, которая неплохо на этом заработала.

Увидев, что Франция получает хорошие деньги от продажи оружия Израилю, Англия тоже согласилась продать еврейскому государству шесть ночных истребителей. И только американцы твердо придерживались эмбарго на поставки оружия воюющим ближневосточным государствам. Более того, после синайской войны 1956 года Соединенные Штаты стали активно помогать арабским странам.

В самом Израиле не было единства относительно того, как вести дело с американцами. Даже генерал Моше Даян в середине 50-х был противником военного соглашения с США. Он считал, что это будет скорее обузой для Израиля. Пакт с американцами лишил бы Израиль свободы действий: Израиль в случае необходимости не

смог бы предпринимать акции возмездия без разрешения, и это повредило бы готовности людей сражаться за свою страну.

— Сейчас если мы говорим, что пустыня Негев в опасности, то молодые люди готовы защитить ее, — считал Даян. — А если у нас будет пакт с американцами, все будут кивать на американцев: пусть они за нас сражаются.

Такие странные отношения продолжались до шестидневной войны 1967 года, когда Соединенные Штаты однозначно поддержали Израиль. А до этого времени Израиль мог рассчитывать только на помощь Франции, которая, казалось, искренне была расположена к еврейскому государству.

Но летом 1967 года дружба с Францией закончилась. И ни Шимон Перес, ни кто-либо другой ничего не могли поделать.

Шестидневная война разозлила де Голля, который, впрочем, еще раньше решил, что тесное сотрудничество с Израилем только вредит Франции.

Правда, почти до самой шестидневной войны Франция разрешала Израилю покупать запасные части в неограниченном количестве. Большая часть авиации, которая помогла одержать победу в шестидневной войне, была французского производства. Одиннадцать лет при министерстве обороны Франции находилась постоянная военная миссия израильтян. Разведки двух стран сотрудничали еще теснее, чем военные.

Глава 24

ПУТЬ К ВОЙНЕ

За восемь месяцев до начала шестидневной войны, 12 ноября 1966 года, израильский патруль подорвался на mine, установленной палестинскими боевиками неподалеку от границы с Иорданией. Три солдата погибли, шесть было ранено.

На следующий день израильское подразделение перешло границу, отогнало иорданских солдат и демонстративно взорвало десять домов в деревне, где базировались

террористы. Кроме того, израильский истребитель сбил иорданский самолет. Это было мстью за убитых солдат.

Иорданцы сочли, что их унизили. Иорданские газеты сразу же вспомнили о том, что египетский президент Гамаль Абдель Насер обещал прийти на помощь любому арабскому государству, если оно подвергнется израильской агрессии. Иорданцы издевались над тем, что сами египтяне чувствуют себя совершенно спокойно: ведь они надежно прикрыты ооновскими войсками, расположенными на египетско-израильской границе.

Каждая террористическая акция воспринималась в Израиле очень болезненно. Израиль очень страдал оттого, что сирийская артиллерия обстреливала приграничные киббуцы, но не знал, чем ответить. Израильская артиллерия не могла достать сирийские войска, расположенные на господствующих Голанских высотах.

После того как в апреле 1967-го сирийцы в очередной раз обстреляли киббуц, в воздух были подняты самолеты военно-воздушных сил Израйля. Сирийские истребители вылетели им на перехват. В воздушном бою шесть сирийских самолетов были сбиты. У израильтян потерь не было. Это был сильный удар по престижу Сирии.

Теперь уже президент Египта Насер обязательно должен был доказать всем, что он способен наказать Израиль.

23 мая 1967 года премьер-министр Израйля Леви Эшкол собрал представителей правящей партии и оппозиции, чтобы обсудить ситуацию.

Присутствовали: министр иностранных дел Абба Эбан, министр без портфеля Галили, министр образования Аранне, министр внутренних дел Шапиро, генеральный секретарь правящей партии Голда Меир. От оппозиции пригласили Менахема Бегина, Шимона Переса и Моше Даяна.

О положении на границах доложили начальник генерального штаба генерал Ицхак Рабин и начальник оперативного управления генерал Эзер Вейцман.

Начальник военной разведки генерал-майор Аарон Ярив сообщил, что Египет считает войну неминуемой и перебрасывает войска на Синайский полуостров.

Невысокий, красивый, энергичный Аарон Ярив родился в Литве. В 1935-м эмигрировал в Палестину, учился в сельскохозяйственной школе. В 1941-м вступил в Еврейскую бригаду британской армии, дослужился до капитанских звездочек. Во время первой арабо-израильской войны он командовал батальоном. После войны его послали учиться в военно-командное училище во Францию. Он стал первым начальником командно-штабной академии Израиля. Три года был военным атташе в США и Канаде, а после возвращения в Израиль — командиром бригады «Голани». В 1961-м стал помощником начальника разведывательного управления. В 1964-м, когда в Моссад ушел его предшественник генерал Меир Амит, Ярив возглавил разведку.

Начальник разведывательного управления генерального штаба — один из влиятельнейших генералов в Израиле. Этот человек очень близок к руководителям правительства, докладывает им напрямую. Он пользуется особым их доверием. А Ярив был самым почитаемым начальником разведки. Его высоко ценили и генералы, и политики. Считалось, что он единственный, кто располагает точными сведениями о том, что происходит внутри Египта. Его регулярно приглашали на заседания кабинета министров, иногда даже в тех случаях, когда обсуждались и невоенные вопросы. Он считался военным экспертом номер два — после начальника генштаба Ицхака Рабина.

Накануне войны Шимон Перес, генеральный секретарь оппозиционной партии Рафи («Список трудящихся Израиля»), приложил немало усилий для того, чтобы страна имела кабинет министров, способный принимать решения. Он предложил, чтобы оппозиция вошла в правительство. Если Израилю предстоит воевать, то правительство должно пользоваться поддержкой всей страны. К мнению Переса прислушались.

За неделю до начала войны Моше Даян стал министром обороны. Первым делом он назначил бывшего начальника генштаба Цви Цура своим специальным помощником.

Генерал-лейтенант Цви Цур родился в России. Его настоящая фамилия Чертенко. В возрасте двух лет его

привезли в Палестину. В шестнадцать лет он вступил в Хагану. Закончил гимназию в Тель-Авиве, еще год учился в тель-авивской школе юридических и экономических наук.

В разгар Второй мировой войны он закончил подпольные курсы командиров взводов Хаганы. Во время первой арабо-израильской войны стал командиром батальона. Он посадил своих бойцов на джипы и стремительно перемещался по всей линии фронта, атакуя неповоротливых египтян.

После войны он стал начальником штаба южного военного округа (командовал округом генерал Моше Даян). В 1951 году его отправили учиться в Америку в Сиракузский университет, где он изучал теорию управления.

В 1953 году его назначили начальником управления личного состава генерального штаба. В тридцать лет он стал генералом. Перед синайской войной его назначили командующим центральным военным округом. В 1958 году он стал начальником оперативного управления и заместителем начальника генерального штаба.

Он получил еще один учебный отпуск и отправился в Париж, где учился в Сорбонне и одновременно на курсах для высших офицеров французской армии. С этого времени он стал искренним поклонником Франции.

После возвращения из Парижа он получил высокое назначение — начальником генерального штаба. Именно в этот момент установилось широкое военное сотрудничество с Францией, которая поставляла Израилю оружие. Под руководством Цви Цура израильская армия училась воевать французским оружием.

Через три года, как и полагается по закону, он демобилизовался. Два года был директором компании «Мекорот» и занимался поиском источников водоснабжения. А в конце 1965 года министр обороны Моше Даян назначил его своим помощником.

Цви Цура не избрали в кнессет, поэтому он не мог стать заместителем министра. Но и на посту помощника министра он был очень властен и агрессивен. Он выставил из министерства одного за другим двух генеральных директоров. Чиновник, занимающий эту должность, по тради-

ции является человеком номер два в министерстве. Но Цви Цур, агрессивный по натуре, не привык ни с кем делить власть. Хотя внешне он был доброжелателен и приятен. Прекрасно одетый, всегда улыбающийся, неизменно в хорошем настроении, он быстро расправлялся с теми, кто не желал ему подчиняться. А в свободное время наслаждался искусством и хорошими сигарами. Он обзавелся массой друзей и приятелей, был радушным и хлебосольным хозяином.

Получив назначение на пост министра обороны, Моше Даян сразу же поехал домой к Шимону Пересу, где собралось руководство оппозиционной партии Рафи во главе с бывшим премьер-министром Давидом Бен-Гурионом, чтобы выпить по рюмке по случаю нового назначения.

В здании министерства обороны даже не было кабинета для министра, потому что предыдущими министрами были премьер-министры Бен-Гурион и Леви Эшкол, а они руководили военными делами, как и всей страной, из премьерского офиса.

Нового министра Моше Даяна посадили в кабинет генерального секретаря министерства. Он нашел кабинет слишком изысканным и попросил сделать из него два — собственно кабинет и зал для заседаний. Бар был превращен в книжную полку, спиртное убрали. Посетители Даяна пили только чай. И угощались фруктами, которые он всегда держал в служебном кабинете, — апельсинами зимой, яблоками и виноградом летом, арбузом по особым случаям.

На стенах у него висели четыре фотографии — три снимка археологических раскопок и вид Иерусалима сверху, которые он сделал, еще когда был министром сельского хозяйства. Даян был разносторонним человеком.

Дверь из его кабинета в комнату секретарей всегда была открыта. Начальник секретариата, его помощники, генеральный секретарь министерства могли в любую минуту войти и либо быстро решить неотложную проблему, либо ознакомить Даяна со срочной информацией.

Разговоры в кабинете Даяна всегда были краткими. Не только обилие работы, но и натура министра не распола-

гала к длительным беседам. Моше Даян был нетерпелив и не любил пустой болтовни.

Он отменил парады и почетные караулы, которыми всегда встречали министра. Он считал, что если он едет ознакомиться с ситуацией в воинской части, то именно это его и интересует, а не бравый марш по плацу, который ничего не говорит ни о состоянии части, ни о настроениях бойцов.

Даян заботился только о двух вещах: он всегда был чисто выбрит, а его ботинки идеально вычищены. Ботинки — это был его пунктик. Чистить ботинки до блеска его научил в юности британский сержант. Став министром, Даян по-прежнему начищал свои ботинки до зеркального блеска. Возможно, он уделял столько времени чистке обуви потому, что это позволяло ему несколько минут побыть одному.

В доме нового министра обороны на столике возле кровати установили красный телефон прямой связи с министерством. Он звонил довольно часто: министр требовал, чтобы ему немедленно докладывали обо всех неприятностях...

Иордания подтвердила худшие предположения Израиля. Иорданский король Хусейн был в очень плохих отношениях с египетским президентом Насером, который пытался его свергнуть. И вдруг Хусейн отправился в Каир и присоединился к военному соглашению, уже подписанному Сирией и Египтом.

Король Хусейн не стал бы этого делать, рассудили в Израиле, если бы он не знал, что Насер и Сирия готовят войну и что они уверены в победе.

13 мая представитель КГБ СССР в Египте сообщил руководителям египетской разведки, что израильские войска силами до двенадцати бригад концентрируются на сирийской границе. Одновременно советский посол в Египте передал ту же информацию министерству иностранных дел Египта. И наконец, в тот же день находившемуся в Москве Анвару Садату, тогда главе египетского парламента, сказали, что израильские войска нависли над сирийской границей.

На египтян эта трижды повторенная информация произвела сильное впечатление, хотя потом выяснилось, что

эти сведения не имели под собой никаких оснований. Начальник Первого главного управления (внешняя разведка) КГБ генерал-лейтенант Александр Сахаровский объяснял, что у них самих были сомнения в полученной информации, но они все же сочли своим долгом поделиться ею с египтянами.

Для президента Насера это стало сигналом к переброске войск к израильским границам. 16 мая египтяне попросили Москву сообщить советскую оценку положения на сирийско-израильской границе. И Москва вновь сообщила об опасной концентрации израильских войск. В последние дни мая в Москве побывал военный министр Египта. Провожая его в аэропорту, новый министр обороны маршал Андрей Гречко, балагур и весельчак, произнес прощальный тост:

— Если Израиль на вас нападет и американцы его поддержат, то мы вступим в войну на вашей стороне.

Москва, возможно, была не прочь, чтобы война началась. Советские военные полагали, что если Египет и не разгромит Израиль, то, по крайней мере, покажет свою силу и силу советского оружия. А это укрепит престиж и влияние Советского Союза на Ближнем Востоке.

Когда Москва публично обвинила Израиль в подготовке войны, премьер-министр Леви Эшкол предложил советскому послу вместе проехать вдоль границы, чтобы убедиться в том, что израильская армия не готовится к войне. Советский посол, следуя инструкциям из Москвы, отверг это предложение.

В нарушение международного права Египет блокировал проход судов в Израиль и из Израйля. Израильтяне обратились за помощью к великим державам. Французский президент де Голль высокомерно сказал, что Израйлю не следует возмущаться блокадой проливов и он ничего не должен предпринимать. Всем этим займутся четыре великие державы.

— Проблемы Ближнего Востока решат великие державы, — не терпящим возражения голосом сказал президент Франции. — Израиль ни в коем случае не должен затевать из-за этого войну.

Президент де Голль решил подкрепить свои слова чем-то более убедительным. 2 июня кабинет министров Франции заявил, что не считает себя связанным какими-либо обязательствами на Ближнем Востоке. На следующий день в Париже объявили о приостановке поставок Израилю оружия, которое уже было им оплачено.

Де Голль сказал послу Израиля:

— Имейте в виду, что 1967-й год — это не 1957-й, когда наши армии воевали вместе. Я не был тогда у власти.

Франция постепенно меняла свое отношение к Израилю.

Де Голль нашел незавидным положение Франции на Ближнем Востоке. Арабский мир отвернулся от Франции из-за ее участия в войне 1956 года против Египта и из-за войны в Алжире. Де Голль решил, что должен укрепить позиции Франции в этом регионе, и озаботился восстановлением нормальных отношений с арабским миром.

По мнению президента, Франции следовало подумать и о своих нефтяных и иных экономических интересах на Арабском Востоке. Де Голль надеялся, что сумеет обеспечить себе прочные позиции на Ближнем Востоке, которые придадут ему большой вес в отношениях с Москвой и Вашингтоном.

Весной 1963 года стало известно, что Советский Союз поставит Египту ракеты. Франция не изъявила готовность в ответ продать ракеты Израилю.

Перес отправился в Англию, но безрезультатно. Тогда он полетел в Соединенные Штаты и долго беседовал с президентом Джоном Кеннеди. Неожиданно для израильтян молодой президент откликнулся на их просьбу. Израиль получил от американцев ракеты «Хок». Но это был разовый подарок.

В свое время де Голль несколько раз встречался с премьер-министром Бен-Гурионом. Генерал говорил, что с симпатией относится к этому человеку и к самому Израилю.

— С человеческой точки зрения я считаю правильным, что евреи получили свой национальный очаг, — сказал премьер-министру Бен-Гуриону президент Фран-

ции. — Это своего рода компенсация за все те страдания, которые еврейский народ испытывал на протяжении веков.

Но де Голль вновь и вновь повторял, что Израиль обязан действовать с максимальной осторожностью в отношении арабов. Евреи должны понять, что арабы всегда будут соседями еврейского государства. Евреи создали государство на арабских землях и нанесли чувствительный ущерб их национальной гордости.

Де Голлю не понравилось, когда Бен-Гурион стал говорить, что мечтает собрать в Палестине всех евреев. Де Голль сказал, что в нынешних границах Израиля еще несколько миллионов человек разместить невозможно. Не означает ли это готовность расширить границы еврейского государства, как только подвернется случай?

— Я не рекомендую вам делать это, — заявил де Голль. — Франция будет помогать вам сохранить свое государство, что бы ни произошло. Но мы не станем помогать вам завоевывать новые территории! Однажды вам удалось раздвинуть свои границы с помощью силы. Не делайте этого больше! Вам лучше стоит продолжить свои удивительные усилия по развитию района, который раньше был пустыней. И вам надо установить нормальные отношения с соседями.

Де Голль прекратил практику широкого сотрудничества в военной сфере. Он запретил пускать израильтян во французские штабы и другие военные учреждения.

В Израиле были потрясены тем, что Франция, которая долгие годы помогала Израилю, внезапно отвернулась от еврейского государства и бросила его на произвол судьбы.

Франция не хотела, чтобы началась война, но сделала то, чего делать не следовало.

Де Голль сказал израильским представителям, что приказал заморозить поставки оружия для того, чтобы помешать Израилю начать войну. На самом деле он только подтолкнул Израиль. Поставки советского оружия Египту шли полным ходом. Израиль пришел к выводу, что нужно нанести удар первым — до того, как Египет обретет превосходство в вооружении.

Глава 25

ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА

За неделю до начала шестидневной войны новый директор Моссад Меир Амит связался с одним египетским генералом, с которым поддерживал контакты через посредников. Амит прямо сказал ему:

— Надо что-то делать. Положение катастрофическое. Необходимо попытаться изменить ход событий.

Египетский генерал, уверенный, что Израиль доживает последние дни, бросил трубку.

За два дня до начала войны Амит вылетел в Соединенные Штаты. С ним беседовали в ЦРУ и в государственном департаменте. Амит объяснил ситуацию и спросил американцев:

— Война неминуема. Что вы намерены сделать, чтобы нам помочь?

Американцы улыбались и качали головой: они не собирались помогать Израилю. Амит пересказал свои беседы премьер-министру Леви Эшколу. Тот хмуро выслушал начальника разведки и сказал:

— Мы одни. Нам не от кого ждать помощи.

Израильский генеральный штаб знал, что военные возможности арабских стран невысоки, но сам не ожидал такой быстрой и дешевой победы над многочисленными противниками в июне 1967 года. Несмотря на обилие современного оружия, которым они располагали, несмотря на то, что они учились в Советском Союзе, арабские офицеры оказались не на высоте.

Начальник военной разведки Аарон Ярив и его люди обеспечили успех на первом этапе войны, когда военно-воздушные силы Израиля нанесли тяжелейший удар по авиации противника.

Авиацию Израиля создал генерал Эзер Вейцман. Его дядя был первым президентом Израиля (со временем он сам станет президентом страны). Его сестра Рут была женой генерала Моше Даяна, который, впрочем, не очень любил шурина.

Эзер Вейцман был очень живой, острый на язык человек. Он постоянно шутил, иногда зло, и на него мно-

гие обижались. Его главным недостатком была поспешность в суждениях, что, вероятно, и помешало ему стать начальником генштаба.

Вейцман воспитывал в летчиках смелость и умение побеждать в воздушном бою в любой ситуации. Он хотел, чтобы его летчики летали на лучших в мире самолетах, поэтому охотно работал вместе с Шимоном Пересом, закупая во Франции современные машины.

Сам Вейцман мечтал стать летчиком с детства и в восемнадцать лет уже сидел за штурвалом. Во время Второй мировой войны он вступил добровольцем в британскую армию. В 1943-м его отправили в летную школу в Родезии. Он служил в Египте и Индии. После демобилизации в 1945-м остался в Англии и поступил на авиационные инженерные курсы.

Накануне провозглашения Израиля Вейцман вернулся в Палестину. Во время первой арабо-израильской войны он командовал эскадрильей, которая базировалась в пустыне Негев.

После войны его послали в Чехословакию, чтобы переправить купленные там трофейные «мессершмитты» в Израиль. В 1951-м он отправился в Англию учиться в военно-штабном колледже. После этого он получил право командовать первыми реактивными истребителями ВВС Израиля. Во время синайской войны 1956 года Вейцман сам вылетал на боевые операции. Через два года был назначен командующим военно-воздушными силами страны.

За год до шестидневной войны 1967 года Вейцман стал начальником разведывательного управления генерального штаба. Но и на этой должности он думал только об авиации. Все знали, что он одержим небом и что для него в мире ничего не существует, кроме его летчиков и его самолетов.

Он постоянно говорил, что в случае войны его авиация разгромит египетскую за шесть часов. Это вызывало усмешки и раздражение. После шестидневной войны Вейцман признал свою ошибку: его летчикам понадобилось только три часа, чтобы уничтожить авиацию Египта.

Израильские летчики уничтожили — в основном на земле, даже не дав им взлететь, — 304 египетских самолета (из 419), 53 сирийских (из 112) и 28 иорданских (из 28). Это составляло 70—80 процентов общего авиапарка арабских стран.

В конце первого же дня войны израильтяне, выполнив первоочередные задачи, добрались еще и до Ирака и уничтожили прямо на аэродромах десять иракских самолетов — за то, что Ирак попытался бомбить Израиль.

Целью номер один была египетская авиация, на вооружении которой находились современные советские самолеты. В налете на Египет приняла участие почти вся авиация Израиля. Охранять воздушное пространство страны осталось всего двенадцать самолетов, поэтому практически некому было противостоять налетам сирийской и иорданской авиации. Они бомбили Израиль, правда не нанеся ему серьезного ущерба.

Выполнив задание в небе Египта, военно-воздушные силы Израиля обрушились на Сирию и Иорданию.

Когда война началась, премьер-министр Израиля Леви Эшкол передал королю Хусейну, что Израиль не предпримет никаких действий против Иордании, если она останется в стороне. Король, уверенный в победе арабских армий, высокомерно ответил посреднику из ООН:

— Это они начали войну. Они получают наш ответ.

Если бы король благоразумно воздержался от участия в шестидневной войне, то не потерял бы Западный берег реки Иордан и арабский сектор Иерусалима. И потом легче было бы искать формулу мирного урегулирования на Ближнем Востоке.

Секрет успеха израильской армии состоял в том, что военной разведке было известно о египетской авиации буквально все: боевые возможности самолетов, порядок несения службы, характеристики радиолокаторов, расположение аэродромов. Иорданский король Хусейн, сам по профессии летчик, говорил потом с завистью, что «израильские пилоты знали абсолютно все о всех тридцати двух арабских военно-воздушных базах. У нас не было подобной информации об Израиле».

Египетские летчики имели очень приблизительное представление о тактике израильской авиации, хотя Насер и его генералы ждали удара с ее стороны.

Более того, несколько последних недель накануне начала войны военно-воздушные силы Египта находились в состоянии боевой готовности. Начиная с четырех утра, когда рассветало, и до семи утра в небе барражировали египетские самолеты. По единодушному мнению военных, это время считалось самым удобным для начала войны на Ближнем Востоке. Египетские самолеты пролетали вдоль израильской границы, Суэцкого канала и уходили в сторону Средиземного моря. Когда патрули возвращались, летчики, уверенные в том, что сегодня войны уже точно не будет, завтракали и шли до-сыпать.

Все это было известно израильской разведке, которая и предложила нанести удар позже обычного, то есть после возвращения патрульных самолетов, примерно в 7.45, когда египетские летчики садились завтракать. Так и было сделано. Израильцы выспались и нанесли удар в тот момент, когда египтяне совершенно не были готовы к отражению атаки.

Кроме того, зная расположение радиолокационных станций Египта, израильские самолеты вошли в воздушное пространство страны с запада и с севера, а не с востока, как этого ожидали египтяне.

Наконец, им помогло неожиданное обстоятельство. Накануне войны, утром 5 июня министр обороны Египта маршал Абдель Хаким Амер и командующий авиацией генерал Мохаммед Сидки отправились на транспортном самолете из Каира на Синайский полуостров, чтобы посмотреть, что там делается. Не желая быть сбитым собственными зенитчиками, министр приказал батареям противовоздушной обороны в районе Суэцкого канала не стрелять по самолетам, которые летят со стороны Египта.

Военная разведка Израиля узнала и об этом приказе. Израильские самолеты пролетели на небольшой высоте над Средиземным морем и атаковали авиабазы египтян с тыла.

Утром 5 июня у летчиков израильских ВВС имелись точные координаты расположения противника, на их картах были даже указаны придуманные египтянами ложные цели.

Неизвестно, какую часть информации израильтяне получили, тщательно фотографируя египетские аэродромы, перехватывая телефонные и радиопереговоры, а какую раздобыла их агентура в арабских странах. Одно можно сказать: разведывательная работа продолжалась годы, сведения собирались по крупицам, но к началу войны у израильтян было все, что им нужно.

До 1964 года агентурной работой в арабских странах занималась военная разведка. Руководили агентами из третьих стран обычно из Западной Европы, чаще всего из Парижа, где находилась региональная резидентура военной разведки.

Амбициозная попытка президента Насера объединить Египет и Сирию в одну региональную супердержаву открыла новые возможности для вербовки под чужим флагом. Израильтяне выдавали себя за египтян и уговаривали сирийцев помогать непосредственно президенту Насеру.

В 1964-м Меир Амит с поста начальника разведки перешел в кресло директора Моссад. В военной разведке его сменил генерал Аарон Ярив.

Два новых руководителя службы договорились, что отныне Моссад будет руководить всей разведывательной работой в арабских странах. Военная разведка возьмет на себя только вербовку арабской агентуры в прифронтовых странах.

Работой в Египте занимались сотрудники Моссад, которые свободно говорили на европейских и арабском языках. Шалтиел Бен-Яир, бывший участник подпольной боевой группы Штерна, который перешел в Моссад, успешно действовал в Каире. Он выдавал себя за бельгийца — специалиста по крупному рогатому скоту — и собирал информацию о военных базах.

Одним из самых многообещающих агентов, переведенных из военной разведки в Моссад, был Эли Коэн. Три года работая в Дамаске, он снабжал Израиль военной и политической информацией высокого класса. В частно-

сти, сообщил о состоянии сирийских укреплений на Голанских высотах, с которых постоянно обстреливались израильские деревни. Эти высоты израильская армия взяла штурмом в ходе войны 1967 года.

Эли Коэн родился в Египте, в Александрии. Он эмигрировал в Израиль после войны 1956 года. Служил некоторое время переводчиком с арабского в армии. На него обратили внимание и пригласили в спецподразделение номер 188.

В феврале 1961 года он вылетел в Латинскую Америку, в Буэнос-Айрес, с фальшивыми документами, выдавая себя за сирийца. В Буэнос-Айресе он быстро перезнакомился с многочисленными эмигрантами из Сирии и Ливана. Он рассказывал, что родился в Бейруте, его семья перебралась в Египет, а потом в Латинскую Америку. Он ностальгически говорил новым друзьям, что дела его идут хорошо, бизнес процветает, но он мечтает вернуться на родину, в Сирию. Через год он приехал в Дамаск.

Когда Коэн отправил первое радиодонесение азбукой Морзе из Дамаска, в штаб-квартире подразделения номер 188 в Тель-Авиве на радостях распили бутылку шампанского.

Более подробные донесения он писал невидимыми чернилами и отправлял их вместе с партиями сирийской мебели, которую он экспортировал в Европу. Процветающий бизнесмен с широкими международными связями, он быстро свел знакомство с высокопоставленными людьми, в том числе с чиновниками Партии арабского социалистического возрождения — Баас.

Приятель отвез его на особо интересовавшие израильтян Голанские высоты, и Коэн сам смог осмотреть укрепления. Правда, не ясно, насколько его информация была важнее того, что удавалось увидеть израильским летчикам, которые фотографировали сирийские укрепления с воздуха. Коэн также увидел образцы советских вооружений, поступавших в страну.

Ценность его информации неизмеримо выросла после того, как партия Баас в марте 1963-го взяла власть в стране и его новые друзья получили важные посты в государственном аппарате. Коэн тайно приехал на несколь-

ко дней в Тель-Авив, где его принял сам начальник разведки Меир Амит.

С одной стороны, Эли Коэн был талантливым офицером разведки с широкими связями в Сирии. С другой стороны, Коэн был поразительно неосторожен. Его предупреждали, что он не должен часто выходить в эфир. А он любил посылать радиописьма своей жене. Однажды он отправил в центр раздраженную радиограмму, узнав о поражении национальной сборной Израиля по футболу.

Коэн использовал радиопередатчик как телефон. Утром он получал шифрограмму из центра связи Моссад с перечнем вопросов, интересующих разведку, а после обеда уже отправлял ответ. С 15 марта до 29 августа 1964 года он послал сто радиограмм, каждая передача в среднем продолжалась не менее девяти минут. Со 2 декабря до его ареста 18 января 1965 года он отправил тридцать одну радиограмму, выходя каждый раз на связь в одно и то же время — в 8.30 утра.

Для сирийской контрразведки и ее советских инструкторов найти передатчик оказалось не такой уж трудной задачей. КГБ предоставил сирийцам новейшую аппаратуру для радиопеленгации. Советские инструкторы учили сирийских контрразведчиков методике поиска подпольных радиопередатчиков и дешифровке перехваченных радиограмм.

Перед арестом Коэн дважды успел побывать дома. Во время последней встречи в военной разведке он — из соображений безопасности — разговаривал с коллегами через занавеску, скрывающую его лицо. Эти меры предосторожности уже были напрасными. Сирийская контрразведка села ему на хвост.

Он сам чувствовал, что счастье его покидает, но спастись не сумел. Сирийцы арестовали его. Видные сирийские чиновники, которых он умело водил за нос, требовали его смерти. Поэтому предложение обменять его на кого-то сирийцы отвергли. Прямой репортаж о казни израильского разведчика показывали по сирийскому телевидению. Это был черный день в штаб-квартире Моссад.

НОВАЯ РАБОТА ДЛЯ КОНТРАЗВЕДКИ

Шестидневная война принесла огромные трофеи израильской разведке: она получила все данные об армиях противников, их структуре, стратегии и тактике, оружии, личном составе.

У разведки ушли месяцы на допросы военнопленных и изучение документов египетской военной разведки и полиции в секторе Газа и на Синае, сирийской разведки на Голанских высотах и иорданской секретной полиции в арабской части Иерусалима, Рамаллахе и Наблусе.

Материалы иорданской полиции помогли выявить боевые структуры Организации освобождения Палестины на Западном берегу реки Иордан.

После шестидневной войны 1967 года перед Израилем появилась новая проблема. Под его властью оказался почти миллион палестинцев, потрясенных поражением арабских армий и потерявших всякую надежду.

Моше Даян сумел убедить правительство в том, что лояльность арабского населения на оккупированных территориях зависит от продолжительности пребывания израильских войск. То есть выводить армию не надо, арабы, считал министр, постепенно свыкнутся с такой жизнью.

Он же сформулировал израильскую политику на оккупированных территориях. Арабы не обязаны любить израильское военное управление, однако они вполне могут жить под ним. Единственное, что следует сделать, — это заставить их еще больше бояться израильской армии, чтобы навсегда отбить у них охоту сотрудничать с террористами.

Даян же и открыл ворота для привлечения десятков тысяч арабов из оккупированных районов для работы в сельском хозяйстве и промышленности Израиля. На оккупированных землях впервые после 1948 года появились еврейские поселенцы. Но они селились только на тех территориях, которые до 1948 года принадлежали британской администрации, а до 1967 года — иорданскому правительству: палестинских арабов не сгоняли с их земли. Однако очень скоро стало ясно, что палес-

тинцы все равно не хотят жить под управлением израильтян.

До шестидневной войны Израиль противостоял арабским государствам. Теперь его главным противником стали палестинские боевые формирования.

До войны израильская разведка почти не занималась палестинцами, не считая их опасными. Палестинские боевые организации исчезали так же быстро, как и появлялись.

Когда в 1964-м новый начальник военной разведки Аарон Ярив принимал дела у своего предшественника Меира Амита, который переходил в Моссад, ему было сказано, что «Организация освобождения Палестины никого не беспокоит. Можешь ООП даже не заниматься».

Впервые отдел, который бы специально занимался палестинцами, был создан в военной разведке только в 1965 году, когда начались боевые операции созданной Ясиром Арафатом организации ФАТХ.

До шестидневной войны палестинцы представляли большую опасность для иорданского короля Хусейна, а не для Израиля: палестинцы составляли большинство населения Иордании и не любили короля.

Король Хусейн не хотел, чтобы палестинцы наносили удары по Израилю с его территории, потому что ответный удар приходился по Иордании. В те времена Иордания неофициально получала от Израиля списки тех, кто помогал палестинским боевикам на Западном берегу, и этих людей арестовывали.

В апреле 1966 года — фактически по просьбе Израиля — иорданцы арестовали сразу двести палестинцев, включая большую часть аппарата представительства ООП в Аммане, которое через два месяца было закрыто.

Израильские спецслужбы не были готовы к необходимости контролировать столь большое арабское население и не горели желанием этим заниматься. Они и не предполагали, что оккупированные территории надолго останутся под контролем Израиля. Все считали, что мир с арабскими странами удастся заключить достаточно быстро и израильтяне уйдут с оккупированных территорий.

Но время шло, а о заключении мира не было и речи. Палестинцами занялась контрразведка Шин-Бет. Коллеги из других спецслужб благоразумно не возражали — это задание лавров не сулило.

— Я доволен, что все эти проблемы взяла на себя Шин-Бет, — говорил начальник военной разведки Аарон Ярив. — У нас и без того много всего на тарелке.

Шин-Бет традиционно занималась арабским населением Израиля. В 50-х годах одно из подразделений Шин-Бет подготовило целую разведывательную сеть для внедрения в арабскую среду.

Агентов подбирали из числа евреев, родившихся в арабских странах. Их учили говорить по-арабски с палестинским акцентом, они штудировали Коран и привыкали вести себя как арабы. От них не ждали повседневных сообщений, они предназначались для длительного вживания.

Несколько агентов очень успешно внедрились в арабское население и даже женились на арабских женщинах. Поскольку их хорошо учили Корану, они даже становились учителями, что было прекрасной крышей для разведывательной работы.

Амос Манор, который в те годы возглавлял контрразведку, признал, что предполагалось использовать этих агентов в случае волнений среди арабского населения Израиля. Потом это подразделение распустили, а у агентов возникли проблемы.

Некоторые из них немедленно развелись со своими исламскими женами и бросили детей, другие сохранили семьи. Дети от этих браков очень страдали, не зная, кто же они — евреи или арабы. Один из детей от таких смешанных браков признался: когда он узнал о террористическом акте в Тель-Авиве, устроенном палестинцами, то не знал, радоваться ему или печалиться. В Шин-Бет решили, что этот эксперимент больше не будет повторен...

До войны 1967 года главной заботой Шин-Бет была борьба с советскими и арабскими шпионами. После окончания победоносной войны контрразведчики сказали себе, что они сильно переоценили своих противников. Захватив во время стремительного наступления архивы

арабских спецслужб, они обнаружили с удовлетворением, что знали всех, кто работал на арабские страны. Арабская разведывательная сеть была незначительной.

Постепенно главной задачей Шин-Бет стал контроль за арабским населением. Вначале это было не так уж трудно. До шестидневной войны в Израиле жило примерно двести тысяч арабов. Они вели себя почти лояльно.

Шин-Бет представляла собой небольшую, но вполне профессиональную организацию. В первые недели после шестидневной войны сотрудникам Шин-Бет даже показалось, что работы у них теперь станет мало: ведь закрылись посольства социалистических стран, все советские разведчики, работавшие под дипломатической крышей, уехали, и контрразведка осталась без основного противника.

Первые недели после поражения в войне палестинцы были словно в шоке, потом началось скрытое сопротивление израильтянам.

Шин-Бет с 1963 года возглавлял Иосэф Хармелин. Арабскими делами в Шин-Бет занимался Аврахам Ахитув, который в 1974-м возглавит всю службу.

Иосэф Хармелин родился в Вене. Он всю жизнь прослужил в Шин-Бет. Его отличала скорее основательность, нежели блеск ума. Он был высоким, крепко сложенным офицером. В нем видели настоящего киббуцника, крестьянина, которым он когда-то и был.

Премьер-министр Леви Эшкол уважал своего начальника контрразведки, часто с ним советовался, но ему ни разу не удалось его рассмешить. С чувством юмора у руководителя Шин-Бет было трудновато. Но солдафоном он не был. Хармелин сразу же предложил отменить военное управление в арабских районах. Сменивший его Аврахам Ахитув тоже считал, что это только усиливает ненависть палестинских арабов к израильтянам.

Премьер-министр Эшкол, освободившись от влияния своего предшественника Бен-Гуриона, верил, что более либеральный подход к арабскому населению откроет возможность нормального сосуществования арабов и евреев. Правда, против отмены военного положения была оппозиция — правые из партии Менахема Бегина и привер-

женцы жесткого курса Бен-Гуриона, которые создали новую партию Рафи.

Премьер-министр хотел, чтобы ситуацию на оккупированных территориях определяли не прямолинейные военные, а более гибкие люди в штатском, контрразведка.

Леви Эшкол санкционировал увеличение численности Шин-Бет и набор новичков в контрразведку. Все арабисты были мобилизованы для службы на оккупированных территориях. Скоро Шин-Бет стала для палестинцев главной властью, это название палестинцы произносили со страхом и ненавистью.

Но надежда Моссад и военной разведки перевалить все палестинские дела на Шин-Бет оказалась недолгой иллюзией. Очень скоро палестинцы стали главным противником Израиля. Всем спецслужбам пришлось заняться палестинским движением сопротивления.

Первый угон израильского самолета 22 июля 1968 года был неприятным сюрпризом для Моссад. Три вооруженных боевика из Народного фронта освобождения Палестины захватили самолет, летевший из Рима в Тель-Авив, и приказали пилоту сесть в Алжире: алжирские власти поддерживали палестинцев.

Пассажиров-иностранцев, всех женщин и детей отпустили через пять дней. Остальных пассажиров освободили в обмен на пятнадцать палестинцев, сидевших в израильских тюрьмах. Это было горькое унижение для Израиля и опасный прецедент. Пришлось истратить большие деньги на системы безопасности, и отныне каждый самолет израильской авиакомпании сопровождал вооруженный охранник.

Часть пятая

ХОЧЕШЬ МИРА — ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ

Глава 27

НАСЛЕДСТВО ВЕЛИКОГО МУФТИЯ

Многие израильские политики проводили жизнь в бесплодных размышлениях: неужели им никогда не удастся договориться с арабами?

Иногда мир казался таким близким, начинались секретные переговоры. И всякий раз что-то мешало договориться. С самим существованием еврейского государства, с тем, что евреи вернулись в Палестину, не могли смириться те, кто определял настроения в арабском мире...

Его дед Мустафа, отец Тахир и брат Камил были муфтиями в Иерусалиме. Что же удивляться, если и Амин из знатного рода Хуссейни — политической элиты Палестины — был избран улемами на пост муфтия, высшего духовного лица в Иерусалиме, где зародились три мировые религии, в том числе ислам.

Британский верховный комиссар, управлявший Палестиной, чтобы поладить с новым религиозным владыкой, скрепя сердце снабдил Амина титулом великого муфтия. В Лондоне уже знали, что с этим человеком будет нелегко.

Бывший офицер турецкой армии, совершивший паломничество (хадж) в Мекку, Амин аль-Хуссейни в 1920 году произнес перед толпой в Иерусалиме патетическую антиеврейскую речь. Вдохновленные слушатели бросились претворять его слова в дела и убили нескольких евреев. Амин скрылся. Британский суд заочно приговорил его

к пятнадцатилетнему тюремному заключению. Впрочем, через несколько месяцев англичане помиловали будущего великого муфтия.

Амин аль-Хуссейни чувствовал в себе призвание не богослова, но политика. Он возглавил Верховный мусульманский совет в Палестине, председательствовал на первой Всеобщей исламской конференции в Иерусалиме, основал Палестинскую арабскую партию и Высший арабский комитет.

Великий муфтий посвятил жизнь борьбе с сионизмом, то есть с возвращением евреев со всего мира на историческую родину — в Палестину. Муфтий и его единомышленники подталкивали палестинских арабов к еврейским погромам. Палестинские евреи защищались, создавали отряды самообороны — Хагану. В 1936 году между палестинскими арабами и палестинскими евреями разразилась настоящая война. Поезда и железнодорожные мосты взлетали в воздух.

В том же году начались первые поставки оружия на Ближний Восток, подогревавшие войну. Оружие, боеприпасы, взрывчатку и миллион марок задатка муфтию прислал Гитлер. Великий муфтий установил контакты с нацистами еще в 1933 году — сразу после их прихода к власти в Германии.

Чтобы совладать с бандами, сформированными на немецкие деньги в Ираке и Сирии, англичанам пришлось перебросить в Палестину армейские подкрепления. Местные власти сообщали в Лондон: «Хадж Амин руководит операциями, и, пока ему будет позволено оставаться здесь, беспорядки в Палестине будут продолжаться».

Великому муфтию пришлось скоропалительно покинуть Иерусалим после того, как был убит высокопоставленный британский чиновник. Бежавший из Палестины Хадж Амин разминулся с «уполномоченным по окончательному решению еврейского вопроса» штурмбаннфюрером СС Адольфом Эйхманом, который осенью 1937 года приехал в Иерусалим из Берлина, чтобы посоветоваться со своим арабским единомышленником.

Через четверть века бывший ээсовец Адольф Эйхман вновь окажется в Иерусалиме, но не по своей воле.

Как уже говорилось выше, его будут судить за соучастие в убийстве шести миллионов евреев в нацистских концлагерях. Именно в этот момент великий муфтий обратится ко всем арабским правительствам с требованием «очистить Палестину от евреев».

В 1939-м великий муфтий нашел убежище в Ираке, который едва не стал союзником Гитлера. С помощью денег, выделенных Гитлером и Муссолини, к власти в Багдаде пришел генерал Рашид Али аль-Гайлани, который в мае 1941-го поднял восстание против англичан.

В восстании аль-Гайлани участвовали молодые иракские офицеры, которых приглашали совершить туристическую поездку в нацистскую Германию за немецкий счет, и те с удовольствием ездили. В Ираке была создана военизированная молодежная организация «Футувва», которая многое позаимствовала у гитлерюгенда. В 1937 году в Ирак приезжал вождь гитлеровской молодежной организации Бальдур фон Ширах. Он рекомендовал иракским единомышленникам воспитывать молодежь в националистическом духе.

Гитлер подписал приказ номер 30: «Арабское освободительное движение на Среднем Востоке является нашим естественным союзником против Англии... Поэтому я решил подстегнуть такое развитие событий, поддерживая Ирак».

Статс-секретарь нацистского министерства иностранных дел барон фон Вайцзеккер сказал личному секретарю великого муфтия в Берлине: «Немцы и арабы имеют в англичанах и евреях общих врагов и стали союзниками в борьбе против них».

Весной 1941 года в Багдаде тайно побывал адмирал Вильгельм Канарис, начальник управления разведки и контрразведки. Вскоре после его отъезда Рашид Али аль-Гайлани и поднял восстание.

Германо-советский союз еще существовал, и Москва признала новое правительство, а Иракская коммунистическая партия получила указание поддержать восстание генерала Гайлани.

Через месяц, когда Германия напала на Советский Союз, настроения в Москве переменялись. Англия из

«империалистического государства» превратилась в «демократическое», а иракские «офицеры-патриоты» стали «агентами нацистов». Иракским коммунистам было приказано бороться с режимом генерала Гайлани.

Берлин обещал великому муфтию и иракскому генералу Гайлани помощь в борьбе с англичанами и «еврейским элементом». В Ирак немедленно отправились немецкие летчики. Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба верховного главнокомандования вермахта, распорядился выделить Ираку оружие, которое доставлялось через территорию Сирии. Взамен немцы рассчитывали получать из Ирака нефть и другие полезные ископаемые. Однако английские войска достаточно быстро справились с восстанием генерала Гайлани. Но прежде, чем англичане вступили в Багдад, великий муфтий устроил там двухдневный погром: были убиты сотни евреев.

Генерал и Хадж Амин бежали в Иран, а оттуда через Турцию — в Европу. В октябре 1941 года, в дни тяжелейших боев под Москвой, самолет с великим муфтием приземлился в Италии. Его принял сам Муссолини и с почестями отправил дальше — в Берлин.

Сохранились кадры кинохроники: великого муфтия торжественно встретили Гитлер и рейхсфюрер СС Гиммлер. Только теперь муфтий смог побеседовать с Эйхманом. Это была встреча единомышленников, связанных единой целью. Адольф Эйхман занял пост начальника сектора по делам евреев Главного управления имперской безопасности. Великий муфтий говорил Эйхману, что «охотнее всего увидел бы всех евреев убитыми».

Несколько тысяч детей-евреев из Польши немцы предполагали выслать в Палестину. Великий муфтий направил рейхсфюреру СС Генриху Гиммлеру официальный протест: «Эти еврейские дети вырастут и станут подкреплением еврейскому элементу в Палестине». Гиммлер отменил приказ, и детей отправили в лагеря уничтожения.

В сопровождении гауптштурмфюрера СС Алоиза Бруннера муфтий осмотрел концлагерь Заксенхаузен и лагеря смерти Майданек и Освенцим. В благодарность за давнюю услугу муфтий после войны укроет военного

преступника Алоиза Бруннера на Ближнем Востоке — в Сирии.

Одного из своих племянников муфтий определил к Эйхману — учиться, как надо убивать евреев.

Сам великий муфтий проводил время в Берлине не впустую. Он писал болгарскому министру иностранных дел (Болгария являлась союзницей нацистской Германии): «Было бы целесообразно воспрепятствовать выезду за границу евреев из Вашей страны и послать их туда, где они будут находиться под строгим контролем, например в Польшу. Таким образом можно совершить доброе дело по отношению к арабскому народу».

К советам муфтия прислушивались. Четыре тысячи еврейских детей из Болгарии отправились в Освенцим.

Иерусалимский гость получал в Берлине семьдесят пять тысяч марок ежемесячно. Вальтер Шелленберг, начальник политической разведки нацистской Германии, вспоминал о встречах с муфтием с раздражением: «Он был мошенником, ему всегда надо было много денег. То, что он от нас получил, он вывез к себе. Я думаю, у него был прекрасный транзитный канал через Швейцарию. От меня он получил четверть центнера золота (из Имперского банка) и пятьдесят тысяч долларов».

Деньги частично шли на внедрение немецкой агентуры на Ближнем Востоке, но в основном были платой за сотрудничество. Гиммлер приказал создать мусульманские формирования в составе добровольческих войск СС. Великий муфтий вызвался помочь.

Он отправился в Боснию, чтобы мобилизовать на священную войну боснийских мусульман. Они составили добровольческую горно-стрелковую дивизию войск СС Боснии и Герцеговины (13-я дивизия СС). Муфтий вдохновлял молодых боснийцев на борьбу с иноверцами — сербами и хорватами. На совести этой дивизии уничтожение югославских партизан и мирного населения. Великий муфтий вербовал в эсэсовцы и советских мусульман — бойцов Красной Армии, выходцев с Кавказа и Средней Азии, попавших в немецкий плен...

В 1945-м новое югославское правительство маршала Иосипа Броз Тито внесло великого муфтия в список во-

енных преступников, подлежащих суду. Он обвинялся в сотрудничестве с нацистами, убийстве тысяч сербов и хорватов. Но великому муфтию удалось избежать наказания.

В последний раз он объявился в Берлине в первых числах апреля 1945 года, чтобы получить причитающиеся ему пятьдесят тысяч марок. Оттуда он вылетел в Берн, но швейцарские власти передали его французам.

В этот момент египетское правительство и генеральный секретарь Арабской лиги обратились в маршалу Тито с просьбой не требовать выдачи великого муфтия во имя добрых отношений с арабским миром.

Вчерашний партизан Тито уже стал государственным деятелем, и внешнеполитические соображения были важнее наказания военных преступников. Тито прислушался к просьбе египтян. Югославский суд удовольствовался тем, что вынес великому муфтию заочный приговор. Выдачи муфтия Югославия не потребовала.

Летом 1945-го муфтий вернулся в Каир. Теперь он посвятил все силы борьбе против обсуждавшегося в ООН раздела Палестины и создания еврейского государства. Каждый, кто желал мира с евреями, становился личным врагом великого муфтия...

Глава 28

КОРОЛЯ УБИЛИ НА ХРАМОВОЙ ГОРЕ

20 июля 1951 года, в пятницу, когда все мусульмане возносят молитву Аллаху, король Иордании Абдаллах ибн-Хусейн появился перед двумя великими святынями ислама на Храмовой площади. Когда-то здесь стоял иудейский храм Соломона, от которого осталась только часть наружной ограды — Стена плача, превращенная иорданцами в мусорную свалку. По соглашению о перемирии 1949 года израильтяне должны были получить доступ к своим религиозным святыням. Но в арабскую часть города их не пускали.

Мечеть Аль-Акса провозглашала триумф пророка Мохаммеда, который вознесся отсюда в небо. Король Абдал-

лах считал себя прямым потомком пророка в тридцать седьмом колене.

Короля сопровождал пятнадцатилетний внук и несколько телохранителей. Король помолился у могилы своего отца — Хусейна ибн-Али, изгнанного когда-то из Саудовской Аравии.

Шейх большой Иерусалимской мечети хотел поцеловать королю руку, телохранители, пропуская его, отступили, и тогда какой-то молодой человек подскочил к королю и выстрелил ему в голову. Телохранители, вместо того чтобы схватить убийцу, застрелили его и открыли огонь по обезумевшей от страха толпе. Погибло еще двадцать ни в чем не повинных человек.

Иорданского короля Абдаллаха убили, потому что он собирался помириться с Израилем.

На следующий день, в субботу, король Абдаллах должен был тайно встретиться с двумя израильскими дипломатами — преступное, по мнению многих ближневосточных политиков, для араба дело. Один из этих дипломатов — Моше Сасон — слушал прямую радиопередачу из мечети Аль-Акса. Он хотел знать, о чем будет говориться в проповеди, чтобы лучше подготовиться к встрече с королем. Вместо проповеди он услышал выстрел, а затем автоматную очередь. Сасон позвонил в штаб наблюдателей ООН в Иерусалиме и обеспокоенно спросил дежурного офицера:

— Что происходит в Старом городе?

Дежурный офицер лениво ответил:

— Очень уж вы, израильтяне, нервные. Там ничего не происходит. Король молится в мечети.

Через десять минут офицер сам перезвонил Сасону. От его спокойствия не осталось и следа.

— Откуда вы узнали?

— О чем?

— О том, что король убит!..

Незадолго до покушения Моше Сасон спросил короля, почему тот хочет заключить мир с евреями.

— Это в интересах моего народа, — ответил король. — Если мы не заключим мир, будет еще одна война, и еще одна война, и еще одна война, — и мы проиграем.

Король Абдаллах до конца своей жизни оставался сторонником Британской империи, которая перестала быть властелином мира, и в этом смысле безнадежно отстал от времени. Пытаясь заключить мир с Израилем, король определил время.

Абдаллах происходил из семьи хашемитов, обитавшей в священном городе Мекке, куда стекаются паломники со всего мира. Город находился под турецким господством.

Молодой Абдаллах, мечтавший о троне, сговорился с британским военным министром лордом Китченером и поднял восстание против турок. Мятежом фактически руководил знаменитый Лоуренс Аравийский — сотрудник британской разведки Томас Эдвард Лоуренс.

Конгресс арабских националистов в марте 1920 года провозгласил Абдаллаха королем Ирака, а его брата Фейсала — королем Сирии.

Но европейские державы — победительницы в Первой мировой войне — установили новый порядок на Ближнем Востоке. Лига Наций вручила Англии мандат на управление Ираком и Палестиной (включая территорию нынешней Иордании), а Сирия и Ливан стали французской подмандатной территорией.

Французы начали с того, что прогнали короля Фейсала из Сирии. Англичане посадили его на иракский трон. Король Абдаллах остался ни с чем.

Тогда он сам создал себе королевство. В ноябре 1920 года с небольшой свитой он приехал в маленький город Амман, где было всего несколько тысяч жителей, в основном выходцы с Кавказа — черкесы (в Иордании черкесами именовали также и кабардинцев, лезгин, осетин), которые служили в качестве наемников в турецкой армии, и провозгласил себя королем.

Англичане первоначально собирались прогнать новоювленного короля. Но министр по колониальным делам Уинстон Черчилль решил, что небольшое буферное государство между евреями, сирийцами, иракцами и саудитами Британской империи не повредит, и оказался прав.

Черчилль создал эмират Трансиордания с населением двести тридцать тысяч жителей, немалую часть которых составляли кочующие бедуины. В этом государ-

стве была одна-единственная железная дорога, построенная для перевозки паломников к священным местам, но не было ни одной заасфальтированной улицы. Для пополнения своего государственного бюджета Абдаллах ежегодно получал от англичан сто пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Ядро армии Абдаллаха — Арабского легиона — составляли британские офицеры во главе с полковником Джоном Глабом.

Когда после Второй мировой войны требования евреев о создании самостоятельного государства в Палестине отвергать стало уже невозможно, в Лондоне оценили глубину давнего замысла Уинстона Черчилля.

Англичане предложили разделить Палестину на две части, еврейскую и арабскую, отдав последнюю королю Абдаллаху. Как шутил тогда будущий премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион, речь шла о разделе Палестины на Иудею и Абдаллею.

Англичане превратили Абдаллаха из эмира Трансиордании в короля независимой Иордании.

В головах некоторых европейских и арабских политиков даже витала идея образования федерации арабских государств — Сирии, Ливана, Палестины и Иордании — под управлением Абдаллаха. Но этой идее не суждено было реализоваться.

Король Абдаллах никогда не чувствовал ненависти к евреям, подобной той, что терзала сердце великого муфтия Иерусалима Хадж Амина и привела его к Гитлеру и Гиммлеру. Иорданский король охотно приглашал к себе еврейских инженеров и бизнесменов, которые построили ему гидроэлектростанцию, провели электричество и воду в его дворец. Абдаллах не возражал против увеличения иммиграции в Палестину евреев, появление которых способствовало стремительному развитию отсталого региона.

В августе 1946 года к королю приехал Элиаху Сассон, специалист по арабским делам в Еврейском агентстве — этом прообразе будущего правительства Израиля. Выходец из Сирии, Сассон начинал свою политическую деятельность в Дамаске как арабский националист, помогая арабам сражаться с французами за независимость. У него

были широкие связи в арабском мире, и он пытался как-то совместить еврейский национализм с арабским.

Король Абдаллах предложил Сассону два варианта раздела Палестины: либо образовать совместное арабско-еврейское государство под управлением короля, либо создать для евреев свое государство, а палестинских арабов включить в Хашимитское королевство Абдаллаха.

Он говорил Сассону:

— Советую вам поддержать мое предложение. Иначе появится большое арабское государство, в котором будут править ваши злейшие враги.

Король Абдаллах довольно успешно играл в две игры. На встречах лидеров арабских стран он убежденно говорил о единстве арабов, а с евреями спокойно договаривался о разделе Палестины.

Король чувствовал себя уверенно. Его Арабский легион был сильнее всех других арабских формирований. Абдаллаху хотелось увеличить свое маленькое королевство, и он собирался сделать это самым простым способом. Он решил, что, как только англичане уйдут, его армия перейдет через реку Иордан и присоединит к своему королевству арабскую часть Палестины. Король Абдаллах полагал, что нет нужды создавать еще одно государство палестинских арабов, всем палестинцам надо жить в его королевстве.

Моше Шаретт, будущий первый министр иностранных дел Израйля, попытался еще до провозглашения Израйля начать переговоры с иорданским королем в надежде побудить его признать еврейское государство.

Шаретт родился в России, в Херсоне. В Палестину его привезли в возрасте тринадцати лет. Он учился в Стамбуле, во время Первой мировой войны служил в турецкой армии. Он был организатором еврейской полиции, которая противостояла еврейским погромам в Палестине.

Посредником в переговорах с королем Абдаллахом был генеральный консул Бельгии в Иерусалиме Жан Нивенхус. Шаретт был подходящей кандидатурой для переговоров с королем, потому что он свободно говорил по-арабски, знал арабскую культуру и понимал арабов.

Но Шаретту в последний момент пришлось уехать на Генеральную Ассамблею ООН, и к королю прибыла Голда Меир, заместитель Шаретта.

Это был неудачный выбор. Арабский монарх считал ниже своего достоинства иметь дело с женщиной-политиком, а Голда Меир, родившаяся в России и выросшая в Америке, в отличие от Элиаху Сассона и Моше Шаретта не знала тонкостей восточной политики. Она предпочитала прямые и откровенные разговоры, непривычные для арабской дипломатии.

Голда Меир, которая недавно приехала из Америки, как и другие евреи — новички в Палестине, судила о настроях короля Абдаллаха по его официальным заявлениям.

Она еще не поняла, что в арабской политике истинные намерения никогда не высказываются вслух. Голда Меир ошибочно решила, что король — такой же враг еврейского государства, как и другие арабские монархи..

Но это было не так. Король Абдаллах считал, что арабы должны объединиться с евреями и догнать европейские страны, от которых Арабский Восток безнадежно отстал.

Абдаллах встретил Голду Меир вполне доброжелательно. Он говорил о евреях цветисто и красиво:

— Божественное Провидение возвратило вас сюда, на этот семитский Восток, который нуждается в ваших знаниях и вашей инициативе. С вашей помощью семиты могут возродиться к прежней славе.

Но заключать соглашение с женщиной король не хотел.

Голда Меир была неудачным партнером для Абдаллаха. Король заметил одному из своих придворных:

— Я выражаю глубокое уважение Израилю, где женщина может занять столь высокий пост. Но я не могу серьезно относиться к словам, сказанным мне женщиной, а не мужчиной...

Абдаллах и Голда Меир были, по сути, чрезвычайно близки к согласию, но Голда этого не понимала. Король предложил заключить простое соглашение: он оккупирует арабскую часть Палестины и присоединит ее к своему королевству, но не тронет еврейское государство.

Однако сразу же это соглашение не было подписано, а стремительно развивающиеся события вскоре сделали договор между Израилем и Иорданией невозможным.

Как только Организация Объединенных Наций приняла в 1947 году решение о разделе Палестины, арабские войска приготовились со всех сторон обрушиться на еврейские поселения. Арабы были уверены, что легко займут всю Палестину и вопрос о создании еврейского государства отпадет сам собой.

В арабском мире ненависть к Израилю достигла такого накала, что король Абдаллах уже не мог на свой страх и риск заключить мир с Тель-Авивом. Он тайно послал к еврейским руководителям своего личного секретаря с вопросом: не согласятся ли евреи уступить ему немного больше земли, чем предусмотрено планом ООН, чтобы король мог оправдать перед арабами заключение сепаратного мира с Израилем?

Но и евреи уже были охвачены боевым пылом. Впервые за две тысячи лет они могли защищать свои жизни с оружием в руках и не собирались теперь никому ничего уступать. Они ответили королю, что если арабские государства не признают границы, намеченные ООН, то эти границы и для Израиля не будут обязательными. Израиль намерен сражаться, и каждый получит то, что сумеет завоевать силой оружия.

Шанс сохранить мир между Иорданией и Израилем был упущен.

Впрочем, за четыре дня до провозглашения Государства Израиль Голда Меир, переодетая бедуином, вновь приехала к королю. Король разговаривал с ней в своем обычном стиле:

— Неужели вы не понимаете, что евреям жилось бы значительно лучше под моим управлением. Почему евреи так торопятся создать собственное государство?

Голда отвергла обвинение в нетерпении:

— Вот уж в неспособности быть терпеливыми евреев никак нельзя упрекнуть. Мы ведь ждали возможности восстановить свое государство две тысячи лет.

Если король не в состоянии соблюдать уже достигнутые договоренности, сурово заключила она, война неизбежна.

Король говорил:

— Нам с вами не нужны Америка и Европа. Мы, дети Востока, должны явить миру чудо: сядем за стол переговоров и обо всем договоримся.

Американизированная Голда Меир меньше всего чувствовала себя «дочерью Востока»... Переговоры ничем не закончились.

14 мая 1948 года было провозглашено государство Израиль. На следующий день генеральный секретарь Арабской лиги заявил: «Это будет война на уничтожение и грандиозная резня». Представитель великого муфтия Ахмед Шукейри добавил: «Наша цель — уничтожение еврейского государства».

Арабские националисты гордо заявляли:

«15 мая 1948 года на территорию Палестины были введены армии арабских государств для того, чтобы силой помешать совершению такого преступления, как создание там еврейского государства... Арабский народ будет решительно бороться против этого гнуснейшего преступления, совершенного империализмом и евреями».

Только коммунистические партии Сирии и Ливана, подчиняясь приказу из Москвы, потребовали прекращения войны и вывода войск реакционных арабских режимов из Палестины. Иракские коммунисты провели демонстрацию в поддержку раздела Палестины на два государства. Во главе демонстрации шли два коммуниста — араб и еврей, взявшись за руки. Они символизировали арабо-еврейскую дружбу.

Король Абдаллах, под начало которого были отданы воинские формирования всех арабских стран, приказал своей армии атаковать Израиль. Его Арабский легион методично захватил один за другим населенные пункты, которые король намеревался включить в состав Иордании, и устремился к Иерусалиму: этот древний город, колыбель трех религий, был главной целью всех участников войны.

Командовал Арабским легионом британский офицер Джон Глаб. Официально он именовался начальником штаба, потому что формально командующим был сам король. Глаб провел на Арабском Востоке не одно де-

сятилетие, прекрасно выучил арабский язык, знал и уважал местные обычаи. Ключевые посты в легионе занимали британцы, офицерский корпус состоял в основном из черкесов. Арабы служили рядовыми солдатами. Кажется, эту армию ничто не сможет остановить.

В ночь с 14-го на 15 мая Бен-Гурион подняли с постели: американский президент Трумэн признал Государство Израиль де-факто. Советский Союз признал Израиль де-юре. Утром Бен-Гурион в прямом эфире обратился по радио к американскому народу. Едва он начал говорить, рядом раздался грохот взрывающихся бомб — это египетская авиация бомбила только что созданное еврейское государство. Бен-Гурион вежливо объяснил далеким американским слушателям, что Израиль бомбят, и продолжил свою речь.

К удивлению всего мира еврейские отряды самообороны отразили атаку и постепенно брали верх в первой арабо-израильской войне.

В Аммане сторонники Абдаллаха провели 1 октября 1948 года митинг палестинских беженцев, которые попросили короля взять Палестину под свое управление. Через две недели коптский епископ Иерусалима (копты — группа египетских арабов, исповедующих христианство) объявил Абдаллаха королем Палестины. Но таким путем Абдаллах только нажил себе новых врагов.

Прибрать Палестину к рукам намеревался и египетский король Фарук. Возненавидел Абдаллаха и великий муфтий Иерусалима. Египетский король Фарук в 1948 году назначил Хадж Амина главой несуществующего палестинского правительства. А король Абдаллах освободил Хадж Амина от должности великого муфтия и председателя Высшего исламского совета.

В декабре в Иерихоне собрались две тысячи палестинских сторонников короля Абдаллаха, которые призвали объединить Трансиорданию и Палестину.

23 апреля 1950 года парламент в Аммане провозгласил создание единого Иорданского Хашимитского Королевства. В правительство и в парламент были включены палестинцы. Абдаллах обещал, что любой палестинец, который пожелает стать его подданным, получит иорданский паспорт.

В его королевстве оказалось 450 тысяч иорданцев и 900 тысяч беженцев из Палестины. Многие из них ненавидели короля: он вовсе не собирался помогать палестинским арабам сбросить евреев в море и создать свое государство. Его интересовало только расширение границ его собственного королевства.

Фронт между Иорданией и Израилем стабилизировался на линии, которая устраивала и евреев, и короля.

В апреле 1949 года на греческом острове Родос при формальном участии американцев было подписано перемирие между Израилем и Иорданией. В военном смысле это соглашение было выгодно Израилю: король вынужден был отступить с части захваченных им палестинских территорий.

Израильтяне вновь начали секретные переговоры с королем Абдаллахом. В мае министр иностранных дел Израиля Моше Шаретт приехал к королю, который сказал, что готов подписать мир, если получит выход к Средиземному морю в районе сектора Газа. На это не мог пойти даже Шаретт, потому что Израиль в таком случае оказался бы разделенным на две части и нежизнеспособным.

Руководители еврейского государства предложили королю двигаться к мирному соглашению постепенно, шаг за шагом. Это было ошибкой. Через много лет, установив тайные контакты с египетским президентом Анваром Садатом, израильтяне поймут, что в таких ситуациях постепенность не годится, главные решения надо принимать сразу. Но в 1949 году палестинские евреи еще не понимали, что им предстоит десятилетия безысходной вооруженной конфронтации с арабскими соседями.

За три месяца — с ноября 1949-го по февраль 1950-го — израильтяне двенадцать раз приезжали к королю.

Премьер-министр Давид Бен-Гурион повторял в те дни, что Израиль не может постоянно вести войну. Надо закрыть книгу войны, хотя бы на время. Нужен мир для того, чтобы позволить евреям со всего мира перебраться в Израиль. Только массовая иммиграция делает страну процветающей.

Для продолжения секретных переговоров с иорданским королем премьер-министр Бен-Гурион выбрал

молодого офицера Моше Даяна, одного из своих любимцев.

Выбор был не случайным. Даян вырос среди арабов, свободно говорил по-арабски и, как считали многие, даже умел «думать как араб».

У юного Даяна всегда были хорошие отношения с арабскими соседями. Он знал их жизнь и уважал тяжелый труд арабов-земледельцев. Он считал, что палестинские евреи могут жить с ними в мире. Он вспоминал о том, что раньше, когда еврейские ребята заходили в арабские деревни, молодые арабы бросали в них камнями. Но старые арабы неизменно приходили к евреям на помощь. Старики заводили евреев в свои дома, угощали маслинами и лепешками.

Когда англичане арестовали Даяна как участника еврейской самообороны, в тюрьме он оказался вместе с арабскими националистами. Отношения были вполне дружескими и уважительными. Евреи и арабы страдали от общего врага — от англичан. И те и другие были движимы национальной идеей и были готовы отдать за нее жизнь. На арабские праздники арабские заключенные приглашали евреев, на еврейские праздники евреи звали арабов в свои камеры и угощали чем могли.

— Если мы могли поладить в тюрьме, — резонно говорил Даян, — почему бы не попробовать сговориться в более комфортных условиях — на воле?

Премьер-министр Бен-Гурион, отправляя Даяна на переговоры с королем Абдаллахом, сказал ему:

— Наше будущее — это мир и дружба с арабами. Я сторонник переговоров с королем Абдаллахом, хотя сомневаюсь, что англичане позволят ему заключить мир с нами.

Вместе с Моше Даяном на переговоры с иорданцами ездил Реувен Шилоах, который тогда работал в министерстве иностранных дел, а позднее станет первым руководителем политической разведки — Моссад.

Даян командовал израильскими войсками в Иерусалиме. У него быстро установились тесные контакты с иорданским полковником Абдаллахом аль-Теллем, которому подчинялись все арабские войска в районе этого города.

Оба офицера вполне ладили. И иорданский полковник по-своему часто просил Даяна напоминать редакторам еврейских газет, чтобы они не забывали писать о тупой враждебности полковника аль-Телля к Израилю. Ему это нужно было для поддержания своей репутации на родине.

Полковник аль-Телль возил Даяна на встречу со своим королем. Полковник сажал Даяна в свою машину и провозил через арабские посты, не ставя никого в известность. Израильтяне закутывались в арабские одежды.

Днем, когда они проезжали мимо контрольно-пропускного пункта, то просто ложились на дно машины, но риск был большой. Однажды проверявший машину арабский солдат, видимо, узнал Моше Даяна, чье лицо было уже многим знакомо по фотографиям. Полковник аль-Телль побледнел:

— Они же нас сначала расстреляют, а затем только начнут задавать вопросы...

Но все обошлось.

Переговорам с иорданским королем предшествовала обыкновенно трапеза. Иногда король предлагал сыграть в шахматы, иногда он читал гостям свои поэмы. В шахматы полагалось ему проигрывать, его поэзией восхищаться.

Но не следовало недооценивать Абдаллаха. Он был мудрым человеком, лидером, способным принимать решения и нести за них полную ответственность.

Король Абдаллах вполне доброжелательно разговаривал с израильтянами. Он не любил только Голду Меир. Когда ему сказали, что теперь Голда Меир уехала послом в Москву, король радостно воскликнул:

— Оставьте ее там, оставьте ее там!

К Моше Шаретту король сначала отнесся очень хорошо. Шаретт говорил на отличном арабском, обладал прекрасными манерами и знал, как вести себя в присутствии короля.

Но однажды Шаретт все испортил.

Встреча проходила ночью, было очень душно, все обливались потом, отмахивались от moskitov.

Рассуждая о политике, король, между прочим, сказал, что Китай не был членом Лиги Наций. Дотошный

Шаретт поправил его, сказав, что Китай входил в Лигу Наций.

Но короли, как известно, никогда не ошибаются, и Абдаллах продолжал стоять на своем, а Шаретт с демонстративным спокойствием воспитателя в детском саду твердил, что Китай конечно же был членом Лиги.

Разумеется, на этом встреча закончилась, как и доброе отношение короля к Шаретту. В машине на обратном пути Моше Даян спросил Шаретта, какая муха его укусила. Шаретт посмотрел на него с некоторым удивлением:

— Но ведь Китай же был членом Лиги Наций!

Впрочем, Моше Даян тоже не был большим дипломатом.

Однажды на переговорах, когда король Иордании стал пространно рассуждать о том, на какие большие жертвы он согласен пойти ради продолжения переговоров с Израилем, Даян, не сдержавшись, сказал ему, что все трое военных, входящие в израильскую делегацию, — Ядин, Харкаби и сам Даян — потеряли младших братьев в этой войне.

— Этой войны Израиль не хотел. Она бы не началась, если бы арабские страны, включая Иорданию, не напали на нас. О компромиссах и уступках надо говорить до войны — для того, чтобы ее предотвратить. А после войны надо разбираться с ее последствиями и поскорее подводить черту.

Король перевел разговор на другую тему.

К концу 1949 года иорданские дипломаты вместе с Ревенем Шилоахом подготовили документ, который назывался «Принципы окончательного территориального урегулирования».

Моше Даян не был уверен, подпишет ли этот компромиссный документ, требовавший уступок с обеих сторон, израильское правительство. Премьер-министр Бен-Гурион неодобрительно крутил носом, пока читал его. Но Израилю не пришлось принимать трудное решение.

Король Абдаллах вдруг сказал, что его друг, британский посланник, сказал ему, что Иордании не следует подписывать такой документ, пока этого не сделает ведущее

арабское государство — Египет. Король просил израильтян считать этот документ недействительным.

Абдаллах предложил взамен подписать пакт о ненападении сроком на пять лет и начать свободную торговлю между двумя странами. 24 февраля 1950 года этот пакт был парафирован. До самого кэмп-дэвидского соглашения с Египтом Израиль никогда не был так близок к миру со своим арабским соседом.

Но соглашение не вступило в силу. Иорданский полковник аль-Телль, партнер Даяна на переговорах, внезапно бежал в Египет и рассказал о секретных переговорах короля с израильтянами.

Король Абдаллах переоценил свое влияние в арабском мире и недооценил ненависть арабов к Израилю. Король оказался один против всего арабского мира, который сделал из него козла отпущения за поражение в двух войнах с Израилем.

Арабская лига приняла решение исключить из своего состава любое арабское государство, которое пойдет на сепаратные переговоры с Израилем.

Но и внутри собственной страны король не чувствовал себя уверенно. Нищие в Аммане и Восточном Иерусалиме, палестинские беженцы видели в нем предателя. Король был обречен.

Люди великого муфтия нашли в Иордании фанатиков, согласившихся уничтожить «прислужника сионистов». Убийцей оказался 21-летний Мустафа Шукри Ашу, бедный иерусалимский портной. Иорданская полиция распутала потом заговор, который привел к смерти короля, нашли и людей, толкнувших портного на преступление.

На скамью подсудимых посадили восьмерых заговорщиков, принадлежавших к террористической группе «Организация священной войны».

Заочно судили бывшего командира частей Арабского легиона в Иерусалиме полковника аль-Телля, который укрылся в Каире. Египетские власти полковника не выдали, и в 1963 году полковник примет участие в заговоре с целью свержения нового иорданского короля — Хусейна.

Процесс был закрытым, всех приговорили к смертной казни через повешение — среди них племянника велико-

го муфтия Иерусалима Мусу аль-Хуссейни, того самого, который сотрудничал со штурмбаннфюрером СС Адольфом Эйхманом.

Муса после разгрома нацистской Германии вернулся из разрушенного Берлина с немецкой женой, открыл бюро путешествий, но на самом деле продолжал борьбу против евреев и их союзников, пока не нашел свою смерть на виселице...

Убийство иорданского короля самому великому муфтию не принесло особых политических дивидендов. В арабском мире к власти приходило новое поколение, Хадж Амин новым лидерам был не нужен.

Когда Гамаль Абдель Насер взял власть в Египте, он закрыл представительство бывшего великого муфтия в Каире и позаботился о создании Организации освобождения Палестины. ООП возглавил ученик муфтия Ахмед Шукейри. Но оставшийся в одиночестве и злой на весь мир Хадж Амин заявил, что ООП не выражает интересы палестинского народа и вообще появилась на свет в результате еврейско-империалистического заговора.

Через несколько лет он изменил свою точку зрения. И не только потому, что ООП приняла Национальную хартию, требующую уничтожить Израиль. В феврале 1969 года новым председателем Организации освобождения Палестины стал еще один племянник великого муфтия — Абд аль-Рахман Абд аль-Рауф Арафат аль-Кудва аль-Хуссейни, предпочитающий называть себя короче — Ясир Арафат. В одном из ранних интервью Ясир Арафат рассказал кое-какие подробности из своей жизни: «Меня учил один бывший немецкий офицер, который после разгрома Германии в 1945 году вместе с моими родственниками перебрался в Каир».

Бывший муфтий умер в 1974 году в Бейруте. Арабские правительства прислали на похороны своих представителей. Его хоронил и племянник — Ясир Арафат, посвятивший всю свою жизнь созданию палестинского государства, которое, если бы не его дядя Хадж Амин, могло бы появиться на свет еще в 1948 году...

Современная история Ближнего Востока в определенном смысле это реестр несбывшихся надежд и нереали-

зованных возможностей. Эта история была бы менее кровавой, если бы 20 июля 1951 года не убили иорданского короля Абдаллаха. Его смерть была грозным предупреждением каждому арабскому политику, который задумывался о мире с Израилем.

После смерти Абдаллаха трон должен был наследовать его сын — принц эмир Талал, но он властвовал только девять месяцев. Его отстранили от власти по причине психического нездоровья. Королем стал несовершеннолетний внук Абдаллаха принц Хусейн.

Король Хусейн, как и его дед, король Абдаллах, был наделен обаянием и немалым мужеством. Он мог спокойно появиться посреди беснующейся толпы или посетить воинскую часть, не взяв с собой охраны и не боясь за свою жизнь.

Король Хусейн не меньше своего деда был расположен к Израилю, но понимал, как трудно убедить в необходимости мира собственных подданных, большую часть которых составляют палестинские арабы.

В отличие от Абдаллаха он был просвещенным монархом. Он прекрасно понимал пределы своей власти. Он знал, что не может делать то, что не понравится его собственным подданным и арабскому миру в целом.

В самой плодородной и богатой части Иорданского Хашимитского Королевства живут палестинцы, которые считают, что его дед — эмир Абдаллах, основатель Хашимитского Королевства, предал палестинское дело и пошел на союз с Израилем. Многие населяющие Иорданию палестинцы вообще считают королевство искусственным образованием.

Короля Хусейна всегда тревожила перспектива создания независимого палестинского государства. Он понимал, что рано или поздно палестинцы захотят получить и часть территории Иордании, что никак не устраивало короля. Поэтому он старался не ссориться с палестинскими боевыми организациями и позволял им использовать территорию Иордании для вылазок против Израиля.

Он удержался от участия в войнах 1956-го, 1973-го и 1982 годов, но вступил в шестидневную войну 1967 года

и потерял то, что приобрел его дед Абдаллах, — Западную Иорданию.

Король Хусейн несколько раз тайно встречался с израильскими политиками. Но предложить Израилю мир он решился только в 1994 году. Он до конца своих дней не мог забыть, как 20 июля 1951 года на его глазах у большой Иерусалимской мечети был убит его дед — король Абдаллах — только за то, что он хотел заключить мир с Израилем.

Глава 29

ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ПРОТИВ МИНИСТРА ОБОРОНЫ

Когда надежды израильского руководства на мир с Иорданией умерли, тогда стали думать об Египте.

В 1949—1950 годах в Лозанне Организация Объединенных Наций собрала представителей Израиля, Египта, Сирии, Иордании и Ливана. Но за один стол с делегацией Израиля арабские делегаты не захотели сесть даже под нажимом ООН. Правда, в уединенном деревенском кафе израильские дипломаты тайно встречались с каждой из делегаций, кроме сирийской, настроенной исключительно непримиримо. Разговоры были весьма дружественные, но практических последствий не имели.

Такие секретные встречи с арабскими дипломатами происходили довольно часто. Занимался этим Гидеон Рафаэль, возглавлявший в израильском министерстве иностранных дел ближневосточный отдел. Однажды Рафаэль летел одним рейсом в Нью-Йорк с египетским представителем в ООН.

Египтянин дал понять, что не прочь поговорить. Он показал глазами в сторону туалета. Рафаэль двинулся вслед за египтянином, но тут к ним подскочила бдительная стюардесса, которая решила, что перед ней два гомосексуалиста:

— Нет, нет, джентльмены! Только не в нашем самолете!

Беседа, которая могла бы иметь большое значение для Египта и Израиля, так и не состоялась.

С того момента, когда в Египте произошел военный переворот, израильтяне надеялись, что молодой полковник Гамаль Абдель Насер, новый лидер страны, не отягощенный старыми предрассудками, станет тем человеком, с которым можно будет договориться о мире. И у этой идеи, казалось, появился шанс. Но если он и был, его уничтожила израильская разведка...

В декабре 1953 года Моше Даян был назначен на должность начальника генерального штаба армии обороны Израиля. После окончания церемонии секретарь кабинета министров подошел к Даяну и вкрадчиво сказал, что теперь генералу придется отказаться от своих партизанских привычек. Начальнику генерального штаба пора обрести респектабельность.

— Все хотят видеть нового Моше Даяна, — многозначительно добавил секретарь кабинета министров.

Даян ответил насмешливым взглядом.

— Я меняться не собираюсь. Должен измениться образ начальника генштаба. Армии нужен новый начальник генштаба, и она его получит.

Даян начал перемены с собственной канцелярии. Он упразднил должность адъютанта и занял его кабинет, куда приказал перенести свой старый письменный стол. А большой кабинет, в котором прежде сидел начальник генштаба, превратил в зал заседаний. Он хотел, чтобы его офицеры видели, что они пришли не в хоромы высокопоставленного бюрократа, а просто к старшему по должности офицеру.

Начальник генерального штаба, забыв о своем высоком положении, внезапно появлялся в различных воинских частях с проверкой. Приезжая в войска, Даян сидел в окопах вместе с солдатами, не боясь вымазаться в грязи. Он считал, что должен общаться со своими солдатами и младшими командирами без посредников. Он не только внимательно выслушивал жалобы и предложения солдат, но и говорил о своих планах. Он считал, что солдатам и младшим офицерам важно кое-что услышать непосредственно из уст начальника генерального штаба.

Генерал Даян считал, что его главная задача повышать боеспособность армии, с тем чтобы она в любую минуту была готова к ведению боевых действий.

С финансовой точки зрения это был трудный момент для армии. Главной заботой страны стали прием и устройство иммигрантов. Бюджет всех ведомств, включая министерство обороны, был резко сокращен.

Три фактора Даян считал важными: готовность солдата рисковать жизнью при выполнении боевого задания, понимание офицером своего места в бою и подход генерального штаба к потерям во время боевых действий.

В начале 1953 года в ответ на террористические акции со стороны Египта и Иордании были предприняты ответные меры — против баз террористов. Но они были не очень удачными: израильские подразделения несли потери и возвращались, не выполнив задачу.

Вот тогда Даян и объяснил офицерам, что те обязаны исполнить приказ во что бы то ни стало. При проведении операции израильская часть может отступить только в том случае, если потеряет половину личного состава.

В конце мая Даян выступал перед выпускниками военного училища, которым только что вручил офицерские знаки отличия. За несколько дней до этого Даян уволил с военной службы офицера, отправившего солдата на опасное задание: армейский грузовик застрял у самой границы, и египтяне стреляли в каждого, кто пытался к нему приблизиться.

Даян сказал молодым офицерам:

— Я бы не стал увольнять офицера, если бы он пришел к выводу, что вытащить грузовик невозможно, потому что это слишком опасно. Но раз уж он решил спасти грузовик, он должен был делать это вместе со своими солдатами и рисковать прежде всего своей жизнью. Офицеры израильской армии не посылают солдат в бой. Они ведут их в бой...

Назначение Даяна на должность начальника генерального штаба было последним решением первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона. В декабре 1953 года Бен-Гурион, который создал Израиль и пять лет был премьер-министром и министром обороны, ушел как бы

в длительный отпуск и переехал в новый киббуц Сдэ-Бокер в пустыне Негев. В первый же рабочий день недавнему премьер-министру поручают вывозить навоз. В киббуце все работают на равных, и Бен-Гурион не просит себе чистой работы. Но поскольку ему много лет, то в основном на его долю приходится пастушеская работа: он стережет стадо овец.

Обаяние, настойчивость и целеустремленность позволили Бен-Гуриону два десятилетия руководить своим народом. Никто в стране не обладал таким авторитетом в политических и военных вопросах. К нему относились как к мессии, его суждения не оспаривались.

Бен-Гуриона отличало изумительное политическое чутье. Он раньше других понимал, что надо делать.

В 30-х годах, когда он работал генеральным секретарем Гистадрута, еврейских профсоюзов, Бен-Гурион почувствовал, что сейчас самое главное — заложить основу для еврейской эмиграции в Палестину: покупать землю, любую землю, самую плохую и неплодородную, покупать клочок за клочком и создавать на них еврейские сельскохозяйственные поселения, киббуцы.

Евреи покупали заброшенные, никому не нужные земли, тяжким трудом приводили их в порядок. Земля стала давать урожай. Правда, это не понравилось бедуинам. Они привыкли свободно кочевать по земле и располагаться там, где им нравилось, не затрудняя себя выяснением вопроса, есть ли у этой земли хозяин.

В 1942-м, уловив, что начинается закат Британской империи, Бен-Гурион первым сказал, что создание еврейского государства теперь становится практической целью. В начале 1947-го, понимая, что вслед за провозглашением Государства Израиль последует нападение арабских армий, он сосредоточился на создании собственной армии.

В определенном смысле армия обороны Израиля была детищем Бен-Гуриона. После провозглашения еврейского государства Бен-Гурион стал не только премьер-министром, но и министром обороны. Сугубо штатский человек, он пользовался непререкаемым авторитетом среди военных.

Считая молодежь главной гарантией динамичной и активной политики, Бен-Гурион выдвигал на высшие посты совсем молодых людей. Игал Ядин стал начальником генштаба в двадцать девять лет, Моше Даян — в тридцать восемь. Шимону Пересу было двадцать девять лет, когда он фактически стал главным человеком в министерстве обороны, поскольку Бен-Гурион не мог заниматься текущими делами данного ведомства.

Это не нравилось старшему поколению политиков, которое полагало, что молодежь не готова к такой ответственности. Но пока Бен-Гурион находился на своем посту, считалось, что молодость и неопытность его выдвиженцев компенсируется его опытом и мудростью.

Уход Бен-Гуриона привел к тяжким последствиям.

Ему подчинялись и по должности, и по велению сердца. Когда он ушел в отставку, в правительстве начался разлад. Уехав в киббуц, он забрал с собой реальную власть над страной. Его преемник на посту премьер-министра Моше Шаретт считался формальным главой правительства.

Некоторые министры, такие, как Леви Эшкол и Голда Меир, сохраняли лояльность новому премьер-министру. Другие больше прислушивались к тому, что происходило в доме Бен-Гуриона, и подчинялись Шаретту весьма неохотно.

Отношения с армейской верхушкой у нового премьера и вовсе не сложились. Дипломаты во главе с Шареттом считали, что военная сила служит политике, а не наоборот. Но военные считали себя более важными людьми, чем дипломаты. Военные исходили из того, что только вооруженные силы способны гарантировать безопасность страны и заставить арабов пойти на переговоры. А дипломаты — это просто подручные, они принимают за дело, когда основная работа уже выполнена.

Моше Шаретт был очень умен, знал языки. Он был прирожденным дипломатом и стал умелым государственным деятелем. Но его либеральные взгляды и отсутствие военного опыта помешали ему взять под контроль армию. Молодые, агрессивно настроенные офицеры не хотели ему подчиняться.

Тем более, что все в Израиле знали: Бен-Гурион был против избрания Шаретта премьер-министром. Он считал Шаретта лучшим в стране дипломатом, но сомневался, что тот справится с управлением государством.

Шаретт долгие годы был вторым человеком в правящей Рабочей партии, но у них были с Бен-Гурионом серьезные разногласия. Не в целях, а в средствах.

Они оба готовы были отдать жизнь за безопасность созданного ими государства. Но Шаретт исходил из того, что Израиль слишком слаб и мал, чтобы постоянно находиться в состоянии войны с окружающим его арабским миром. Без помощи внешнего мира, считал Шаретт, Израиль не сумеет выжить.

Какие из этого следуют выводы?

Во-первых, Израиль должен избегать столкновений и трений с великими державами. Во-вторых, надо всеми силами добиваться мира с арабскими странами, в первую очередь с Египтом. В-третьих, следует не только воздерживаться от военных акций, которые могут этому помешать, но и демонстрировать миролюбие Израиля:

Бен-Гурион считал, что одной дипломатией мира не добьешься. Израиль должен уметь показывать зубы — то есть свою способность сделать больно, если на него кто-то нападет. Всякая враждебная акция арабов должна встречать отпор. Нельзя ничего спускать, и на удар следует отвечать ударом.

Бен-Гурион не верил в то, что арабов можно убедить пойти на мир. Полагаться можно только на собственную силу. Во время первой войны — после создания Израиля — Сирия, Египет и другие арабские страны увидели, что они не могут победить Израиль, и сразу захотели перемирия. Арабы не готовы сражаться до последнего солдата.

Арабские страны должны понять, что их враждебность им дорого стоит, говорил Бен-Гурион. Рано или поздно, убедившись в невозможности одолеть Израиль на поле брани, арабские страны сядут за стол переговоров...

Вероятно, ошибка Моше Шаретта состояла в том, что, став премьером, он сохранил за собой пост мини-

стра иностранных дел. Это мешало его подчиненным видеть в нем полновластного главу правительства.

Особенно плохие отношения у него сложились с министром обороны Пинхасом Лавоном. Как станет потом ясно, назначение Лавона на пост министра было крайне неудачным. Умный и образованный, прекрасный оратор, он был на голову выше любого израильского политика, но, став министром, лишился обычной рассудительности и вообще словно потерял голову.

Ему не хватало опыта работы в правительстве, опыта в военных делах. Ранее он придерживался достаточно голубиных взглядов. Но как только он занял пост министра, его взгляды претерпели радикальную перемену. Он стал ястребом, готовым на любую авантюру.

Заносчивый Лавон демонстративно обращался к Шаретту не как к главе правительства, а как к равному себе министру. Считал, что Шаретту не следует докладывать о военных делах, с ним не надо советоваться и уж тем более незачем получать у него санкцию на проведение боевых, диверсионных и разведывательных операций.

Премьер-министр Шаретт пытался объяснить министру обороны, что министерство проводит в жизнь политику правительства, но не определяет политику самостоятельно. Пинхас Лавон равнодушно выслушивал поучения Шаретта и оставался при своем мнении.

Министр обороны Лавон сознательно обманывал премьера и делал то, что считал нужным. Соответственно руководители министерства и высокопоставленные офицеры тоже не спешили принять во внимание позицию премьера.

Армия проводила боевые операции, не ставя в известность премьер-министра. Ему докладывали о них уже задним числом и часто говорили неправду. Не только арабы, но и премьер-министр Израиля узнавал о военных акциях израильской армии уже после того, как они произошли.

Один лишь начальник политической разведки Моссад Иссер Харел сообщал Шаретту о планах военных, если узнавал о них сам. Моссад из ревности не хотела усиления военной разведки.

Мягкий Шаретт не решался уволить министра, которого выбрал сам Бен-Гурион. Он пытался учить своего министра обороны приличным манерам, мягко выговаривая Лавону в личных письмах:

«Система информирования премьер-министра о проблемах безопасности не работает. Какие-то вещи происходят, а я об этом не знаю. Я слышу сообщения радиостанции «Голос Израиля», читаю газетные статьи, но мне ничего не известно о происходящем. А я должен знать все факты».

Ястребиная позиция министра Лавона, его пристрастие к военным акциям стали смущать даже его ближайших подчиненных — начальника генерального штаба Моше Даяна и генерального секретаря министерства обороны Шимона Переса.

Оба были очень амбициозными молодыми людьми, оба имели собственные политические цели, оба считали своим единственным лидером Бен-Гуриона. К министру Лавону они относились без особого почтения.

Моше Даяну не нравилось, что министр замкнул на себя начальника военной разведки, который всегда подчинялся начальнику генерального штаба. Причем министр старался вникать в оперативную работу. Он очень заинтересовался боевыми возможностями особого подразделения номер 131.

Министр заявил, что он сам станет руководить его работой. Это противоречило традиции: за все боевые действия отвечал начальник генерального штаба.

После египетской революции 1952 года, когда молодые офицеры во главе с Гамалем Абделем Насером свергли короля, Израиль пытался тайно установить диалог с Каиром, надеясь, что новые лидеры способны покончить с враждой и заключить мир с еврейским государством.

С помощью парижских посредников были установлены каналы связи, хотя на прямые переговоры египтяне не шли.

Насер уполномочил поддерживать контакты египетского военного атташе в Париже полковника Окаша и Абдула Рахмана Садека. С израильской стороны эти контакты поддерживали поверенный в делах Шмуэль

Дивон и пресс-секретарь посольства во Франции Дан Авни Сегре.

Президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр послал тогда своего представителя на Ближний Восток с миссией мира. Он курсировал между Каиром и Иерусалимом. Однажды премьер-министр Израиля Бен-Гурион попросил американца посоветовать Насеру встретиться с ним, Бен-Гурионом: зачем разговаривать через посредников? Эмиссар передал его предложение Насеру. Тот ответил откровенно:

— Если бы мы встретились, мы, пожалуй, действительно смогли бы за несколько часов достичь соглашения. Но это, вероятно, были бы последние часы моей жизни.

После смены власти в Египте враждебность к Израилю не уменьшилась.

Резолюция Совета Безопасности ООН от ноября 1951-го с призывом к Египту не мешать израильским судам проходить через Суэцкий канал осталась невыполненной. А в конце 1953 года Египет перестал пропускать и суда третьих стран, если они везли груз в Израиль или из Израиля. Израиль чувствовал себя изолированным, одиноким, оставшимся без друзей.

Шаретт считал, что нужно предпринимать дипломатические усилия, что-то делать в ООН, просить другие страны помочь Израилю. Но Организация Объединенных Наций мало чем могла помочь Израилю. Если резолюция Совета Безопасности ООН была в пользу Израиля, советский представитель накладывал вето.

Министр обороны Лавон считал, что раз дипломатические меры не помогают, то надо готовиться к применению силы.

Шаретт же все-таки полагал, что с египтянами можно о чем-то договориться. Идеально было бы заключить некий пакт о ненападении. Естественно, обязательным условием такого рода контактов было хотя бы некоторое доверие между израильскими и египетскими лидерами.

Шаретт считал, что заключение мира с арабскими странами — это цель, которая не может быть достигнута быстро. Арабскому миру еще надо дать время оправиться от шока, вызванного внезапным созданием ев-

рейского государства. Шаретт считал, что Израиль должен быть терпеливым и ждать, пока не созреют условия для мира.

Моше Шаретт вскоре убедился в том, что военное министерство не намерено проводить в жизнь его политику.

Нельзя сказать, что он был настроен против военных. Он гордился армией обороны Израиля, которая сумела защитить страну. Он считал, что армия — гарант существования Израиля. Он не был пацифистом. Но ему не нравился авантюризм, который распространился среди некоторых молодых военных.

Рассматривая рискованные предложения военных, он видел больше «против», чем «за». Одни идеи были наивны и бессмысленны, другие просто казались бредом сумасшедших.

После жесткой полемики на заседаниях кабинета министров Шаретту стало казаться, что в министре обороны Лавоне появилась некая сумасшедшинка. Лавон отказался от своих прежних миролюбивых идей и концепций и совершенно принял точку зрения молодых офицеров, которым не терпелось продемонстрировать силу армии.

В начале 1954-го Шаретт пришел к выводу, что он должен уволить Лавона, но не решился сделать это. Он не хотел создавать для правительства лишние проблемы, потому что не мог открыто объяснить суть разногласий со своим министром: проблемы национальной безопасности нельзя обсуждать на публике. А как убрать министра без объяснения причин?

Начальник генерального штаба Моше Даян был еще одной проблемой для премьер-министра. Шаретт хорошо знал Даяна, который в качестве военного командира Иерусалима участвовал в переговорах с Иорданией в 1948-м. Даян в качестве неофициального представителя Бен-Гуриона иногда приезжал на совещания в министерство иностранных дел.

Шаретт восхищался острым умом генерала, но боялся его упрямства и упорства. Шаретт был против назначения Даяна на высшую в армии должность. Он бесе-

довал на сей счет с Бен-Гурионом, говорил ему, что Даян слишком увлечен политикой, это приведет к политизации генерального штаба. На заседании кабинета министров Шаретт взял слово:

— Даян по складу характера — партизан и склонен к авантюризму. Он не годится на эту должность.

Но Бен-Гурион все равно назначил Даяна, считая его самым талантливым офицером в армии обороны Израиля.

Уходящий в отставку начальник генерального штаба Мордехай Маклеф тоже был против назначения Даяна. Бен-Гурион пренебрег и его мнением, хотя уважал Маклефа и сделал его начальником генштаба в тридцать два года.

Маклефу было девять с половиной лет, когда арабы в 1929 году устроили резню в его доме под Иерусалимом. Он видел, как убили его отца, мать, двух сестер и брата. Он единственный из всей семьи остался жив. Он спрыгнул с высокой террасы во дворе и, увернувшись от пуль, убежал.

Год он проучился в университете в Хайфе. В 1936 году британский капитан Чарльз Уингейт принял его в свой отряд, который сражался с арабскими погромщиками.

В 1944-м Маклеф вступил в английскую армию, воевал в Еврейской бригаде, дослужился до звания майора. После окончания войны хотел демобилизоваться и заняться сельским хозяйством, но его призвали в Хагану, еврейскую самооборону. В конце 1949-го он уже стал заместителем начальника генерального штаба, а через три года начальником генштаба.

Маклеф умел командовать, он брался за выполнение рискованных заданий, от которых отказывались люди более осторожные, но пренебрежительно относился к политикам и журналистам. Они создали ему неважную репутацию. Это в конце концов дурно отразилось на его карьере. После ухода из армии отставному генералу доверили руководить заводом по производству поташа...

Моше Даян тоже не считался с премьер-министром Шареттом. Генерала Даяна поддерживала армия, он был популярен в стране. Шаретт и подумать не мог о том,

чтобы досрочно сменить Даяна: начальник генерального штаба назначался на трехлетний срок.

Беда самого премьер-министра Шаретта состояла в его нерешительности. Он знал о том, что должно быть сделано, но даже не пытался осуществить свои планы, заранее придя к выводу, что это невозможно. Если бы он действовал решительно, катастрофы удалось бы избежать...

Личность министра Пинхаса Лавона остается загадкой и по сей день. Даже Шаретт, который его так хорошо знал, не мог понять, почему министр так сильно изменился.

Возможно, это произошло потому, что военному министру необходима поддержка высших офицеров, но для этого надо принимать их образ мыслей, соглашаться с их мнением, иначе ничего не получится.

Лавону было сорок девять лет, когда он стал министром. Он считался молодым министром, этот пост мог стать трамплином к посту премьер-министра. Для этого ему нужна была поддержка генералов.

Он считал, что единственная цель арабского мира — уничтожить Израиль. Арабы заключили в 1949 году перемирие только для того, чтобы усыпить Израиль. Лавон исходил из того, что с каждым годом арабские армии становятся все сильнее. А когда возникает реальная угроза, надо бить первым. Тем более, что помощи Израилю ждать не от кого: Соединенные Штаты относятся к Израилю враждебно.

Кроме того, — и это было совсем плохо, — Лавону нравились специальные операции, в которых он ничего не понимал. Как непрофессионал, он восхищался возможностями секретных служб и подразделений особого назначения. Наивно считал, что это надежный инструмент политики, с помощью которого можно решать самые сложные проблемы. Он подчинил себе части спецназа и считал, что надо почаще пускать их в ход.

Лавон тоже был против назначения Даяна начальником генерального штаба, потому что не хотел иметь самовольного упряма в своем подчинении. Отношения у них не складывались.

Даяну не нравилось то, что министр Лавон пытается управлять армией, минуя генеральный штаб. Даян даже написал министру рапорт об отставке. Лавон не решился его принять, и Даян отстаивал свое право руководить армией так, как он считает нужным. Но военная разведка осталась в прямом подчинении министра.

Глава 30

ПРЕСТУПНИКИ НЕ ГОДЯТСЯ В РАЗВЕДЧИКИ

Моше Даян был противником растрачивания средств на подрывные операции в мирное время. Он считал, что военная разведка должна помогать армии готовиться к будущей войне: других задач у нее нет. Но его предшественники — Игал Ядин и Мордехай Маклеф — думали иначе.

Они сформировали специальное подразделение номер 101 и направили туда лучших солдат. Это подразделение состояло из добровольцев и выполняло задания в районе границы. Командовал подразделением молодой офицер-десантник Ариэль Шарон, которым в армии восхищались. Будущий начальник генерального штаба генерал Рафаэль Эйтан считал, что Шарон рационален и холоден до такой степени, что кровь леденеет в жилах.

Десантник Шарон нравился и Даяну.

Когда Даян стал командиром северного военного округа, он обнаружил у себя в штабе двух отличных офицеров: начальника штаба полковника Хаима Бар-Лева и майора Ариэля Шарона, которого все называли Ариком. Один из них впоследствии станет начальником генерального штаба и послом в России, другой — министром обороны.

Даян часто говорил, что не знает лучшего полевого командира, чем Арик Шарон.

Как только Даян принял командование, он получил приказ генерального штаба взять в плен нескольких иорданских солдат, потому что в плену у Иордании было несколько израильских солдат и иорданцы отказывались их отпустить. Даян поручил это задание Шарону. Не успело

солнце сесть, как тот уже привел нескольких пленных из Арабского легиона.

Премьер-министр Бен-Гурион тоже высоко ценил Шарона.

Когда, уже став начальником генерального штаба, Даян часто жаловался премьер-министру на своенравного Шарона, Бен-Гурион всегда становился на защиту своего любимца:

— Да, это он, конечно, нехорошо поступил, но, с другой стороны...

Бен-Гурион питал особую симпатию к трем генералам: Хаиму Ласкову, Ассафу Симхони и Арику. Они ему не просто нравились, он ими восхищался. Все трое были прекрасными солдатами и соответствовали его образу идеального еврея. Такими же Бен-Гурион хотел видеть всех граждан Израиля — цельными людьми, смелыми воинами, уверенными в себе.

Он презирал то, что две тысячи лет изгнания и преследований сделали с евреями. Он хотел, чтобы израильские евреи вернулись к временам Первого храма (это X—VI века до нашей эры), когда народ жил на своей земле, обрабатывал ее, защищал ее, говорил на своем языке и имел собственную культуру. Бен-Гурион часто повторял: «Евреи приезжают в Израиль из стран, где их кровь осталась неотмщенной, где разрешалось жестоко обращаться с ними, мучить их и бить. Они всегда были беспомощными жертвами. Мы должны показать им, что у еврейского народа есть государство и армия, которые не допустят, чтобы с ними и впредь обращались так же грубо».

Карательные операции «подразделения номер 131» планировал один из руководителей оперативного управления генштаба Рехвам Зеэви. Он родился в Иерусалиме. Его отец был секретарем рабочего совета города. Будущему генералу прочили карьеру раввина, знатока Торы. Он закончил сельскохозяйственную школу, а затем вступил в Пальмах. В 1948-м его взяли в разведку.

В армии его все называли Ганди, потому что, работая в киббуце, он носил странное одеяние, напоминающее традиционные одежды индийцев.

Когда он закончил курсы батальонных командиров, начальник курсов Ицхак Рабин (будущий премьер-министр) записал в его характеристике: «Закоренелый индивидуалист. Обладает острым и быстрым умом. Может занимать любую должность». По складу характера Зеэви напоминал Ариэля Шарона, был таким же жестким и решительным, столь же легко пускал в ход оружие и не прятался за чужую спину.

В 1968-м Зеэви стал командующим центральным военным округом, который включал большую часть оккупированных территорий. Его главная задача состояла в том, чтобы подавить проникновение террористов с территории Иордании. Зеэви начал с того, что приказал взрывать их дома — в результате семья террориста оказывалась на улице.

Весной 1969 года вблизи пещеры Махнела, куда приходит много туристов, один палестинский террорист открыл огонь по толпе. Оказавшийся рядом генерал Зеэви первым выхватил пистолет и застрелил его. После ухода в отставку он выставил свою кандидатуру в кнессет, победил на выборах, получил депутатский мандат. В кнессете он стал лидером радикалов, отвергающих возможность создания палестинского государства.

Когда обсуждалась идея создания специального подразделения номер 131, Моше Даян первоначально ее не поддержал. Он считал, что главное для армии — не отвечать на террористические акции, а быть готовой к большой войне. Но потом он изменил свое мнение, убедившись в том, что создание спецподразделения заставило всю армию повысить уровень боевой подготовки.

Теперь уже генерал Даян ставил в пример всей армии действия подразделения специального назначения номер 101, которым командовал майор Ариэль Шарон и которое проводило акции возмездия в приграничной зоне.

Даян считал, что ответные удары по стране, с территории которой осуществляются террористические акции, должны повлиять на соответствующее правительство. И пока вылазки боевиков не прекратятся, израильская армия будет наносить все новые удары, демонстрируя сла-

бость арабских армий. Зная психологию арабов, он понимал, что потеря лица для них ужаснее всего.

Спецназ, действуя очень эффективно, делал больше, чем ему поручалось. Шарону и Даяну это очень нравилось. Но премьер-министр Моше Шаретт был в ужасе — из-за политических последствий.

А тем временем англичане собрались уходить из Египта. Их войска еще находились в зоне Суэцкого канала, но в Лондоне пришли к выводу, что это слишком дорогое удовольствие. Египтяне требовали от англичан вывести войска немедленно. Но англичане не хотели торопиться.

Египтяне стали прощупывать израильтян, пытаются понять, как они себя поведут в нынешней ситуации. Египетский военный атташе в Вашингтоне установил контакты со своим израильским коллегой полковником Хаимом Герцогом, уроженцем Ирландии и будущим президентом Израиля.

Некоторые израильские политики считали необходимым поддержать Египет и тем самым улучшить отношения с крупнейшим арабским государством. В начале весны 1953 года израильтяне намекнули египтянам, что те могут спокойно отвести войска от границы с Израилем, если у них возникнет конфликт с англичанами и войска понадобятся на другом фронте.

Но в целом уход английских войск воспринимался как ослабление позиций Израиля. Исчезал буфер, который разделял египетскую и израильскую армии.

Некоторые израильтяне считали, что для страховки нужно разместить на своей территории иностранные войска. Это предостережет арабов от удара по Израилю. Как ни странно, эта идея нравилась и главе Египта Насеру. Присутствие иностранных войск в Израиле было бы для него оправданием, почему он не нападает на еврейское государство.

Когда Бен-Гурион уходил в отставку, он сказал коллегам по правительству несколько напутственных слов:

— Тысяча девятьсот пятьдесят шестой год станет самым опасным годом для Израиля, потому что к этому времени арабские армии будут готовы к новой войне.

Премьер-министр Шаретт, слушая Бен-Гуриона, придерживался той точки зрения, что ответ на вопрос о том, как отвести от его страны эту опасность, нужно все-таки искать в сфере невоенной, в налаживании контактов с Египтом.

Шаретт полагал, что позиция Египта — ключ к миру на Ближнем Востоке. Вот только один вопрос не давал ему покоя: как поведут себя египетские политики, когда английские войска уйдут? Обретут ли они спокойную уверенность в себе и захотят подписать мир с Израилем или, напротив, исполнятся уверенности в том, что уничтожение еврейского государства — лучшее решение всех проблем?

В июле 1954 года Шаретт провел совещание по поводу грядущего вывода британских войск из Египта. Дипломаты доложили, что это, несомненно, изменит военный баланс в пользу арабских стран. Но дипломаты не верили, что уход британцев создаст немедленную военную угрозу для Израиля и что нужно предпринять нечто большее, чем обычные дипломатические маневры.

Иначе думали в армии.

Вывод британских войск из зоны Суэцкого канала воспринимался военными как тяжкий удар по Израилю. Теперь израильские и египетские войска ничто не разделяло. Военные не сомневались, что Египет получит военную помощь от Соединенных Штатов и будет готовиться к войне против Израиля.

Начальник военной разведки полковник Биньямин Гибли и его новый заместитель подполковник Ювал Нееман подсчитали, что после ухода англичан авиация Египта получит в свое распоряжение еще одиннадцать военных аэродромов. Эти аэродромы находятся совсем рядом с израильской границей. Следовательно, вражеские самолеты смогут быстрее долетать до Израиля.

Если египтянам перейдет и британская радиолокационная станция в зоне Суэцкого канала, они смогут контролировать практически все воздушное пространство Израиля. Это означает, что Израиль должен менять все свои военные планы, потому что в воздухе его дела будут плохи.

Военные разведчики, конечно, не верили, что смогут заставить англичан остаться. Но они полагали, что сумеют оттянуть процесс их ухода. Если же англичане уйдут, Израилю следует немедленно начать превентивную войну против Египта.

Министр Лавон избавил военную разведку от контроля со стороны начальника генштаба. Начальнику военной разведки Гибли это очень нравилось. Он полагал, что его активная оперативная деятельность как раз и соответствует агрессивной линии министра. Разведчики перестали делать то, чем они обязаны заниматься: снабжать правительство и генеральный штаб информацией. Они занялись тем, что им делать не следовало, — подготовкой войны.

В военной разведке знали, что премьер-министр Шаретт ими недоволен: в кризисные минуты он не может получить от военных точной информации. Начальника военной разведки полковника Гибли премьер-министр считал человеком односторонним и не знающим Ближнего Востока. Но полковник, как и другие военные, позволял себе не считаться с мнением главы правительства.

Только в такой атмосфере начальник военной разведки мог начать операцию, о которой он не поставил в известность ни начальника генерального штаба, ни министра обороны, ни премьер-министра. Причем полковник Гибли считал, что он поступает правильно.

В нормальной ситуации премьер-министр Шаретт не позволил бы разведке идти против линии правительства. Но он просто не знал, что происходит.

Разведывательная операция израильтян имела целью показать Англии, что египтяне не контролируют положение в стране, поэтому западным державам нельзя покидать такую стратегически важную зону, как Суэцкий канал, и полагаться на ненадежный режим Насера.

Замысел принадлежал отделу специальных операций военной разведки. Отдел вырос на базе организации, созданной в 1942-м в качестве боевого разведывательного подразделения подпольной организации еврейской самообороны Пальмах. Подразделение состояло из несколь-

ких десятков оперативников, выходцев из разных арабских государств.

Во время первой арабо-израильской войны группа из шести человек была заброшена в Бейрут с радиопередатчиком и запасом взрывчатки. Они взорвали бывшую яхту Гитлера, которую арабы купили у немцев и переоборудовали в боевой корабль. Еще одна группа была заброшена в Дамаск. Она успешно собирала информацию о военных объектах Сирии, в первую очередь о военных аэродромах.

Два агента отдела специальных операций были арестованы египтянами в Газе и казнены в середине 1948-го, еще одного казнили в Иордании через год.

Небольшое подразделение специальных операций было создано и в составе военно-морских сил Израиля.

Была попытка создать группу специальных операций и в военно-воздушных силах. У Израиля в сравнении с арабскими странами было мало самолетов, истребители-бомбардировщики дальнего действия появились только в середине 50-х годов.

Нехватку авиации решили компенсировать диверсионными операциями: было предложено сформировать группу, которая будет во время боевых действий взрывать вражеские самолеты на земле и выводить из строя взлетно-посадочные полосы. Но эта идея была отвергнута руководством ВВС, которое считало, что летчики должны побеждать врага в воздухе, а не на земле.

Группы специальных операций формировались из молодых офицеров, которые прошли жестокую школу у англичан, убедившихся во время Второй мировой войны в полезности частей специального назначения. Те, кто учился у англичан и воевал вместе с ними против немцев, извлекли для себя один урок из совместного боевого опыта: слабый может победить сильного только в том случае, если придумает лучший план.

Отдел специальных операций состоял из двух секций. Из одной создали подразделение номер 131, из второй — подразделение номер 132. Подразделение номер 132 должно было заниматься психологической войной в мирное время: распространять листовки, подрывные слухи, вести радиопередачи на арабском языке.

Подразделение номер 131, фактически, основал еще во время первой арабо-израильской войны начальник политического управления министерства иностранных дел Борис Гуриэль для проведения подрывных акций в тылу противника. После войны подразделение, несмотря на протесты политического управления, передали в военную разведку.

А что с ним делать в мирное время? Одни полагали, что подразделение должно просто поставлять разведывательную информацию. Другие считали, что в мирное время подразделение закладывает базы для проведения диверсионной работы на случай войны.

Командовал подразделением подполковник Мордехай Бен-Цур. Он свою задачу видел так: заслать как можно больше агентов в арабские страны на длительное оседание. Они должны держаться в тени и быть готовы действовать. Когда они получают приказ, то немедленно приступят к диверсиям.

Но у Бен-Цура не было ни агентурной сети, ни готовых к переброске людей. Разведчики, которые действовали в арабских странах во время войны 1948 года, уже вернулись домой. Посылать их во второй раз было опасно. В разведке происходила смена поколений.

Откуда взять новых?

На командира подразделения номер 131 произвели впечатление рассуждения армейского психолога доктора Давида Руди, обладателя весьма оригинальных взглядов. Его пригласили участвовать в определении кадровой политики подразделения, и он благословил прием на службу криминальных элементов.

Он уверял офицеров разведки, что можно и нужно привлекать для активной диверсионной работы людей с преступным прошлым, если они хотят реабилитироваться, выполняя долг перед обществом. Доктор Руди, увлеченный своей теорией, исходил из того, что чем круче преступник, тем более опасную миссию ему можно поручить. Подполковник Бен-Цур, подумав, согласился со своим психологом.

При этом руководители военной разведки игнорировали тот факт, что присущие людям из криминального

мира авантюризм, жадность, ненадежность, привычка врать, неуважение к человеческой жизни и неуважение к закону — все это неподходящие для разведчика качества.

Директор Моссад Иссер Харел на совещании у премьер-министра признал, что военная разведка имеет больше агентов в арабских странах, чем Моссад. Но политическая разведка тщательно подбирала своих людей: в основном это были хорошо подготовленные арабы, которые не привлекали к себе внимание контрразведки. А военная разведка посылала на оперативную работу израильтян, часто плохо подготовленных и непригодных для такого рода службы.

Один из помощников Бен-Цура признал, что им просто приходится брать людей с подмоченной репутацией. Это вынужденное решение, доказывал он:

— Может, Харел и прав. Да, мы посылаем туда людей с определенными проблемами. А кто еще захочет служить в арабских странах? Нормальные люди туда не поедут.

После войны 1948 года Бен-Цур работал в 5-м отделе военной разведки, где допрашивал прибывающих в Израиль иммигрантов и, наконец, получил назначение в подразделение номер 131. Ему не только предстояло создать боеспособную команду, но и самому научиться искусству вербовать, обучать агентов и руководить ими. Он этого не умел. А дурные отношения внутри аппарата военной разведки мешали получать помощь от других подразделений.

Первая операция началась, когда подразделение номер 131 еще только формировалось. Решено было проверить, каковы условия для работы в Египте. В апреле 1951 года в Каир отправился майор военной разведки Аврахам Дар, который после Второй мировой войны работал в Европе, помогая евреям перебираться в Израиль. Майор Дар получил надежный паспорт на имя англичанина Джона Дарлинга и выдавал себя за торговца электроприборами, выпускаемыми фабрикой на Гибралтаре.

Майор пробыл в Египте четыре месяца и не только изучил ситуацию, но и завербовал шестерых местных евреев в Каире и Александрии. Им предстояло выполнять смешанные задачи: организовывать еврейскую са-

мооборону — на случай погромов, вести разведывательные операции и готовить подрывные акции. Тем самым майор заложил основу для работы подразделения номер 131. Миссия майора Дара была признана успешной, поскольку агентов в Египте было очень мало.

Но когда майор вернулся, в разведке разгорелся спор: можно или нельзя использовать в оперативной работе египетских евреев?

С одной стороны, на них можно было положиться — они не продадут товарищей в отличие от местных арабов, которые соглашались работать на израильскую разведку за деньги. Но с другой стороны, использование египетских евреев в разведывательных операциях в случае разоблачения могло плохо сказаться на положении еврейской общины в стране.

Более осторожные офицеры говорили, что вообще нельзя проводить такие рискованные операции, которые могут привести к началу новой войны в тот момент, когда израильская армия еще слаба. Все силы и средства нужно употребить на укрепление армии.

Но в генеральном штабе считали, что небольшие диверсионные операции могут оказаться очень полезными, а их подготовка требует сравнительно небольших средств.

Командир подразделения Бен-Цур возражал против вербовки местных евреев. Он сам был агентом в Ираке и считал, что работать в разведке могут только подготовленные люди, профессионалы, а не любители.

В конечном счете было решено тайно доставить только что завербованных агентов из Египта на учебу в Израиль. Им показали, как шифровать собственные донесения и расшифровывать телеграммы из центра. Кроме того, они освоили методы изготовления взрывчатых веществ. Еще им преподавали чисто военные материи: топографию, навигацию, умение стрелять. Но их не обучили основам конспирации и не объяснили, как вести себя в случае провала и ареста.

Пока они учились, за ними внимательно наблюдали, анализируя их сильные и слабые стороны. Впечатление эти храбрые молодые люди произвели благоприятное.

Может быть, они бы и справились с задачей, если бы им подобрали подходящего командира.

Теоретически руководителем нелегальной разведывательной сети в Египте должен был стать завербованный их майор Дар. Но его не любил командир подразделения подполковник Бен-Цур. Майор Дар, в свою очередь, презрительно относился к Бен-Цуру, считая его не очень умным человеком.

Мнение командира, как это бывает в армии, оказалось решающим. Майора Дара так и не назначили на эту должность. Тогда единственным кандидатом оставался уже обосновавшийся в Египте майор Макс Биннет. Он работал в Египте с 1952 года, а до этого действовал в Иране и Ираке. В данный момент он выдавал себя за представителя одной немецкой фирмы.

В принципе он уже познакомился со всеми членами подпольной группы, но ему запретили с ними работать, чтобы они случайно его не выдали. Только один из новых агентов стал его радистом, потому что сам Макс очень медленно работал на передатчике.

В октябре 1953 года последний член подпольной группы Филипп Натансон закончил курс подготовки в Израиле и кружным путем, через Вену, вернулся в Египет. Он привез с собой приказ купить в аптеках необходимые химикаты и ускорить приготовление взрывчатки.

На самом деле группа не была готова к активным действиям. У нее не было ни командира, ни надежной связи с центром, ни фальшивых паспортов и продуманных путей бегства на случай провала.

Почему так произошло?

По плану группа не должна была вступать в действие раньше 1956 года. Поэтому технический отдел военной разведки, который готовил фальшивые документы для агентов, отказал Бен-Цуру во внеочередном заказе: ваши люди могут подождать. Но изменилась политическая ситуация, и разведывательно-диверсионную сеть активизировали на два года раньше срока.

Начальник военной разведки полковник Гибли искренне думал, что тайные операции способны изменить ход истории. Он и его помощники выдвигали массу

планов и идей, но им не хватало умения отделить реальные планы от невыполнимых.

Израильская разведка только-только создавалась. В принципе появление в разведке новичков — это не плохо, это означает приток свежей крови. Но новички должны уравниваться опытными профессионалами. А профессионалов не было.

Другая проблема состояла в «синдроме Кассандры»: военная разведка всегда исходила из худшего варианта развития событий.

Разведка часто давала неточные оценки и прогнозы, подозревая то, чего не было на самом деле, и ожидая худшего. Она переоценивала военный потенциал арабских стран. Частично это диктовалось пониманием очевидной слабости самого Израиля в начале 50-х годов.

В 1950-м военная разведка впервые представила прогноз развития событий, исходя из того, что все арабские страны нападут на Израиль одновременно. Неутешительные выводы этого прогноза сильно повлияли на настроения генералов и политиков, ознакомленных с документами разведки.

Многие считали, что время неумолимо работает против Израиля и превентивный удар — это единственное, что спасет страну от неминуемого разгрома.

Начальнику военной разведки полковнику Биньямину Гибли едва перевалило за тридцать. Он родился в 1919 году в Палестине в крестьянской семье. Закончил школу в Тель-Авиве, учился в Принстонском университете и в военном училище в Соединенных Штатах. Служил в еврейской полиции Палестины и в нелегально существовавшей Хагане.

После реорганизации разведки в марте 1949 года он возглавил отдел, затем стал заместителем начальника и, наконец, начальником военной разведки. В апреле 1953-го его отправили на год учиться в Англию и США. Это означало, что ему прочили большое будущее: в те годы учиться за границу посылали немногих. Через год он вернулся.

Обаятельный, энергичный, умелый организатор, он был не интеллектуалом, а человеком действия. Он счи-

тал, что военная разведка должна не столько собирать информацию, сколько проводить тайные операции. Амбициозный Гибли рождал прекрасные идеи, но ему не хватало благоразумия, и он не думал о риске, с которым связана любая разведывательная операция.

Наступил момент, когда военная разведка, фактически, вышла из подчинения премьер-министру и перестала отчитываться перед директором Моссад, который считался главой всего разведывательного сообщества Израиля и докладывал премьер-министру о всех важнейших операциях.

В 1953-м директор Моссад Иссер Харел получил от руководителя военной разведки план оперативной работы и сказал, что должен знать, что именно собирается делать таинственное подразделение номер 131.

Харел был обеспокоен тем, что военная разведка привлекает к агентурной работе в Египте местных евреев, а премьер-министру об этих планах ничего не известно. Харел сомневался в необходимости проведения операций подразделением №131 и пытался настоять на том, чтобы он был включен в состав лиц, которые контролируют эти операции.

Но тут уж военный министр Лавон и начальник генерального штаба Даян были заодно. Они дружно сказали Харелу «нет». Они не хотели, чтобы директор Моссад сам лез в дела военной разведки и еще о чем-то докладывал премьер-министру.

В 1953-м разведывательный отдел генерального штаба стал разведывательным управлением (сокращенно на иврите — Аман). Это упрочило вес начальника разведки Биньямина Гибли. Но в отличие от других офицеров он не мог похвастаться богатым боевым опытом. Он не был на фронте, а все время служил в разведке. Более того, у него было темное пятно в биографии: он участвовал в истории, которая в свое время сломала карьеру первому начальнику военной разведки Иссеру Беери.

Гибли получил сведения о том, что офицер Хаганы Меир Тобянски снабжает информацией британских командиров Арабского легиона. Тобянски расстреляли. Потом выяснилось, что оснований для смертного при-

говора не было. Начальника военной разведки Беери выгнали с военной службы. Репутация Гибли тоже пострадала. Бен-Гурион не хотел назначать его начальником военной разведки именно из-за той давней истории.

Но тогдашний начальник генштаба упрямый Игал Ядин давил на премьер-министра. В конце концов Бен-Гурион уступил, но приставил к Гибли заместителем своего человека — Иешофата Харкаби. Харкаби был интеллектуалом, чей аналитический ум не упускал возможности осмыслить любую ситуацию, выясняя все «за» и «против», прежде чем высказать свое мнение.

Харкаби считал, что подразделение номер 131 может действовать только после начала войны: оно должно было взрывать стратегически важные объекты противника, компенсируя слабость израильской артиллерии и авиации.

Но когда Бен-Гурион ушел с поста премьер-министра, Харкаби потерял свой вес в разведке. А Гибли, напротив, в силу нового положения получил прямой доступ к министру обороны и начальнику генерального штаба.

Генерал Даян в принципе хорошо относился к Гибли. Лавон той давней истории с расстрелом офицера Хаганы не знал, и Гибли быстро нашел общий язык с министром. Они хотели одного и того же.

Ощущая поддержку министра, Гибли чувствовал себя уверенно в спорах со своим основным конкурентом в разведывательном сообществе — директором Моссад Харелом. А когда заместителя начальника военной разведки Харкаби еще и отправили в Париж на учебу, руки у Гибли были развязаны. Никто другой внутри аппарата разведки не смел подвергать сомнению его действия.

В июле 1954 года начальник генерального штаба Даян отправился в длительную служебную командировку, и теперь уже Гибли напрямую обращался к министру, который поощрял его наполеоновские планы.

Вариант действий, который выбрал полковник Гибли, привел страну к тяжелому кризису. Разведка редко когда в состоянии помочь стране, но зато запросто может навредить...

Гибли полагал, что, хотя министр обороны и не дал ему прямого приказа провести эту операцию в Египте, на самом деле Лавон желает, чтобы она была выполнена.

Главная задача Гибли состояла в том, чтобы приносить начальству разведывательные сводки и прогнозы. Но такого рода бумажная работа не уважалась израильскими офицерами. Почиталось только участие в боевых операциях.

Ариэль Шарон сделал блестящую карьеру, потому что не расставался с автоматом и предпочитал стрелять, а не думать. В 1954-м самостоятельные операции спецподразделений армии были чем-то естественным. Ариэль Шарон и его отряд номер 101 действовали в нарушение указаний премьер-министра Шаретта, а иногда и без санкции начальника генштаба Даяна. И тем не менее в армии Ариэля Шарона считали образцовым офицером.

Такова была атмосфера в армии обороны Израиля, где личная храбрость и мужество почитались больше, чем расчетливость и хладнокровие.

Штабист Гибли завидовал фронтовику Шарону. Кроме того, Гибли был очень амбициозным человеком. Он считал себя единственным, кто способен спасти страну от катастрофы, которая неминуемо произойдет после вывода британских войск из зоны Суэцкого канала. Гибли не хватало способности к анализу. Он не видел, что операция обречена с самого начала.

Полковник Гибли приказал начальнику подразделения номер 131 активизировать радиообмен с его агентами в Египте. Главной задачей было найти начальника для группы.

В тот момент по линии военной разведки в Египте работали только два офицера. Один — майор Макс Биннет. Другой, известный в агентурной сети как Роберт, приехал в Египет в декабре 1953 года. У него были документы немецкого предпринимателя по имени Пауль Франк. Его настоящее имя — Аврахам Зайденберг, потом он сменил фамилию на свой военный псевдоним Эль-Ад.

Эль-Ад родился в Вене, служил в британской армии, помогал вывозить евреев в Палестину, был водителем в подпольной боевой группе Пальмах. Он дослужился до майора в израильской армии. Но у него тоже была неваж-

ная репутация: в трудные годы он промышлял на черном рынке, поэтому его отчислили из десантного батальона.

В 1952-м, оставшись без работы и без семьи, он был завербован Бен-Цуром в подразделение номер 131. Его взяли, как брали тогда многих авантюристов. Сомнения, конечно, были, поэтому на всякий случай было решено, что Эль-Ад будет действовать в одиночку и, таким образом, в любом случае не нанесет ущерба агентурной сети.

В Европе, готовя себе крышу для поездки в Германию, он вел себя опрометчиво, излишне откровенно разговаривал с людьми, проводил время с гостями из Израиля, хотя это было ему строжайше запрещено. Резидентура Моссад сообщила об этом в военную разведку. Начальник подразделения Бен-Цур пришел к выводу, что этот человек пропал для службы. Если с ним еще ничего не произошло, то обязательно произойдет в будущем. Подполковник Мордехай Алмог из военной разведки был отправлен в Европу, чтобы вернуть агента назад.

Но подполковник, вернувшись на родину, вступился за своего подопечного, сказав, что люди из Моссад наговаривают на Эль-Ада только по причине ревности к успехам военной разведки. И Эль-Аду дали еще один шанс.

Подполковник Алмог на прощанье прочел агенту несколько частных лекций об искусстве разведки и приказал действовать только в соответствии с инструкциями. Но Эль-Ад пропустил слова начальника мимо ушей: он делал только то, что хотел.

Эль-Аду было приказано вживаться, обзаводиться связями, не торопиться. Но он поспешил взяться за дело и узнал кое-что о немецких ученых и инженерах, которые работали в военной промышленности Египта. Информация произвела сильное впечатление на центр. Его поздравили с первым успехом. Но этот успех, возможно, стал началом большого провала.

Похоже, что египтяне с самого начала его подозревали. И есть основания полагать, что египетская контрразведка его перевербовала. Вероятно, это произошло во время его второго приезда в Египет весной 1954 года; когда связь с ним внезапно прервалась и восстановить контакты не удавалось несколько недель.

Директор Моссад Иссер Харел был уверен, что Эль-Ада египтяне арестовали. Он считал, что в обмен на свободу этот человек согласился быть двойным агентом и выдал всю подпольную израильскую сеть в Египте.

Но полковник Гибли верил своему человеку и решил, что ему можно поручить руководство агентурной сетью.

Начальник подразделения номер 131 Бен-Цур в конце мая 1954 года отправился в Париж, чтобы встретиться со своими сотрудниками, работающими в арабских странах. Одним из них был Эль-Ад. Он получил приказание принять под свое руководство агентов в Египте, установить с ними радиосвязь, приказать им подготовить взрывчатку и наметить возможные объекты диверсий.

Бен-Цур выполнял инструкции, полученные от начальника военной разведки Гибли: нанести удары по разным целям в Египте. Это покажет всему миру, что в этой стране хаос, и заставит Англию отложить вывод войск с баз на Суэцком канале.

Операция была из рук вон плохо подготовлена и привела к обратному результату.

2 июля 1954 года израильские агенты поместили зажигательные бомбы в почтовых ящиках в Александрии. 14 июля небольшие бомбы взорвались в кинотеатрах Каира и Александрии и на железнодорожном вокзале в Александрии.

На этом все и закончилось. Третья акция не состоялась. 23 июля самодельное взрывное устройство взорвалось в кармане одного из членов подпольной группы Филиппа Натансона, когда он входил в кинотеатр в Александрии. Его арестовали. Этой же ночью египетская служба безопасности задержала остальных членов подпольной сети.

В течение месяца вся израильская разведывательная сеть в Египте была ликвидирована. Арестовали и одного еврея, который не принадлежал к числу израильских агентов. Поскольку он ничего не мог сказать, его замучили пытками. Потом египтяне инсценировали самоубийство в тюремной камере.

Схватили и майора военной разведки Макса Биннета, который действовал в Каире отдельно от других, но

в нарушение правил конспирации его использовали для передачи денег членам подпольной сети.

Макс Биннет родился в Венгрии, его родители были выходцами из Германии. Он эмигрировал в Палестину в 1935-м и стал моряком. Участвовал в нелегальной доставке евреев в Палестину. На военную разведку он работал в Иране и Ираке. В 1951-м вступил в подразделение номер 131.

Он приехал в 1952-м в Каир в качестве представителя малоизвестной немецкой компании. А затем стал главным дилером компании «Форд». Это позволило ему бывать на египетских военных базах и даже познакомиться с главой военного правительства Египта генералом Мохаммедом Нагибом. Незадолго до ареста Макс Биннет успел отправить в Западную Германию жену и дочку.

Военная разведка пыталась что-то предпринять для спасения арестованных агентов. Французские депутаты, британские и французские юристы старались воздействовать на египетское правительство. Глава Египта Насер вроде бы намекнул иностранным дипломатам, что израильтянам не будут вынесены смертные приговоры. Западногерманское правительство уговорили признать Макса Биннета своим гражданином — в надежде, что казнить немца в Египте не посмеют.

Премьер-министр Израиля Моше Шаретт попытался как-то объяснить с Египтом и спасти арестованных. В декабре 1954 года, в момент суда над членами агентурной сети, израильтяне возобновили контакты с Насером.

В ответ на обращение Шаретта Насер послал своего эмиссара Садека в Париж с устным ответом. Насер передавал Шаретту, что по-прежнему желает мирными средствами урегулировать конфликт с Израилем и готов неофициально обсуждать любые практические меры для того, чтобы улучшить отношения между двумя странами.

Израильтяне сказали Садеку, что сейчас больше всего отношениям между двумя странами может повредить исход суда в Каире над израильскими агентами. Если будет вынесен смертный приговор, это породит ответную вспышку ненависти и насилия.

Египетский посланник забрал послание Шаретта и 31 декабря привез в Париж ответ Насера, правда неподписанный.

В нем говорилось: «Я рад, что вы видите наши усилия, направленные на поиск мирного решения. Я надеюсь, что и вы предпримете аналогичные усилия, что позволит нам достичь тех результатов, к которым мы стремимся ради блага наших стран».

На словах Садек сказал, что египетское правительство не может вмешиваться в судебные дела, что правосудие в стране гарантировано всем, но против арестованных выдвинуты очень серьезные обвинения.

Когда двух осужденных казнили, тайные контакты Израиля и Египта прекратились. Еще шестерых приговорили к длительным срокам тюремного заключения и освободили только после шестидневной войны 1967 года. Двум израильским агентам, ускользнувшим от египетской службы безопасности, вынесли приговор заочно.

Арест и казнь этих людей были тяжелым ударом для Израиля. Это был крупнейший провал израильской разведки.

Когда весь ход операции стал известен, профессионалы были поражены. Для разведывательной сети не были предусмотрены минимальные меры предосторожности: агентам не объяснили, куда они могут бежать в случае провала, им не подготовили новые паспорта, не подыскали для них конспиративные квартиры, где они могли бы укрыться. Руководители израильской военной разведки просто не знали, что об этом следует позаботиться заблаговременно.

И главное: разве можно было подвергать риску жизнь молодых неопытных людей, которые выразили готовность сражаться за Израиль, ради сомнительного политического выигрыша?

Операция, проведенная полковником Биньямином Гибли в Египте, была самой неудачной попыткой разведки вмешаться в проведение политики.

Трудно сказать, могли бы увенчаться успехом секретные переговоры между израильтянами и египтянами или они с самого начала были обречены на провал. Но в тот

момент Насер, похоже, хотел хотя бы в какой-то степени улучшить свои отношения с Израилем и по крайней мере сделать свою границу с Израилем спокойной. Операции подразделения номер 131 в любом случае подорвали доверие между двумя странами.

История со взрывами в Египте стала для Насера подтверждением того, что израильским руководителям нельзя доверять. Израиль пообещал Египту поддержать его в борьбе с англичанами, а сам затеял тайную операцию, чтобы заставить англичан остаться.

Разумеется, египтяне не могли знать такой тонкости, что операция проводилась против желания премьер-министра.

А если бы и знали?

Насер мог сделать два вывода. Если операция проводилась с санкции премьер-министра Шаретта, ему нельзя доверять. Если операция началась без ведома главы правительства Израиля, вести с ним серьезные переговоры бессмысленно: премьер-министр, который не контролирует свои спецслужбы, не сможет выполнить то, что он обещает.

Эта акция убедила египтян в том, что с Израилем помириться невозможно, и заставила Насера подписать в 1955 году первое соглашение о покупке оружия в социалистических странах. А уж это событие оказало сильнейшее влияние на все дальнейшее развитие ситуации на Ближнем Востоке.

Англо-египетское соглашение о выводе британских войск из зоны Суэцкого канала было подписано. Премьер-министр Энтони Иден полагал, что это усилит влияние Великобритании в арабских странах. Он считал, что наконец-то Египет получит возможность свободно сотрудничать с Западом в стратегических вопросах. Энтони Иден оказался плохим пророком...

Удивительным образом уцелел только глава разведывательной сети Аврахам Зайденберг, или Эль-Ад. После арестов он оставался в Египте еще две недели и только потом уехал.

Директор Моссад Иссер Харел публично обвинил его в предательстве, в том, что он назвал египтянам имя

Макса Биннета, — за это, мол, ему позволили уехать. Однако скорее всего, Биннета арестовали потому, что один из молодых агентов под пытками сообщил марку машины Макса: имени израильского разведчика он не знал. Но египетским полицейским и этого хватило.

Очевидно было другое: Эль-Ад неподходящий для разведки человек. Тем не менее начальник военной разведки Гибли отправил его в Западную Германию с новым заданием: создать для прикрытия экспортно-импортную компанию и вербовать потенциальных агентов.

Эль-Ад вступил в контакт с египетским военным атташе в Бонне полковником Османом Нури, с которым он встречался в Каире, когда Нури был заместителем начальника военной разведки. Эль-Ад предложил своему начальству хитрую комбинацию. Он делает вид, что желает работать на египетскую разведку, и становится двойным агентом. Он был уверен, что сумеет получить от египтянина больше, чем даст ему.

Военной разведке идея нравилась, но директор Моссад Харел был категорически против. Он не верил, что Эль-Ад сумеет переиграть египтян, и потребовал, чтобы тот прекратил игры с египтянами.

Неунывающий Эль-Ад составил для разведки список из десяти немцев, которых можно было бы попробовать завербовать, но вскоре сам забыл о нем.

Одного из них он сделал своим партнером в липовой компании и отправил этого молодого немца все к тому же египетскому полковнику Нури с предложением продать ему кое-какие материалы об израильской разведке.

Но именно в это время молодой оперативник Моссад Давид Кимхе решил пройтись по списку кандидатов в агенты, составленному Эль-Адом. Он пригласил молодого немца выпить и, представившись сотрудником разведывательной службы НАТО, попытался его завербовать. Парень легко шел на разговор. Кимхе упомянул фамилию египетского военного атташе полковника Нури как одного из потенциальных объектов интереса.

— А, я знаю этого человека, — оживился немец, — мой партнер как раз сейчас пытается ему что-то продать.

На этом карьера Эль-Ада закончилась. Его отозвали домой, судили и приговорили к десяти годам тюремного заключения за несанкционированные контакты с египетской разведкой. Он отсидел свой срок и уехал в Калифорнию, где написал книгу в свое оправдание...

Полковник Гибли был освобожден от обязанностей начальника военной разведки, Бен-Цур — от командования подразделением номер 131. Вместо Гибли начальником разведки стал его заместитель Иешофат Харкаби.

Гибли продолжал служить в армии: его послали военным атташе в Лондон. Ему пришлось уволиться из армии в 1964 году, когда история провала разведывательной сети в Египте стала известна общественности и в стране разразился скандал.

Он ушел в бизнес, сначала работал в автомобильной фирме. В 1967-м его назначили директором компании «Шемен», которая включает в себя парфюмерный завод и несколько заводов по производству продовольствия. Предприятие было убыточным, но Гибли сумел сделать его прибыльным.

В бизнесе ему везло больше, чем в разведке. О прошлой жизни он предпочитал не рассказывать и производил впечатление вполне довольного жизнью человека.

Майор Аврахам Дар ушел из военной разведки в 1957 году в знак протеста против неспособности правительства заставить Египет обменять арестованных разведчиков на большое число египетских военнопленных.

Израильяне даже не знали, что среди множества пленных, взятых ими во время синайской войны 1956 года, им попался генерал Мохаммед Дигви, губернатор Газы, который был председателем трибунала и приговорил к смерти двоих израильских разведчиков.

Оставшихся в египетских тюрьмах четверых агентов, а также еще двоих арестованных израильских разведчиков — Вернера Лотца и его жену — удалось освободить только в 1967 году. Это организовал преемник Харела на посту директора Моссад Меир Амит.

Тогда, после окончания шестидневной войны, в руках израильян было шесть тысяч египетских пленных. Египетские войска взяли в плен всего семь израильских сол-

дат, и еще в тюрьмах сидели шесть израильских разведчиков. Но президент Насер не соглашался отдавать разведчиков.

Директор Моссад Амит уговорил премьер-министра Эшкола дать ему немного времени, чтобы попытаться освободить его людей. Амит через командира войск ООН, которые следили за разъединением египетских и израильских войск, предложил Насеру секретную сделку: все египетские солдаты будут освобождены немедленно, если египетский президент отпустит разведчиков чуть позже.

Кроме того, Амит обещал, что все это будет сохранено в секрете: ведь для арабского лидера важнее всего сохранить лицо, показать, что он не поддался противнику. Так и произошло. Через несколько недель после отправки в Египет бывших военнопленных израильских разведчиков тихо освободили. Они вылетели в Швейцарию, откуда их переправили в Израиль.

Провал израильской агентурной сети привел к тяжелому кризису внутри Израиля. Ясно было, что первым за провал должен был ответить министр обороны Лавон. Но когда израильских агентов арестовали в Египте, трогать министра не решились. Пока оставалась хотя бы малейшая возможность спасти арестованных, следовало делать вид, что Израиль здесь ни при чем. Лавона отправили в отставку в феврале 1955-го, когда суд закончился и двоих осужденных египтяне казнили.

Министром обороны вновь стал вернувшийся из добровольной отставки Давид Бен-Гурион. Пинхас Лавон не признал себя виновным в провале военной разведки. Он утверждал, что операция была проведена без его ведома. Его борьба за оправдание, продолжавшаяся несколько лет, привела к такому грандиозному скандалу, что Давид Бен-Гурион окончательно ушел из правительства. Это произошло в 1963 году.

Бен-Гурион покинул тогда не только правительство, но и правящую партию. Он создал новую партию вместе с соратниками — Моше Дайном и Шимоном Пересом. Это нарушило партийную структуру Израиля и привело к тому, что усилились правые партии. В конце концов правые пришли к власти после выборов 1977 года. Если

бы не провал 1954 года, правые, возможно, никогда бы не завоевали большинство на выборах в Израиле.

Но все это произойдет впоследствии, тогда же, в 1954 году, подобный поворот событий привел к ослаблению позиций либерального премьер-министра Моше Шаретта и окончанию политики, направленной на достижение мирной договоренности с Египтом.

Глава 31

ПОСЫЛКА ИЗ ИЕРУСАЛИМА

Через несколько дней после возвращения Бен-Гуриона на пост министра обороны израильская армия нанесла удар по позициям египетских войск.

Во время операции, которую провели две роты израильских десантников под командованием Ариэля Шарона, были убиты тридцать восемь египетских солдат. Это была пощечина Насеру и его генералам.

Операция Шарона была акцией возмездия за действия палестинских террористов с территории Египта. Палестинцы, переходя границу, занимались в Израиле воровством, перерезали телефонные провода, убивали мирных жителей. Потом эти акции приобрели организованный характер. С 1954 года действиями боевиков явно руководила египетская военная разведка. В марте палестинцы захватили автобус в пустыне Негев и убили одиннадцать пассажиров.

С середины 1955 года организация террористических рейдов в глубь Израиля стала стратегией египетской разведки, которая готовила палестинские боевые группы и финансировала их операции. Постепенно к этому подключились сирийская и иорданская разведки. Израильские границы оставались прозрачными, перейти через них было несложно.

Цель египтян была очевидной — создать внутри Израиля атмосферу страха, подорвать веру людей в способность полиции и армии обеспечить безопасность. Египтяне надеялись, что это отобьет у евреев из разных стран желание переезжать в Палестину. Одновременно такие

операции должны были укрепить моральный и боевой дух египетской армии.

Израильская разведка занялась поиском палестинских баз и выяснением маршрутов движения боевых групп. Было решено не только пресекать боевые акции, но и наносить превентивные удары. Главным источником информации стали арабы, живущие у границы или в лагерях беженцев.

Пока террористические операции носили случайный характер, бороться с боевиками было трудно. Когда египетская разведка взяла их под контроль, израильтянам в определенном смысле стало легче: надо было только понять методы египтян. А схваченные с оружием в руках палестинцы на допросах обычно все рассказывали.

Руководил операциями с территории Египта полковник Мустафа Хафез, который возглавлял египетскую разведку в секторе Газа. Вечером 11 июля 1956 года полковник сидел в саду перед зданием штаба вместе с майором Имру аль-Хариди. Они ждали возвращения своего агента Мохаммеда аль-Талалка. Тот был двойным агентом, работал и на египтян, и на израильтян. Но полковник Мустафа Хафез был уверен, что получает больше, чем израильтяне.

На самом деле израильская военная разведка Талалке не доверяла — после того, как записала его откровенный разговор с родственником, который тоже был двойным агентом. Это у них было семейным способом зарабатывать на жизнь...

На сей раз Талалка вернулся от израильтян в хорошем настроении. Они дали ему книгу, завернутую в коричневую бумагу, которую следовало передать инспектору египетской полиции в Газе. Агент хотел передать книгу полицейскому, но полковника Хафеза одолело любопытство. Он развернул бумагу, и четыреста граммов взрывчатки взорвались у него в руках. Полковник Хафез скончался через несколько часов.

Египетский военный атташе в Иордании подполковник Салах Мустафа оказался еще более беспечным человеком. Он работал вместе с полковником Хафезом,

организуя нападения террористов на израильтян из-за иорданской границы.

Подполковник Мустафа уже должен был знать, что произошло с коллегой-полковником. Тем не менее буквально на следующий день его водитель забрал на центральном почтамте посылку из Восточного (арабского) Иерусалима и привез хозяину. На посылке значился отправитель — штаб-квартира группы наблюдателей ООН. В пакете была биография гитлеровского генерал-фельдмаршала фон Рундштедта.

Египетский атташе взял посылку из рук шофера и раскрыл ее... Умер он от последствий взрыва через несколько часов.

Обе посылки были отправлены израильской военной разведкой. Руководил операцией ее новый директор Иешофат Харкаби. Придумал эту операцию Хаим Леваков, который был офицером разведки еще в подпольном Пальмахе.

Массированные налеты палестинцев из-за египетской границы были ответом на рейд, проведенный Ариэлем Шароном: на Ближнем Востоке неукоснительно соблюдался принцип «око за око».

Президент Египта Гамаль Абдель Насер попросил Москву дать ему оружие, потому что боялся Израиля. А Израиль принял участие в войне 1956 года вместе с французами и англичанами, потому что боялся Египта...

Когда в Египет начало поступать оружие советского производства, в израильской военной разведке появился новый технический отдел, в задачу которого входило изучение советского вооружения, его боевых качеств и возможностей. Еще один отдел получил задание следить за советским военным и политическим проникновением на Ближний Восток.

Египет получил от Никиты Хрущева двести истребителей «МиГ-15», пятьдесят бомбардировщиков, шестьдесят самоходных артиллерийских установок, двести семьдесят пять танков «Т-34».

Закупки советского оружия израильская разведка истолковала как шаг Египта к войне против Израиля. В начале 1955-го на Синайском полуострове, граничащем с

Израилем, стояла всего одна египетская бригада, в течение года Насер перебросил на Синай еще девять бригад.

Начальник генерального штаба Моше Даян сообщил правительству страны, что Египет получил оружия больше, чем первоначально предполагалось. В этой ситуации необходимо нанести превентивный удар, пока египтяне не освоили толком новое оружие.

Пожалуй, только министр иностранных дел Моше Шаретт считал, что военная разведка сознательно сгущает краски и тенденциозно подает факты. Но его голос при принятии ключевых решений в расчет не принимали.

Израильская разведка располагала подробной информацией о расположении и состоянии каждой египетской части и подразделения вплоть до роты. Это был результат многих лет работы.

Началу синайской кампании 1956 года предшествовали две крупные операции по дезинформации противника.

Военная разведка Израиля предприняла все усилия для того, чтобы у мира создалось впечатление, будто удар нанесут не по Египту, а по Иордании, потому что туда прибыли иракские войска для совместной войны против еврейского государства.

Даже только что призванным на службу израильским резервистам сказали, что их ждет военная операция против Иорданий. В это поверили все.

Другую филигранную операцию проводила Моссад под личным руководством Иссера Харела. Египтянам аккуратно и методично скармливали информацию, которая должна была помешать египтянам нанести воздушный удар по израильским городам.

К тому времени израильские города еще не были прикрыты системой противовоздушной обороны, если не считать зенитных орудий, установленных французами на период войны вокруг главного аэропорта Лидда, куда прибывали самолеты из Франции и Англии. Поэтому нужно было во что бы то ни стало предупредить бомбардировку городов.

Выявленным арабским и советским разведчикам по секрету рассказывали о том, что израильтяне создают

супермощную систему противовоздушной обороны. Но даже не это главное. Израильтяне говорили, что они совершенно спокойны, потому что американцы обещали вступить в войну, если египтяне начнут бомбить израильские города. Это был полный блеф: президент Соединенных Штатов Дуайт Эйзенхауэр вовсе не собирался помогать Израилю, — но египтяне поверили своим агентам.

Разведка помогла израильтянам совершить еще одну боевую операцию, которая тоже сыграла свою роль в успехе синайской войны.

Ночью 28 октября, за несколько часов до начала войны, израильский истребитель сбил над Средиземным морем египетский транспортный самолет советского производства «Ил-14». В этом самолете было восемнадцать высших офицеров египетского генерального штаба, которые возвращались в Каир после подписания пакта о взаимной обороне с Сирией. Это было сильным ударом для египтян.

Командующий египетскими войсками маршал Абдель-Хаким Ахмер уцелел только потому, что в последний момент не полетел этим самолетом.

— Первая половина войны выиграна, — сказал генерал Моше Даян своему летчику, когда тот приземлился на базе. — Теперь иди и выпей за победу во второй половине.

Израиль не взял на себя ответственность за гибель самолета, и в послужном списке летчика этот успех не отмечен.

Но эта операция произвела сильное впечатление на египтян. Через два года, когда президента Насера пригласили в Югославию, он отказался от самолета и отправился туда на яхте в сопровождении двух эсминцев. Его советник Мохаммед Хейкал писал, что морской путь казался более безопасным. Все помнили о том, что накануне синайской кампании израильтяне сбили египетский самолет с помощью какого-то секретного оружия...

Война 1956 года против Египта принесла Израилю длительный период мира на границах, экономического успеха и международного признания.

Три цели достиг Израиль в этой войне: израильские суда получили право свободного плавания в проливе Акаба; прекратились операции палестинских боевиков с территории Египта; некоторое время можно было не опасаться совместного нападения на Израиль объединенных сил Египта, Сирии и Иордании.

В эти годы укрепилась власть директора Моссад Иссера Харела, который, с одной стороны, в целом контролировал все спецслужбы страны, а с другой — пользовался неограниченным доверием премьер-министра Бен-Гуриона.

Но в войне разведок ни одна даже самая громкая победа не может считаться окончательной.

Глава 32

РАКЕТЫ НЕ ВЗЛЕТЕЛИ

21 июля 1962 года во время традиционного военного парада по случаю десятой годовщины египетской революции президент Насер показал новое оружие, созданное для борьбы с Израилем. Это были ракеты, которые, как выразился Насер, способны поразить любую цель к югу от Бейрута. Вышло, что вся территория Израиля оказалась под ударом.

Директора Моссад Иссера Харела потребовали к ответу: почему разведка не сумела своевременно сообщить о разработке египтянами ракетного оружия?

Харел отверг все претензии к Моссад. Его люди последние пять лет исправно докладывали о том, что Египет пытается получить ракетную технологию. Но все материалы на сей счет передавались военной разведке, которая по распределению обязанностей должна была проделать аналитическую часть работы и доложить правительству.

В начале 1962 года у военной разведки появился новый директор — генерал Меир Амит. Ему был тогда срок один год.

Его родители в 1920 году приехали в Палестину с Украины. Известный поэт Борис Слуцкий, который храбро воевал в Отечественную, был его двоюродным бра-

том. Мать Меира Амита, которая сохранила фамилию Слуцкая, в 1964 году приезжала в Советский Союз по-видать родственников. Советское посольство выдало ей визу, прекрасно зная, кто ее сын.

Меир Амит был тяжело ранен во время первой арабо-израильской войны, год лечился, вернулся в строй и командовал бригадой «Голани», потом перешел в военную разведку, где сделал карьеру. Со временем он добьется тесного сотрудничества военной и политической разведок.

Но когда он вступил в должность, так называемое «дело Лавона», возникшее после неудачной диверсионной операции в Египте, еще не остыло, отношения между военной разведкой и Моссад были очень плохими.

Директор Моссад, в свою очередь, злился на заместителя министра обороны Шимона Переса, который поспешил продемонстрировать миру израильские ракетные достижения.

Первая израильская ракета «Шавит-2» была запущена в июле 1961 года. Никто не поверил официальным объяснениям, что «Шавит-2» будет заниматься метеорологическими исследованиями. Кстати, никто не заинтересовался вопросом, а что, собственно, произошло с ракетой «Шавит-1»? На самом деле ее просто не существовало.

Все были уверены, что запуск ракеты накануне парламентских выборов был произведен исключительно в политических целях, чтобы обеспечить победу Бен-Гуриону.

Никто не подумал о другой стороне дела: демонстрация израильских успехов заставила египтян поторопиться с разработкой собственной ракетной программы...

Внутри Моссад была создана группа, которая занялась египетскими ракетами и вообще новыми вооружениями. Харел вскоре выяснил, что ракеты Насеру строят немецкие ученые. Вскоре Харел смог показать премьер-министру Бен-Гуриону перехваченное письмо немецкого ученого, профессора Вольфганга Пилца, директору египетского ракетостроительного завода.

Из письма следовало, что планируется строительство девяти сот ракет, которые можно будет оснастить боеголовками с химическим или биологическим оружием. По-

хоже, у немцев не получалась только система наведения ракет.

Немцы построили в Египте три секретных завода, которые производили двигатели, корпуса и средства управления для ракет среднего радиуса на жидком топливе. Египтяне создали несколько фиктивных компаний, которые скупали по всему миру то, что необходимо для ракетного проекта. И тридцать ракет уже были построены.

Все это узнала группа разведчиков Моссад во главе с Цви Мальчином. Они вылетели в Западную Германию, проникли в лабораторию профессора Вольфганга Пилца и сфотографировали все его бумаги.

Директор Моссад Харел предложил премьер-министру Бен-Гуриону обратиться напрямую к канцлеру ФРГ Конраду Аденауэру с просьбой прекратить сотрудничество немецких ученых с Египтом. Но премьер-министр боялся повредить только-только начинавшемуся сотрудничеству между двумя странами. Бен-Гурион попросил своего любимца Шимона Переса обсудить это деликатное дело с министром обороны ФРГ Францем-Йозефом Штраусом.

Но прежде, чем такой разговор состоялся, к израильтянам внезапно обратился австрийский ученый Отто Йоклик. Его тайно доставили в Тель-Авив. Он рассказал, что египтяне хотят начинить боеголовки своих ракет радиоактивными отходами и распылить их над Израилем. А далее Насер рассчитывает иметь собственные ядерные боеголовки...

Над Израилем нависла смертельная угроза. Правительство приняло решение во что бы то ни стало сорвать ракетную программу Египта.

Директор Моссад назначил руководить операцией Джо Ранаана, который родился в Германии и служил раньше в военно-воздушной разведке. Харел сам несколько раз летал в Европу, чтобы следить за ходом операции. С Ранааном они встречались в кафе. Харел неизменно говорил своему подчиненному:

— Ешь пирожное, а то мы будем выглядеть очень подозрительно.

Другой ключевой фигурой в этой операции был Ицхак Шамир. До создания Израиля он возглавлял подпольную боевую группу, сражавшуюся против англичан. Шамир был политическим противником Бен-Гуриона и его Рабочей партии. Харел привлек Шамира на работу в Моссад в 1955-м, когда искал людей, имевших опыт успешной подпольной деятельности.

Когда Харел пригласил Ицхака Шамира побеседовать, тот был уверен, что руководитель разведки подозревает его в какой-то антигосударственной деятельности, и ждал больших неприятностей. Шамир был потрясен, когда ему предложили работу в Моссад. Он никогда не жалел, что принял предложение. По натуре он был человеком, который наслаждался тайными операциями. Позднее он скажет: это были прекрасные десять лет опасностей, приключений и трудных испытаний, которые тем не менее давали чувство полного удовлетворения.

Шамир родился в Польше в тот год, когда началась Первая мировая война. Тогда его звали Ицхак Езерницкий. Он учился в Варшаве, а в 1935-м эмигрировал в Палестину. Его родители и сестры погибли во время нацистской оккупации. В 1937-м он вступил в подпольную боевую организацию Иргун цвай леуми, чтобы сражаться с британским империализмом и отвечать на арабский террор. Езерницкий взял себе боевой псевдоним Шамир. Псевдоним со временем стал фамилией.

Когда от Иргуна откололась группа под руководством Авраама Штерна, Шамир последовал за ним. После смерти Штерна именно он взял на себя руководство группой самых непримиримых боевиков. Закончив службу в Моссад, он вступит в предвыборный блок Ликуд, в 1980-м станет министром иностранных дел Израиля, а в 1983-м премьер-министром — после Менахема Бегина, бывшего руководителя подпольной боевой группы Иргун цвай леуми...

Но это будет не скоро, а пока что Шамиру выделили в штаб-квартире Моссад кабинет рядом с кабинетом Харела. Шамир привлек к работе пятерых бывших товарищей-подпольщиков. Ему поручали только самые важные

операции — обычно когда речь шла о «мокрых» делах. Шамир привык действовать быстро и решительно.

Доктор Хайнц Круг, директор завода в Мюнхене, который помогал египтянам строить ракеты, бесследно исчез.

Люди Шамира пытались убить и доктора Ханса Кляйнвахтера, специалиста по электронике, который участвовал в программе создания немецких ракет «Фау-2» во время войны, а теперь работал на Египет.

Директор Моссад Харел тоже считал, что немца нужно убрать. Он сам просидел всю ночь рядом с оперативником, у которого на коленях лежал автомат, но в ту ночь немец почему-то не приехал домой. В другой раз израильтянин выстрелил слишком рано, первая пуля прошла мимо, и тут автомат заклинило.

Сотрудники ракетных объектов в Египте вдруг стали получать посылки из Германии. В посылках были бомбы. Одна из них, отправленная из Гамбурга, убила пятерых египтян.

Немецкие ученые и их семьи в Египте стали нервничать, они получали письма с угрозами. Письма отправлял Вольфганг Лотц, сотрудник Моссад. Он родился в Германии. Мать привезла его в 1933 году в Палестину. Его отец не был евреем, и ему не сделали обрезание, что в критическую минуту спасет его.

С 1961 года Лотц работал на Моссад в Египте. А перед этим провел год в Западной Германии, создавая себе прикрытие: он изображал из себя бывшего офицера вермахта и преуспевающего коннозаводчика.

В Египте была жесткая система безопасности. Полиция следила за всеми иностранцами. Телефонные разговоры прослушивались. Но Лотц сумел всем понравиться. Его знакомые считали, что на самом деле он служил не в вермахте, а в войсках СС. Он делал загадочное лицо, но не опровергал эти слухи, и постепенно его допустили в тесный круг бывших нацистов, обосновавшихся после войны в Египте.

В августе 1962 года, после пышного военного парада в Каире, Моссад поручил ему узнать все, что возможно, о египетских ракетах.

Как ни странно, важную информацию удалось получить от знаменитого эсэсовца, любимца Гитлера Отто Скорцени, который укрылся в Испании. Израильские разведчики стали работать с ним в начале 1963 года, выдавая себя за сотрудников НАТО. Это называется вербовкой под чужим флагом, и такие методы иногда приносят успех. Когда к Скорцени наведалься один старый товарищ, работающий над ракетным проектом в Египте, бывший эсэсовец охотно познакомил его с двумя «представителями НАТО», которые сказали, что их очень интересует этот проект.

Но вся эта история выплыла на свет Божий в марте 1963 года, когда австриец Йоклик и сотрудник Моссад Йосэф Бен-Гал были арестованы в Швейцарии. Они пытались угрожать Хайди Герке, дочери доктора Пауля Герке, немецкого ученого-электронщика, работавшего в Каире.

У самой Хайди был роман с высокопоставленным египетским чиновником. А ее отец состоял в связи с женой египетского инженера. Израильцы думали, что в данном случае удастся простой шантаж: Хайди испугается разоблачения.

Но Хайди вызвала полицию, и оба были арестованы. Разгорелся скандал. В Израиле решили действовать открыто. Тайные операции уже были ни к чему.

По прямому указанию премьер-министра директор Моссад Харел рассказал о ракетной истории журналистам. Во всей мировой печати появились статьи о том, что египетский президент Насер приютил бывших нацистов, чтобы они изготовили ему ядерную бомбу. Это был болезненный удар для Египта, где, как и в Сирии, действительно нашли приют бывшие эсэсовцы. Многие иностранные ученые отказались от сотрудничества с египетскими ракетчиками. Продолжение ракетной программы стало невозможным.

Тем временем заместитель министра обороны Шимон Перес вернулся из Парижа и взял дело в свои руки. Он приказал своим аналитикам и военной разведке заново оценить масштаб египетской ракетной угрозы. В более спокойном состоянии эксперты военной разведки при-

шли к выводу, что нет оснований полагать, будто немецкие ученые в Египте в состоянии производить химическое или биологическое оружие, а программа создания ядерного оружия просто невыполнима.

Шимон Перес, начальник генерального штаба Цви Цур и начальник военной разведки Меир Амит доложили свои выводы премьер-министру Бен-Гуриону. Директор Моссад Харел не согласился с ними. Он считал, что военная разведка и генеральный штаб ошибаются, что Перес делает это из политических соображений. Разозлившись, Иссер Харел в знак протеста ушел в отставку.

Начальник военной разведки Меир Амит, сочтя свою миссию исполненной, отправился отдыхать на Мертвое море, но отпуск не получился. Бен-Гурион послал за ним самолет и назначил Амита исполнять обязанности директора Моссад.

Прямо от премьер-министра Амит отправился в здание Моссад. Его предшественник Харел сидел кислый, как лимон. Он выдавил из себя несколько прощальных слов и исчез. Весь аппарат Моссад плакал по случаю его ухода.

Меир Амит заявил следующее:

— Израиль — бедная страна, мы не можем позволить себе держать под ружьем большую армию. Моссад в какой-то степени должна освободить страну от содержания большой армии и призыва резервистов перед лицом военной угрозы извне.

Амит поручил продолжить операцию против немецких ракетчиков в Египте опытному Рафи Эйтану, который возглавлял оперативный отдел контрразведывательной службы Шин-Бет и организовал захват нацистского военного преступника Адольфа Эйхмана в Аргентине.

Разобиженный Харел поехал на каникулы в Европу. В Париже он встретился со своим бывшим сотрудником Йосэфом Бен-Галом, которого к тому времени выпустили из швейцарской тюрьмы. Они зашли в любимый Харелом русский ресторан «Яр».

— Никогда раньше я не пил ничего спиртного в этом ресторане, — вспоминал потом Харел. — Но владелец почувствовал, что я в каком-то особом настроении, и

принес бутылку водки. К его удивлению, я не отказался выпить. Он еще больше удивился, когда я заговорил с ним по-русски. Ведь считалось, что я не знаю этого языка.

Уходом Харела из Моссад больше всех был доволен Тедди Коллек, который был генеральным директором канцелярии премьер-министра. Ему не нравилось, что глава разведки Харел напрямую общается с Бен-Гурионом. Премьер-министр слишком верил своему разведчику, но больше никто в правительстве информации от разведки не получал.

Харел считал, что его наследник Амит недостойн быть директором Моссад, и остался при своем мнении. Когда в 1965-м Харела назначили советником премьер-министра Леви Эшкола по вопросам безопасности и разведки, конфликт между ними вспыхнул с новой силой.

Амит приказал своему заместителю Якову Карошу, который был предан Харелу, уйти в отставку. Тот не захотел. Тогда Амит приказал не показывать своему заместителю секретные документы. Зато когда Амит уезжал в зарубежные командировки, Харел вызывал начальников отделов Моссад в канцелярию премьер-министра, чтобы они критиковали своего начальника.

Работая в правительстве, Харел принципиально отвергал все предложения и идеи Амита. Тот был совершенно бессилён, пока Харел не ушел окончательно в отставку в июне 1966 года. Преданный ему Яков Карош последовал за Харелом. Наконец-то Амит мог поработать самостоятельно.

Глава 33

«РЕДИСКА» НЕ ПОМОГЛА

Накануне шестидневной войны 1967 года арабский мир считал, что Израилю пришел конец: еврейскому государству не выстоять против объединенных сил арабского мира. На следующий день после победы израильтяне надеялись, что теперь неизбежно наступит долгожданный мир. Это казалось возможным. Израильтяне говорили:

отныне все будет по-другому. Арабы получили урок. Теперь они согласятся заключить мир.

Но победа Израиля в июне 1967 года стала тяжелым ударом по арабской гордости. Арабы просто не могли себе позволить идти на мирные переговоры. Сначала арабам надо было восстановить самоуважение.

Египетская армия проявила себя очень плохо во время шестидневной войны. Офицеры не могли оказать сопротивления и бежали с поля боя. После войны Египет решил, что должен вернуть себе утерянную честь.

На Хартумской конференции главы правительств арабских стран приняли три решения: не признавать право Израиля на существование, не вести с Израилем мирные переговоры и не заключать с ним мира. Это была попытка компенсировать унижение и спасти достоинство арабов. Но это решение стало бедствием для арабов и катастрофой для палестинцев. Мир на Ближнем Востоке и создание самостоятельного палестинского государства были отложены на долгие годы.

Арабы исходили из того, что время работает против Израиля, что с помощью нескончаемых террористических акций удастся его ослабить, заставить пойти на уступки, а затем и уничтожить. Несколько десятилетий существования Израиля ничто в сравнении с тысячелетней историей ислама. Разные государства возникали в Палестине и исчезали. Арабы не сомневались, что и Израиль исчезнет так же легко, как он был создан...

В 1968 году группа американских ученых, которые входили в «Организацию профессоров в защиту мира на Ближнем Востоке», совершили большую поездку. Они побывали в Египте, Иордании, Ливане и Израиле.

Среди ученых был профессор Альберт Сейбин, который родился в польском городе Белостоке, но почти всю жизнь прожил в Соединенных Штатах. В 1943 году его призвали в американскую армию, чтобы он боролся с инфекционными заболеваниями. В 1947-м, когда в Берлине произошла вспышка полиомиелита, он занялся этой болезнью и создал прививку, которая содержит ослабленный вирус полиомиелита и вырабатывает иммунитет у детей.

После поездки профессор написал доклад, в котором писал, что не обнаружил в арабских странах ни малейшего желания признать Израиль. Арабские страны желают только одного — уничтожения еврейского государства. Его доклад произвел сильное впечатление на настроения политической и военной верхушки Израиля.

Для Египта поражение в войне обернулось еще и тяжелыми экономическими проблемами, в том числе и потому, что был закрыт Суэцкий канал. Египет потерял нефтяные скважины на Синайском полуострове, которые давали 60 процентов всей необходимой ему нефти. Кроме того, Египет начал бешено перевооружаться. Армия съедала все деньги, и мысли у египтян были только о военном реванше...

За тридцать шесть часов до начала октябрьской войны 1973 года израильцы получили предупреждение. В пятницу 5 октября в два часа дня главе Моссад Цви Замиру, который стал директором данной организации в 1968 году и проработал на этом посту до 1974-го, передали телеграмму от его самого важного агента в Европе.

В сообщении было только одно слово: «Редиска». Оно означало, что война с Египтом неминуема. Это было именно то послание, которое и Моссад, и военная разведка Израиля ждали целых две недели — две недели, в течение которых агент, «лучший агент, которого только можно себе пожелать», как признавались потом его начальники, не выходил на связь.

Но директор Моссад ничего не сказал ни премьер-министру, ни министру обороны Моше Даяну, ни начальнику генштаба Давиду Элизару. Он поделился информацией только с начальником военной разведки:

— Это война. У нас нет точной даты, но война неминуема.

Директор Моссад решил сам отправиться в Европу, чтобы узнать, когда именно начнутся боевые действия.

Цви Замир встретился со своим агентом в полночь, но не смог сразу же отправить срочное сообщение в свою штаб-квартиру, потому что в израильском посольстве не оказалось шифровальщика: он отмечал дома священный

для евреев праздник йом-киппур (день всепрощения), во время которого, согласно религиозным канонам, правоверным евреям запрещается работать и предписывается время от рассвета до заката проводить в молитвах и поститься.

В течение нескольких часов глава израильской политической разведки не мог найти никакого способа передать сообщение, от которого в прямом смысле зависела судьба страны, в Иерусалим. Наконец, Цви Замир не выдержал и, презрев все законы конспирации, решил сказать то, что он узнал, просто по телефону. Больше ждать было нельзя.

6 октября в субботу без пятнадцати четыре утра он позвонил начальнику военной разведки и прямым текстом сказал, что сирийцы и египтяне начнут войну сегодня до захода солнца. Через час шифровальщик все-таки появился, и Замир отправил подробную шифровку себе в Моссад и коллегам в военную разведку.

Получив сообщение от разведки, шеф личной канцелярии начальника генерального штаба подполковник Авнер Шалев позвонил генералу Элизару и сказал, что война начнется в шесть вечера. Это была роковая ошибка, потому что война началась на четыре часа раньше — в 1.55 дня. Многие израильские части война застала на марше: они покинули свои базы, но еще не успели занять оборонительные позиции.

Видимо, где-то в процессе передачи информации произошел сбой. Первоначальное сообщение: война начнется днем, до захода солнца (солнце в тот день зашло в 5.20), — было искажено.

Когда глава правительства Голда Меир на заседании кабинета министров сказала, что, по сведениям разведки, война начнется в шесть вечера, бывший начальник генерального штаба, а тогда министр торговли и промышленности Хаим Бар-Лев страшно удивился.

Он сразу сказал, что это странный выбор времени для атаки. На ночь глядя войну не начинают. С военной точки зрения это просто глупость, следовательно, информация не точная. Министр образования Игал Аллон, еще один отставной генерал, поддержал Бар-Лева.

Военная разведка загодя знала детали военных планов Египта и Сирии, но до последнего момента пребывала в эйфорической уверенности, что войны не будет. Военные все еще были упоены победой 1967 года и не верили, что египтяне на что-нибудь способны.

А ведь король Иордании Хусейн, сев в вертолет, сам тайно прилетел в Иерусалим и сказал премьер-министру Израиля Голде Меир, что Египет и Сирия готовят новую войну. Голда Меир не поверила иорданскому королю. Она никогда ему не верила. Ни ему, ни его деду — королю Абдаллаху, которого убили за то, что он хотел подписать мир с Израилем.

В начале 1973 года египетский маршал Ахмед Исмаил Али был назначен главнокомандующим на иорданском, сирийском и египетском фронтах. Премьер-министр Египта объявил, что правительство отказывается от выполнения ряда программ, чтобы сэкономить средства для битвы с Израилем.

В марте президент Египта Анвар Садат сформировал новый кабинет министров с одной задачей — готовиться к тотальной войне с Израилем. Садат сказал: пришло время нанести удар, возобновление военных действий неизбежно.

Боевые самолеты ливийской и саудовской авиации перебрасывались в Египет, марокканские войска прибывали на помощь Сирии.

Голда Меир считала Израиль с военной точки зрения неуязвимым. Израильские политики рассуждали так: арабские армии обречены на поражение, они знают об этом, следовательно, войны быть не может. Ошибались не только израильтяне, но и американцы. ЦРУ полагало, что речь идет о психологической войне со стороны Египта, а вовсе не о подготовке к реальному сражению. Передвижения сирийских и египетских войск и США, и Израиль считали всего лишь маневрами.

За несколько дней до начала войны начальник генерального штаба генерал Элизар предложил нанести упреждающий удар по сирийским позициям и уничтожить ракеты противовоздушной обороны и зенитную артиллерию.

Министр обороны Моше Даян посоветовал Голде Меир отвергнуть предложение генштаба. Даян считал, что политический эффект первого удара будет настолько ужасен для Израиля, что чисто военными соображениями можно пренебречь...

Политик Даян был, вероятно, прав: весь мир был бы возмущен действиями еврейского государства, если бы оно начало эту войну. Но, думая о политике и заботясь о своей репутации, Израиль едва не проиграл эту войну. Израиль потерял в 1973 году две с половиной тысячи человек, и это были невероятно большие потери для такой маленькой страны.

Египет и Сирия атаковали еврейское государство в день одного из самых важных иудейских религиозных праздников — йом-киппура.

6 октября 1973 года, в субботу, государственного секретаря США Генри Киссинджера разбудили в четверть седьмого утра. Пришла срочная шифровка из американского посольства в Израиле. Два часа назад премьер-министр Голда Меир пригласила к себе американского посла и сказала:

— Нам грозит беда. Сегодня начнется война.

Когда Киссинджера разбудили, до начала войны осталось всего полтора часа.

Он первым делом позвонил советскому послу в Америке Анатолию Добрынину. Тот еще спал. Генри Киссинджер попросил его немедленно связаться с Москвой и передать в Каир и Дамаск, что Израиль не намерен предпринимать наступательные действия. Может быть, войну еще можно остановить.

В семь утра Киссинджер соединился с министром иностранных дел Египта Мохаммедом аль-Зайятом, который прилетел в Нью-Йорк на сессию Генеральной Ассамблеи ООН, и прочитал ему заявление израильтян. От себя Киссинджер добавил: Соединенные Штаты ручаются, что Израиль свое слово сдержит. Он попытался дозвониться и до заместителя министра иностранных дел Сирии, который тоже прилетел в Нью-Йорк, но в сирийском представительстве при ООН в этот ранний час никто не взял трубку.

В пятнадцать минут девятого Киссинджеру перезвонил египетский министр и сказал, что Израиль совершил провокацию и атаковал египетские позиции. Египет вынужден защищаться... На самом деле пятнадцать минут назад сирийская и египетская армии напали на Израиль с двух сторон.

Киссинджер запросил информации о ходе боев. Американская разведка продолжала утверждать, что это не большая война, речь идет всего лишь о небольшой операции, серии стычек. Это была еще одна грубая ошибка разведки. В реальности на Ближнем Востоке разразилась самая кровопролитная и жестокая из всех арабо-израильских войн.

Сначала американцам казалось, что Израиль быстро разгромит наступающие армии: ему надо только дать время провести мобилизацию и развернуть свои силы. Но война приобрела иной характер. Сирийцы упорно пытались прорвать израильскую оборону на Голанских высотах. Египетская армия форсировала Суэцкий канал и закрепились на другом берегу. Израиль потерял много самолетов из-за точного попадания советских зенитных ракет. Израильское правительство попросило поставить им дополнительное вооружение, прежде всего зенитные ракеты «Сайдуиндер» с инфракрасной системой наведения.

А ЦРУ по-прежнему представляло своему правительству благодушные сводки об успехах израильской армии, которых не было. Американцы ждали, что Израиль легко повторит грандиозный успех шестидневной войны.

В ночь на 9 октября израильский посол разбудил Киссинджера и попросил о срочной помощи. Он сообщил, что Израиль несет большие потери: уничтожено большое количество современных самолетов и полтысячи танков. Началась война на истощение, которую Израиль ввиду малости его ресурсов мог проиграть. Президент Соединенных Штатов Ричард Никсон распорядился возместить все потери Израиля в боевой технике.

Советский воздушный мост уже действовал, и Сирия получала новые танки, потому что Израиль, наконец, отбил атаки на Голанских высотах и перешел в контрнаступление. До Дамаска было всего тридцать пять километров.

Садат приказал продолжить наступление на Синайском полуострове, но это было роковое решение. Его танковые части вышли из зоны действия зенитных ракет, которые прикрывали их с воздуха, и теперь израильтяне легко уничтожали египетские танки с воздуха. Садат сразу потерял двести пятьдесят танков. Военное счастье перешло к Израилю.

16 октября израильские танки форсировали Суэцкий канал, вышли на египетский берег и начали давить позиции ракетных зенитных установок. Садат попал в трудное положение. Его 3-я армия, высадившаяся на Синайском полуострове, была окружена и обречена на уничтожение.

Но Соединенные Штаты отнюдь не хотели, чтобы Египет потерпел поражение, а Садат был смещен: Египет перестал быть союзником Советского Союза. Пока шла война, Вашингтон и Каир каждый день обменивались посланиями по тайным каналам, организованным египетской разведкой. В разгар боевых действий Киссинджер получил приглашение приехать в Каир. Американцы заставили Израиль пойти на перемирие. Война закончилась.

В ноябре 1973 года, сразу после окончания войны, которая чуть было не привела Израиль к катастрофе, была назначена специальная комиссия. Ее возглавил председатель Верховного суда Шимон Агранат. Комиссия должна была ответить на вопрос: почему разведка не смогла предупредить страну о приближающейся войне?

Начальник военной разведки тоже давал показания перед комиссией. Он сказал:

— Мы и раньше получали сообщения о том, что война вот-вот начнется. Но ничего не происходило. Мы перестали верить этим предупреждениям... Возможно, египтяне всякий раз переносили дату атаки, видя, что мы готовы к войне. Или, нельзя исключать и этого, наш источник просто не знал правды.

Министр обороны Моше Даян подтвердил, что предупреждения о начале войны действительно поступали и прежде, но не сбывались. Израильские агенты сообщали, что президент Египта Анвар Садат в последний момент передумал.

Комиссия Аграната тем не менее пришла к выводу, что накануне октябрьской войны военная разведка получила достаточное количество предупреждений о том, что война вот-вот начнется, но руководители разведки находились в плену своей концепции и не в состоянии были увидеть картину в целом.

Самым явным доказательством приближающейся войны была эвакуация советских граждан из Египта и Сирии накануне начала боевых действий. Советские военные корабли, стоявшие в Александрии и Порт-Саиде, вышли в море, чтобы война не застала их в египетских портах.

Комиссия признала начальника военной разведки и его заместителя, начальника исследовательского отдела бригадного генерала Арие Шалева виновными в том, что они не сумели правильно интерпретировать полученную информацию.

Пост начальника военной разведки занимал генерал Элияху Заир, — перед этим он служил военным атташе в США. Послом в Вашингтоне был ушедший с военной службы бывший генерал и будущий премьер-министр Ицхак Рабин.

Элияху Заир являлся одним из самых молодых генералов: получил генеральское звание всего в сорок лет. Он родился в Хайфе. В семнадцать лет вступил в Пальмах. В Еврейском университете изучал экономику и статистику. Служил в армии. Был начальником личной канцелярии Моше Даяна.

Во время синайской войны 1956 года работал в оперативном управлении генштаба. Дважды учился в США — в командном и командно-штабном колледже. Командовал воздушно-десантной бригадой. В разведке был с 1963 года — с перерывом на командировку в Соединенные Штаты. Возглавил разведку, когда его предшественник генерал Ярив осенью 1972 года ушел в отставку. Но пробыл на своем посту всего год: октябрьская война стоила ему карьеры.

Комиссия предложила убрать из разведки ее начальника Элияху Заира («ввиду серьезного провала он не может продолжать исполнять обязанности начальника разведки»), его заместителя бригадного генерала Арие

Шалева («не может продолжать службу в разведке»), начальника египетского сектора в отделе анализа подполковника Иону Бендмана («нельзя использовать на должностях, связанных с оценкой разведывательной информации»), подполковника Давида Гедалия, старшего офицера разведки в штабе южного округа («не может занимать никакой должности в разведке»).

Новым начальником военной разведки был назначен генерал Шломо Газит, который до 1967-го руководил в разведке отделом анализа, а потом стал координатором операций на оккупированных территориях — на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Его заместителем назначили Иешуа Сагая, который служил в разведывательном отделе южного округа, а затем возглавлял разведывательную школу.

Шломо Газит родился в Турции. В 1933-м его семья эмигрировала в Палестину. Он закончил школу в Тель-Авиве и вступил в Пальмах. Командовал ротой. После войны работал в редакции военного журнала «Маахарот», потом его послали учиться на курсы командиров батальонов. Поскольку он хорошо говорил по-французски, то во время синайской войны 1956 года его назначили офицером связи при французской военной миссии. А на следующий год он отправился помощником военного атташе в посольство в Париж. После Франции он преподавал в военном училище, служил в генеральном штабе, затем был назначен заместителем командира элитной бригады «Голани». С 1964 года Газит служил в разведывательном управлении генерального штаба, после шестидневной войны руководил военной администрацией на оккупированных территориях. Интеллигентный человек, он совсем не был похож на военного.

Брат Шломо Газита — Мордехай Газит — был командиром роты в Хагане. После тяжелого ранения, полученного в первую войну 1948 года, он тоже служил в разведке, но затем перешел в министерство иностранных дел. Он закончил Еврейский университет по специальности «археология Палестины» и первые дипломатические курсы при Еврейском агентстве. Мордехай Газит был посланником в Вашингтоне, а в начале

70-х стал Генеральным директором Министерства иностранных дел.

Комиссия Аграната рекомендовала лишить военную разведку монополии на право оценивать разведывательные данные и позаботиться о плюрализме разведывательных оценок.

После этого был значительно увеличен небольшой исследовательский отдел министерства иностранных дел и создан крупный аналитический отдел в Моссад.

Комиссия рекомендовала военной разведке меньше заниматься оценками политической ситуации в стране и сосредоточиться целиком на военных материях. В аналитическом отделе были созданы региональные секции, чтобы конкретные офицеры полностью отвечали за свою страну или регион. Появилась также особая секция оценок. В ее задачу входило оценивать ситуацию по-новому, предлагать совершенно нестандартные взгляды на проблему.

Комиссия Аграната предложила, чтобы разведывательные оценки и прогнозы, с которыми знакомят высших генералов и политических лидеров страны, включали разные точки зрения и чтобы в них факты были отделены от выводов.

Разведывательные отделы северного, центрального и южного военных округов были усилены, с тем чтобы они обрели достаточную самостоятельность. Кроме того, в центральном аппарате была введена должность старшего офицера, который взял бы на себя бумажно-административные дела и освободил директора разведки для того, чтобы он мог заниматься аналитической работой.

Первым таким администратором стал бригадный генерал Дов Тамари, который был заместителем командира десантной бригады, а затем бронетанковой дивизии.

Комиссия также рекомендовала, повторяя вывод комиссии, которая работала в 1963-м после «дела Лавона», назначить премьер-министру советника по разведке, который, обладая небольшим квалифицированным штатом, мог бы оценивать выводы разведчиков. К этому предложению не прислушались.

Рекомендации комиссии Аграната не спасли военную разведку Израиля и от другого провала, который, впрочем, не имел столь же печальных последствий, поскольку на сей раз разведчики проморгали приятный поворот событий. Они не смогли предсказать драматический поворот в политике египетского президента Анвара Садата, который подписал мирные договоренности с Израилем в резиденции американского президента в Кэмп-Дэвиде в сентябре 1978 года и египетско-израильский мирный договор в марте 1979 года.

За полтора месяца до приезда Садата в Иерусалим военная разведка, опираясь на солидные исследования, консультации с ведущими политологами и коллегами из других разведок, пришла к выводу, что в арабском мире не происходит никаких перемен в отношении Израиля. Военные разведчики полагали, что президент Садат скорее попытается развязать новую войну, чем захочет мириться.

Когда военная разведка готовила ежегодный доклад, один из офицеров как бы в шутку сказал: а вдруг Египет повернется к миру? Все рассмеялись, вспоминал позднее начальник военной разведки Шломо Газит.

Интеллектуальные способности Моссад тоже не очень помогли политической разведке: и там не предвидели поворота Садата к миру.

Но военная разведка даже не знала о том, что 16 сентября 1977 года министр иностранных дел Моше Даян тайно встретился в Марокко с заместителем премьер-министра Египта Хасаном ат-Тухами.

Первые египетско-израильские переговоры состоялись благодаря королю Марокко. Давние связи израильтян с королем Хасаном II сыграли свою роль. Король просил передать израильтянам свою озабоченность неизбежным подъемом радикализма в арабских странах, если не будут предприняты немедленные усилия для достижения мира на Ближнем Востоке.

Тайные переговоры Даяна с египетским коллегой в Марракеше были организованы с помощью Моссад. Говорят, что этим занимался сам руководитель Моссад Ицхак Хофи.

В любом случае первые контакты с египтянами были секретом даже для большинства израильских министров.

За две недели до приезда египетского президента Анвара Садата заместитель премьер-министра Израиля Игал Ядин, бывший начальник генерального штаба, предложил призвать часть резервистов в качестве ответа на угрозу египетского нападения на Синае. Он считал, что может вспыхнуть новая война.

Когда 9 ноября 1977 года президент Садат заявил, что готов приехать в Иерусалим и выступить перед кнессетом, военная разведка была потрясена. Впрочем, не меньший шок испытали и многие египтяне. Министр иностранных дел Египта непримиримый Исмаил Фахми тут же подал в отставку.

Израильская военная разведка решила, что слова Садата — это ловушка. Накануне октябрьской войны 1973 года египтяне тоже вели кампанию дезинформации, уверяя мир в своем миролюбии. Начальник израильского генерального штаба Мордехай Гур заявил, что заявление Садата преследует одну цель — замаскировать подготовку к новому нападению.

За пять дней до прилета Садата в Иерусалим начальник военной разведки Шломо Газит обратился к министру обороны: что бы ни говорили египтяне, мы должны исходить из того, что на самом деле они готовятся к войне.

Начальник генерального штаба Мордехай Гур, встретивший Садата в аэропорту, был уверен, что все это просто обман. Анвару Садату в тот момент не поверил даже министр обороны Эзер Вейцман. Слушая историческое выступление президента Садата в кнессете с предложением заключить мир, Вейцман послал своему начальнику генштаба записку: «Нам надо готовиться к войне». Израильцы не поняли Садата. Его вообще понимали не многие...

Глава 34

ПАРАД ЗАКОНЧИЛСЯ РАССТРЕЛОМ

Появление президента Египта Мохаммеда Анвара аль-Садата в Иерусалиме, в непризнанной столице Израиля, коренным образом изменило ситуацию на Ближнем Востоке.

Через год, осенью 1978 года, президент Садат и премьер-министр Израиля Менахем Бегин встретились в Кэмп-Дэвиде, загородной резиденции американского президента Джимми Картера, чтобы договориться о схеме урегулирования между двумя странами, которые пролили немало крови, воюя друг с другом.

В следующем году в Вашингтоне был подписан первый мирный договор между еврейским государством и арабским.

Пока в Иерусалиме, Каире и Вашингтоне мирились два заклятых врага, остальной мир ревностно комментировал происходящее. Отказ Египта воевать против Израиля до полного уничтожения еврейского государства восхитил Европу, возмутил арабский мир и разозлил его социалистических союзников.

Прогнозы были столь же разнообразны: от утверждений, что кэмп-дэвидский мир будет недолговечным и Садат жестоко поплатится за свое предательство, до уверенности в том, что и другим арабским соседям теперь ничего не остается, кроме как договариваться с Израилем.

Из всех прогнозов точно сбился только один: Анвара Садата, который сделал для арабского мира больше, чем любой из его критиков, убили.

С ним покончили картинно: расстреляли из автоматов и забросали гранатами во время октябрьского парада армии, которую он любовно пестовал.

Если бы по счастливой случайности Садат остался жив, он, возможно, не судил бы строго мятежных офицеров. В конце концов, они действовали точно так же, как и молодой Садат, который участвовал в двух покушениях на видных египетских политиков.

Гамаль Абдель Насер, который вел Египет по социалистическому пути, сам выбрал себе в наследники Садата — человека, который очень не любил вождя египетской революции.

Со временем Садат напишет книгу воспоминаний, в которой назовет Насера «подозрительным и озлобленным». По его словам, Насер завидовал своим сотрудникам, натравливал их друг на друга и любил только власть.

В душе Анвар Садат всегда считал, что Насер не по праву занял место президента. Ведь не Насер, а девятнадцатилетний пехотный лейтенант Садат в 1938 году собрал вокруг себя офицеров, мечтавших об изгнании британских колонизаторов. Насер присоединился к этой группе только через полгода, когда его батальон перевели в город Манкабад, где офицеры-заговорщики регулярно встречались в казино.

В 1939 году и Садата и Насера отправили в разведшколу. Но они были слишком разными, чтобы сблизиться, — замкнутый, выросший в Александрии Насер и любознательный темпераментный деревенский парень из долины Нила.

«Насер произвел на меня впечатление очень серьезного человека, который не разделял интереса молодых офицеров к глупым шуткам, — вспоминал Садат. — В своем присутствии он не терпел никаких фривольностей, которые считал бы за оскорбление своей чести, поэтому большинство офицеров держались от него на почтительной дистанции и часто вовсе с ним не разговаривали... Он возвел между собой и другими людьми почти непреодолимый барьер».

Потом Насера перевели в Судан, и на некоторое время он исчез из поля зрения молодых бунтарей.

Когда началась Вторая мировая война, Садат, как и многие египетские офицеры, сделал ставку на победу Гитлера над британскими войсками. Он считал, что это произойдет в ближайшем будущем, и тогда Египет освободится от английских колонизаторов.

Антианглийские настроения в Египте усиливались день ото дня. Командующий немецким экспедиционным корпусом в Северной Африке генерал-фельдмаршал Эрвин Роммель разбил 8-ю английскую армию и достиг Эль-Аламейна, до Александрии ему оставалось всего семьдесят километров. Видя поражение ненавистных англичан, египтяне не скрывали своего злорадства. Они выходили на улицы и скандировали: «Роммель, вперед!»

Садат собрал вокруг себя своих друзей из военных и попытался уговорить и других офицеров поднять восстание, двинуться на Каир и разгромить ослабленную бри-

танскую армию. Офицеры решили, что кто-то из них должен добраться до Роммеля и сообщить, что они тоже готовы сражаться с англичанами. В обмен они требовали от немцев признания независимости Египта.

Письмо Роммелю подписали все офицеры-заговорщики, кроме Насера, который был в Судане. Четыре египетских летчика по собственной инициативе провели воздушную съемку британских военных объектов: это был подарок немцам.

Летчик Ахмед Сауди, входивший в тайную организацию, поднялся в воздух с заданием совершить обычный патрульный полет, но направил свою машину в сторону Эль-Аламейна. Он вез Роммелю письмо и данные аэрофотосъемки. Но он не сумел связаться по радио с немцами, и те просто сбили самолет с опознавательными знаками британских военно-воздушных сил. Летчик погиб.

Немцы, со своей стороны, тоже старались установить связь со всеми националистически настроенными египтянами. Летом 1942 года к Садату обратились два немецких агента в Каире. По вечерам они обычно сидели в ночном клубе «Кит-Кат», где сорили деньгами. Немецкая разведка снабдила их крупными суммами в фальшивых фунтах стерлингов. Кончилось это тем, что одна танцовщица обратила внимание английской полиции на подозрительных клиентов.

Садат забрал у агентов передатчик и решил сам связаться с Роммелем по радио. Но тут немцев, за которыми долго следили, арестовали, а вслед за ними взяли и Садата. Передатчик брат Садата успел спрятать под кучей дров в чулане.

Садат на допросах ничего не признавал. Его разжаловали и отправили в тюрьму. В тот момент ему казалось, что жизнь кончилась. Потом его перевели в лагерь для интернированных, затем в другую тюрьму. Садат начал голодовку, и его поместили в госпиталь. Отсюда в октябре 1944 года с помощью друзей Садат совершил побег.

Ему сняли квартиру, в которой он скрывался до сентября 1945 года, когда было отменено военное положение. Война закончилась, старые дела списали, и полиция

им больше не интересовалась, а сам он вполне созрел для вооруженной борьбы с англичанами и коллаборационистами — египтянами, сотрудничавшими с Лондоном.

Товарищи Садата бросили гранату в машину одного бывшего премьер-министра Египта — верного сторонника Англии, но умелый водитель спас своего пассажира. Потом они решили убить бывшего министра финансов Амина Османа, который сказал, что узы дружбы между Великобританией и Египтом подобны католическому браку, не допускающему развода.

«Эти его слова, — вспоминал Садат, — были равносильны смертному приговору, который он вынес себе сам». 6 января 1946 года приговор был приведен в исполнение. Министра застрелили в самом центре Каира. Убийца бросил гранату, полученную от Садата, в преследователей и сумел убежать. Но его выследили. На допросе он назвал Садата, которого арестовали и опять отправили в тюрьму.

Нравы британской колониальной администрации были куда либеральнее того режима, который после изгнания англичан установили молодые египетские офицеры. На допросах Анвар Садат вел себя дерзко, ни в чем не признавался и писал жалобы на следователей.

Однажды Садата вызвали на допрос ночью.

Садат возмутился:

— Все показания, на основании которых вы пытаетесь меня в чем-то обвинить, лживы. Кроме того, один важнейший факт требую занести в протокол.

— Какой?

— Вы подняли меня для допроса в два часа ночи.

— Это отмечено в протоколе.

— Я знаю. Я хочу, чтобы также занесли в протокол, что вы пытаетесь оказать на меня давление. Вы без необходимости разбудили меня ночью, хотя могли провести допрос и днем. Вы пытаетесь подорвать мое психическое здоровье.

В дальнейшем законопослушные британские следователи допрашивали Садата только днем.

Потом он потребовал отвести его к начальнику тюрьмы и написал жалобу верховному прокурору, заявив, что ди-

ректор тюрьмы и служащие политической полиции подвергали его пыткам. Директор был обескуражен:

— Кто именно пытал вас?

Садат назвал два имени.

— Когда и где?

— Я скажу об этом прокурору.

Прокурор вызвал Садата:

— Где следы пыток?

— Следов нет, — спокойно ответил Садат. — Эти пытки и не должны были оставить следа. Они меня били по лицу и пинали ногами.

Будущего президента ждала смертная казнь или пожизненная каторга. Но у Садата и его подельников были лучшие в Египте адвокаты. Процесс занял восемь месяцев — с января по август 1948 года. Время от времени обвиняемым разрешали покидать тюрьму, чтобы навесить родных. Кончилось это тем, что убийца министра попросту сбежал, а Садата оправдали.

Он вернулся в армию, сдал экзамены, чтобы наверстать упущенное, и сразу был произведен в подполковники.

После его ареста руководство «Свободными офицерами» взял на себя Насер. Садат переживал, что его отодвинули на вторые роли, но Насер уже стал признанным лидером.

Революция 1952 года была стремительной, потому что король Фарук практически не сопротивлялся. Войска легко перешли на сторону «Свободных офицеров». Ночь Садат провел на телефонном коммутаторе, связываясь с единомышленниками по всей стране. К утру власть оказалась в руках у мятежников.

Именно Садат предъявил ультиматум королю с требованием немедленно покинуть страну. Он составил текст указа об отречении, и Фарук подписал его. 26 июля 1952 года Садат стоял на борту военного корабля и наблюдал за тем, как яхта увозит из Египта последнего короля.

Карьера Садата в независимом Египте не была быстрой. Только в конце 60-х он стал заметной фигурой в Каире. Насер держал его в тени, и это усиливало недовольство Садата. «Насер был занят почти исключительно

но созданием мифа о своем величии», — писал Садат в своей книге.

Нелюбовь к Насеру превращалась в стойкое неприятие его политической линии. Впрочем, Садат в принципе не разделял социалистических убеждений Насера, и ему не нравился чересчур тесный союз с Москвой.

Став президентом Египта после смерти Насера в 1970 году, Садат более всего желал полной перемены курса.

«Я получил незавидное наследство, — скажет потом Садат. — Раздавленное человеческое достоинство... Нарушения прав человека... Наследие ненависти, которую Насер вызывал на всех уровнях... Обанкротившаяся экономика... Отсутствие нормальных отношений с какой бы то ни было страной».

Самой тяжелой травмой было оглушительное, позорное поражение в шестидневной войне с Израилем: «Я не знал, что мне делать. Я был оглушен и не способен ориентироваться во времени и пространстве».

Садат считал, что позорное поражение в шестидневной войне стало и политической смертью Насера: «Он умер не 28 сентября 1970 года, а 5 июня 1967 года, ровно через час после начала войны». Шестидневная война оставила Египет без армии, это была катастрофа. Президент Насер подал прошение об отставке. Правда, потом забрал его. Садат пришел к нему:

— Послушай, Гамаль, ты должен немедленно отправиться в Верхний Египет и продолжить борьбу. Мы обязаны сражаться до конца.

Насер, буквально раздавленный поражением своей армии, устало отмахнулся. Но Садат продолжал его уговаривать:

— Гамаль, ты должен продолжать сражение. Или мы их уничтожим, или погибнем сами.

Насер ответил:

— Анвар, сражаться уже поздно. Все потеряно...

Одной из причин поражения в шестидневной войне Садат считал союз с Москвой.

Ненависть к Советскому Союзу вызревала у Садата постепенно. В воспоминаниях он пишет о том, как пос-

ле смерти Насера разослал специальных представителей в разные страны. В Пекине Чжоу Эньлай, второй человек в китайском руководстве, задал вопрос египетскому посланнику:

— Знаете, кто убил президента Насера?

И сам ответил:

— Русские.

«Я полагаю, — пишет Садат, — что он был прав. Когда Насер оборвал свои отношения с США, Западом, арабами и Ираном, у него не оставалось больше друзей, кроме Советского Союза. Это лишило его всякой свободы действий... Русские буквально разбили сердце Насера. Вернувшись за несколько дней до смерти из последней поездки в Москву, он был готов свернуть отношения с Москвой».

В декабре 1969 года Насер сделал Анвара Садата вице-президентом, а через девять месяцев Садат возглавил Египет. Его мало кто знал в мире. На следующий день после того, как он возглавил Египет, один журналист спросил Генри Киссинджера, советника президента США по национальной безопасности, кто такой Садат. Киссинджер ответил, что это временная фигура и Садат продержится несколько недель. Все думали, что его сменит более известный генеральный секретарь Арабского социалистического союза Али Сабри, тесно связанный с Москвой.

Садата унижали бестактность и высокомерие советских руководителей. «Я понял, что бессмысленно полагаться на Советский Союз». Садат пришел к выводу, что ключевая фигура на Ближнем Востоке — это Соединенные Штаты, только они могут заставить Израиль отступить.

В марте 1971 года Садат, которому было нужно оружие, приехал в Москву — в первый раз в качестве президента. Переговоры шли трудно, вспыльчивый Садат то и дело вступал в перепалку с Председателем Совета Министров Алексеем Косыгиным и министром обороны Андреем Гречко.

Брежнев подтвердил, что Советский Союз снабдит Египет оружием. Но Садат был недоволен, что ему дают не то оружие, которое ему нужно. Он хотел иметь самые современные самолеты с ракетным вооружением.

Брежнев соглашался, но при условии, что ракеты будут пушены в ход только с санкции Москвы.

Садат побледнел от гнева:

— Египетскими самолетами может командовать только египетский президент!

Проводя новый курс, ломая насеровскую линию в экономике и во внутривластической жизни, Садат убирал из правительства убежденных насеристов и избавился от просоветского лобби в Каире. Так, Садат решил убрать вице-президента Али Сабри, который, по его словам, «был главным агентом Советского Союза». Садат пригласил советского посла:

— Хочу заранее сообщить вам, что собираюсь уволить Али Сабри. Западная пресса напишет, будто я сместил главного промосковского человека, и это вас огорчит. Но вам надо знать, что у Москвы не может быть своих людей в Египте. Вы имеете дело с правительством, а не с отдельными людьми.

17 июля 1972 года Садат попросил всех советских военных советников в течение недели вернуться домой, а в Египте находилось больше двадцати тысяч советских офицеров. В качестве советников они служили во всех воинских частях, начиная с батальона.

Египетско-советская дружба закончилась. Садат отказался от услуг советских военных потому, что уже тогда готовился переориентироваться на Соединенные Штаты.

В начале апреля 1972 года Египет установил секретный канал связи с Белым домом. Один высший египетский офицер заявил американскому дипломату в Каире, что в Египте недовольны контактами на официальном уровне и хотели бы установить связь на президентском уровне. Так начался секретный обмен информацией между Вашингтоном и Каиром.

Позиция Советского Союза была исключительно приятна арабским странам: Москва поддерживала все их требования, давала оружие. Но СССР не мог помочь им вернуть утраченные территории. Первым не выдержал Египет, который в шестидневной войне потерял больше всех. Садат решил, что надо искать помощи не у Советского Союза, а у Соединенных Штатов.

Анвар Садат мечтал взять реванш в противоборстве с Израилем, но полагал, что Москва попытается остановить его. Советских лидеров устраивала «холодная», а не «горячая война» на Ближнем Востоке.

За несколько дней до начала октябрьской войны 1973 года президент Сирии Хафез Асад сообщил Москве, что они с Садатом намерены нанести удар по Израилю. Брежнев очень осторожно сказал, что последствия этого шага могут оказаться совсем не такими, на какие рассчитывают арабские лидеры.

В октябре 1973 года, в дни еврейского праздника йом-киппур, египетские и сирийские войска с двух сторон атаковали Израиль. Сирийские генералы жгли свои танки, безуспешно пытаясь прорвать линию израильской обороны. Для них и эта попытка закончилась разгромом. Но для Садата октябрьская война была долгожданным отмщением израильтянам.

Он постоянно объявлял и отменял мобилизации и притупил бдительность Израиля, который решил, что Садат просто играет в военные игры.

«Двести двадцать два сверхзвуковых самолета приняли участие в первой атаке на израильские позиции на Синае и выполнили свою миссию. Мы потеряли только пять самолетов. В эти первые минуты погиб мой младший брат Атиф, пилот ВВС, — вспоминал Садат. — Египетские военно-воздушные силы расквитались за все, что потеряли в войнах 1956-го и 1967 годов. Они проложили нашим войскам путь к победе, вернувшей нашему народу и всей арабской нации веру в себя».

Затем египетские войска начали переправляться через Суэцкий канал. Египетское знамя взвилось на Синайском полуострове, потерянном в 1967 году.

Египетские саперы прорезали проходы для танков в земляных укреплениях с помощью сверхмощных водометов. Немецкие промышленники, изготовившие водометы по египетскому заказу, удивлялись: «Зачем им нужны такие машины? Разве возможен пожар, для тушения которого понадобится такой напор воды?»

К вечеру с Садатом пожелал встретиться советский посол. Садат с негодованием вспоминал, что Москва предла-

гала ему согласиться на перемирие. Президент Египта заявил, что согласится на перемирие только тогда, когда «будут достигнуты главные цели моей войны».

— Я не желаю никакого перемирия, — твердо повторял Садат. — Мне нужны еще танки, потому что нам предстоит самая большая танковая битва в истории.

Москва организовала воздушный мост, чтобы перебросить в Египет оружие и боеприпасы. Сто сорок танков прислал югославский лидер Иосип Броз Тито.

В Каир прилетел глава Советского правительства Алексей Косыгин. Садат обрушился на него с обвинениями:

— Вы дали нам устаревшую технику для наведения мостов через Суэцкий канал! У нас ушло на это пять часов в то время, как у вас есть новая техника, позволяющая сделать это за полчаса. Оружие, которым вы нас снабжаете, нельзя назвать современным! По вашей вине мы отстаем от Израиля. И вы называете это дружественными отношениями?

Косыгина прислали в Каир уговорить Садата согласиться на прекращение боевых действий. В Москве видели, что Израиль оправился от первого удара и быстро перейдет в контрнаступление. Так и случилось. Израильтяне нанесли контрудар, переправились через Суэцкий канал и перенесли военные действия на территорию Египта.

— Эта контратака окончательно изматывает вас, — сказал Косыгин, — под ударом оказался Каир.

Садату показалось, что в этот день на обычно непроницаемом лице Косыгина читалось злорадство. Вероятно, египетский президент ошибался: всякий, кто помнит хмурое лицо Косыгина, поймет, что прочесть его истинные чувства было невозможно. Кроме того, если Косыгину и не нравился Садат, то Израиль он не любил всей душой.

— Где танки, о которых я просил? — ответил ему вопросом Садат.

— Мы сконцентрировали усилия на Сирии, — ответил Косыгин, — она за один день потеряла тысячу двести танков...

После короткого периода растерянности израильская армия действовала быстро и решительно. Египетские части на Синайском полуострове были окружены, а переправившиеся на другой берег израильские танки рвались к Александрии и Каиру.

В то время как американский спутник каждый час сообщал информацию о быстро меняющейся обстановке Израилю, жаловался Садат, египтяне не получали разведывательных сводок от советских спутников, которые тоже следили за ходом боевых действий.

Между тем Соединенные Штаты тоже организовали воздушный мост и перебрасывали в Израиль военную технику, боеприпасы и запасные части. Чаша весов начала склоняться в пользу израильтян.

«Я принял решение согласиться на перемирие, — вспоминал Садат, — потому что против меня были США и Израиль. А Советский Союз стоял за мной, готовый воткнуть кинжал мне в спину. Советский Союз хотел доказать нам, что мы не можем вести войну, потому что я выслал советских экспертов. Брежнев сказал алжирскому президенту Хуари Бумедьену, который ринулся в Москву просить о помощи арабским странам, что Садат дурак и погубит Египет».

Садат не отказался бы от помощи со стороны Москвы, если бы советские руководители пошли во имя Египта на прямую конфронтацию с американцами. Но к счастью для всех, Москва была достаточно осторожна и не хотела устраивать мировую войну из-за ближневосточного конфликта.

А тем временем военная ситуация окончательно изменилась в пользу Израиля. Военные специалисты видели, что если боевые действия продлятся еще день-другой, то Египет и Сирия потерпят новое поражение.

Теперь уже Садат взмолился о помощи. Ночью он вызвал к себе советского посла и умолял разбудить Брежнева и добиться через американцев немедленного прекращения огня.

В Москве Брежнев и министр иностранных дел Андрей Громыко обсуждали, что дальше делать на Ближнем Востоке. Эту беседу записал Анатолий Черняев, сотрудник Международного отдела ЦК КПСС.

Брежнев сказал Громыко: надо восстановить дипломатические отношения с Израилем. По собственной инициативе.

Громыко осторожно заметил: арабы обидятся, будет шум.

Брежнев ответил очень резко:

— Пошли они к е... матери! Мы столько лет предлагали им разумный путь. Нет, они хотели повоевать. Пожалуйста, мы дали им технику, новейшую — какой во Вьетнаме не было. Они имели двойное превосходство в танках и авиации, тройное — в артиллерии, а в противовоздушных и противотанковых средствах — абсолютное. И что? Их опять раздолбали. И опять они драпали. И опять вопили, чтобы мы их спасли. Садат меня дважды среди ночи к телефону поднимал. Требовал, чтобы я немедленно послал десант. Нет! Мы за них воевать не станем: Народ нас не поймет...

Но об этом монологе Генерального секретаря никто не знал. В том числе и Садат, который в поисках союзников повернулся лицом на Запад.

В октябре 1973 года Израиль потерпел не военное, а морально-психологическое поражение. Еврейское государство утратило ореол непобедимости. В этом и заключался триумф президента Анвара Садата. Насер терпел от Израиля одно поражение за другим. Садат же считал, что вышел из войны победителем.

Его скрытое соперничество с уже покойным Насером продолжалось. Садат отказался от социалистических идей в экономике. Политика открытых дверей и либерализации экономики — «инфитах» — послужила основой экономического оздоровления Египта. Садат провел политическую реформу, отменив всевластие насеровского Арабского социалистического союза.

Восстановив национальное самоуважение, Садат мог заняться поисками мира. Государственный секретарь Генри Киссинджер впервые приехал в Каир в ноябре 1973 года. Удостоенный Нобелевской премии мира за окончание вьетнамской войны, Киссинджер мечтал еще об одной дипломатической победе — на Ближнем Востоке.

Садат вспоминал: «Наш первый разговор продолжался три часа. Впервые вижу истинное лицо Соединенных Штатов, на которое мне всегда хотелось посмотреть, — не ту маску, которую надевали Даллес, Дин Раск и Роджерс (сменявшие друг друга государственные секретари США. — Л. М.). Если бы кто-нибудь увидел нас с Киссинджером, он принял бы нас за старых друзей... Никто, кроме США, не смог бы сыграть роль посредника между двумя сторонами, люто ненавидящими друг друга, сторонами, которые разделены морем враждебности, насилия и крови».

Киссинджеру президент Садат тоже понравился: «Садат был выше ростом, более смуглый и импозантный, чем я предполагал, и казался воплощением энергии и уверенности. Этому крестьянскому сыну были присущи достоинство и аристократизм, что так же не вязалось с его революционным прошлым, как и его повелительная манера и поразительное спокойствие».

Садат, по мнению Киссинджера, в отличие от сирийского президента Хафеза Асада не был склонен к торгу. Египтянин с самого начала обрисовывал свою истинную позицию и редко отступал от нее.

Генри Киссинджер, самый талантливый американский дипломат послевоенной эпохи, годами работал над тем, чтобы сблизить позиции Египта и Израиля. Он постоянно перелетал из Иерусалима в столицы арабских государств и обратно. В какой-то момент заместитель Киссинджера в государственном департаменте Джо Сиско, обращаясь к журналистам, которые сопровождали их в поездке, сказал: «Добро пожаловать на борт египетско-израильского челнока». Так появился термин «челночная дипломатия».

В июне 1975 года Садат сделал то, что отказывался сделать его предшественник Насер: открыл Суэцкий канал для свободного судоходства. США, Великобритания и Франция помогли очистить канал от мин. Советский Союз, не упустил заметить злопамятный Садат, предложил свои услуги с опозданием.

Весной следующего года Садат денонсировал Договор о дружбе и сотрудничестве с СССР. А еще через год, в

сентябре 1977 года, министр иностранных дел Моше Даян тайно встретился в Марокко с заместителем премьер-министра Египта Хасаном ат-Тухами. Через два месяца Садат прилетел в Иерусалим.

По мнению Киссинджера, Садат первоначально хотел изменить свой образ воинственного араба и поставить Израиль в положение обороняющегося, предложив ему мир. Признав Израиль, он надеялся заставить Израиль вернуть арабские земли. Но то, что, вероятно, первоначально было тактикой, стало стратегией.

В Вашингтоне уже была новая команда: на президентских выборах победу одержал провинциальный политик Джимми Картер. Он не просто пожинал плоды многолетней работы Киссинджера на Ближнем Востоке. Именно Картер, моралист и миссионер, близко к сердцу принял идею арабо-израильского мира. Он сумел создать особый моральный климат, который привел в Кэмп-Дэвиде президента Садата и премьер-министра Бегина к согласию.

Прийти к миру Израилю было так же трудно, как и Египту.

Пожалуй, только непримиримый Менахем Бегин сумел бы поладить с Анваром Садатом. Его предшественница Голда Меир не смогла преодолеть себя.

Умом она давно поняла, что Израилю придется уступить часть территории арабским государствам в обмен на мир. Но сама она не могла пойти на это. Весь окружающий мир казался ей враждебным по отношению к евреям.

Когда Генри Киссинджер заговорил о том, что формула «мир в обмен на территории» вполне разумна, Голда Меир мрачно ответила ему:

— Как я пойду к людям и объясню им все это? Неужели я должна им сказать: была война и другая, и мы потеряли много людей ранеными и убитыми, но это ничего не значит, и теперь мы должны отдать территории, потому что арабы говорят, что это их земли?.. Я никогда не соглашусь, что между теми, кто нападает, и теми, на кого нападают, нет никакой разницы... Если мы на это пойдем, если наши соседи увидят, что можно воевать, не боясь ничего потерять, мы только поощрим их на агрессию.

А вот Менахем Бегин был подходящим партнером для Садата. Бегина, как и Садата, никто не мог заподозрить в слабости, либерализме или уступчивости. В этом смысле у него был запас доверия, который позволил ему отдать Египту Синайский полуостров и поверить в то, что президент Садат искренне желает мира. Кроме всего прочего, их объединяла нелюбовь к Москве.

После раздела Польши Гитлером и Сталиным офицер польской армии Менахем Бегин оказался в советской зоне оккупации, был арестован и отправлен в один из лагерей НКВД на Печоре. Его выпустили из лагеря уже после того, как Германия напала на Советский Союз. Бегин изъявил желание вступить в польскую армию генерала Владислава Андерса, которая формировалась на территории СССР.

Польское эмигрантское правительство перебросило армию Андерса на Ближний Восток. Так Менахем Бегин в 1942 году оказался в Палестине. Через два года, когда уже не надо было сражаться с нацистами, он возглавил подпольную группу еврейских партизан, которые восстали против англичан.

Не было другого человека в Палестине, которого английская полиция искала бы с большим рвением, чем Бегина. После провозглашения Государства Израиль он превратил свою боевую организацию Иргун цвай леуми в партию и был избран в кнессет. В жизни это был спокойный человек, вежливый и неизменно целующий ручки дамам, как и положено бывшему офицеру польской армии. Но в политике он был абсолютно непримирим.

В 1952 году он лишил себя возможности войти в правительство, когда устроил демонстрацию в Иерусалиме против переговоров с ФРГ о получении компенсации за преступления нацистов против еврейского народа.

— Возможно, это моя последняя речь в кнессете, — кричал он тогда с трибуны. — Но переговоров с Германией не будет!

В 1967 году Менахем Бегин все-таки вошел в правительство. Но через три года отказался от своего поста, когда Голда Меир всего лишь согласилась на переговоры с арабскими государствами о разъединении войск. Бегин

заявил, что переговоры приведут к отводу израильских войск, а это для него неприемлемо. Арабы, сказал человек, который через восемь лет отдаст Египту Синай, не получают «ни пяди территории нашей Родины».

Израильские лидеры постоянно повторяли:

— Израиль слишком маленькая страна, чтобы идти на территориальные уступки. Израиль исходит из того, что территориальные уступки нужны арабам не сами по себе, а для того, чтобы ослабить Израиль. Израилю лучше жить в опасности, чем пойти на уступки, которые приведут к его уничтожению. Любые уступки, которые могут ослабить Израиль, слишком опасны для него. Любые уступки недостаточны для арабов, если Израиль остается...

И все же Менахем Бегин поверил в искренность Анвара Садата и понял, что его мирные предложения — исторический шанс, который может не повториться.

Когда Садат установил дипломатические отношения с Израилем и в Каире над зданием израильского представительства взвился флаг со звездой Давида, президент Египта превратился в главного врага всех арабских националистов — в самом Египте и за его пределами.

Упреки исламских фундаменталистов Садат встречал хладнокровно. Во всяком случае, он был не менее набожным человеком, чем богатые ханжи из Саудовской Аравии, которые даже во время поста умудрялись захаживать в увеселительные заведения Каира. Садат боролся с поклонниками покойного Насера, с левыми, с промосковским лобби, но недооценил самого опасного врага — братьев-мусульман. Эта подпольная организация была основана в 1928 году. Ее цель — создание всемирного исламского государства.

Его предшественник Гамаль Абдель Насер понимал, какая опасность от них исходит. Они дважды пытались его убить, и он бросил тысячи братьев-мусульман в тюрьмы, где многих пытками замучили до смерти.

Садат, придя к власти, оставшихся в живых выпустил из тюрем и даже назначил им пенсии. Он в юности познакомился с духовным вождем братьев-мусульман шейхом Хасаном аль-Банной. Садат бывал на его еженедельных проповедях, которые Банна читал каждый вторник

после вечерней молитвы в пригороде Каира. Садат и аль-Банна тогда договорились о совместных действиях против англичан.

Садат симпатизировал фундаменталистам. Но он не понял, что именно эти люди, готовые без колебаний пожертвовать жизнью, никогда не простят ему мира с Израилем. Для них не было худшего преступления.

В последние годы своей жизни Садат демонстрировал редкостное упрямство, неожиданное для политика. Скажем, демонстративно предоставил убежище бежавшему в 1979 году из Тегерана иранскому шаху Мохаммеду Реза Пехлеви, которого никто не хотел принимать. Чем больше Садата в арабских странах поносили за союз с Западом, тем охотнее он демонстрировал особые отношения с США — словно назло своим врагам.

Садат стал любимцем западного мира — и врагом Востока. Жюри, составленное из таких признанных авторитетов, как Джина Лоллобриджида и Пьер Карден, включили египетского президента в десятку самых элегантных мужчин мира. Для Арабского Востока это было уже чересчур...

Когда Садата убили, на Западе многие решили, что за этим стоит КГБ. Бывший государственный секретарь Соединенных Штатов Генри Киссинджер сказал тогда:

— Не подлежит сомнению, что на Ближнем Востоке поднялась радикальная волна, подпитываемая советскими секретными службами...

В реальности Садата убили сами египтяне. Его смерть не привела к большим переменам в политике Египта.

В отличие от Насера Анвар Садат более удачно выбрал себе преемника. Бывший военный летчик генерал Хосни Мубарак, спокойный и разумный, по существу, развивал то, что было заложено Садатом.

Избавление от насеровского социализма позволило Египту превратиться в достаточно благополучную страну со стабильной экономикой. Мир с Израилем не только вернул Египту Синайский полуостров, но и избавил от необходимости постоянно вооружаться и ждать войны. Испорченные после Кэмп-Дэвида отношения с арабскими государствами постепенно восстановились.

Но Египет долгое время оставался единственной арабской страной, установившей дипломатические отношения с еврейским государством. Трагическая судьба Анвара Садата остановила тех арабских политиков, которые тоже хотели бы принести своим странам мир. Всех, кроме молодого ливанского президента Башира Жмайеля.

Глава 35

ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ ПРЕЗИДЕНТА ЖМАЙЕЛЯ

Захватив в 1967 году Голанские высоты, Западный берег реки Иордан и Синайский полуостров, Израиль получил границы, защищать которые было легче, чем прежние. Но у всякой победы есть оборотная сторона. Именно с этого момента начался активный палестинский терроризм.

Арабские страны пришли к выводу, что пока они не могут победить Израиль в войне, поэтому решение палестинской проблемы следует предоставить самим палестинцам.

Палестинские боевики поставили перед собой задачу ослабить Израиль ударами изнутри и заставить его уйти с оккупированных территорий.

Первоначально оккупированные территории находились под жестким военным управлением. В декабре 1975 года министр обороны Шимон Перес предложил провести в следующем апреле выборы в городах Западного берега реки Иордан.

Перес исходил из того, что участие в выборах, демократическом процессе, даст палестинцам ощущение того, что они сами управляют своей жизнью, и это уменьшит ненависть к оккупантам. Министр обороны полагал, что если мэрами будут избраны консервативные и прагматичные политики, которые ориентируются на умеренную Иорданию, то они станут барьером против роста влияния радикальной Организации освобождения Палестины.

Но выборы на Западном берегу привели к неожиданному для израильтян результату. Не потому, что у правительства не было надежной разведывательной информа-

ции о происходящем на оккупированных территориях, а потому, что ее неправильно оценили.

Министр Перес сам вскоре почувствовал, что промахнулся.

Популярностью среди палестинцев пользовались не те политики, которые хотели возвращения под власть иорданского короля Хусейна, как это было до июня 1967 года, а радикальные сторонники Организации освобождения Палестины и ее лидера Ясира Арафата, призывавшего к созданию самостоятельного государства палестинских арабов.

За четыре дня до выборов контрразведка Шин-Бет предупредила министра обороны Шимона Переса, что скорее всего победят кандидаты, которые поддерживают позиции ООП. Так и получилось. Отныне палестинские города на Западном берегу управлялись теми, кто поддерживал Арафата и жестко выступал против Израиля.

Это ухудшило и без того плохие отношения министра обороны Шимона Переса с премьер-министром Ицхаком Рабином.

Шимон Перес, как министр обороны, отвечал за ситуацию на оккупированных территориях, но контрразведка Шин-Бет подчинялась премьер-министру. Однако Рабин обиделся на Шин-Бет и ее нового начальника Аврахама Ахитува, обвинив его в том, что тот работает на Переса, а не на премьер-министра.

Рабин потребовал от службы безопасности представлять ему не только выводы, но и самую разведывательную информацию.

Шин-Бет была страшно обижена, потому что она предупреждала правительство о ситуации на оккупированных территориях, но к ней не прислушались. Хотя некоторые офицеры Шин-Бет согласились с тем, что они сконцентрировались на борьбе с террористами и пренебрегли изучением общей политической ситуации на оккупированных территориях.

Дурные отношения между двумя руководителями правительства Рабином и Пересом сделали жизнь начальника Шин-Бет Аврахама Ахитува, вынужденного постоянно маневрировать, отвратительной.

А тут еще произошла одна неприятная история. Служащий-араб в иерусалимском отеле «Дипломат» обнаружил в ресторане секретный документ министерства иностранных дел, оставленный Моше Даяном. Даян был уже не министром, а всего лишь депутатом кнессета. Он завтракал в гостинице, за чаем читал документы и один из них оставил на столе.

Неофициальное расследование, проведенное Шин-Бет, выявило, что Перес по старой дружбе знакомил своего знаменитого предшественника с некоторыми секретными документами. Кто-то в контрразведке позаботился о том, чтобы об этом стало известно прессе.

Премьер-министр Рабин разозлился и приказал вычеркнуть Переса из списка получателей особо секретной информации. Потом, конечно, это решение было отменено, потому что Перес все-таки был министром обороны.

Положение главы Шин-Бет Аврахама Ахитува изменилось к лучшему, когда на выборах победили правые и премьер-министром стал Менахем Бегин.

Бегин знал, что такое слежка Шин-Бет, еще по тем временам, когда служба безопасности следила за ним самим и его правой партией Херут в 50-х годах. В те времена директор Моссад и куратор всех спецслужб Иссер Харел верно служил не только стране, но лично премьер-министру Бен-Гуриону и его Рабочей партии.

Ахитув, старомодный человек, который придерживался раз и навсегда установленных правил и носил только темные костюмы и нарукавники, понравился столь же старомодному премьер-министру Менахему Бегину. Бегин им просто восхищался. Это помогло Ахитуву добиться того, чтобы мнение контрразведки было определяющим в вопросах внутренней безопасности.

Ахитув заботился и о своих сотрудниках. В 1975-м их зарплаты приравнивали к жалованью офицеров регулярной армии в знак признания того, что сотрудники Шин-Бет служат в особо опасных условиях на оккупированных территориях. Он искал талантливую молодежь и назначал на высокие посты людей, которым не было и сорока. Он был очень авторитарен, умен, настойчив, амбициозен и трудолюбив.

Ахитув начал работать в службе безопасности в начале 50-х. Он родился в Германии, его родители бежали в Палестину после прихода нацистов к власти. Он получил религиозное воспитание, но оказался вполне практичным человеком, изучал металлургию и работал в Национальной электрической компании. Ранение в войне 1948 года оставило его хромым на всю жизнь.

Он руководил операциями Шин-Бет в секторе Газа еще во время войны 1956 года. Этот опыт пригодился после шестидневной войны, когда ему поручили заниматься арабским населением оккупированных территорий. Его заметил начальник генерального штаба Моше Даян, благодаря которому Ахитув и сделал карьеру.

В начале 60-х Ахитув работал на Моссад за границей, о чем мало кому было известно. Он участвовал в разрушении египетского ракетного проекта и в охоте на Адольфа Эйхмана. Он жестко и весьма разумно отказывался только от одного вида работы — от расследования постоянных утечек информации из правительства. Такие щекотливые задания втянули бы его в неприятное выяснение отношений со множеством министров, их заместителей и прочих влиятельных лиц, которые по разным причинам делились секретными сведениями с журналистами или деловыми партнерами.

Ахитув был очень требователен к своим подчиненным. Он уволил офицера, когда выяснилось, что тот пытался получить в кассе Шин-Бет деньги за завтрак с информатором, которого в реальности не было. Ахитува боялись. Когда он входил в здание, все замирали, можно было услышать только, как летают мухи. Но и к себе он был не менее требователен. Самоучка, он нашел время и силы закончить школу и юридический факультет университета.

Но при всей любви к Ахитуву, когда тот выслужил тридцатилетний срок, Бегин попросил его назвать себе преемника и отправил в отставку. В декабре 1980-го Ахитув ушел со службы с величайшим сожалением.

Примерно до середины 80-х Шин-Бет казалась очень эффективной службой. До поры до времени она в целом успешно срывала террористические акции против Израиля, раскрывала 85 процентов преступлений.

В декабре 1972 года, еще когда Ахитув занимался исключительно арабскими делами, Шин-Бет вскрыла агентурную сеть сирийской разведки внутри Израиля. Это был первый случай, когда группа левых израильтян и арабов-националистов работала на иностранную разведку по идеологическим соображениям.

Сирия считалась злейшим и непримиримым врагом Израиля и евреев. Как же еврей мог стать сирийским агентом?

Самым заметным из арестованных сирийских агентов был Уди Адив, двадцатипятилетний студент университета в Хайфе, выросший в киббуце, футбольная звезда. Он служил в десантных войсках армии обороны Израиля и участвовал в шестидневной войне. Вместе с ним на сирийскую разведку согласился работать учитель математики Дан Веред.

Агентурной сетью руководил Дауд Турки, араб-христианин, который владел книжным магазином в Хайфе и придерживался националистических и коммунистических убеждений.

Он встретился с Адивом в 1970 году на митинге Израильской социалистической организации. Эта небольшая группа после шестидневной войны стала авангардом оппозиции правительственному курсу. Ее идеология была смесью троцкизма и маоизма, которые оказали такое сильное влияние на левое студенчество во всем западном мире в конце 60-х. В группу входило около ста человек, еще столько же им симпатизировало.

Дауд Турки связался с сирийской разведкой в поисках денег для нового революционного подпольного движения. Получив деньги, он завербовал двух израильтян, а также нескольких арабов. Оба израильтянина секретно посетили Дамаск, где им показали, как шифровать донесения довольно простым кодом, научили обращаться с оружием и взрывчаткой.

От них требовали сообщений о ситуации в Израиле. Но с профессиональной точки зрения они мало что могли сообщить сирийцам. Всех их быстро арестовали. Дауд Турки запел «Интернационал», когда его вместе с Адивом приговорили в марте 1973-го к семнадцати го-

дам тюремного заключения. Турки не пришлось отсидеть весь срок. Израильтяне его освободили, чтобы выручить своих людей, которые попали в руки террористической организации Народный фронт освобождения Палестины — Главное командование, которой руководил Ахмед Джibrил...

Но ловить шпионов, особенно непрофессиональных, было не так сложно. Значительно труднее становилось с каждым годом предупреждать террористические акции палестинского движения сопротивления.

Палестинцы получали деньги, оружие и все остальное от богатых арабских стран и социалистического мира. Хотя отношение остальных арабов к палестинцам оставалось двойственным.

На словах палестинцев поддерживали и подталкивали к вооруженной борьбе. В реальности ими пользовались в собственных политических целях. Использовать территорию Египта для подготовки террористических акций им не разрешали. Из Иордании их в 1970 году выбили правительственные войска. С территории Сирии им разрешали действовать только тогда, когда президент Хафез Асад хотел досадить Израилю.

Тогда палестинцы обосновались в Ливане.

Утром 11 марта 1978 года две резиновые лодки пришвартовались к израильскому берегу, одиннадцать палестинцев высадились на берег. У каждого советский автомат «АК-47», десять полных магазинов, четыре гранаты и взрывчатка.

Первым они застрелили прилетевшего из Америки фотографа Гайла Рубина, который снимал редких птиц. Затем прошли три километра до дороги Хайфа — Тель-Авив, главной автомагистрали Израиля. Обстреляли несколько машин и остановили одно такси и два автобуса, на которых ехали на пикник водители автобусов и их семьи.

Палестинцы согнали всех пассажиров в один автобус и приказали водителю ехать в южном направлении — в сторону Тель-Авива. По пути они стреляли из окон в

проезжающие мимо машины и в преследовавшие их полицейские автомобили. Полицейские боялись открывать ответный огонь, чтобы не попасть в заложников.

Большое количество полицейских, пограничников и солдат было стянуто к оживленному перекрестку к северу от Тель-Авива. Когда автобус приблизился к перекрестку, он столкнулся с преградой. Солдаты и полицейские сначала стреляли по колесам, затем по окнам, из которых вели огонь террористы. Послышались взрывы гранат, и автобус загорелся.

Когда полицейские и врачи ворвались в автобус, они обнаружили там девять трупов террористов и много убитых израильтян. Некоторые тела обгорели. Погибло в общей сложности тридцать семь израильтян, четверо были тяжело ранены.

Никогда еще террористическая операция не заканчивалась столь кровавым исходом. Никогда еще палестинские боевики не наносили Израилю такой тяжелый удар.

После долгого заседания и жестокого спора правительство решило, что террористам надо дать достойный ответ. Через пять дней началась операция «Литани» — вторжение в Ливан.

Начальник военной разведки Шломо Газит объяснял это следующим образом: «Когда происходит такого рода кровопролитие, правительство понимает, что не может не принять какие-то меры. Политики приходят в военную разведку, как в какой-то магазин, и спрашивают: что вы можете нам предложить? Мы говорим, что удар можно нанести по таким-то и таким-то целям. Они выбирают цель, и мы действуем».

Операция «Литани» носила ограниченный характер. Израильские войска очистили от палестинцев узкую полосу ливанской территории и остановились. Палестинские боевые отряды отошли, но продолжали действовать с территории Ливана. Когда 3 июня 1982 года в Лондоне был тяжело ранен израильский посол Шломо Аргов, в Иерусалиме в доме премьер-министра Бегина собралось срочное заседание кабинета министров.

Аврахам Шалом, руководитель контрразведки Шин-Бет, предположил, что покушение — дело рук небольшой

палестинской группы, которую возглавлял известный террорист Абу Нидаль. Но ни премьер-министр Бегин, ни начальник генерального штаба генерал Рафаэль Эйтан не прислушались к начальнику своей контрразведки. Они считали, что любой террористический акт — это дело рук Организации освобождения Палестины и Ясира Арафата. Следовательно, нужно нанести ответный удар по позициям бойцов Арафата в Ливане.

Мнения директора Моссад Ицхака Хофи и начальника военной разведки Иешуа Сагая министры не спросили.

Оба главных разведчика были против военной операции в Ливане, но она состоялась. Вначале казалось, что операция развивается успешно: инфраструктура палестинских боевых отрядов была уничтожена, и лидером Ливана стал очевидный союзник Израиля Башир Жмайель...

12 сентября 1982 года, в разгар ливанской операции, был назначен новый директор Моссад — Наум Адмони.

Адмони родился в Иерусалиме. Его родители эмигрировали из Польши. Он служил в военной разведке во время войны 1948 года. После этого он изучал международные отношения в Калифорнийском университете в Беркли. Когда он вернулся в 1954-м в Израиль, его пригласили читать лекции в разведывательной школе. Его первая командировка была в Эфиопию. В середине 60-х его отправили в Париж, как раз в тот момент, когда между Израилем и Францией шло активное военное сотрудничество. Затем он работал в США, в 1976 году стал заместителем директора Моссад, а через шесть лет пересел в директорское кресло.

Адмони был по-настоящему интеллигентным человеком, говорил мягко и спокойно. Его было легче принять за финансиста, чем за руководителя разведки. Он старался держаться подальше от политики. Он был первым руководителем Моссад, вышедшим из гражданской бюрократии. Прежде этот пост занимали военные, в основном выходцы из военной разведки.

Адмони получил этот пост, потому что более вероятный кандидат на должность руководителя Моссад гене-

рал Иекутиел Адам, уже выбранный Бегином для назначения, погиб во время инспекционной поездки в Ливан, и погиб нелепо. Он находился в пустом доме, откуда осматривал в бинокль окрестности, и в этот момент в здание случайно попал израильский снаряд. Вместе с ним погибло еще несколько офицеров.

Через день после назначения Адмони на пост директора политической разведки стало ясно, что ливанская война не увенчалась успехом...

Утром 14 сентября 1982 года только что избранный президент Ливана Башир Жмайель выступал в монастыре возле Бейрута, где его сестра была монахиней. Монастырь — прохладное каменное здание, стоявшее на скале, — был связан для Башира со светлыми воспоминаниями: сюда он привозил погулять свою дочку, пока ее не убили, чтобы наказать отца.

Когда Башир произносил свою речь в монастыре, 26-летний ливанец Хабиб Тану Шартуни в последний раз проверил гигантскую бомбу, которую накануне ночью он подложил в комнату на втором этаже штаб-квартиры возглавляемой Жмайелем фалангистской партии. Детонатор был японского производства. Он позволял взрывать бомбу с расстояния в несколько километров.

Шартуни входил в штаб-квартиру фалангистов как к себе домой. Это и был его дом. Он жил в этом здании со своей семьей в небольшой квартире на последнем этаже. Его дядя был охранником отца Башира Жмайеля, сестра — подружкой одного из помощников Башира.

Из монастыря Башир поехал в резиденцию фалангистов: как президент страны, он собирался отказаться от партийного поста и хотел всех поблагодарить за помощь.

Когда Башир поднялся в конференц-зал, Хабиб Шартуни покинул партийный дом и поехал в сторону Восточного Бейрута.

Примерно в четыре часа Башир начал свою речь. Ровно через десять минут Хабиб Шартуни, сидя в машине, нажал кнопку дистанционного управления взрывателем. Взрыв услышал весь Бейрут. Трехэтажное здание поднялось в воздух и рассыпалось.

Среди бранных останков погибших, извлеченных из-под обломков раньше других, находилось и тело Башира Жмайеля. Лицо президента было изуродовано до неузнаваемости, и его труп вместе с остальными отвезли в морг. Опознали руководителя страны только на следующий день по кольцу и письму сестры, найденному в кармане.

Шартуни поймали. В последний момент он вспомнил, что в здании осталась его сестра. Он сказал ей, чтобы она немедленно уходила, бросив все. Она выбежала из партийного дома с криками, и в этот момент произошел взрыв. Ее задержали и спросили, почему она решила, что с домом что-то должно произойти. Она честно ответила, что ее предупредил брат...

Шартуни после ареста сказал, что считал Башира предателем из-за его дружбы с Израилем. Следствие пришло к выводу, что Шартуни и человек, передавший ему взрывчатку (он сумел скрыться), были агентами сирийцев.

Башира Жмайеля в арабском мире называли «крестомосцем наших дней», — возможно, потому, что он принадлежал к христианам-маронитам — потомкам членов католической секты, изгнанных из Сирии в V веке и нашедших убежище в Ливане. Марониты в этой стране буквально процветают. За ними в конституции закреплено место президента, тогда как премьер-министром, напротив, должен быть мусульманин. Они занимают важнейшие посты в армии и в финансовом мире.

Башир Жмайель был младшим сыном лидера одного из трех крупнейших кланов христианского Ливана. Клан Жмайелей правил своей частью страны на старофеодальный манер, поощряя верных вассалов, наказывая непослушных и взимая дань со всех подданных. Мальчика воспитывали в средневековых традициях, и это повлияло на его образ мыслей и действий. Впрочем, он и от природы был наделен качествами вождя, способного убеждать и вести за собой людей.

В ливанских семьях наследником становится старший сын, но старший сын Пьера Жмайеля Амин во всем уступал Баширу. Уступил и власть над кланом. Амин Жмайель станет главой клана и президентом, когда убьют Башира, но старшему из братьев никогда не хвата-

ло магической силы, которой природа щедро наделила младшего.

— Когда мне было двадцать три года, — сказал Башир Жмайель американской журналистке Барбаре Ньюмен, — меня пригласил в Каир мой друг — сын Гамаль Абдель Насера. Я беседовал с египетским президентом. Насер олицетворял линию, с которой я борюсь: панарабизм, тиранию мусульманского большинства по отношению к неверным. Но я уважал его как великого патриота. Насер пожал мне руку, долго смотрел мне в глаза, потом сказал: «Тебе судьбой предназначено привести Ливан к свободе».

— Вы поверили ему? — спросила журналистка Жмайеля.

— Я поверил, потому что это правда.

Бескомпромиссный и жесткий вождь одного из трех христианских кланов, Башир Жмайель решил покончить с внутрививанскими распрями и восстановить сильное и единое государство.

В детстве Башир восхищался отцом, который принял участие в изгнании французов из страны. Ему тоже хотелось очистить Ливан от иноземцев — палестинцев и сирийцев. Он, как и многие ливанцы, считал, что в пучину гражданской войны страну ввергли палестинцы.

До 1970 года Ливан процветал. В 1970-м иорданский король Хусейн изгнал вооруженные отряды палестинцев из своей страны. Они осели в южной части Ливана, неподалеку от границы с Израилем. Руководители Организации освобождения Палестины обосновались в мусульманском Западном Бейруте.

Ливан с его слабой государственной машиной и расколотой религиозными разногласиями армией был слишком слаб, чтобы помешать палестинцам создать государство в государстве.

Палестинцы легко выбили слабую ливанскую армию из южной части Ливана. Это привело к окончательному развалу центральной власти в Ливане. Тогда в Ливан вошли сирийские войска — под предлогом защиты христиан. Но когда чаша весов склонилась на сторону христиан, сирийцы внезапно повернули против них.

Обосновавшись на юге Ливана, палестинцы использовали эту территорию как базу для нападений на Израиль, который отвечал на подобные акции немедленно и жестоко. Жертвами чаще всего оказывались ливанцы.

Три маронитские семьи были заняты внутренним соперничеством и не сразу поняли, что произошло.

Группа боевиков ООП, устроившая пышные похороны своего погибшего товарища, случайно попала в христианский квартал Бейрута и высокомерно потребовала, чтобы все торговцы закрыли свои лавки в знак траура. Ливанцы возмутились. В возникшем споре один из христиан был убит. Это оказался телохранитель Пьера Жмайеля.

Христиане сочли это попыткой покушения на Пьера Жмайеля, находившегося в тот момент неподалеку на богослужении. Через несколько месяцев фалангисты атаковали палестинцев в Бейруте, еще через несколько месяцев палестинцы напали на фалангистов. Война началась.

У молодого Башира Жмайеля было много поводов ненавидеть палестинцев, расположившихся в Ливане как дома.

Он был первым ливанцем, которого похитили люди из Организации освобождения Палестины. Они остановили машину Башира, вытащили его и повезли в свой лагерь. Для начала избили. Когда кто-то из палестинского начальства узнал, чей он сын, Башира поспешно отвезли назад в город.

Возле своего дома он увидел толпу: люди собрались, чтобы отомстить за похищенного. Все считали, что он уже мертв. Они стали ощупывать Башира, проверяя, не отрезали ли ему палец или ухо. Башир позвонил отцу — он был тогда министром. Ему ответили, что Пьер Жмайель на срочном совещании у президента. Башир набрал номер президентского дворца. Его не хотели соединить. «Неужели вы не знаете, что пропал его сын?» — укоризненно сказал один из секретарей.

— Я испытал величайшее унижение, — говорил потом Башир Жмайель. — Унижен был весь наш народ тем, что иностранцы позволяли себе подобную наглость.

Я заперся дома и неделю ни с кем не разговаривал. Я понял, что со мной произошло. Это было что-то вроде изнасилования.

— Вы возненавидели палестинцев? — спрашивали Башира Жмайеля журналисты.

— Палестинцы стали жертвой собственных лидеров и арабских стран, которые их цинично используют. Но мы тоже жертвы, а я должен думать о своей стране. Мы больше не будем базой для террора против кого бы то ни было. Когда ООП стала причинять слишком много неприятностей Иордании, король Хусейн вышиб палестинцев из страны. Тогда они пришли сюда, потому что Ливан слишком слаб, чтобы противостоять иноземцам. Они усугубили раскол страны. А в общем, во всем виноваты мы сами, наша неспособность объединиться.

Отец Башира Пьер Жмайель основал партию Катаиб (Ливанские фаланги). Фалангисты пользовались дурной репутацией прежде всего потому, что Пьер Жмайель после поездки в Берлин в 1936 году начал подражать многим гитлеровским ритуалам. Фалангистская униформа, приветствия, военное обучение молодежи — все очень походило на немецкие. Но дальше внешней стороны дело не пошло.

Три клана маронитов поддерживали между собой странные отношения дружбы-вражды. Они поделили страну на сферы влияния и убивали друг друга не из-за религиозных или политических разногласий, а из-за плодородных участков земли и права взимать дорожные пошлины.

Например, северной частью Ливана с незапамятных времен владеет клан Франжье, представляющий этот край и в парламенте. Без этой семьи в районе не совершалась ни одна сделка. С каждого центнера цемента, произведенного на заводе в Шекке, клану Франжье полагалась мзда примерно в один американский доллар.

В 1957 году Сулейман Франжье застрелил в церкви двенадцать единоверцев-христиан, мешавших предвыборной кампании его брата Хамида. После этой акции Сулейману пришлось бежать в Сирию, но уже через год благодаря амнистии он смог вернуться и шесть лет был президентом Ливана.

В 1975 году три удельных ливанских князя — Сулейман Франжье, Пьер Жмайель и Камиль Шамун — забыли о своих разногласиях и объединились против общего врага — палестинцев и мусульман. Но этот союз был недолгим, потому что финансовые интересы все равно оказались важнее политики.

Франжье первоначально не возражал, когда «его» крестьяне вступали в формирования фалангистов: у Жмайеля было больше денег и оружия. Но когда фалангисты Жмайеля захотели еще и сами получать налог с каждого мешка цемента, произведенного на заводе в Шекке, клан Франжье почувствовал себя обманутым.

Три боевика Франжье убили в Шекке управляющего банком не за то, что он вступил в партию Жмайеля, а потому, что его банк начал обслуживать интересы клана Жмайеля.

У Пьера Жмайеля в этот момент возникли такие же проблемы с Камилем Шамуном, чьи люди вознамерились собирать дань с двух пляжей и четырех ресторанов в зоне Жмайеля. Но союз Шамуна и Жмайеля устоял. А семейству Франжье был нанесен ответный удар.

Башир Жмайель послал своих боевиков на виллу Франжье. Они застрелили Тони Франжье, бывшего министра почт и коммуникаций Ливана, его жену, дочь, тридцать девять охранников, горничную, шофера и собаку...

С кланом Франжье Жмайели поссорились еще и потому, что старший Франжье был единственным из христианских лидеров, кто поддерживал хорошие отношения с соседней Сирией. Молодой Франжье даже породнился с младшим братом сирийского президента Хафеза Асада Рифаатом, в тот момент начальником службы государственной безопасности.

Смерть Тони Франжье должна была стать ясным предостережением всем ливанским христианам, которые верили в сотрудничество с сирийцами.

Пьер Жмайель прочил младшего сына по юридической части. Подчиняясь воле отца, Башир закончил юридический факультет Бейрутского университета, опекаемого иезуитами. Получив диплом, он поехал в Соединенные Штаты и провел несколько месяцев в Хьюстоне, изучая

международное право, и практиковался в известной юридической фирме в Вашингтоне. В семье полагали, что он всерьез займется правом. Но внезапно Башир собрал вещи и вернулся домой.

Некоторое время он работал в юридической фирме в Бейруте и тогда же стал заниматься политикой в партии отца. Он быстро сблизился с молодыми христианами, возражавшими против присутствия в стране сирийских войск. Эти парни составили его личную гвардию.

В 1975 году, когда разгорелась война христиан с мусульманами, Башир Жмайель окончательно забыл о юриспруденции. Вскоре он сформировал пятнадцатитысячную милицию, которой палестинцы и мусульмане ничего не могли противопоставить. Из боев в Бейруте он вышел самым сильным человеком в Ливане.

Башир поклялся объединить ливанских христиан и исполнил свою клятву. Сын Камиля Шамуна Дэни не желал подчиняться Жмайелю. Тогда войска Башира внезапно напали на отряды Дэни Шамуна. Они убили восемьдесят человек, остальные сочли за лучшее присоединиться к победителю.

Пьер Жмайель возражал против нападения на отряды Дэни Шамуна, но Башир не послушался отца. Он обрушился на Дэни в тот момент, когда Пьер ужинал с отцом Дэни — Камилем Шамуном.

— По-другому нельзя было, — объяснял потом Башир журналистам. — Неумные люди превратили страну в зоопарк, терроризировали людей. Даже когда им нужен был бутерброд, они отправлялись в магазин на танке. Семьи раскололись, братья убивали друг друга. Кто-то должен был положить этому конец. А кто еще, кроме меня, способен на это?

Журналисты смотрели на Башира с сомнением:

— Ваши люди уничтожили столько народа. Разве это можно оправдать?

Жмайель-младший пожимал плечами:

— Что вы хотите от людей, которые, увидев трупы своих братьев и отцов, превращаются в зверей?

Башир ощущал себя не просто воином, но и отцом нации. Он старался вести себя, как подобает государ-

ственному деятелю, стремился наладить жизнь своих подданных.

Он создал свой телеканал и два радиоканала, один из них передавал только классическую музыку, которую он очень любил. Он пытался даже контролировать цены. Каждый день его радиостанция передавала цены, установленные примерно на сто наименований товаров. Торговцы, нарушавшие правила, могли угодить за решетку.

Башир следил и за тем, чтобы поезда ходили по расписанию, и сам регулировал трудовые споры. Он не знал усталости, работал двадцать четыре часа в сутки и требовал такой же отдачи от всех остальных.

Заседания руководства Ливанского фронта — так назывался маронитский блок, сколоченный Баширом, — происходили обычно между семью вечера и тремя часами утра.

Башир называл обсуждаемый вопрос. Желавшие выступить поднимали руки, и Башир записывал их имена на листке бумаги. Потом по одному предоставлял слово. Каждый мог говорить пять минут. Башир слушал не прерывая. Когда замолкал последний оратор, Жмайель объявлял решение.

Его жизнь не была ни легкой, ни радостной.

Дочке Башира было восемнадцать месяцев, когда взорвали машину, на которой ее везли к бабушке. В христианском лагере пришли к выводу, что это месть палестинцев.

Но Башир выступил ночью по телевидению и сказал, что не станет никому мстить. Он даже послал своих личных телохранителей, чтобы перевезти пленных палестинцев в более безопасное место, где им не грозила бы расправа.

Он сразу заявил, что его главная цель — освободить Ливан от сирийцев и палестинцев.

— Многие думали, что сирийцы освободят ливанцев от палестинской оккупации. А в результате мы попали под власть Сирии, которая всегда мечтала расшириться до берегов Средиземного моря. Сирия виновна в том, что страна теперь в запустении. Сирия уничтожила наше государство. Сирия заставила весь мир пове-

рять, будто страну разрушает Израиль, чтобы скрыть, что это она занимается уничтожением христиан.

Он возложил вину за это на старшее поколение ливанских политиков: ведь даже его собственный отец Пьер Жмайель в 1976 году приветствовал ввод сирийских митотворческих войск в Ливан.

Башир также возражал против того, что христианские политики одобрили каирскую декларацию 1969 года, которая позволяла Организации освобождения Палестины наносить удары по Израилю с территории Ливана. Башир считал, что каирская декларация дала палестинцам повод считать, что они могут пользоваться ливанской землей как своей, а Израиль спровоцировала на вторжение в Ливан.

В этой борьбе Баширу нужен был союзник. Он нашел его в лице Израиля, который хотел остановить террористов, действовавших с территории Ливана. Люди из Моссад первыми установили контакты с Жмайелем.

Палестинцы, ливанские коммунисты и мусульмане получали оружие из Советского Союза, Сирии. Израиль стал поставлять христианам оружие и боеприпасы.

— Возможна ли нормализация отношений между Ливаном и Израилем? — спросили Башира Жмайеля журналисты еще в середине 1978 года.

— Почему бы и нет? У меня нет никаких возражений, — ответил Башир.

Христиане-марониты никогда не враждовали с евреями, напротив, рассматривали евреев как такое же гонимое меньшинство, как и они сами. Во время шестидневной войны 1967 года фалангистская милиция окружила дома ливанских евреев, чтобы уберечь их от мусульманских фанатиков.

В апреле 1981 года Башир затеял полномасштабную войну с сирийцами. Но Сирия была сильнее фалангистов. Тогда Башир Жмайель и бывший президент Камиль Шамун обратились к премьер-министру Израиля Менахему Бегину за помощью. Израильтяне были рады новому союзнику. Военно-воздушные силы Израиля нанесли удар по сирийским формированиям в Ливане.

Сотрудничество ливанских христиан с Израилем вызывало раздражение в арабском мире. Даже американцы

предостерегали Башира Жмайеля от контактов с Израилем, советуя переориентироваться на Саудовскую Аравию. Ливан был, есть и будет арабской страной, нельзя сближением с евреями настраивать против себя соседей, учили Башира практичные американцы.

Осенью 1981 года руководство Ливанского фронта официально объявило о прекращении связи с Израилем. Но секретные контакты сохранялись. Моссад и военная разведка обеспечивали доставку в порт Джуния оружия и боеприпасов для Ливанского фронта.

Внутри Израиля мнения относительно Башира разошлись. Моссад его поддерживала. Другие говорили, что нельзя на него делать ставку: мусульмане никогда не примут христианина в качестве вождя государства.

Военная разведка пыталась между тем установить связи с умеренными шиитами из движения Амаль, которые ненавидели палестинцев и требовали, чтобы они ушли с юга Ливана. Общий враг, как известно, сближает. Начальник генерального штаба израильской армии Рафаэль Эйтан полагал, что шииты — лучшие союзники для Израиля, чем марониты Башира.

Но большинству израильских лидеров была все же симпатична идея сближения с христианами, а не с мусульманами. Так что генерал Эйтан, жесткий и несентиментальный, остался в одиночестве.

Еще в 1954 году первый премьер-министр Израиля Бен-Гурион, министр обороны Пинхас Лавон и начальник генерального штаба Моше Даян предложили оказать помощь ливанским христианам, чтобы они могли создать свое государство на юге Ливана. Это государство стало бы буфером между Израилем и мусульманами Ливана и Сирии.

Эта идея долго обсуждалась в кабинете министров. Но Бен-Гурион оставил свой пост, а сменивший его на посту премьер-министра либеральный Моше Шаретт принципиально был против такого рода подрывных акций, и правительство к нему прислушалось.

В 1982 году новые руководители Израиля попытались реализовать старую идею. Жмайель тайно встретился с министром обороны Израиля Ариэлем Шароном, который сыграл решающую роль в судьбе Башира.

Жмайель и Шарон, решительные и жестокие, в чем-то походили друг на друга: оба привыкли воевать, многого добились с оружием в руках и верили в то, что любую политическую проблему можно решить силовыми методами.

Ариэля Шарона, грубоватого, располневшего человека среднего роста с горящими глазами, многие молодые офицеры армии обороны Израиля считали образцом для подражания и восхищались его дерзкими операциями в арабских тылах. У него был один принцип: на каждую террористическую акцию арабов отвечать с еще большей жестокостью, возмездие должно быть неотвратимо.

В войне 1956 года он командовал воздушно-десантной бригадой, потом учился в командно-штабном колледже в Англии. Набрав лишний вес, Шарон лишился возможности прыгать с парашютом и перешел в бронетанковые войска. Во время шестидневной войны 1967 года танкисты генерала Шарона легко прорвали линию египетской обороны сразу на нескольких направлениях.

Он дважды снимал погоны, чтобы пройти университетский курс, — изучал историю Востока и юриспруденцию, — и вновь возвращался в армию. Но его репутация помешала ему занять высший пост в армии — начальника генерального штаба. Разозлившись, он ушел в отставку и полностью посвятил себя политике. Спустя короткое время стал министром обороны.

Шарон и предложил радикальное средство для избавления Израиля от налетов палестинцев: ввести войска на территорию Ливана и уничтожить их боевые отряды. Важнейшим аргументом в пользу военной операции стала готовность Башира Жмайеля поддержать израильтян.

Повод для вторжения в Ливан нашелся. Когда палестинские террористы из группы Абу Нидаля тяжело ранили в Лондоне израильского посла, премьер-министр Бегин отдал приказ об осуществлении операции «Мир для Галилеи».

Израильские войска свою задачу выполнили: вся военная инфраструктура палестинцев в Ливане была уничтожена. Израильтяне захватили большое количество боевой техники и оружия. Остатки палестинских формирований эвакуировались из Бейрута в Тунис.

Ясир Арафат и его окружение говорили о том, что им пришлось уйти, потому что их предала Сирия, которая не пожелала помочь палестинцам. На севере Ливана сирийские войска даже атаквали позиции палестинских боевых отрядов одновременно с наступлением израильской армии. Для Арафата это была почти катастрофа. Палестинские боевые отряды потеряли последний опорный пункт — Ливан — и вынуждены были рассеяться по всему миру.

После тяжких размышлений Ясир Арафат начнет думать о том, что силой оружия он ничего не добьется. Со временем он придет к мысли о необходимости вести переговоры с Израилем и признать право еврейского государства на существование. Это откроет путь к созданию независимого палестинского государства...

В Ливане 23 августа 1982 года Башир Жмайель был избран президентом.

Заседание ливанского парламента проходило в армейской штаб-квартире, охрану несли израильтяне из Шин-Бет. Башир был единственным кандидатом. Шеф его службы безопасности Илиэ Обейка обеспечил нужные результаты. Мусульмане призывали к бойкоту выборов, но некоторые мусульманские депутаты все-таки проголосовали за Башира.

Новый президент готовился заключить договор с Израилем. Американские и французские войска высадились в Ливане, чтобы гарантировать мир и стабильность. Создавалось впечатление, что гражданская война заканчивается и страна переходит под контроль западного мира.

Министр Шарон торжествовал победу. Казалось, его план удался на все сто процентов. Но это был недолгий триумф. Башир Жмайель был убит. Его напуганный старший брат Амин, поспешно избранный президентом, заявил, что не собирается подписывать мирный договор с Израилем.

Через два дня после смерти Жмайеля ливанские христиане уничтожили всех обитателей палестинских лагерей Сабра и Шатила: это была месть. После кровавой резни гражданская война в Ливане между мусульманами и христианами разгорелась с новой силой.

Казармы американцев и французов в Бейруте были взорваны, и им пришлось спешно покинуть Ливан. Попытка восстановить единое государство не удалась.

Потом ливанские мусульмане взялись за израильтян.

4 ноября 1983 года грузовик, груженный взрывчаткой, взорвался рядом со штаб-квартирой израильской контрразведки Шин-Бет в ливанском городе Тире. Погибло три десятка израильтян, среди них пять офицеров службы безопасности. Это был ответ шиитов на израильское вторжение в Ливан.

Шииты, может быть, первоначально и были рады тому, что израильтяне изгнали палестинцев, но терпеть самих израильтян на своей земле они не хотели.

В конце 1982 года Шин-Бет, которая не занимается операциями за границей, была мобилизована на помощь израильским армейским частям в Ливане. Директор Шин-Бет Аврахам Шалом не хотел в этом участвовать, но ему не оставили выбора.

Сотрудникам израильской службы безопасности в Ливане очень не везло. Еще девять офицеров Шин-Бет погибли, когда был взорван дом в Тире, в котором они поселились. Одного офицера Шин-Бет застрелили в машине.

Операциями Шин-Бет в Ливане руководил Йосэф Гиноссар. По стране контрразведчики ездили только в сопровождении взвода солдат, для конспирации пользовались машинами с ливанскими номерами.

У сотрудников Шин-Бет не было проблем с осведомителями и агентами в расколотом Ливане, где одни с удовольствием доносили на других. Но предателей быстро уничтожали.

Работа в Ливане не принесла Шин-Бет успеха. Сколько бы контрразведчики ни выявляли врагов, их становилось все больше. Само по себе присутствие израильтян порождало сопротивление ливанцев. Командировка в Ливан была тяжким испытанием для контрразведчиков: бесконечная жестокая работа в состоянии постоянной деморализующей опасности рано или поздно приводит к нервному срыву.

Рафи Малка, начальник оперативного управления Шин-Бет, делился своими впечатлениями: «В Ливане

для того, чтобы спастись, надо было делать вещи, которые прежде считались неприемлемыми. Шин-Бет 'не была исключением. Это была жестокая война без правил, а если кто-то пытался вести себя по правилам, он просто погибал».

В результате операции «Мир для Галилеи» Израиль не обрел вожаемой безопасности. Место палестинцев заняли воинственные шиитские формирования, обосновавшиеся в долине Бекаа. Ариэль Шарон и Башир Жмайель ошиблись: военными средствами политические проблемы не решишь.

После убийства Башира Жмайеля долгое время ни один арабский политик не решался заключить мир с Израилем. Трагическая судьба трех ближневосточных миротворцев — иорданского короля Абдаллаха, египетского президента Анвара Садата и ливанского президента Башира Жмайеля — не располагала к оптимистическим суждениям о будущем Ближнего Востока.

Часть шестая

ЛУЧШАЯ ОБОРОНА — ЭТО НАПАДЕНИЕ

Глава 36

ЯДЕРНЫЙ ОБЪЕКТ В ПУСТЫНЕ НЕГЕВ

Каждый день в семь утра бело-голубые автобусы фирмы «Вольво» пересекают пустыню Негев по скоростной дороге. Примерно в четырнадцати километрах от города Димона автобусы сворачивают с дороги направо и едут еще с километр до армейского контрольного пункта.

Солдаты проверяют автобусы и пропускают их. Через два с половиной километра новая остановка — и еще одна проверка документов, на сей раз более тщательная.

Здесь протянута колючая проволока, через которую пропущен ток высокого напряжения. Это один из самых тщательно охраняемых объектов в стране. Песок регулярно разравнивают тракторами, чтобы были видны следы нежелательного визитера. Время от времени над этой зоной пролетают патрульные вертолеты, чтобы убедиться, что пустыня пуста. На вершинах холмов расставлены армейские наблюдательные посты. Ракетные батареи войск противовоздушной обороны имеют приказ уничтожать любой самолет, который попытается подлететь к объекту.

Официально этот объект принадлежит агентству по атомной энергии Израиля, которое занимается научными экспериментами. Объект известен как ядерный исследовательский центр в пустыне Негев.

Некоторые любители острых ощущений, проезжая мимо Димоны на большой скорости, успевают сфотографировать нечто бетонное. Это единственные снимки, которые можно получить.

Служебные автобусы «вольво» приезжают сюда три раза в день, чтобы доставить рабочих к началу смены. Первая смена начинается в 7.30, вторая — после обеда в 3.30, третья — вечером в 11.30.

Рабочие, покинув автобусы, расходятся по цехам. Известно, что на объекте десять цехов. Цех номер один — это сам реактор. Цех номер четыре пакует радиоактивные отходы перед тем, как их захоронят в пустыне. Но главный и самый секретный цех — номер два. Там работает сто пятьдесят человек, каждый прошел тщательную проверку в Шин-Бет.

Тот, кто оказался на территории Димоны, может даже не обратить внимания на двухэтажное бетонное здание без окон. Кажется, что это просто склад, которым редко пользуются. Но одна деталь бросится в глаза опытному человеку. Стены цеха такой толщины, что способны выдержать прямое попадание авиабомбы. И пристройка для лифта кажется ненужной для небольшого здания.

Это бетонное здание надежно хранит от разведывательных спутников и от вьедливых международных инспекций ядерные секреты Израиля. Они могут увидеть только то, что им показывают, — исследовательские лаборатории, и ничего больше.

Говорят, что главные помещения цеха номер два находятся под землей. Там целых шесть этажей, на которых и создается ядерное оружие.

Многие годы разведки всего мира пытаются убедиться в том, что Израиль действительно владеет ядерным оружием, но никто не смог добыть реальных доказательств...

А началось всё очень давно.

Моше Даян, произведенный в генерал-майоры, был назначен в 1949 году командующим округом.

Это были годы относительного спокойствия. В армии шли интенсивные занятия для всех офицеров от майора до генерал-майора. У многих уже был боевой опыт, но им не хватало профессиональных знаний для коман-

дной должности. Большинство прошло подготовку в подпольных отрядах самообороны — Хагане, но возглавляло лишь небольшие подразделения. Во время первой арабо-израильской войны 1948 года командиры взводов стали командовать ротами, командиры рот получали батальон или даже бригаду. Теперь им предстояло стать настоящими профессионалами.

Командовать округом Даяну нравилось, но пустыня Негев, которую ему предстояло защищать, казалась ему чужой и чуждой. Пустыня, где нельзя было найти ни одного цветка, ни одного сада, — безводное, серое, наводящее тоску место... Чем можно заниматься в этой пустыне?

Даян решил посоветоваться с премьер-министром Давидом Бен-Гурионом. Поздно вечером он подъехал к его дому. Окна были темными. Охранники сказали, что жена премьера уже легла спать, но Бен-Гурион, кажется, еще бодрствует.

Даян обнаружил, что парадная дверь закрыта, зато открыта дверь на кухню. В темноте Даян поднялся наверх и прошел в кабинет Бен-Гуриона.

Премьер-министр сидел за столом и писал. Он готовил речь в кнессете. Он был рад Даяну, не стал слушать его извинений и предложил садиться.

Даян доложил ему, какие меры безопасности он предпринял для защиты Негева, и поделился сомнениями. Бен-Гурион выслушал его внимательно и сказал:

— Безопасность — это не только военные укрепления. Настоящей безопасности мы добьемся, когда создадим в Негеве деревни и города и превратим пустыню в цветущее место. Когда пустыня расцветет, тогда мы будем вправе сказать, что в Негеве можно жить без опаски.

Бен-Гурион исходил из того, что еврейское население Израиля — всего шестьсот пятьдесят тысяч человек — не выстоит против многих миллионов враждебно настроенных арабов. Единственное спасение — собрать в Израиле всех евреев, рассеянных по миру. А расселить их придется и там, где сейчас пустыня, — в Негеве.

Но еще очень не скоро Даяну стала нравиться пустыня. В ней была, конечно, своя прелесть — воздух, дикая

1910 год, Палестина. Свои университеты будущие сотрудники израильских спецслужб проходили в отрядах европейской самообороны

Самую радикальную подпольную боевую группу Лохамей херут Израэль (Борцы за освобождение Израиля) создал Авраам Штерн (фото вверху). Его люди сражались сначала против нацистов, пытавшихся захватить Ближний Восток, а потом против британского правления в Палестине.

Англичане поймали Штерна и казнили его. Тогда боевую группу возглавил выходец из Польши Ицхак Езерницкий-Шамир (фото в центре). Ицхак Шамир потом работал в Моссад и со временем стал премьер-министром Израиля (фото внизу)

Дерзкие операции подпольной организации Иргун цвай леуми (Национальная военная организация) заставили англичан уйти из Палестины быстрее, чем они собирались

Группой руководил Менахем Бегин, будущий премьер-министр Израиля

Полный георгиевский кавалер Иосиф Трумпельдор лишился руки при обороне Порт-Артура и за мужество был произведен в прапорщики. После революции он уехал из России в Палестину и создавал первые отряды еврейской самообороны

Основал Моссад подпольщик со стажем Иссер Харел, который родился в Витебске

Руководитель Моссад Меир Амит был одним из тех, кто обеспечивал победу Израиля в шестидневной войне 1967 года. Амит был двоюродным братом известного советского поэта Бориса Слуцкого

Оперативники Моссад нашли бежавшего в Аргентину военного преступника эсэсовца Адольфа Эйхмана и вывезли его в Израиль, где он в 1961 году предстал перед судом

Председатель
Организации
освобождения
Палестины Ясир
Арафат несколько
раз находился на
волосок от
смерти. Но
израильские
спецслужбы
решили, что
Арафат менее
опасен, чем его
товарищи из
палестинских
боевых отрядов

Палестинские боевые отряды бесплатно и в больших количествах получали оружие из Советского Союза, в том числе ракетные установки, которые на Ближнем Востоке тоже именуют «катюшами»

Лидер Народного фронта освобождения Палестины Жорж Хаббаш (фото справа) и вождь Демократического фронта освобождения Палестины Наиф Хаватма (фото слева) считали, что в борьбе с Израилем можно убивать даже детей. Боевики Хаватмы убили 27 израильских школьников

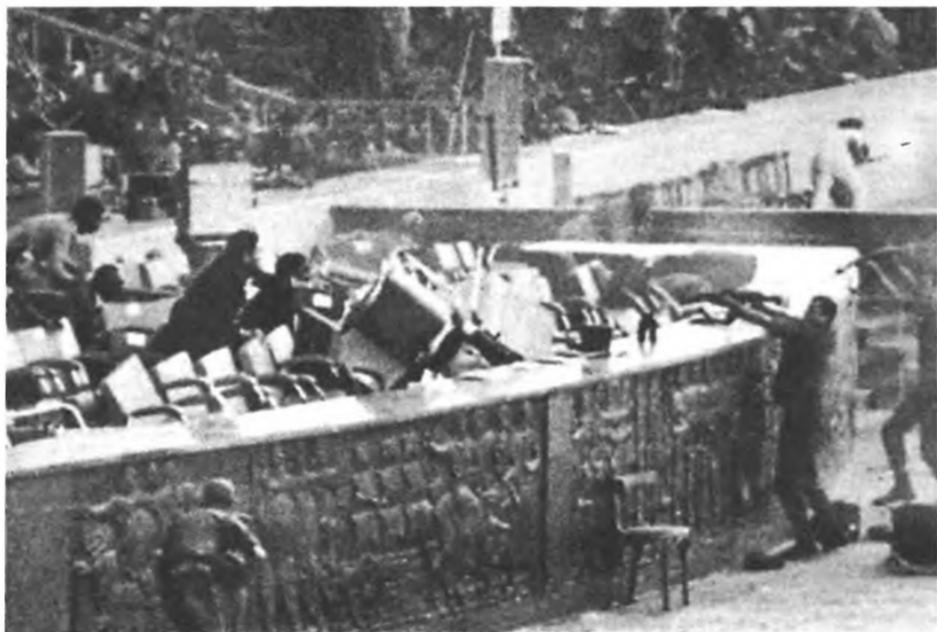
В 1982 году президентом Ливана стал вождь могущественного христианского клана Башир Жмайель. Он хотел, чтобы палестинские боевые отряды и сирийские войска ушли из страны, и намеревался подписать мир с Израилем. Поклонники Башира Жмайеля развезжали по Бейруту с его огромными фотографиями. Но через двадцать три дня после вступления на президентский пост его убили

Октябрь 1973 года. Египетские войска форсировали Суэцкий канал. Ошибка разведки едва не погубила еврейское государство

Самым опасным противником израильских спецслужб в Ливане стала шиитская организация Хезболла. Ее духовный лидер – Сейед Мухаммед Хусейн шейх Фадлалла

6 октября 1981 года. Египетского президента Анвара Садата, заключившего мир с Израилем, убили во время военного парада в Каире

Когда палестинские террористы из группы Абу Нидаля тяжело ранили в Лондоне израильского посла, это стало поводом для ввода израильских войск на территорию Ливана, где обосновались палестинские боевики

Египет возглавил бывший военный летчик Хосни Мубарак (на фото справа от Садата), который был при Садате вице-президентом

В декабре 1985 года палестинские террористы устроили бойню в аэропортах Вены и Рима. Погибло двадцать человек

Лидер ливийской революции полковник Муамар Каддафи долго поддерживал Ясира Арафата, пока тот не решился пойти на мирные переговоры с Израилем

Каддафи щедро тратил доллары, заработанные продажей нефти, на закупку советского оружия и помощь террористам

Эти фотографии в сентябре 1985 года обошли весь мир. Террористы захватили в Ливане четверых советских граждан – двух дипломатов, сотрудника торгпредства и посольского врача. Одного убили. Трех удалось освободить

В 1985 году ФБР арестовало сотрудника военно-морских сил США Джонатана Полларда (фото слева), который был агентом израильской разведки. Его работой руководил Рафи Эйтан, ветеран Моссад (фото справа)

Генерал Ариэль Шарон, который прославился спецоперациями в тылу противника, со временем стал министром обороны и руководил операцией по уничтожению инфраструктуры палестинских боевых отрядов на территории Ливана

Считается, что в решающие дни октябрьской войны 1973 года, когда казалось, что Израиль терпит поражение, премьер-министр Израиля Голда Меир была готова отдать приказ пустить в ход ядерное оружие

Подполковник Джонатан Нетаньяху (фото слева) летом 1976 года командовал группой израильского спецназа, которая освободила пассажиров самолета авиакомпании «Эйр Франс», захваченного террористами. Подполковник Нетаньяху погиб, и это заставило его младшего брата Биньямина (фото справа) заняться политикой. Нетаньяху-младший стал премьер-министром

Яков Нимроди, бывший военный атташе Израиля в шахском Иране (фото вверху), саудовский мультимиллионер Аднан Хашогги (фото внизу) и бывший агент шахской разведки САВАК Горбанифар (фото справа вверху) в начале 80-х с помощью американцев тайно продавали оружие Ирану, где правил аятолла Хомейни. Когда эта сделка раскрылась, президент США Рональд Рейган едва не ушел в отставку

Израильские спецслужбы проводят тренировку по борьбе с захватом заложников

Заместитель Ясира Арафата, который руководил всеми боевыми операциями, называл себя Абу Джихад, что в переводе с арабского означает «Отец священной войны». Весной 1988 года оперативная группа Моссад добралась до него в Тунисе

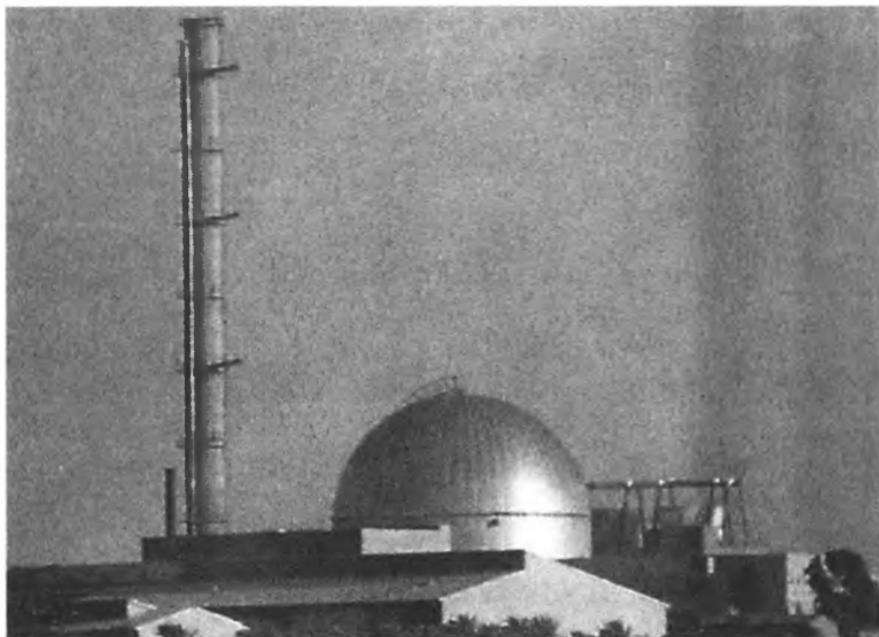
Бывший военный моряк Ами Аялон был назначен главой контрразведки Шин-Бет после серии взрывов в Иерусалиме, которые не удалось предотвратить

Оперативники Моссад пытались убить одного из руководителей боевой палестинской организации Хамас Халеда Мешала (фото слева), который укрылся в Иордании. Но операция провалилась, сотрудников Моссад арестовали. Руководитель Моссад Данни Ятом (фото справа) ушел в отставку

Этого человека называли «Инженер-2». Его настоящее имя – Мухи аль-Дин Шариф. Он подготовил целое поколение подрывников для радикальной организации Хамас. Ее цель – очистить Палестину от израильтян. «Инженера-2» застрелили, когда он сидел в машине, потом машину взорвали

Мордехай Вануну,
бывший техник
ядерного центра в
Димоне (фото сверху),
покинув страну,
рассказал, что
Израиль создал
ядерное оружие.
Моссад насильно
вернула его в Израиль,
и Вануну предстал
перед судом

природа, открытые пространства, дух свободы. Но главным образом он оценил скрытые достоинства пустыни.

В Негеве были найдены запасы стратегически важных природных ископаемых. Занималось геологически-ми изысканиями небольшое армейское подразделение, которое возглавлял профессор Израэль Достровский.

Его люди, одетые в армейскую форму, обнаружили месторождения фосфатов, медной и урановой руд. На этих месторождениях возникли крупнейшие промышленные предприятия Израиля. Собственные урановые месторождения сразу же заставили подумать об атомных исследованиях.

Израэль Достровский был очень похож на типичного профессора — лысый, в очках. Ни о чем, кроме науки, он говорить не любил. Но он был очень деловым человеком. Утверждали, что он единственный израильский ученый, который в состоянии сам отремонтировать свою машину.

Он родился в Одессе. Ему был всего год, когда его привезли в Палестину. Его отец Арие Достровский стал деканом медицинского факультета Еврейского университета в Иерусалиме. Его дядя Яков Достровский-Дори стал первым начальником генерального штаба армии обороны Израиля.

Достровский-младший учился в Лондонском университете, где защитил докторскую диссертацию. В 1947 году он вернулся в Палестину. Его пригласили работать в научно-исследовательский институт, созданный еще до войны Хаимом Вейцманом, первым президентом Израиля и биохимиком с мировым именем. Вейцман заботился о том, чтобы его институт не отставал от мировой науки, и сам интересовался ядерными разработками.

В институте Вейцмана в конце 1948 года был создан отдел изотопов, в котором различные лаборатории изучали ядерную физику, ядерный магнитный резонанс и занимались спектральным анализом.

Отдел изотопов возглавил Израэль Достровский. Сфера его научных интересов — разделение изотопов и механизм ядерных реакций. Юношей он вступил в Хагану. А во время войны 1948 года, как и все, пошел в армию. Ему дали под командование подразделение, которое за-

нималось топографической съемкой пустыни Негев. Тогда-то он и нашел уран.

Содержание урана в руде, найденной в Негеве, было очень низким. Пришлось израильским ученым заняться разработкой способов извлечения урана из фосфатов.

Один за другим были построены три завода по производству фосфорной кислоты: два — в Хайфе, один — в Негеве. Это позволяло получить примерно сто тонн урана в год.

Всей химической промышленностью управляла государственная компания «Химикалии Израиля». Ее генеральным директором стал Яков Бен-Егуда.

По его произношению сразу можно было понять, что он из Польши. Он учился в Варшавском университете и вступил в подпольную сионистскую организацию. Накануне войны участвовал в вывозе польских евреев в Палестину. Англичане запрещали нелегальную иммиграцию и перехватывали суда с беженцами. Три с половиной месяца судно, на котором был и Бен-Егуда, болталось в открытом море: английские власти не разрешали им подходить к берегу. В конце концов команда все-таки умудрилась тайно высадить беженцев.

Бен-Егуда отправился в Европу за новыми беженцами. Потом он перебрался в Иран, откуда вывозил польских евреев, которые после поражения Польши и ее раздела оказались на территории Советского Союза и которых Сталин отпустил.

Широкий в плечах, крепкий, немногословный, суховатый, Бен-Егуда был корректен и любезен, особенно с дамами, что также выдавало его польское происхождение.

После создания Израиля он десять лет работал в киббуце. Потом ему предложили руководить отделом в министерстве обороны. А еще через несколько лет он возглавил всю химическую промышленность страны и ведал добычей урана.

Отпущенный из армии профессор Достровский вернулся в Институт имени Вейцмана и занялся созданием нового метода получения тяжелой воды, используемой для охлаждения реактора, что ему и удалось. В Реховоте

построили завод тяжелой воды, который вошел в строй в 1954-м.

О существовании завода министр иностранных дел Израиля Абба Эбан, как и положено, письменно доложил Первому комитету ООН по разоружению. Урановое производство в Реховоте ни у кого подозрений не вызвало: это очень небольшой завод, не имеющий военного значения.

В 1952 году в Израиле была создана комиссия по атомной энергии. Ее возглавил профессор Эрнст Давид Бергман. Решение о ее создании было секретным, о существовании комиссии официально сообщили только через два года. Комиссия первым делом наладила тесные отношения с Комиссариатом по атомной энергии Франции.

Профессор Бергман был председателем комиссии по атомной энергии десять лет. Ядерная программа Израиля — результат его упорства и целеустремленности. Он и разрабатывал методы получения урана.

Бергман родился в Германии, учился в Берлинском университете. В двадцать шесть лет он уже сам читал в университете лекции. Когда Гитлер пришел к власти, Бергман уехал в Лондон, а затем в Палестину.

Он стал ближайшим сотрудником Хаима Вейцмана — основателя научного института в Реховоте. Этот город расположен в двадцати километрах к югу от Тель-Авива. Его заложили в 1890 году эмигранты из Польши, создавшие там сельскохозяйственный кооператив. Название города означает «просторы». Здесь главным образом разводят цитрусовые, которые по железной дороге везут до порта Ашдод, откуда они отправляются по всему миру.

Бергман работал над методикой очистки сырой нефти. Накануне Второй мировой войны он прожил некоторое время во Франции, изучая способы получения из нефти взрывчатых веществ.

После создания еврейского государства Бергман стал руководителем научного отдела армии обороны Израиля. Еще через год — научным руководителем Института имени Вейцмана. В 1953-м — профессором Еврейского университета и председателем комиссии по атомной энергии.

Бергман доказывал, что Израиль не может только покупать идеи, он должен развивать собственную науку, что необходимо, в частности, и для обороны страны.

У Бергмана был очень сложный характер. Он был непримирим и агрессивен даже в отношениях с коллегами, которые в порядке взаимности его тоже не очень любили. Зато профессор обладал редким даром убеждать правительство выделять деньги на научные исследования.

Он считал, что две главные задачи Израиля — это укрепление армии и решение проблемы опреснения воды. Нехватка питьевой воды — главная экономическая проблема всего региона. Бергман занимался опреснением воды и требовал, чтобы правительство не подписывало договор о нераспространении ядерного оружия.

Премьер-министр Бен-Гурион ему очень доверял. Он поручил молодому Шимону Пересу, Генеральному директору министерства обороны, работать с профессором рука об руку.

Но с Леви Эшколом, который в 1963 году стал премьер-министром и министром обороны, Бергман поссорился именно из-за атомных исследований. Поссорился и не захотел мириться. Бергман ушел в отставку сразу со всех своих постов — председателя комиссии по атомной энергии, советника министра обороны по науке и начальника управления научных исследований и планирования министерства обороны.

После отставки Бергмана его должности были поделены между несколькими учеными.

Профессор Эфраим Кацир, которого в 1973 году избрали президентом Израиля, принял на себя обязанности главного научного консультанта министерства обороны.

Кацир входил в число крупнейших химиков мира. Он родился в Киеве. В шесть лет родители увезли его в Палестину. В шестнадцать лет он вступил в Хагану, закончил курсы командиров взводов. Он был командиром студенческого подразделения Хаганы и снабжал подпольщиков взрывчатыми веществами.

В создании взрывчатки ему помогал брат Аарон Кацир, не менее известный ученый. Он был убит 30 мая 1972 года во время бойни, устроенной в аэропорту Лид-

да террористами из японской «Красной армии». Сами по себе японцы ничего не имели против Израиля, они лишь выполняли просьбу своих друзей из Народного фронта освобождения Палестины.

Японцы прилетели в Израиль и в аэропорту расстреляли из автоматов первых попавшихся пассажиров. Больше всего они убили паломников-христиан, которые приехали поклониться святым местам. Среди немногих погибших израильтян был профессор Аарон Кацир...

После Второй мировой войны Эфраим Кацир уехал учиться в Соединенные Штаты. Когда стало ясно, что ООН позволит евреям создать свое государство, его попросили вернуться в Палестину и призвали в армию. Он получил звание подполковника. Вместе с Бергманом они создали научный отдел армии.

Кацир считал, что лучше изобретать самим, чем покупать патенты за рубежом. Коллеги называли профессора Кацира честным простаком и донкихотом.

Взрывчаткой и прочими средствами уничтожения он занимался по долгу службы. Его собственные научные открытия лежали в куда более гуманной сфере: он разрабатывал синтетические квазибелковые соединения, используемые при переливании крови, при создании рассасывающихся хирургических нитей, при синтезировании энзимов, ускоряющих заживление ран.

В министерстве обороны Кацир проработал недолго. Его сменил профессор математики Арие Дворецкий, известный своими работами в области теории вероятности.

Он родился на Украине. Шестилетним ребенком его привезли в Палестину. Он закончил Еврейский университет и работал на кафедре математики. Занимался прикладной математикой и математической статистикой. В середине 50-х годов стажировался в Колумбийском университете. Был сторонником открытия новых учебных заведений и добивался, чтобы перспективных ученых приглашали на работу в Израиль.

Он согласился возглавить управление научных исследований и развития средств войны, затем стал главным ученым специалистом министерства обороны. Он первым обратил внимание военных на необходимость ускоренно-

го развития радиоэлектроники, предугадав ее значение в военном деле.

Преемником Бергмана в комиссии по атомной энергии стал профессор Исраэль Достровский, заместитель директора Института имени Вейцмана. От Бергмана он отличался умением ладить с коллегами. Он подбирал себе талантливых молодых ученых со всей страны.

Правительство Израиля охотно выделяло деньги на исследования, полезные для армии. Правда, ученым, работавшим на оборону, не нравилось, что результаты исследований нельзя публиковать. Соблазнительно получить большие ресурсы для проведения интересных разработок, но ученые не любят подолгу работать на правительство.

К Достровскому шли охотно, потому что он считал необходимым отправлять ученых на учебу за границу и создавал им хорошие материальные условия.

Закончив работу в атомной комиссии, он два года читал лекции в американских университетах. Вернувшись в Израиль, он по поручению премьер-министра Леви Эшкола взял на себя руководство всеми работами по опреснению воды.

Ключевую роль в ядерных исследованиях сыграл Ювал Нееман, профессор кафедры физики Тель-Авивского университета, а затем и ректор. Его научные исследования, по мнению многих коллег, тянули на Нобелевскую премию. Он преподавал в Соединенных Штатах и стал первым иностранцем, удостоившимся премии Альберта Эйнштейна в области теоретической физики.

Ювал Нееман родился в Тель-Авиве. Его дед был одним из основателей города. Нееман закончил гимназию и машиностроительный факультет Хайфского политехнического института. В двадцать два года он уже управлял заводом по производству водяных насосов, который принадлежал его семье.

Во время первой арабо-израильской войны он воевал, потом, к удивлению многих ученых коллег, остался в армии и дослужился до полковника. Занимался планированием научных исследований в армии, а потом перешел в военную разведку. Именно он первым оценил возможности компьютеров в разведывательной ра-

боте. Его поддержал Моше Даян, и первые компьютеры были использованы для создания базы данных о положении в арабских странах и состоянии их армий. Ювал Нееман обеспечивал армию обороны Израиля ежедневными сводками о положении дел в арабском мире. Нееман также занимался созданием системы радиоэлектронной разведки, способной прослушивать все радио- и телефонные переговоры на территории вероятного противника.

Он так и не стал начальником военной разведки, но, несомненно, был ее мозгом.

В 1957 году его назначили военным атташе в Лондоне. Он воспользовался этим обстоятельством, чтобы изучать физику в Королевском физико-математическом колледже. Ушел с государственной службы и полностью отдался науке. В 1961 году возглавил научно-исследовательскую лабораторию при ядерном реакторе.

Глава 37

«НЕПРИЯТНО ПОЛУЧАТЬ КАМНЕМ ПО ГОЛОВЕ»

Ядерная программа Израиля не осуществилась бы без помощи французов.

В 1949 году французский ученый Франсис Перрен, верховный комиссар по атомной энергии, впервые приехал в Израиль.

Перрен и его коллеги — генеральный управляющий Комиссариатом по атомной энергии Пьер Кутюр и начальник управления по военному использованию атомной энергии Жак Робер — разработали французскую ядерную программу. Французские атомщики многому научились у американских и канадских коллег и теперь, в свою очередь, были готовы поделиться с Израилем.

В 1953 году Израиль и Франция подписали соглашение о сотрудничестве в атомных исследованиях. Израиль получил доступ к результатам французских ядерных изысканий. Израильским специалистам предоставили возможность учиться в Институте ядерных исследований под Парижем.

Мотором сотрудничества с французами в ядерной сфере был Шимон Перес.

Переса неизменно поддерживал генерал Хаим Ласков, который стал начальником генерального штаба в 1957 году. Это был очень необычный и мужественный человек. Он спокойно переносил удары судьбы и неудачи. Ласков часто повторял:

— Неприятно получать камнем по голове, но это часть жизни.

Ласков родился в России. Когда ему было два года, отец со старшими сыновьями уехал в Палестину. Мальчик остался с матерью, они нищенствовали. Через два года отец вернулся и перевез жену и остальных детей. В Палестине они жили в арабском поселке и были такими же бедными, как все в округе. В 1929 году во время еврейских погромов его отца убили.

Только в тринадцать лет Хаим Ласков поступил в школу. Ему назначили стипендию с условием, что он будет хорошо учиться. Он выполнил обещание. Друзья подкармливали его. Он ходил по улицам босиком, а старые ботинки, которыми очень дорожил, надевал только в школе.

Он был прекрасным учеником и отличным спортсменом. Но, проучившись три года, сказал, что уходит, потому что ему нечем платить за обучение и надо работать. Директор школы, чтобы сохранить такого ученика, договорился, что Ласков заплатит потом, после окончания школы. Тот расплачивался за образование уже во время войны, будучи солдатом британской армии, из солдатского жалованья.

Когда началась Вторая мировая война, Ласков познакомился с капитаном британской армии Чарльзом Уингейтом, который руководил борьбой против арабских повстанцев.

Англичане не очень охотно брали на военную службу еврейских добровольцев. Только в 1944-м британцы согласились создать из них отдельную бригаду: они прислушались к выдающемуся ученому Хаиму Вейцману, которого уважали за важные исследования в области химии, в частности за новый способ производства ацетона, необходимого для изготовления боеприпасов.

Ласков смог поступить на офицерские курсы британской армии. В конце войны он воевал в Италии в составе еврейской бригады.

Хаим Ласков вместе с Исраэлем Карми, который в израильской армии станет командиром танковой бригады, и Меиром Зореа, впоследствии генерал-майором, организовали в конце войны группу мстителей. В нее вошли солдаты еврейской бригады и бывшие узники концлагерей. Они разыскали и казнили несколько сотен офицеров гестапо и СС.

В арабо-израильской войне 1948 года Ласков командовал батальоном. Он одним из первых в армии обороны Израиля получил генеральские погоны. В 1951-м стал командующим военно-воздушными силами. Два года учился в Оксфордском университете — политике, экономике, философии. Во время синайской войны 1956 года командовал бронетанковыми войсками, а в следующем году стал начальником генерального штаба.

Бен-Гурион пришел к решению создать ядерное оружие примерно в 1955 году. Но к работе над этим проектом приступили только после того, как из-за синайской войны 1956 года Соединенные Штаты отказались продавать оружие Израилю, а Советский Союз начал поставки вооружения арабам. Проект предусматривал прежде всего строительство ядерного реактора для получения плутония.

Шимон Перес договорился с французами о постройке атомного реактора в Димоне. Франсис Перрен, который был верховным комиссаром по атомной энергии, признал позднее, что Франция передала Израилю ядерную технологию:

— Мы держали все это в секрете от американцев. У нас было соглашение, что ученые, которые во время Второй мировой войны помогали американцам создать ядерное оружие, могут работать над французской ядерной программой, но открывать секреты другим странам они не имеют права.

Ядерное сотрудничество не было односторонним. Французы хотели заимствовать у израильтян технологию получения тяжелой воды. По этой технологии францу-

зы построили возле Тулузы завод производительностью полторы тонны тяжелой воды в год. Французская ядерная программа сильно зависела от этого завода. Израильтяне делились с французами и другими исследованиями.

В 1957-м Франция и Израиль подписали секретное соглашение о постройке теплового реактора мощностью двадцать четыре тысячи киловатт. Он работал на обогащенном уране и охлаждался тяжелой водой. Реактор вступил в строй в 1963 году.

Официально правительство Израиля утверждало, что возле Димоны строится текстильная фабрика. Затем говорили, что там сооружается насосная станция. Ядерный центр был секретом не только для врагов, но и для союзников.

Управляющим ядерными исследованиями в Димоне назначили Йосэфа Толифмана. Он родился в Иерусалиме. Во время войны 1948 года командовал батальоном. Потом закончил химико-технологический факультет в техническом университете в Хайфе.

Его знали немногие, потому что он занимал хоть и важнейший, но секретный пост. В прессе о нем никогда не писали. До назначения на пост в Димоне он был заместителем генерального директора министерства развития и руководил всей химической промышленностью страны. Подчиненные считали его тяжелым человеком. Политики относились к нему с пренебрежением, но ценили как специалиста и администратора.

В 1957 году появились первые слухи о ядерной программе Израиля. Это немедленно вызвало протесты. За редким исключением израильские политики возражали против ядерных планов, считая их безответственными и авантюристическими.

Моше Даян и другие крупные военные тоже высказались против, и в их числе — герой войны 1948 года Игал Аллон, генерал и будущий премьер-министр Ицхак Рабин и даже такой ястреб, как десантник Ариэль Шарон.

Шарон невысоко ценил ядерное оружие потому, что не верил в его сдерживающую силу. Он не считал, что

ядерное оружие может обезопасить Израиль. С его точки зрения, терроризм и нападения на Израиль неизбежны, а террористам нельзя ответить ядерной бомбой. Следовательно, нет смысла тратить деньги на бомбу, нужно просто укреплять армию и части специального назначения.

Либеральные интеллигенты принципиально возражали против ядерной программы, считая, что евреи не вправе пускать в ход такое варварское оружие даже ради самообороны.

Ядерная программа реализовалась только благодаря настойчивости Бен-Гуриона, который важнейшие решения принимал единолично, ни с кем не советуясь и никого не ставя в известность.

В начале 1960 года французы начали подготовку к ядерным испытаниям на полигоне в Реггане в алжирской Сахаре. 13 февраля они взорвали первую бомбу. Президент де Голль остался невероятно доволен успешными испытаниями. Соединенные Штаты и Англия пытались остановить его, но де Голль высокомерно-иронично отверг их уговоры. Он хотел, чтобы Франция имела собственное ядерное оружие, и добился своего.

На испытаниях по специальному приглашению присутствовали израильские ученые. До 1964 года они имели доступ ко всей информации об испытательных взрывах. Затем президент де Голль решил прекратить сотрудничество с Израилем в этой сфере. Французы боялись, что Израиль использует оружие как средство шантажа. Шантажировать он будет Запад: либо вы нам поможете в войне с арабами, либо у нас не останется иного выбора, кроме как сбросить на арабов бомбу.

Глава 38

АМЕРИКАНЦАМ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ НЕ ПОКАЗЫВАТЬ

Реактор в Димоне недолго оставался секретом. Его засекли американские разведывательные самолеты «У-2». Летом 1960 года ЦРУ доложило президенту Дуайту Эйзенхауэру, что в пустыне Негев израильтяне строят ядерный реактор и это даст им возможность нако-

пить расщепляющиеся материалы для создания ядерного оружия.

Бывший генерал, популярный в стране Дуайт Эйзенхауэр не был кабинетным президентом. Он предпочитал бумагам и заседаниям партию в гольф и читал меморандумы, только если они не превышали одной страницы. Сообщение о ядерном строительстве в Израиле его огорчило.

Несмотря на занятия политикой, президент Эйзенхауэр оставался человеком строгих моральных принципов. С его точки зрения, в войне с применением ядерного и водородного оружия нельзя победить, следовательно, война как инструмент политики исключается.

Когда в Америку приехал премьер-министр Бен-Гурион, президент Эйзенхауэр сказал своему гостю, что ядерное оружие не укрепит безопасности Израиля. Израильтянам не стоит бояться, что арабы им обзаведутся. Сами они ядерное оружие не создадут, а русские при всей любви к египетскому президенту Насеру никогда не поделятся с ним атомной бомбой.

В исторической перспективе Эйзенхауэр оказался прав, но в тот момент израильтяне вовсе не были уверены в том, что в ближайшее время у Египта не появится ракетно-ядерное оружие. Ядерная технология в те годы широко распространялась по миру, сами американцы при Эйзенхауэре пропагандировали программу мирного атома. Это началось после того, как в 1951 году в штате Айдахо небольшой реактор на быстрых нейтронах дал электрический ток.

Первый израильский ядерный реактор был построен в 1960 году Соединенными Штатами в рамках программы «Атом для мира» на Средиземноморском побережье в местечке Нахал-Сорек. Реактор принадлежал тель-авивскому университету и находился под присмотром американцев, а в 1964-м перешел под контроль Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Инспекторы регулярно проверяли установку. Мощность реактора — всего пять тысяч киловатт, что исключает накопление плутония в количествах, потребных для военных целей.

В тот момент американцы не очень думали о том, что распространение атомных электростанций тоже опасно. Ядерные державы пришли от военного атома к мирному. Но ведь возможен и обратный путь. Словом, ситуация была такой, что в Израиле решили: нельзя отказываться ни от одного вида оружия. Тем более, что именно тогда разгорелся скандал вокруг сообщений о работе немецких ракетчиков на Насера.

Соединенные Штаты предупредили египетского президента Насера: в его же интересах отказаться от ракетной программы, потому что эту гонку вооружений с Израилем он все равно проиграет. Насер пропустил это предупреждение мимо ушей.

Поскольку президент Эйзенхауэр придерживался политики равноудаленности от Израиля и арабского мира, то вслед за этим государственный секретарь США пригласил израильского посла и официально стал задавать вопросы о реакторе в Димоне и израильской ядерной программе.

Тогда 21 декабря 1960 года, выступая в кнессете, Бен-Гурион признал, что в Димоне построен вовсе не текстильный завод и не насосная станция, а второй ядерный реактор. Премьер-министр поклялся, что реактор используется только в мирных целях, и категорически отрицал, что создается ядерное оружие.

Бен-Гурион сказал, что Димона — это научный институт, который будет обслуживать нужды промышленности, сельского хозяйства и здравоохранения. Здесь будут учить персонал для будущих атомных электростанций, а плутоний возвратят странам, которые продают Израилю уран.

Шимон Перес заявил, что министерство обороны поддерживает ядерный проект в Димоне, поскольку с его помощью ежегодно будет опресняться миллиард кубических метров соленой воды, что позволит превратить пустыню Негев в цветущий сад.

Такой проект казался реалистичным и американцам, которые предложили помощь в опреснительном проекте, но требовали взамен поставить ядерный центр в Димоне под международный контроль. На это Израиль не пошел.

Сменивший Эйзенхауэра новый президент Джон Кеннеди в более жестком тоне потребовал проведения инспекций на реакторе в Димоне. Бен-Гурион согласился при условии, что проверки будут осуществлять американские инспекторы — раз в год и на условиях министерства обороны Израиля.

Инспекции начались в 1961-м и продолжались до 1967-го. Американские ученые, которые побывали в Димоне, заявили, что не нашли никаких следов подготовки к военному использованию атомной энергии.

Чтобы успокоить общественность, в 1963 году Шимон Эфтак, руководитель программы развития вооружений армии Израиля, заявил, что Израиль не станет строить установку для обогащения плутония при реакторе в Димоне.

Это позволило следующему президенту США Линдону Джонсону заявить, что реактор в Димоне используется исключительно для мирных целей. Президент де Голль подтвердил эти уверения, заявив, что Франция не поставляла Израилю технологию, которая используется при создании ядерного оружия.

Но сомнения остались. За каждым шагом Израиля следили очень внимательно, пытаясь понять, создает еврейское государство ядерное оружие или нет.

В марте 1965 года разведывательное управление министерства обороны США получило донесение от американского военно-воздушного атташе в Тель-Авиве:

«Обычно надежный источник, старший офицер израильской армии, вернувшийся из командировки в Париж, подтвердил, что испытания сконструированной французами для Израиля ракеты класса «земля — земля» уже начались. Сначала были некоторые неполадки, но сейчас все в порядке.

- В настоящее время в Париже столько израильских «дипломатов», что в беспошлинных магазинах на всех не хватает сигарет. Там сейчас больше израильтян, чем американцев.

Когда я сказал, что израильские ракеты «земля — земля» вряд ли будут иметь большое значение, если их оснастят боеголовками обычного типа, источник в по-

рыве откровенности заявил: «Не беспокойтесь, когда нам понадобятся нужные типы боеголовок, они у нас будут. И после этого в нашем регионе никаких неприятностей больше не случится».

Выступая в кнессете 18 мая 1966 года, премьер-министр Леви Эшкол обещал, что Израиль не станет первым государством на Ближнем Востоке, которое обзаведется ядерным оружием. Он заявил, что у Израиля нет ядерного оружия, и предложил Египту проводить взаимные проверки. Но он сказал еще, что исследовательские и учебно-научные работы в Димоне продолжатся.

Премьер-министр Эшкол подчинил ядерную комиссию себе. Эрнст Бергман ушел в отставку с поста председателя комиссии по атомной энергии. Его место заняли чисто гражданские специалисты.

Эшкол намекнул американскому президенту Джонсону, что готов вовсе заморозить ядерные исследования, если Соединенные Штаты согласятся поставлять Израилю обычные вооружения. Но американцы по-прежнему не хотели продавать оружие еврейскому государству.

После того как его назначили в 1967-м, за неделю до начала шестидневной войны, министром обороны, Моше Даян стал уже иными глазами смотреть на ядерную проблему. Именно он принял важнейшее решение: приказал ускорить работы по созданию разделительного плутониевого производства в Димоне. Правительство выделило деньги и на увеличение самого реактора, чтобы он давал больше плутония, который является начинкой ядерного оружия.

Ученые объяснили, что реактор был самым узким местом в ядерной программе. Изначально его мощность составляла всего 26 мегаватт, — это ведь исследовательский реактор. Его возможности в выработке плутония невелики. Но изначальная конструкция реактора позволила в несколько раз увеличить мощность без полной его перестройки. Таким образом 26-мегаваттный реактор приобрел мощность 150 мегаватт.

Моше Даян делал все это на свой страх и риск. Они с премьер-министром Эшколом ни в чем не могли прийти к согласию. Эшкол не любил министра обороны. Но на-

кануне шестидневной войны Даян нужен был для руководства боевыми действиями, и Эшкол уступил. А после победоносной шестидневной войны Даян стал героем.

Почему Израиль интенсифицировал ядерные работы после шестидневной войны? Одна из причин этого кроется в том, что Франция наложила эмбарго на поставки вооружений в Израиль.

После громкой победы Израиля в шестидневной войне 1967 года французский президент де Голль почувствовал себя оскорбленным. Он ведь предупреждал израильтян, чтобы они не начинали войны! И де Голлю не понравилось, что французские евреи приветствовали победу Израиля. Значит, они не такие французы, как все остальные, решил подозрительный де Голль.

Военное сотрудничество с Францией закончилось на скандальной ноте.

26 декабря 1968 года два боевика из Народного фронта освобождения Палестины обстреляли израильский самолет, приземлившийся в аэропорту в Афинах. Один израильтянин погиб. Быстро выяснилось, что палестинские террористы прибыли из Ливана, где прошли боевую подготовку.

В ответ израильское правительство приняло решение уничтожить несколько самолетов в бейрутском аэропорту. Израильский спецназ взорвал четырнадцать ливанских самолетов, думая, что меньшее число будет истолковано как проявление слабости. Но реакция мирового сообщества была очень резкой. И больше таких операций Израиль не проводил. Ответные удары наносились только по военным базам палестинцев.

После израильского налета на бейрутский аэропорт Франция ввела полный запрет на продажу оружия Израилю. Тогда израильская разведка получила указание полностью компенсировать ущерб, нанесенный стране в результате введения эмбарго.

Французские боевые самолеты производились по лицензии в Швейцарии. Туда и отправились израильские разведчики. Свои усилия объединили Моссад, военная разведка и Лакам — бюро технологической разведки министерства обороны, созданное Шимоном Пересом во

время его пребывания на посту заместителя министра обороны.

Израильтяне выкрали в Швейцарии все необходимые чертежи, что позволило Израилю самому построить истребители «Кфир», очень похожие на французские «Миражи».

Пострадал за это швейцарский инженер Альфред Фрауенкнехт: полиция арестовала его в 1969 году за то, что он передал Моссад двести тысяч чертежей и спецификаций, относящихся к «Миражам».

Еще более громкую операцию израильская разведка провела ради своих военных моряков.

По заказу Израиля на французских верфях строились двенадцать ракетных катеров. Заказ был оплачен и выполнен, семь катеров ушли в Израиль до войны, а пять еще оставались во Франции. Теперь французское правительство не разрешало Израилю их забрать.

Адмирал Мордехай Лимон пообещал вернуть катера, которые Израиль считал неотъемлемой частью своей новой ракетной флотилии. Адмирал Лимон родился во Франции, потом переехал в Палестину. Он с детства мечтал стать моряком. В семнадцать лет Лимон поступил на британский торговый флот. После Второй мировой войны он стал капитаном на судне, перевозившем еврейских беженцев в Палестину.

Когда был создан израильский флот, он получил под свое командование фрегат. Был ранен, когда фрегат атаковали египетские самолеты в районе Газы. В 1950-м, когда ему было всего двадцать семь лет, Лимона назначили командующим флотом Израиля. В 1954-м он демобилизовался и отправился в США изучать экономику. После возвращения стал уполномоченным по подготовке экономики страны к чрезвычайному положению. Потом его назначили заместителем генерального директора министерства обороны, а в 1963-м отправили в Париж — он возглавил военную миссию при министерстве обороны Франции.

Лимон провел во Франции семь лет, закупая оружие по всей Западной Европе. Очень представительный, высокий, крепкий, он был принят в парижском высшем обществе.

Накануне Рождества 1969 года Лимон организовал похищение пяти израильских ракетных катеров, которые торжественно прибыли в Израиль. Разгневанные французы потребовали от правительства Израиля немедленно отозвать Лимона. Адмирал не возражал против возвращения домой. Он счел свою миссию исполненной, а военное сотрудничество с Францией все равно закончилось.

Послом Израиля в Париж опять назначили Ашера Бен-Натана. Он вернулся в страну, которую когда-то покинул с чувством сожаления. Когда он в первый раз работал в Париже, у него было множество друзей. Теперь он пришел к выводу, что атмосфера в стране сильно изменилась. Французские политики уже не так симпатизировали Израилю, и им не нравилось, что посол часто говорит об антисемитизме.

Бен-Натан был разочарован, но он привык скрывать свои чувства. К тому же перед Парижем Бен-Натан был послом в Западной Германии.

Приехав в Бонн, в первой же большой речи он заявил, что убежден, что в Германии сохранился антисемитизм, что многие немцы и не отдают себе отчета в том, что в душе они антисемиты. Западным немцам, которые уверяли себя, что дурное прошлое позади и сейчас их не за что порицать, выслушивать такие речи было крайне неприятно.

Разрыв с французами понравился в Израиле только тем, кто изначально принципиально возражал против закупок оружия за границей. Главным противником массированного импорта оружия был Моше Кашти, который к тому времени стал главным человеком в аппарате министерства обороны.

Кашти говорил на иврите с сильным польским акцентом и даже не пытался исправить свои грубоватые манеры. Крепкий парень, полноватый и светловолосый, он вел себя так, как и полагалось человеку, который всего добился сам.

Он начинал с должности финансового советника министра обороны, дослужился до полковника. Возглавил финансовое управление, а затем стал генеральным ди-

ректором министерства обороны, то есть уселся в кресло, которое занимал когда-то Шимон Перес.

В отличие от своего знаменитого предшественника Кашти не имел политических амбиций и не искал покровителей в высших сферах. Но Кашти был очень упорен и настойчив. Он не получил образования и всему научился сам. Упорно изучал бухгалтерию, финансы, электронику, иностранные языки. Он приходил в министерство рано утром, уходил поздно вечером и постепенно прибрал к рукам все рычаги управления.

Моше Кашти был сторонником создания в Израиле собственной военной промышленности. Он не устал повторять, что напрасно дорогие военные заказы размещаются во Франции, лучше эти деньги оставить в стране. Тогда и французское эмбарго на поставки оружия не оказалось бы таким шоком для страны.

Он обвинял в близорукости своих коллег по министерству обороны и руководителей генерального штаба.

Такие люди, как Кашти, твердо считали, что Израиль должен сам производить все оружие, которое ему необходимо, самое современное и разрушительное. Никаких ограничений! Война на Ближнем Востоке ведется без правил. На карту поставлено само существование государства. Если Израиль проиграет хотя бы одну войну, он перестанет существовать.

Израиль понял, что должен гарантировать себя от любых неожиданностей. К тому же на Синайском полуострове израильские войска обнаружили египетские запасы химического оружия.

Глава 39

ЗАЧЕМ ИМ НУЖНА БОМБА?

К 1973 году в арсеналах Израиля своего оружия было не меньше, чем импортного. Новые системы оружия собственного производства были приняты на вооружение и даже экспортировались. Это самолеты «Кфир», самоходная и длинноствольная артиллерия, ракеты всех классов и ракетные катера.

Никто не ожидал, что Израиль сможет сам себя полностью обеспечить оружием, но, по крайней мере, зависимость от зарубежных поставок сократилась, перестала быть опасной для государства.

Тем не менее без американского оружия октябрьская война 1973 года могла быть проиграна.

Когда на него напали Египет и Сирия, Израиль вновь почувствовал себя в полной изоляции. Он не мог получить достаточного количества оружия, чтобы компенсировать огромные потери техники в ожесточенных боях. Ни одна страна, кроме США, не согласилась поставлять оружие Израилю. Даже канцлер ФРГ Вилли Брандт, старый друг Голды Меир по Социалистическому интернационалу, старался помешать тому, чтобы оружие с американских баз в Европе поставлялось Израилю через немецкие порты.

Англия заявила, что приостанавливает поставку запасных частей к танкам, за которые уже было заплачено. И ни одно государство в Европе не разрешило американским самолетам с оружием для Израиля пролететь через их территорию.

Поэтому во время октябрьской войны 1973 года был момент, когда израильтянам казалось, что война проиграна. Египтяне успешно наступали. Сирийские войска вот-вот могли захватить Северный Израиль. Еврейское государство не просто потерпело бы поражение. Оно было бы уничтожено.

8 октября министр обороны Моше Даян, не склонный к сентиментальности, в отчаянии сказал премьер-министру Голде Меир:

— Я не уверен, что мы сможем продержаться. Это конец.

И тогда Голда Меир приказала собрать ядерное оружие и подготовить его к бою. Боеголовки были установлены на ракетах «Иерихон-1». Но тут совершилось чудо: наступающие сирийские танковые колонны были остановлены на Голанских высотах. Закончился и наступательный порыв египетской армии. Военное счастье вновь улыбнулось Израилю.

Бои в октябре 1973 года были самыми кровавыми и упорными во всей истории арабо-израильского конфликта.

Во время синайской кампании 1956 года, когда израильские войска смело атаковали египетские позиции и прорывали оборону, египтяне, вместо того чтобы продолжать сопротивляться, отступали по всему фронту. Попадая в окружение, сдавались, не переходя в рукопашную.

Во время шестидневной войны 1967 года арабские офицеры не в состоянии были организовать сопротивление наступающим израильским частям. Когда им нанесли сильный удар, когда они видели, что фронт прорван, арабы поднимали руки и сдавались. Не все, не сразу, но сдавались.

В октябрьской войне 1973 года арабские солдаты вели себя иначе. Даже когда они несли тяжелые потери и видели, что сражение проиграно, они не бежали, не сдавались раньше времени. Некоторые подразделения сражались до последнего.

Увидев, что Израиль вообще может проиграть войну, американцы организовали воздушный мост и перебросили через океан все необходимое еврейскому государству оружие.

Но когда война закончилась, на переговорах с американцами министр обороны Моше Даян опять заговорил о том, что любая арабская страна свободно покупает оружие и на Западе, и на Востоке. Израилю, хотя он готов платить, оружие не продают. Соединенные Штаты — единственная страна, которая соглашается продавать Израилю самолеты, да и то не больше двух-трех машин в месяц.

— Во время одного из разговоров с Генри Киссинджером я почувствовал, что Соединенные Штаты с большим удовольствием поддержали бы арабов, — сказал Даян коллегам по кабинету министров, вернувшись в Израиль после переговоров с государственным секретарем США.

В июне 1974 года было приведено к присяге новое правительство. Премьер-министром Израиля стал Ицхак Рабин, министром обороны — Шимон Перес, министром иностранных дел — Игал Аллон. Они сменили Голду Меир и Моше Даяна, которые ответили своей карьерой за трагедию октябрьской войны 1973 года. Перес и Аллон терпеть не могли друг друга, но делать было нечего. Ига-

ла Аллона выбрали на пост министра только ради того, чтобы наладить отношения с американцами. Аллон когда-то занимался у Киссинджера в семинаре в Гарвардском университете.

Никто не думал, что отставной генерал Рабин делает такую стремительную политическую карьеру. На второй день октябрьской войны Голда Меир убрала его из правительства, назначив уполномоченным по сбору средств. Израильтяне сочли, что это унижительно маленькая должность для бывшего начальника генерального штаба. Зато после войны Рабин оказался одним из немногих политиков, который был свободен от груза ответственности за неудачную войну. Голосование внутри руководства правящей Рабочей партии сделало его премьер-министром.

Министр обороны Шимон Перес был сторонником продолжения ядерных разработок, а премьер-министр Ицхак Рабин и министр иностранных дел Игал Аллон считали, что стране достаточно обычных вооружений. Рабин, бывший посол в США, понимал, что слишком активная ядерная программа повредит Израилю в глазах американцев. Приходилось считаться еще и с тяжелым финансовым положением страны: после изнурительной войны денег в казне просто не было.

Через две недели после формирования нового правительства на Ближний Восток приехал президент США Ричард Никсон.

В Каире ему была устроена триумфальная встреча. Миллионы египтян приветствовали первый визит американского президента. Президент Анвар Садат оказал Никсону королевские почести. В качестве подарка Никсон пообещал Садату построить Египту ядерный реактор.

Для Израиля это был удар. Тем более, что Соединенные Штаты не потрудились заранее поставить Израиль в известность. Уже после того, как Никсон публично рассказал о своем обещании, государственный секретарь Киссинджер отправил в Иерусалим успокоительное послание: речь идет о ядерной установке, предназначенной исключительно для мирных целей. Если бы Соединенные Штаты отказали Садату в реакторе, египтяне получили

бы его от Москвы. Стоит ли израильтянам возражать против того, что ядерная программа Египта останется под американским контролем?

Когда Никсон и Киссинджер прибыли в Израиль, президенту задавать вопрос о ядерном реакторе не стали. Но спросили Киссинджера. Он ответил, что израильтян просто забыли предупредить заранее, технический сбой.

— А как можно убедиться в том, что египетский реактор не будет использован в военных целях? — спросили израильтяне государственного секретаря.

Киссинджер снял очки и, протирая стекла, сказал, что он не знает, как это можно сделать. Что предлагают израильтяне?

Его партнеры на переговорах приняли слова Киссинджера за чистую монету и попали в ловушку. Они охотно предложили:

— Все просто: надо держать египетский реактор под американским контролем.

Государственному секретарю понравилось это предложение.

— Неплохая идея, — согласился Киссинджер. — Но в таком случае американский контроль должен быть установлен и над израильскими ядерными объектами.

Израильтяне предпочли не продолжать обсуждение этого вопроса.

Уже после октябрьской войны в Израиле на закрытых совещаниях много говорили о будущей военной стратегии. Дебаты шли в министерстве экономики, в комитете кнессета по делам вооруженных сил, среди военных.

Финансовые проблемы подрывали прежнюю военную стратегию Израиля, которая была основана на двух принципах: во-первых, ставка на превентивные удары; во-вторых, сохранение превосходства в воздухе и, шире говоря, вообще в уровне вооружений.

Стало ясно, что Израиль уже не в состоянии позволить себе гигантские расходы на разработку новых вооружений, особенно если результат нельзя гарантировать: ведь не так просто было принято решение прекратить разработку нового истребителя «Лави», на который уже ушли огромные деньги.

Рушилась разработанная когда-то Пересом стратегия опоры на собственные силы — в подражание Швеции.

Оборонительная стратегия Израиля была основана на стремительном маневре кадровыми частями и быстрой мобилизации резервистов. Но всем было ясно, что затяжной войны Израилю не выдержать. Войны на истощение Израиль боялся даже больше, чем настоящей большой войны.

Из этого арабские лидеры и исходили. Лидер Алжира Хуари Бумедьен, выступая перед выпускниками офицерского училища в Алжире, сказал:

— Мы должны навязать еврейскому государству длительную войну на истощение. Израиль ни в коем случае не сможет выдержать бремени войны, которая продолжится больше трех недель. Ввиду скудости его ресурсов продолжительное пребывание в рядах вооруженных сил всех военнообязанных задушит его экономику и уничтожит страну изнутри.

Вот поэтому в Израиле обсуждался вопрос, можно ли рассматривать ядерное оружие как элемент будущей стратегии, как последнее средство в борьбе за выживание.

Некоторые специалисты всегда говорили, что Израиль должен открыто признать, что у него есть ядерное оружие, поэтому нападать на него не следует, и с этой позиции вести переговоры с арабскими соседями и палестинцами.

Обмен мнениями на заседании у премьер-министра был коротким:

— Ядерное оружие — это наша страховочная сетка на тот случай, если американцы бросят нас на произвол судьбы.

— Ядерное оружие — это лучшая гарантия от любого арабского политика, который попытается уничтожить Израиль.

Хаим Бар-Лев, начальник генерального штаба, любил повторять: лучшая оборона — это нападение.

Иоси Бен-Арон, политический советник премьер-министра, сказал:

— Мы должны вновь и вновь показывать нашим соседям, что мы не станем ждать, пока потенциальная угроза превратится в реальную.

Все поняли, что он имеет в виду.

Израиль продемонстрировал свою стратегию во время небольшой войны в воздухе с Сирией в 1982-м. Сирийцы получили новые советские зенитные ракеты и почувствовали себя уверенно, полагая, что отныне израильская авиация не сможет прорваться в их воздушное пространство.

Израильское правительство через посредников попросило Сирию отодвинуть ракеты, которые нарушали баланс сил. Сирийцы отказались это сделать. Тогда в Израиле приняли решение уничтожить новые ракеты.

Сначала израильтяне путем массированного обстрела уничтожили сами сирийские ракеты. Уцелел один-единственный радиолокатор ПВО, его вывели из игры с помощью системы электронного подавления. И тогда израильские истребители, ничего не опасаясь, нанесли удар по авиации Сирии.

Итог операции: сирийцы потеряли больше восьмидесяти самолетов, израильтяне — ни одного.

Израильтяне решили для себя так: если арабские страны добьются военного паритета с еврейским государством, тогда единственным преимуществом Израиля останется ядерное оружие. Если сирийцы попытаются обзавестись собственным ядерным или химическим оружием, это может заставить израильтян нанести превентивный удар, чтобы защитить свои города. Израиль — слишком маленькая страна, ее можно уничтожить одной ядерной бомбой.

В середине восьмидесятых министр обороны Сирии Мустафа Тлас дважды говорил, что Советский Союз обещал дать Сирии ядерное оружие, если Израиль применит оружие массового уничтожения. Правда, советский представитель дважды опровергал сирийское заявление. Но в Израиле к словам Мустафы Тласа отнеслись очень серьезно.

Израиль столько лет находился в состоянии войны с арабскими соседями, что никакой, даже самый высокий уровень собственной армии не мог считаться надежной гарантией безопасности. Успокоение несла лишь способность израильских вооруженных сил полностью нейтра-

лизовать противника. Таким образом, на первый план выдвигался принцип: нельзя позволить врагу первым выпустить пулю. В общем, вопрос состоял в одном: способны ли политики в нужный час принять верное решение?

19 сентября 1988 года был запущен израильский разведывательный спутник «Горизонт-1», который давал возможность наблюдать за перемещением арабских вооруженных сил практически в реальном масштабе времени. Запуск Израилем собственного спутника был неприятным сюрпризом для соседей. Это, среди прочего, означало, что израильтяне добились огромного успеха в ракетостроении.

Сам по себе разведывательный спутник ни на кого не производит впечатление. Главное — умение построить мощную ракету, которая может забросить спутник на орбиту. Иногда спутник и запускают только для того, чтобы испытать мощность ракеты. Ракета может вывести на орбиту скромный спутник, а может отправить в цель ядерную боеголовку.

Три отца ядерного оружия — Бен-Гурион, Моше Даян и Шимон Перес — считали, что арабы никогда не смогут примириться с существованием Израиля. Из этого надо исходить. Ничего не поделаешь. Если израильтяне не позаботятся о своей обороноспособности, то пропадут. Если Израиль проявит нерешительность, он просто исчезнет с политической карты мира.

Израиль должен постоянно демонстрировать свою силу и показывать, что готов применить ее не колеблясь, если это понадобится. Только так можно заставить арабские страны смириться с существованием Израиля и подписать с ним мир...

Израильские политики были уверены, что главное — убедить арабский мир в том, что победить Израиль невозможно. Ядерное оружие — последний довод, который покажет арабам, что нет смысла продолжать конфронтацию, раз у противника есть ядерная бомба.

Когда-то президент Эфраим Кацир официально заявил, что Израиль не будет первым ядерным государством в регионе. Теперь стало ясно, что Израиль не позволит себе быть вторым.

Глава 40

НАЛЕТ НА ИРАК

В арабском мире первым создать ядерное оружие попытался Ирак.

Ядерная программа Ирака начала осуществляться в конце 70-х. Ирак подписал секретные соглашения с Францией о поставке атомного реактора, ядерного топлива и пригласил французских специалистов. Разумеется, речь шла исключительно о мирном атоме. И так же совершенно естественно иракцы попытались превратить мирный атом в военный.

Когда стало ясно, что амбициозный президент Ирака Саддам Хусейн пытается создать ядерное оружие и, возможно, близок к цели, новые израильские лидеры не колебались.

На всеобщих выборах в мае 1977 года впервые за всю историю существования Израиля Рабочая партия потерпела поражение. Новым премьер-министром стал Менахем Бегин, бывший лидер боевой группы Иргун цвай леуми и основатель правой партии «Херут». Пост министра обороны занял военный летчик Эзер Вейцман. Но в 1980-м он ушел в отставку. Таким образом, Бегин некоторое время исполнял и обязанности руководителя высшего военного ведомства. В августе 1981-го министерство обороны возглавил бывший десантник Ариэль Шарон.

Правительство Менахема Бегина исходило из того, что, когда Ирак создаст ядерное оружие, оно будет пущено в ход против Израиля. Ни у кого не было сомнений в том, что иракский президент Саддам Хусейн не замедлит это сделать.

В отличие от других арабских стран Ирак так и не согласился подписать соглашение о перемирии с Израилем. Следовательно, Ирак и Израиль даже формально находятся в состоянии войны и соответственно нападение на Ирак не будет нарушением международного права.

Правда, начальник военной разведки Шломо Газит (его вскоре сменил Иешуа Сагай) и директор Моссад Ицхак Хофи были категорически против бомбардировки Ирака. Они считали, что иракский реактор еще не

скоро вступит в строй, а бомбардировка подорвет только что достигнутый мир с Египтом.

Военная разведка не сомневалась в том, что Ирак конечно же надеется создать ядерное оружие, но считала, что этому можно помешать другими средствами.

Израильтяне попытались по дипломатическим каналам воздействовать на французов, чтобы те перестали помогать Ираку в ядерных делах. Но это ничего не дало.

Тогда разведка пустила в ход свои средства.

Первый удар по иракской ядерной программе был нанесен в апреле 1979 года, когда агенты Моссад проникли на склад французского ядерного завода, где строился реактор для Ирака. Там раздался взрыв, ответственность за который взяла на себя мифическая «Французская экологическая группа».

Второй удар был нанесен через год с небольшим, в июне 1980 года. Доктор Мешад, один из создателей иракского ядерного проекта, был найден мертвым в отеле в Париже, куда он приехал на переговоры о доставке ядерного топлива в Ирак.

Ирак и Иран воевали между собой, и иранская авиация дважды бомбила иракский реактор, но нанесла строительству лишь небольшой ущерб. Правда, французские и итальянские специалисты уехали домой, напуганные бомбардировками. Потом они все же вернулись. Но за это время Моссад удалось завербовать нескольких французов.

В середине октября в Иерусалиме у премьер-министра Бегина состоялось совещание. Обсуждали, что делать с иракским реактором. Начальник оперативного управления военно-воздушных сил Израиля полковник Авием Селла получил указание разработать план бомбардировки. Премьер-министр Бегин считал, что уничтожить иракский реактор «Озирак» — меньшее зло в сравнении с опасностью подвергнуться ядерному удару.

Уходивший в отставку министр обороны Эзер Вейцман по-прежнему возражал против уничтожения иракского реактора. Заместитель министра обороны Мордехай Ципори тоже был против. Ирак находился в состоянии войны с Израилем, это так, но мир все равно разозлится

на Израиль. Стоит ли портить отношения с друзьями из-за иракского реактора?

Директор Моссад Хофи, начальник военной разведки Иешуа Сагай и начальник оперативного управления генерального штаба армии обороны Израиля генерал-майор Аврахам Тамир считали, что бомбардировка закончится тем, что Ирак и Иран перестанут воевать между собой, объединятся и вдвоем обрушатся на Израиль.

Но вторые лица в военной и политической разведке поддержали Бегина. Заместитель начальника военной разведки Авиэзер Яари и заместитель директора Моссад Наум Адмони полагали, что удар будет хорошим предупреждением арабскому миру.

Начальник генерального штаба Рафаэль Эйтан считал, что уничтожение реактора необходимо. Ирак — фанатичный враг Израиля. Нельзя рисковать.

Правительство после долгих дискуссий поддержало начальника генерального штаба и приняло решение разбомбить реактор.

Разведка доложила, что в июле — августе реактор будет введен в действие. Следовало спешить. И тут израильтяне получили новые самолеты «F-16». Начались долгие тренировки.

Атаку на иракский реактор должен был возглавить полковник Йорам Эйтан, сын начальника генерального штаба Рафаэля Эйтана. В пустыне Негев был построен для тренировок макет иракского реактора. 4 мая, в воскресенье, во время тренировочного полета командирский самолет рухнул на землю. Пилот не успел катапультироваться и погиб. Генерал Эйтан потерял сына, но продолжал руководить операцией.

Новым ведущим пилотом был назначен полковник Шамир, сын будущего премьер-министра Ицхака Шамира.

Для этой атаки разработали бомбы, которые должны были взорваться через долю секунды после того, как они пробьют крышу реактора.

Кроме того, бомбы должны были наводиться по радиомаяку, который следовало установить внутри реактора. Это казалось невозможным делом. Но деньги ре-

шают многие проблемы. Нашлись люди — видимо французы, работавшие на сооружении реактора, — которые за очень хорошие деньги пронесли на стройку радиоустройство. За три дня до намеченного дня операции Моссад сообщила, что радиомаяк установлен.

В последней тренировке участвовал начальник генерального штаба Рафаэль Эйтан. Все в армии, включая солдат, называли его просто Рафулом: чинопочитание в израильской армии не принято. Эйтан хотел сам почувствовать, что будет испытывать летчик после такого долгого перелета. Он был солдатом до мозга костей.

В 1956 году молодым офицером он побывал в Москве: возглавлял израильскую команду на международных соревнованиях по парашютному спорту и сам с удовольствием прыгал с советским парашютом. Он рассказывал потом: «К нам отлично отнеслись в Москве. Мы чувствовали себя как дома».

Но поближе с советским оружием он познакомился тогда, когда израильская армия в больших количествах стала брать его в виде трофеев во время войн с арабскими государствами.

— Советское оружие отличное, — говорил Эйтан. — Но попало не в те руки.

Рафаэль Эйтан приказал сформировать две танковые дивизии, которые были оснащены исключительно трофейными танками советского производства.

Прямо с аэродрома генерал Эйтан приехал к премьер-министру Менахему Бегину:

— Я сам летал. Все видел. План отличный. Больше ждать нельзя. Если мы промедлим, иракцы могут изменить систему противовоздушной обороны, установить новые ракеты. Мы не будем об этом знать, и операция закончится провалом. — Крепкий, плотный, очень жесткий по характеру Рафаэль Эйтан склонился над тщедушным премьер-министром: — Отдайте приказ на проведение операции.

Перед вылетом Эйтан беседовал с каждым из летчиков. Он говорил: на чашу весов поставлена судьба народа и страны. Только после этого Эйтан попросил показать ему комнату его разбившегося сына. Постоял в

ней молча несколько минут. Потом отдал последний приказ командиру эскадрильи.

7 июня в половине шестого утра шесть самолетов «F-15» с бомбами на борту и сопровождавшие их восемь истребителей «F-16» взлетели и взяли курс на восток.

Они беспрепятственно вошли в воздушное пространство Ирака, долетели до нужной точки и один за другим круто спикировали прямо на ту точку, под которой находилась активная зона реактора. Разведывательная информация была настолько точна, вспоминали потом пилоты, что все прошло как по маслу. Над территорией Ирака они летели, словно в родном небе.

Они сбросили шесть бомб. Две из них не взорвались. Но это не имело значения. Достаточно было всего одного удара в сердце реактора.

Иракцы запустили вслед израильским самолетам несколько противовоздушных ракет и подняли свои истребители на перехват, но израильтяне вернулись без потерь.

Несколько часов генерал Эйтан пробыл на командном пункте, ожидая сведений об операции. Оттуда радостный позвонил премьер-министру:

— Реактор уничтожен. Все благополучно возвращаются.

Ночью в генеральном штабе просмотрели пленку, заснятую по время полета: было отчетливо видно, как взлетает в воздух разбомбленный реактор.

Несмотря на все переживания руководителей разведки, операция прошла достаточно спокойно. Иракская ядерная программа никому не нравилась. Американцы в глубине души были довольны, что их избавили от этой проблемы, хотя формально выразили неудовольствие. Даже французы остановили свое ядерное сотрудничество с Ираком.

Разведка не рекомендовала правительству признавать, что эта операция проведена израильтянами. Но премьер-министр Бегин, который назначил выборы на 30 июня, не упустил случая накануне голосования сообщить избирателям об удачной операции и одержал победу.

После этой удачной акции Бегин и вовсе перестал прислушиваться к военной разведке. В следующем, 1982 году, несмотря на возражения разведки, он отдаст приказ о боевой операции против Ливана, которая, по существу, закончится провалом.

Глава 41

АГЕНТА СХВАТИЛИ У ДВЕРЕЙ ПОСОЛЬСТВА

Путь Шимона Переса к креслу премьер-министра был долгим и трудным. После блистательного взлета в молодости он на несколько лет оказался в стороне от большой политики, когда ушел в отставку его покровитель — Давид Бен-Гурион, а сменивший его новый премьер-министр Леви Эшкол, как водится, уже не так сильно любил Переса.

Шимон Перес ушел, как раньше говорили, на партийную работу, которая со временем принесла ему успех. Он вернулся в правительство после выборов 1969 года, стал министром по делам устройства иммигрантов, затем министром коммуникаций. Это были второстепенные посты в кабинете.

Бен-Гурион умер от мозгового кровоизлияния 1 декабря 1973 года, в тот самый момент, когда шли переговоры о разъединении войск с Египтом после октябрьской войны.

Накануне врач обзвонил нескольких ближайших друзей Бен-Гуриона и сказал, что старик очень плох. Перес и Моше Даян немедленно приехали. Бен-Гурион потерял дар речи. Его глаза были закрыты, но он выглядел погруженным в глубокие раздумья. Черты его лица были неожиданно спокойными. Через два дня он умер.

Правительство возглавила Голда Меир. Она обладала редким даром видеть мир в черно-белом свете, без всяких там полутонов, которые только мешают принимать быстрые и решительные меры. Через полгода после смерти Бен-Гуриона в новом правительстве Голды Меир министром обороны стал Шимон Перес — вместо Моше Даяна.

Только теперь Перес понял, какая большая власть сосредоточена в руках министра обороны. Это была ключевая должность в израильском правительстве.

Многие удивлялись: почему покойный Бен-Гурион всегда сохранял за собой пост министра обороны? Ведь за ним как премьер-министром в любом случае оставалось последнее слово, он сам решал все принципиальные проблемы, а другими он просто не занимался. И тем не менее он держал военные дела в своих руках.

Бен-Гурион понимал, сколько опасностей грозит Израилю. Он предостерегал: Израиль может одержать сотню побед и все равно не добьется полной безопасности, но если арабские страны одержат хотя бы одну победу, Израиль исчезнет с политической карты мира.

Бен-Гурион очень заботился о том, чтобы в военных вопросах в стране существовало единство. Он хотел, чтобы политическая борьба не оказывала влияния на военные дела. В этой сфере, считал он, решения должны приниматься профессионалами. Это в определенной степени вывело армию из-под контроля правительства и кнессета.

Даже такой властный политик, как Ицхак Шамир, став премьер-министром, часто говорил:

— Я за это не отвечаю. Это сделали ребята из армии и службы безопасности. Моя власть на них не распространяется.

По закону министр обороны может принимать важные решения, не консультируясь с кабинетом и кнессетом. Только когда речь идет о мобилизации, он должен поставить в известность комиссию кнессета по международным делам и безопасности.

Когда Перес стал министром обороны, он занял жесткую позицию. Перес сражался за военный бюджет как лев. Когда он со временем займет пост министра иностранных дел, его линия резко изменится. Из ястреба он превратится в голубя...

В сентябре 1984 года Шимон Перес сам стал премьер-министром — после создания правительства национального единства. Лидер правых Ицхак Шамир, бывший оперативник Моссад, занял пост его заместителя и по

соглашению о ротации премьер-министров должен был сменить Переса через два года.

Но через год разведчики преподнесли Пересу неприятный сюрприз.

21 ноября 1985 года гражданский специалист, состоявший на службе военно-морских сил США, 31-летний Джонатан Поллард был арестован агентами Федерального бюро расследований буквально у дверей израильского посольства в Вашингтоне. Его жену Анну арестовали через два дня.

Шесть лет Джонатан Поллард служил в американском флоте. В июне 1984-го он был переведен в антитеррористический центр службы расследований военно-морского флота США. Его задача состояла в сборе материалов о террористах по всему миру. Старательный специалист вскоре получил повышение и теперь отвечал за анализ поступающей в центр информации о террористической активности в Карибском бассейне и на территории США.

У Полларда был допуск к материалам высшей категории секретности. В 1984 году один друг познакомил его с израильским офицером — полковником Авиемом Селлой, который, получив отпуск, изучал компьютерное дело в нью-йоркском университете. Селла был опытным и храбрым военным летчиком. Он, в частности, участвовал в бомбардировке иракского атомного реактора.

Поллард проникся доверием к Селле и дал понять полковнику, что хочет работать на Израиль. Почему? Поллард убедился в том, что американская разведка многое скрывает от Израиля, и решил, что должен компенсировать ошибку своей страны. Ему также не нравилось, что американская разведка следит за своим лучшим союзником на Ближнем Востоке.

Американская разведка тщательно прослушивала все телефонные разговоры и занималась радиоперехватом в Израиле. Офицеры радиоэлектронной разведки зубрят иврит — архаичный, а потому трудный для изучения язык — в школе военных переводчиков в Форт-Миде.

Американцы не отрицают, что они прослушивают переговоры иракских и иорданских военных, но Поллард знал, что они не менее внимательно следят и за пере-

говорами израильских военных между собой. Говорят, что американцы занимаются этим с тех пор, как израильтяне — будто бы по ошибке — потопили во время шестидневной войны американское шпионское судно «Либерти». Видимо, сражавшимся израильтянам было неприятно, что их подслушивают в решающий момент их истории. Тогда погибли 34 американских моряка, 171 был ранен...

Кроме того, на Полларда подействовало то, что его отец Моррис, микробиолог, в свое время немного сотрудничал с ЦРУ. Ему тоже хотелось прикоснуться к этому таинственному миру. Тем более, что Джонатан любил читать шпионские романы.

Заинтригованный полковник Селла, понимая не только всю опасность, но и привлекательность сделанного Поллардом предложения, обратился за советом к командующему авиацией Израиля генерал-майору Амосу Лапидоту и начальнику штаба генерал-лейтенанту Моше Леви. Они информировали разведку.

Но Моссад, предчувствуя возможные неприятные последствия, отказалась от предложения Полларда и рекомендовала прервать с ним отношения.

Профессиональное сотрудничество американских и израильских спецслужб началось только в конце 50-х годов. Выяснилось, что израильтяне могут дать американцам то, что им нужно. И к тому же американцы убедились уже, что Израиль не станет коммунистическим государством, чего они очень боялись. В 40—50-х годах американские спецслужбы подозрительно относились к евреям, потому что в самих Соединенных Штатах среди левых, симпатизировавших Советскому Союзу и работавших на советскую разведку, было много евреев.

Израильтяне, разумеется, жаждали сотрудничества и теплых отношений с ЦРУ и американской военной разведкой, которые располагали гигантскими возможностями по сбору информации о происходящем на Ближнем Востоке.

В отделе расследований контрразведки Шин-Бет существовало небольшое подразделение, которое опрашивало эмигрантов из социалистических стран. Самых изра-

ильтян волновало только положение евреев в этих государствах, а вот американцев интересовало все, особенно ситуация внутри СССР. Шин-Бет щедро делилась полученной от иммигрантов информацией с американцами.

Моссад, военная разведка и Шин-Бет дорожили добрыми связями с американцами и не хотели рисковать, вербуя американца. Но нашлись люди, которые решили, что игра стоит свеч.

Полковник Селла, не зная, что Моссад против, уже загорелся возможностью сделать из Полларда агента. Он встречался несколько раз с Поллардом, и тот передал полковнику ряд секретных документов, чтобы доказать искренность своих намерений. Эти документы попали к человеку, который был разведчиком до мозга костей. Политика его не интересовала...

В ноябре 1984 года Селла привез Полларда и его подружку Анну Хендерсон в Париж. Здесь, вдали от глаз американских контрразведчиков, с Поллардом познакомился офицер разведки Йосэф Янур.

Янур работал «под крышей» израильского консульства в Нью-Йорке в роли атташе по науке. На самом деле он представлял небольшое и странное разведывательное ведомство — уже упоминавшееся выше бюро технологической разведки (Лакам). Его создали еще в 1960-м, когда Шимон Перес, заместитель министра обороны, поручил своему аппарату собирать по всему миру научную и техническую информацию, необходимую для развития израильского военно-промышленного комплекса.

Само существование бюро было предметом постоянного недовольства для директора Моссад Иссера Харела, который считал, что Шимон Перес просто захотел обзавестись собственной, никому не подконтрольной спецслужбой. Это предположение не было лишено смысла.

Перес и директор Моссад Харел не очень любили друг друга. Харел старательно игнорировал требования министерства обороны заниматься научно-технической разведкой. Перес не давал в обиду свое бюро.

Его первым руководителем был Биньямин Блумберг. Он участвовал в похищении чертежей французского самолета «Мираж» в 1968 году в Швейцарии, за что швей-

царский инженер Альфред Фрауенкнехт получил четыре с половиной года тюрьмы.

Название бюро можно было найти в телефонных справочниках, оно имело представителей в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне и Лос-Анджелесе. Возможно, поэтому американцы не обращали на него особого внимания. Американцы конечно же многое знали о спецслужбах Израиля, но далеко не все. Израильтяне тщательно оберегали свои секреты даже от американцев.

Для встречи с Поллардом в Париж прибыл сам директор бюро Рафи Эйтан. Его часто путали с его однофамильцем генералом Эйтаном, дослужившимся до начальника генерального штаба. Но в разведывательном сообществе Рафи Эйтан был не менее легендарной фигурой, чем его однофамилец-генерал.

Эйтан служил еще в подпольных отрядах Пальмаха, в начале 50-х перешел в контрразведку Шин-Бет, возглавлял оперативный отдел и участвовал в похищении Эйхмана из Буэнос-Айреса в 1960-м. После реорганизации разведки, которую произвел Меир Амит, он стал резидентом Моссад в Западной Европе.

В 1968 году Рафи Эйтан входил в израильскую группу, которая побывала на заводе ядерных материалов «Ньюмек» в штате Пенсильвания. После этого визита с завода бесследно исчезло немалое количество обогащенного урана, в котором нуждалась ядерная программа Израиля.

Маленький, близорукий и толстый, Эйтан оглох на одно ухо во время войны 1948 года. Он ходил мелкими шажками, как кролик, и носил дешевые спортивные куртки.

Он служил в Моссад до середины 70-х, стал заместителем начальника оперативного отдела, но ушел в отставку, обидевшись на то, что не получил повышения.

Эйтан нашел родственную душу в будущем премьер-министре Ицхаке Шамире. Они оба были ветеранами Моссад, оба в начале 70-х ушли из разведки, считая, что при правительстве, сформированном Рабочей партией, им путь навверх заказан.

Он был честным человеком, но видел мир только в черно-белых красках, не признавая никаких оттенков.

Он считал борьбу с террористами делом своей жизни. Презирал Организацию освобождения Палестины и был уверен, что ее лидеров, виновных в смерти стольких людей, надо казнить как обычных преступников. Но одновременно он был против кэмп-дэвидских соглашений с Египтом, потому что они не решали палестинскую проблему, а он, как прагматик, считал, что без этого реальный мир на Ближнем Востоке невозможен.

В 1976-м генерал Ариэль Шарон, его друг и наставник, стал советником по проблемам безопасности премьер-министра Рабина и сделал Эйтана своим помощником. Когда Шарон ушел из правительства, с ним ушел и Эйтан.

*Менахем Бегин, придя к власти, взял Эйтана к себе на безвластный доселе пост советника премьер-министра по борьбе с терроризмом.

Прежний советник премьера Амихай Паглин, соратник по боевой группе Иргун цвай леуми, погиб в автомобильной катастрофе. Впрочем, Паглин, человек со стороны, в любом случае не пользовался доверием секретных служб, Шин-Бет и Моссад его просто игнорировали.

Игнорировать Эйтана было невозможно. Он знал всех и вся в мире разведывательных служб.

Штат Моссад составлял тогда полторы-две тысячи человек, из них пятьсот сотрудников — офицеры. Штат Шин-Бет — около тысячи, половина имела офицерское звание. В военной разведке служило семь тысяч человек, из них те же пятьсот — офицеры.

Моссад делился на семь отделов: планирования операций и координации; сбора информации; политических действий; кадров, финансов и безопасности; подготовки личного состава; исследовательско-аналитический; технических операций и создания технических средств для оперативной работы.

В Шин-Бет было восемь отделов. Из них два главных — отдел безопасности и отдел, занимавшийся арабскими делами. Остальные вспомогательные: планирования и координации, поддержки оперативной работы, технических средств, расследований, юридический и административный...

В 1981-м Ариэль Шарон сменил Эзера Вейцмана на посту министра обороны. Он отправил в отставку Биньямина Блумберга и назначил руководителем бюро технологической разведки Эйтана, хотя тот мало что понимал в науке и технике.

Это был не очень важный пост: бюро умирало. После создания правительства национального единства новый министр обороны Ицхак Рабин в сентябре приказал ограничить масштабы работы бюро. Он вообще хотел его закрыть, но не успел.

Но бюро — это единственное, что оставалось Эйтану. Он хотел сохранить эту работу и рьяно взялся за дело. Джонатан Поллард, ценнейший агент в Соединенных Штатах, подвернулся, как никогда, вовремя.

Раз в месяц Поллард встречался со своим связным Януром, который объяснял, что именно интересует израильтян.

Поллард, может быть, украл больше секретных материалов, чем какой-либо иной агент зарубежной спецслужбы, работавший в США. Почти целый год он дважды в неделю приносил в дом Ирит Эרב, секретаря израильского посольства в Вашингтоне, секретные документы. Она снимала с них копии на скоростной копировальной машине.

Поллард снабжал израильтян всем, что только мог найти: сведениями о поставках советского оружия Сирии и другим арабским странам, включая маршруты советских транспортных судов с грузом оружия, фотографиями сирийских и иракских военных объектов, сделанными со спутников, данными о системе противоздушной обороны Ливии, записями перехваченных разговоров между арабами. А однажды он представил в распоряжение своих «хозяев» схему штаб-квартиры Организации освобождения Палестины в Тунисе, что помогло израильтянам разбомбить этот офис ООП.

Больше всего вывело из себя американцев то, что собранные Поллардом материалы позволяли понять, как именно США получают эту информацию, или, иначе, разгадать источники американской разведки.

Возможно, Поллардом изначально двигали идеалистические представления, но он попал в руки людей,

которые знали, что разведка — циничное дело. Рафи Эйтан настоял на том, чтобы Поллард получал деньги, считая, что это будет подогревать его стремление сотрудничать. Поллард получил несколько десятков тысяч долларов.

Когда он стал нервничать, сообразив, что рано или поздно его разоблачат, ему вручили израильский паспорт на новое имя. Это была чистой воды психотерапия. Израильский паспорт спасти его от ареста не мог: ведь он оставался американским гражданином. Но Эйтан справедливо полагал, что паспорт поможет Полларду успокоиться, обрести уверенность и продолжить работу.

В последний раз Эйтан попросил Полларда выяснить, как именно Агентство национальной безопасности следит за Израилем и кто из израильтян работает на американскую разведку. Это задание лучший агент Эйтана уже не успел выполнить.

Арест Полларда заставил всех израильтян, которые с ним работали, немедленно покинуть Соединенные Штаты. Израильскому правительству пришлось извиняться перед американцами, хотя в Иерусалиме отказались признать его своим агентом и соответственно просить о снисхождении. Полларда приговорили к пожизненному заключению. Его жену обвинили в сообщничестве, она провела за решеткой три с половиной года. Ее освободили по состоянию здоровья.

Отсидев тринадцать лет в американской тюрьме, в 1988-м Поллард добился своего: израильское правительство официально признало его гражданином Израиля.

Уже после суда Поллард выпустил свою «парфянскую стрелу». Он сказал, что у Израиля есть еще один агент в министерстве обороны Соединенных Штатов, потому что однажды израильские разведчики показали ему сверхсекретный американский документ, который добыл не он, а кто-то другой. Это доставило американским контрразведчикам немало неприятных минут. Им пришлось проверять заявление Полларда.

В Израиле всю ответственность за грандиозный провал возложили на Рафи Эйтана. Его уволили. Бюро технологической разведки распустили.

Роспуск бюро Эйтана был маленьким праздником для директора Моссад Наума Адмони. Он сменил Ицхака Хофи и возглавил разведку за несколько дней до резни в лагерях палестинских беженцев Сабра и Шатила в Ливане. Адмони был умелым бюрократом, который делал все, чтобы избежать скандалов. Он был антиподом такого виртуоза, как Эйтан. Адмони предпочитал заниматься политикой, а не тайными операциями.

Адмони был первым директором Моссад, который не пришел в разведку со стороны. В аппарате разведки было много достойных профессионалов, но выбрали Адмони. Давид Кимхе мог бы стать директором, если бы он дождался своего часа, но он не поладил с предыдущим директором и ушел из разведки, приняв предложение стать генеральным директором министерства иностранных дел Израиля.

Сам Рафи Эйтан в свое время имел некоторые шансы стать директором Моссад. Он нравился премьер-министру Бегину, но в данном случае ему повредили близкие отношения с Ариэлем Шароном. Бегин считал, что министр Шарон достаточно влиятелен и без опоры на разведку. А после скандала с Поллардом карьера Эйтана в разведке закончилась.

Извиняться перед американцами за вербовку гражданина США Полларда пришлось премьер-министру Шимону Пересу. В его политической жизни ему часто приходилось оправдываться за ошибки и промахи своих спецслужб.

Цели всегда бывают благородными, да вот исполнение может подкачать. Премьер-министр Шимон Перес не был настолько наивен, чтобы полагать, будто специальные службы способны работать в белых перчатках. И все же много раз в своей жизни он изумленно вскидывал брови: да как же все это могло получиться? Разве этого они хотели, когда создавали свое государство?

Получилось так, как и должно было получиться. До поры до времени самого Шимона Переса все это впрямую не касалось — пока разведка не оказалась в его подчинении.

Преемник Переса на посту премьер-министра Биньямин Нетаньяху через тринадцать лет после ареста Пол-

ларда признал, что тот выполнял задание израильской разведки. Для Нетаньяху Поллард был героем. Премьер-министр написал ему личное письмо, в котором были такие слова: «Крепите ваше мужество и ваш дух. Израиль будет неустанно бороться за то, чтобы вы вернулись домой».

Во время переговоров с президентом Соединенных Штатов Биллом Клинтонем Нетаньяху уловил удобный момент и попросил его помиловать Джонатана Полларда с тем, чтобы он мог уехать в Израиль. Но все правительственные ведомства потребовали от Клинтона не делать этого. Для израильтян Поллард герой, а для американцев он предатель.

Прокурор, который занимался делом Полларда, сказал, что, если его освободят, это будет означать, что можно безнаказанно шпионить. Директор ЦРУ Джордж Тенет просто заявил, что уйдет в отставку, если Полларда выпустят из тюрьмы.

Сам Поллард растолстел и облысел, отпустил бороду. Он порвал отношения с сестрой и престарелыми родителями, которые сражались за его освобождение, развелся с женой, которой дали пять лет за то, что она ему помогала. Поллард считает себя в браке с женщиной, которая живет в Канаде, пишет ему письма и старается его поддержать. Первые семь лет он отсидел в одиночке. Сейчас его содержат в более мягких условиях в другой тюрьме Северной Каролины. Поллард утверждает, что обвинение его обмануло, обещав взамен признания более мягкий приговор, а в результате его засадили за решетку на всю оставшуюся жизнь.

Глава 42

ОРУЖИЕ ДЛЯ АЯТОЛЛЫ

В феврале 1986 года военно-воздушные силы Израиля по просьбе Моссад посадили ливийский самолет, на котором должны были возвращаться после совещания палестинские террористы. Во всяком случае, так уверяла разведка. Но вместо террористов в самолете оказа-

лись рядовые ливийские и сирийские чиновники. Всех отпустили. Разгорелся международный скандал. Пересу пришлось извиняться и оправдываться в кнессете.

Шимон Перес допустил еще одну ошибку в сфере специальных служб. Своим советником по вопросам борьбы с терроризмом он назначил бывшего тележурналиста Амирама Нира, опасно амбициозного человека.

У него было жесткое красивое лицо, один глаз искусственный: он был танкистом и потерял глаз во время военных учений. Это обстоятельство вызывало симпатии всех зрительниц израильского телевидения, когда, уволившись из армии, Нир стал тележурналистом.

Амирам Нир был очень обаятелен и женился на одной из самых богатых невест Израиля — Джуди Мозес, дочери владельца крупнейшей газетной компании «Едиот ахронот». Нир не хотел зависеть от состояния своей жены и вознамерился добиться финансовой самостоятельности.

Накануне парламентских выборов 1981 года он ушел с телевидения и, считая, что Рабочая партия победит, пошел работать к Шимону Пересу в качестве советника по прессе. Но Рабочая партия проиграла. Амирам Нир остался без работы. Идти в газету, которая принадлежала его жене, он не хотел. Перес взял его к себе руководить аппаратом партии. А через пять лет, все-таки став премьер-министром, вознаградил за преданность постом советника.

Шимон Перес и его советник Нир оказались в трудном положении. В коалиционном правительстве разведка контролировалась правой партией Ликуд и не хотела подчиняться Пересу. Пост министра финансов в коалиционном кабинете тоже принадлежал представителю Ликуд, поэтому у Переса не было и контроля над деньгами.

На помощь министерства обороны Перес тем более рассчитывать не мог, хотя министр обороны Ицхак Рабин принадлежал к той же партии, что и Шимон Перес. Но тут уж мешали личные проблемы: Рабин и Перес вынуждены были работать рука об руку многие годы, но при этом друг друга не терпели.

Эта нелепая ситуация толкнула Переса и его советника Амирама Нира, авантюриста по складу характера, на достаточно опасное предприятие.

Возглавивший Иран после исламской революции аятолла Хомейни ненавидел Израиль. Но когда в сентябре 1980 года началась ирано-иракская война, Хомейни понадобилось оружие, боеприпасы и запасные части. Ни Советский Союз, ни Соединенные Штаты, ни Европа не хотели продавать ему оружие. Тайную помощь аятолле оказал Израиль.

По некоторым подсчетам, в общей сложности Иран получил оружия на сто миллионов долларов. О продаже израильянами оружия Ирану стало известно после того, как в 1984 году иранский летчик перелетел на своем «F-4» («Фантом») в Саудовскую Аравию. В самолете нашли части и приборы, которые американцы поставляли только Израилю, а тот передавал иранцам.

Израильское правительство знало, что новое иранское руководство ненавидит еврейское государство, что ливанские террористы, которые атакуют израильские объекты, обучаются иранцами, получают из Ирана деньги и оружие. Но в Израиле по-прежнему считали, что главный враг — это Ирак, поэтому надо помогать Ирану, который воевал с Ираком.

В Израиле существовало, условно говоря, проиранское лобби — военные и разведчики, действующие и отставные, которые долгое время при шахе сотрудничали с Ираном. Они верили, что и новые иранские лидеры, успокоившись, захотят вернуться к тесному взаимодействию с Израилем. Сторонников противоположной точки зрения: Иран при аятолле Хомейни представляет большую опасность, чем Ирак, — было совсем немного.

Официальные отношения Израйля с Ираном закончились сразу после свержения шаха в 1978 году. При Хомейни Иран превратился в злейшего врага еврейского государства. А раньше иранский шах был, по существу, негласным союзником Израйля.

Иран признал Израиль де-факто еще в 1950 году, вскоре после Турции. Тогда в Моссад образовали отдел международных связей. Это было подразделение, которое превратилось в теневое министерство иностранных дел. Его задача состояла в том, чтобы поддерживать связи с государствами, которые не могут устанавливать формальные

отношения с Израилем, — скажем, с такими мусульманскими странами, как Марокко и Индонезия.

Самым важным из таких государств был Иран.

Вначале резидентуру Моссад в Тегеране возглавлял Макс Биннет, который занимался разведкой против Ирака и вывозом из Ирака евреев.

После синайской войны 1957 года между разведывательными службами двух стран установились прямые отношения. В 1958 году Яков Карош, который до этого был резидентом Моссад в Париже и занимался вывозом евреев из Марокко, возглавил отдел международных связей Моссад и занялся почти исключительно иранскими делами.

В первый раз он встретился с генералом Бахтияром, начальником иранской спецслужбы САВАК, еще работая во Франции под посольской крышей.

Весной 1959 года начальник военной разведки Израиля Хаим Герцог побывал в Тегеране по приглашению своего коллеги генерала Плави Киа, и они договорились о военном и разведывательном сотрудничестве.

У Ирана и Израиля был общий враг — Ирак. Ирак был единственной арабской страной, которая отказалась в 1948 году подписать соглашение о перемирии с Израилем, и постоянно угрожал уничтожить еврейское государство.

Израиль помогал и иракским курдам — в стремлении ослабить Ирак. Израиль оказался первым государством, признавшим курдское национально-освободительное движение.

Израильские отношения с курдами начались в 1964-м, когда разведкой руководил Меир Амит. Тогда Шимон Перес, заместитель министра обороны, согласился тайно встретиться с Кумраном Али Бедир-ханом, лидером курдов, который давно искал помощи у израильтян.

Арие Элиав, энергичный заместитель министра индустриализации и развития Израиля, побывал в иракском Курдистане, чтобы определить, в какой именно помощи нуждаются курды.

Сотрудничество с курдами было во всех отношениях полезным. Курды передавали израильтянам информацию

о состоянии иракской армии. Одна из самых ярких операций Моссад — угон иракского самолета «МиГ» в августе 1968 года — была осуществлена с помощью курдов.

Падение иранского шаха было тяжелым ударом для Израиля. Надо сказать, что Моссад и французская Служба внешней документации были единственными разведками, которые предупреждали, что трон шаха закачался.

Летом 1978 года посол Израиля в Иране докладывал своему правительству, что шах долго не продержится. Американцы, которым показали шифротелеграмму, высокомерно отвергли столь пессимистический прогноз. А через несколько месяцев шах бежал из Тегерана.

В середине 80-х три человека взялись вновь сблизить Израиль и Иран. Это были Яков Нимроди, бывший военный атташе в шахском Иране, Аднан Хашогги, саудовский мультимиллионер, и Ал Швеймер, создатель израильской авиапромышленности и близкий друг премьер-министра Шимона Переса.

К этой тройке присоединился таинственный торговец оружием из Ирана и бывший агент шахской разведки САВАК Горбанифар. Он авторитетным тоном рассказывал своим собеседникам, что представляют собой политически умеренные элементы в Иране, которые придут к власти после падения Хомейни.

В ЦРУ Горбанифара знали и ему не доверяли. Но Нимроди и Швеймер ему верили или хотели верить.

Они отправились прямо к Пересу. Перес запросил мнение Моссад. Оно было отрицательным, потому что там сомневались в успехе этой операции. Тогда Моссад просто исключили из этой операции. Перес, посоветовавшись с министром обороны Ицхаком Рабином и министром иностранных дел Ицхаком Шамиром, одобрил контакты с Горбанифаром.

Шимон Перес конечно же никогда не признавался в решении снабжать Иран оружием. Он специально поручил это не Моссад и не военной разведке с тем, чтобы в случае скандала иметь возможность отрицать всякую связь с этим делом.

Координатором израильской политики в отношении Ирана был назначен Шломо Газит, бывший начальник

военной разведки, но он быстро отказался, увидев, что Моссад, которая и должна была этим заниматься, исключена из дела.

Вместо него ключевым человеком стал Давид Кимхе, генеральный секретарь Министерства иностранных дел и бывший разведчик. Доктор наук Кимхе был признанным интеллектуалом, но после двадцати семи лет в Моссад привычка к тайной дипломатии стала его второй натурой. У него установились тесные отношения с Робертом Макфарлейном, советником президента Соединенных Штатов по национальной безопасности и авантюристом по натуре.

Первая партия израильских противотанковых ракет — девяносто шесть штук — отправилась с одобрения США в Тегеран в конце августа 1985 года. Правда, и американский государственный секретарь Джордж Шульц, и министр обороны Каспар Уайнбергер сомневались в разумности этой сделки. Тем не менее в Иран послали еще 408 ракет. Через несколько дней иранцы отпустили одного из американцев, находившихся у них в плену.

Преемник Макфарлейна на посту советника президента США по национальной безопасности адмирал Джон Пойндекстер, более осторожный человек, сказал израильтянам, что с этими тайными делами пора заканчивать.

В декабре засомневался и Давид Кимхе. Он перестал заниматься иранской сделкой, сославшись на то, что у него масса дел в министерстве. Тогда на первое место выдвинулся советник премьер-министра Переса по проблемам борьбы с терроризмом Амирам Нир.

Нира сразу невзлюбили в разведывательном сообществе Израиля. Когда Перес назначил его вместо Рафи Эйтана, Моссад и Шин-Бет были в шоке. Бывший журналист и политический выдвиженец, он не пользовался доверием спецслужб, на какое вправе был рассчитывать Рафи Эйтан, который всю жизнь прослужил в секретной службе.

Директор Моссад Наум Адмони пошел на такой демонстративный шаг, как изменение состава консультативного комитета по разведке. Он исключил из состава комитета советника премьер-министра по терроризму — только для того, чтобы поменьше иметь дело с Амирамом Ниром.

Нир быстро обнаружил, что разведчики не хотят с ним сотрудничать. Он не смутился и стал показывать «политические зубы». Убедив премьер-министра поручить ему сотрудничество с Советом национальной безопасности Соединенных Штатов, Нир отправился в Вашингтон и нашел родственную душу в заместителе Макфарлейна — подполковнике Оливере Норте.

Они прекрасно поладили. Молодые люди, поклонники активных действий, они наслаждались ролью людей, которые, отодвинув в сторону своих высших лидеров, самостоятельно ведут крупную игру на геополитической карте. Норт, brave морской пехотинец и вьетнамский ветеран — вся грудь в орденах, — нравился Ниру.

Советник премьер-министра по своей должности имел доступ ко всей информации, добываемой израильской разведкой о международном терроризме. Он делился этой информацией с Оливером Нортом, который не упускал случая козырнуть в Белом доме своей осведомленностью.

Когда Макфарлейн ушел с поста советника президента и его сменил адмирал Пойндекстер, роль Оливера Норта в американской администрации возросла, и он стал еще более тесно, чем прежде, сотрудничать с Ниром.

В январе 1986 года у них возникла совсем уже нелепая идея: взять с Ирана побольше денег за оружие, поставляемое Соединенными Штатами и Израилем, и пустить эти наличные доллары на помощь никарагуанским повстанцам, которые сражались против сандинистского режима в Никарагуа. Это стало важным после того, как конгресс перестал финансировать контрас.

Амирам Нир исключил Нимроды и Швеймера из сделки и напрямую замкнул на себя Горбанифара. Еще несколько партий оружия были отправлены в Иран, но американцев больше не освобождали.

В мае 1986 года Макфарлейн, Нир, который выдавал себя за американца, и еще несколько человек полетели в Тегеран. В качестве подарков они привезли с собой Библию, на которой расписался президент Соединенных Штатов Рональд Рейган, большой шоколадный торт и несколько новеньких револьверов марки «Кольт».

Решение Нира поехать в Тегеран не понравилось руководству Моссад. Разведчики с ужасом убедились в том, что имеют дело с энтузиастом-любителем, а это самое опасное сочетание в человеке, который берется за оперативные дела.

У Амирама Нира не было никакого опыта в проведении разведывательных операций, и уж тем более он не знал, как следует вести себя в Иране.

Он нарушил кардинальное правило всех секретных операций: не только в одиночку взялся за сложную и опасную операцию, но и повел себя очень неразумно, отправившись в логово врага. Он должен был, как считали в Моссад, настоять на встрече в нейтральной Женеве. В случае разоблачения это не повредило бы государству, которое он представляет.

Профессионалы были правы в своем скептицизме. Ничего из этой хитроумной операции не вышло. Более того, вся эта история выплыла на свет Божий и закончилась грандиозным международным скандалом. Президенту Соединенных Штатов Рональду Рейгану пришлось публично каяться. Премьер-министр Израиля Шимон Перес оказался в столь же дурацком положении.

Моссад тоже косвенно пострадала, хотя и не участвовала в этих скандальных историях. Вербовка американца Полларда, проведенная Рафи Эйтаном, и тайные поставки оружия в Иран, организованные Амираном Ниром, показали, что Моссад можно легко обойти. Это неоспоримо свидетельствовало об ослаблении позиций политической разведки: в прежние времена предпринять что-либо против воли Моссад было совершенно невозможно.

Глава 43

АВТОБУС СМЕРТНИКОВ

Не меньшие неприятности доставила Пересу и контрразведка Шин-Бет.

12 апреля 1984 года четыре молодых палестинца сели на 300-й автобус в центре Тель-Авива, который отправился на юг в город Ашкелон. Примерно на середине пути

один из тридцати пяти пассажиров заподозрил неладное. Он попытался обратить внимание водителя на четырех подозрительных арабов, но ему это не удалось, и тогда он вскочил со своего места и закричал: «Террористы! Террористы!» Но было поздно...

То, что происходило в течение последующих двенадцати часов, стоило карьеры многим людям. Начальнику Шин-Бет Аврахаму Шалому пришлось уйти в отставку. Это был скандал, который по значению мог бы сравниться только с делом министра обороны Лавона...

Один из палестинцев по имени Джамал показал водителю автобуса нож и ручную гранату и приказал ему ехать дальше. Второй палестинец — Мохаммед Барака — держал в руке некий распылитель. Третий занял позицию в середине автобуса, у него в руках был чемоданчик, из которого торчали провода. Его двоюродный брат Субни встал у задней двери и сказал, что у него есть граната.

— Не двигаться! — кричал пассажирам один из палестинцев. — К вам нет претензий. Мы просто хотим освободить наших товарищей из тюрьмы.

Они отпустили беременную женщину на остановке у портового города Ашдода, она и предупредила полицию.

Автобус пытались задержать, но он продолжал ехать, пока в нескольких километрах от города Газа солдаты не начали стрелять по скатам. Автобус остановился рядом с брошенной железной дорогой. Водитель выскочил из автобуса и побежал. Его сбили с ног солдаты, считая, что он один из террористов.

В 8.30 вечера, когда министру обороны Моше Аренсу доложили о захвате автобуса, полицейский отряд специального назначения и спецподразделение армии уже окружили автобус и ждали приказаний.

На месте событий собрались начальник генерального штаба генерал-лейтенант Моше Леви, командующий воздушно-десантными войсками бригадный генерал Ицхак Мордехай, директор Шин-Бет Аврахам Шалом, его заместитель Реувен Хазак и еще несколько старших офицеров контрразведки и большое количество оперативников.

Начались переговоры с руководителем группы террористов Джамалом, который находился на водительском месте. Он потребовал устроить ему встречу с послом Египта и немедленно выпустить из израильских тюрем пятьсот палестинских заключенных.

Тем временем на соседнее поле доставили точно такой же автобус, и группа захвата приступила к тренировкам. Через пару часов она доложила о готовности приступить к освобождению заложников.

В 4.43 утра (наступил уже следующий день, пятница) группа захвата начала атаку. Телевизионщики чуть было не загубили дело: в поисках выгодного ракурса для съемок они осветили группу захвата в самый ответственный момент.

В перестрелке два террориста были убиты. Когда началась стрельба, все пассажиры бросились на пол, но нескольких ранили. Одна женщина позднее умерла от ран.

Двух оставшихся в живых террористов захватили. Когда их вывели из автобуса, командующий десантными войсками бригадный генерал Мордехай устроил короткий допрос. Его интересовало, нет ли у них еще оружия и не установлен ли какой-то хитроумный взрыватель-ловушка в чемоданчике со взрывчаткой. Он несколько раз ударил террористов пистолетом, который сжимал в руке.

Сапер благополучно обезвредил взрывчатку, и двух террористов передали сотрудникам Шин-Бет. В семь утра радио сообщило, что двое террористов убиты и двое арестованы. Но позднее представитель армии сообщил, что радиожурналисты ошиблись: двое террористов были убиты на месте и еще двое умерли по пути в госпиталь в Ашкелоне.

Этой версии никто не поверил. Иностранные корреспонденты написали, что двоих палестинцев разъяренные контрразведчики, судя по всему, убили после поимки.

28 апреля министр обороны Моше Аренс поручил инспектору министерства обороны, отставному генералу Меиру Зореа провести расследование. Министр Аренс позволил директору Шин-Бет Шалому ввести в состав комиссии своего сотрудника — Йосэфа Гиноссара. Гиноссар был руководителем управления Шин-Бет в север-

ном округе и руководил борьбой с шиитскими и палестинскими террористами в Южном Ливане.

Руководитель контрразведки объяснил министру, что хочет избежать ненужных трений между Шин-Бет и армией. Министр Аренс нашел его аргументы справедливыми.

Но ему быстро стало известно, что Гиноссар просто передает своему директору все, что становится известно комиссии. Каждый день поздно вечером они встречались в доме юридического советника Шин-Бет и решали, как им вывести контрразведку из-под удара.

Родители Шалом привезли его из Германии в 1933-м. Он вступил в подпольные отряды самообороны Пальмах, рано начал службу в Шин-Бет. Он был заместителем начальника оперативного отдела Рафи Эйтана, когда тот участвовал в похищении нацистского военного преступника Адольфа Эйхмана.

Шалом принимал участие во всех серьезных операциях Шин-Бет. Но он так и остался оперативником и не очень годился в начальники. Коллеги считали его трудягой, настойчивым, но бесцветным человеком.

Все удивились, когда в 1974 году тогдашний директор Шин-Бет Аврахам Ахитув сделал его своим заместителем. Ахитув любил большую политику, и ему нужен был профессионал, чтобы заниматься остальными делами. Говорят, что, уходя в отставку, Ахитув специально рекомендовал вместо себя Шалом, чтобы все увидели, что его преемник не в состоянии так же замечательно вести дело, как он...

Правительственная комиссия пришла к выводу, что палестинских террористов убили после задержания. Тогда уже было назначено формальное расследование. Его проводил прокурор, педантичный юрист в очках Иохан Блаттман.

Когда он и его помощники допрашивали сотрудников Шин-Бет, выходило, что приказ убить пойманных палестинцев отдал командир десантников генерал Мордехай.

Все показания сотрудников Шин-Бет были согласованы. Они рассказывали, что палестинцев поставили на

колени, а Мордехай бил их рукояткой пистолета по голове.

Сотрудников Шин-Бет перед допросом инструктировали юристы, объясняя, что и как им следует говорить. А после встречи со следователями они рассказывали в штаб-квартире, как прошел допрос.

Генерал Мордехай был хорошим офицером с замечательным послужным списком. Армия встала на его защиту. Нашлись свидетели, которые утверждали, что десантники передали пленных шинбетовцам живыми. Но это не помогло генералу. Закончив расследование, прокурор Блаттман предложил привлечь Мордехая, пятерых контрразведчиков и троих полицейских к суду.

Заместитель директора Шин-Бет Реувен Хазак пришел к своему директору Шалому и потребовал от него уйти в отставку. Он обвинил своего начальника в том, что он, спасая честь мундира, пытался скрыть правду и лжесвидетельствовал против генерала Мордехая.

Возмущенный Хазак и два его близких друга — Рафи Малка, начальник оперативного отдела Шин-Бет, и Пелег Радаи, начальник отдела охраны, — долго обсуждали эту историю между собой. Они пришли к выводу, что попытка замолчать происшедшее разрушает репутацию Шин-Бет и моральные принципы ее сотрудников.

Но директор Шин-Бет Шалом отказался уйти в отставку. Тогда Хазак дождался отъезда Шалом за границу и на правах исполняющего обязанности директора Шин-Бет пришел с докладом к премьер-министру Шимону Пересу.

Хазак и его друзья занимали высокие должности в спецслужбе, они были приравнены к армейским генералам. Обычно в правительстве к ним прислушивались. Но разговор с премьер-министром не получился.

Опытный директор Шин-Бет уже успел настроить Переса против своего излишне амбициозного заместителя. Перес дал понять, что понимает личные мотивы Хазака — он пытается свалить директора и намерен занять его место. Хазак немедленно изъявил готовность подать в отставку, если это необходимо для того, что-

бы ушел Шалом. Перес покачал головой. Он верил начальнику контрразведки.

Шалом рассказал премьер-министру, что у Хазака любовная связь с сотрудницей генерального прокурора Дорой Бейниш, вот поэтому прокурор и принял сторону Хазака.

Премьер-министр предложил или отправить Хазака в отставку, или послать учиться за границу. Хазак подал рапорт и ушел из Шин-Бет. Затем убрали и его друга Малку. Из тех, кто поднял бунт против начальника, остался один Радаи. Вскоре ему тоже пришлось уйти.

Тогда Хазак совершил нечто неожиданное: вынес сор из избы. Он пошел к генеральному прокурору Израиля профессору Ицхаку Замиру и все ему рассказал.

Допрос Хазака и его друзей продолжался несколько дней. После чего генеральный прокурор отправился к премьер-министру Шимону Пересу и потребовал отправить в отставку директора Шин-Бет. Об этом очень быстро стало известно всей стране.

В таком маленьком государстве, как Израиль, журналисты и сотрудники спецслужб прекрасно знают друг друга.

Например, главный редактор крупнейшей газеты «Маарив» учился вместе с бывшим начальником отдела Шин-Бет Радаи в одном университете. С некоторых пор некий аноним регулярно звонил редактору «Маарив» и рассказывал поразительные подробности об этом деле.

Редактор решил, что его добровольный информатор и есть его однокашник Радаи. Но однажды он разговаривал со своим анонимным информатором и вдруг по другой линии ему позвонил Радаи. Личность добровольного информатора так и осталась неизвестной.

Израильское телевидение сообщило, что генеральный прокурор намерен привлечь к суду руководителя очень важного ведомства. Чтобы избежать столкновений с военным цензором, само ведомство — Шин-Бет — не было названо. Но уже на следующий день плотина была прорвана: назвали имя подозреваемого. Это был директор Шин-Бет Аврахам Шалом.

Теперь уже ничто не могло остановить скандал. Директор Шин-Бет был обвинен в попытке скрыть инфор-

мацию о захвате автобуса, давлении на свидетелей и дачу ложных показаний.

Заговорили об ответственности правительства. В момент захвата автобуса премьер-министром был Ицхак Шамир, но затем премьером стал Шимон Перес — после создания в сентябре 1984-го правительства национального единства. Ему и предстояло расплачиваться за чужие грехи.

Перес совсем не был заинтересован в раздувании этой истории: это могло дурно сказаться на грядущих выборах. И он сделал все, что в его силах, чтобы похоронить дело. Генерального прокурора сменили, но директору Шин-Бет все равно пришлось уйти.

Он и еще трое сотрудников Шин-Бет получили авансом помилование президента Хаима Герцога, хотя никого еще и не привлекли к суду. Но Верховный суд пришел к выводу, что президентское помилование не имеет силы. Тогда началось полицейское расследование.

В середине сентября новый генеральный прокурор Йосэф Хариш представил результаты нового расследования.

Допрос тридцати девяти свидетелей показал, что двух палестинцев убили по прямому приказу директора Шин-Бет. Шалом ссылаясь на то, что отдал такой приказ, подчиняясь премьер-министру Шамиру, который в ноябре 1983 года недвусмысленно объяснил ему, как следует обращаться с террористами, взятыми с личным.

Шамир сказал полицейским, что помнит такой разговор, но его никак нельзя было понять как разрешение убивать арестованных. Следствие пришло к выводу, что бывший премьер-министр не виноват в убийстве двух арестованных.

Генеральный прокурор отметил, что Шин-Бет находится в сложном положении, пытаясь совместить необходимость соблюдать законы и обязанность любыми средствами выполнять свои задачи. Следователи признали, что трудно проводить эффективные операции, строго следуя закону. Но ничего иного государственные учреждения позволить себе не могут.

бы ушел Шалом. Перес покачал головой. Он верил начальнику контрразведки.

Шалом рассказал премьер-министру, что у Хазака любовная связь с сотрудницей генерального прокурора Дорой Бейниш, вот поэтому прокурор и принял сторону Хазака.

Премьер-министр предложил или отправить Хазака в отставку, или послать учиться за границу. Хазак подал рапорт и ушел из Шин-Бет. Затем убрали и его друга Малку. Из тех, кто поднял бунт против начальника, остался один Радаи. Вскоре ему тоже пришлось уйти.

Тогда Хазак совершил нечто неожиданное: вынес сор из избы. Он пошел к генеральному прокурору Израиля профессору Ицхаку Замиру и все ему рассказал.

Допрос Хазака и его друзей продолжался несколько дней. После чего генеральный прокурор отправился к премьер-министру Шимону Пересу и потребовал отправить в отставку директора Шин-Бет. Об этом очень быстро стало известно всей стране.

В таком маленьком государстве, как Израиль, журналисты и сотрудники спецслужб прекрасно знают друг друга.

Например, главный редактор крупнейшей газеты «Маарив» учился вместе с бывшим начальником отдела Шин-Бет Радаи в одном университете. С некоторых пор некий аноним регулярно звонил редактору «Маарив» и рассказывал поразительные подробности об этом деле.

Редактор решил, что его добровольный информатор и есть его однокашник Радаи. Но однажды он разговаривал со своим анонимным информатором и вдруг по другой линии ему позвонил Радаи. Личность добровольного информатора так и осталась неизвестной.

Израильское телевидение сообщило, что генеральный прокурор намерен привлечь к суду руководителя очень важного ведомства. Чтобы избежать столкновений с военным цензором, само ведомство — Шин-Бет — не было названо. Но уже на следующий день плотина была прорвана: назвали имя подозреваемого. Это был директор Шин-Бет Аврахам Шалом.

Теперь уже ничто не могло остановить скандал. Директор Шин-Бет был обвинен в попытке скрыть инфор-

мацию о захвате автобуса, давлении на свидетелей и дачу ложных показаний.

Заговорили об ответственности правительства. В момент захвата автобуса премьер-министром был Ицхак Шамир, но затем премьером стал Шимон Перес — после создания в сентябре 1984-го правительства национального единства. Ему и предстояло расплачиваться за чужие грехи.

Перес совсем не был заинтересован в раздувании этой истории: это могло дурно сказаться на грядущих выборах. И он сделал все, что в его силах, чтобы похоронить дело. Генерального прокурора сменили, но директору Шин-Бет все равно пришлось уйти.

Он и еще трое сотрудников Шин-Бет получили авансом помилование президента Хаима Герцога, хотя никого еще и не привлекли к суду. Но Верховный суд пришел к выводу, что президентское помилование не имеет силы. Тогда началось полицейское расследование.

В середине сентября новый генеральный прокурор Йосэф Хариш представил результаты нового расследования.

Допрос тридцати девяти свидетелей показал, что двух палестинцев убили по прямому приказу директора Шин-Бет. Шалом ссылаясь на то, что отдал такой приказ, подчиняясь премьер-министру Шамиру, который в ноябре 1983 года недвусмысленно объяснил ему, как следует обращаться с террористами, взятыми с личным.

Шамир сказал полицейским, что помнит такой разговор, но его никак нельзя было понять как разрешение убивать арестованных. Следствие пришло к выводу, что бывший премьер-министр не виноват в убийстве двух арестованных.

Генеральный прокурор отметил, что Шин-Бет находится в сложном положении, пытаясь совместить необходимость соблюдать законы и обязанность любыми средствами выполнять свои задачи. Следователи признали, что трудно проводить эффективные операции, строго следуя закону. Но ничего иного государственные учреждения позволить себе не могут.

Отставка Аврахама Шалома в июне 1986-го плохо повлияла на настроения оперативников. Младшие офицеры были разочарованы. Они считали, что политики и юристы были несправедливы к офицерам Шин-Бет, что их тяжелая и неблагодарная работа осталась недооцененной.

После отставки Шалома контрразведка оказалась обезглавленной, ведь его умелый заместитель и вероятный преемник Реувен Хазак тоже был отправлен в отставку.

Кадровый вопрос был решен просто. Попросили вернуться Йосэфа Хармелина, который уже руководил Шин-Бет одиннадцать лет — с 1963-го по 1974-й. Его сочли подходящим человеком для того, чтобы вычистить из Шин-Бет всех, кто себя скомпрометировал, а остальных сплотить и заставить подчиняться дисциплине.

Хармелину было шестьдесят три года, и он согласился принять на себя эти обязанности только на один год. Его назначение было большим секретом для страны, и военная цензура следила за тем, чтобы его имя не попало в печать.

С арабскими шпионами Шин-Бет справлялась легко. В основном это были плохо подготовленные и неумелые люди, хотя их руководители всякий раз возлагали на них большие надежды.

Неудачливый палестинский бизнесмен Омар Суби, который жил в Иерусалиме, во время деловой поездки в соседнюю Иорданию познакомился с иракским военным атташе, который спросил, не согласится ли он поработать на иракскую разведку. От безденежья тот согласился. Ему показали снимки различных районов Израиля, сделанные со спутника, и попросили навестить районы, где находятся военные объекты. Его даже пригласили в Ирак, где его принял сам Саддам Хусейн. Омар был тронут, хотя прием продолжался всего две минуты.

Его арестовали сразу же после того, как он позвонил своему иракскому связному, находившемуся в Иордании, прямо из дома. Омар Суби отсидел в израильской тюрьме четыре года, и его выпустили по причине нездоровья. Иракские агенты в силу своей непрофессиональности не представляли особой опасности для Израиля. Но иракс-

кий президент Саддам Хусейн оставался злейшим и грозным врагом.

Моссад готовила операцию по уничтожению Саддама Хусейна, но она была приостановлена после трагического инцидента на военной базе, где шла подготовка оперативной группы. Пять солдат, которые переоделись в форму личной президентской гвардии Саддама, были убиты пушенной в них ракетой. После здравых рассуждений от операции вовсе отказались. В случае провала разразилась бы настоящая война, потому что для возвращения назад оперативной группы пришлось бы поднять в воздух половину авиации Израиля...

Йосэф Хармелин столкнулся с новым врагом — шиитскими боевиками из Ливана, которые создали Хезболла, партию Аллаха.

Шииты, составляющие большинство ливанцев, — это сельское население, бедное и необразованное. Все важные должности в стране занимали христиане и мусульмане-сунниты. Шиитами пренебрегали. Они почувствовали себя силой после того, как их единоверцы в Иране в 1978 году свергли шаха.

После того как Израиль в 1982 году выбил из Ливана палестинские боевые формирования, там возник вакуум. Тогда Иран перебросил на юг Ливана полторы тысячи бойцов из корпуса стражей исламской революции. Иранцы привезли с собой оружие, деньги и стали обучать шиитскую молодежь военному делу.

В 1985 году с иранской помощью сформировалась Хезболла, которая поставила перед собой одну задачу — изгнать израильтян из Ливана. Как и в Иране, ключевую роль играют шиитские священнослужители. Они не только призывают в мечетях сражаться с неверными, но и сами руководят боевыми операциями.

Духовным лидером Хезболла стал Сейед Мухаммед Хусейн шейх Фадлалла, утвержденный на этот пост Ираном. Он постоянно приезжал в Тегеран. Его принимал сам аятолла Хомейни, который лично присвоил ему почетное религиозное звание ходжат-оль-эслама. Потом Фадлалла был провозглашен аятоллой и заявил, что намерен установить в Ливане исламский режим по

типу иранского. В те годы Фадлалла во время пятничных намазов провозглашал лозунг «Смерть Советскому Союзу!».

Ему помогали примерно двести кадровых сотрудников министерства исламской ориентации Ирана и комитета стражей исламской революции. Все они были выходцами из иранской провинции Хузестан, где говорят по-арабски, что позволяло им легко общаться с ливанцами.

Хезболла получила артиллерию, минометы, зенитные ракеты и бронетранспортеры. Помимо религиозных фанатиков и уголовных элементов, в отряды Хезболла охотно вступала безработная шиитская молодежь, потому что там хорошо платили — иранскими деньгами. Сонные деревни, как в Афганистане, а до этого во Вьетнаме, превратились в очаги сопротивления.

Израильская контрразведка Шин-Бет поняла, что у нее появился новый опасный противник, после того как молодой человек в «мерседесе», начиненном взрывчаткой, врезался в здание штаба израильских войск. Погиб сто сорок один человек, в том числе много ливанцев.

Идея самоубийственных акций тоже была позаимствована шиитскими боевиками у Ирана. Во время войны с Ираком иранских подростков сознательно посылали на минные поля: чем больше мучеников, тем выше моральный дух армии. Хезболла воспитывает детей в убеждении, что, отдав жизнь в бою, они будут вознаграждены вечным пребыванием в райских кущах, которых им не видать, если они мирно доживут до старости.

Шин-Бет полагала, что сможет подавить Хезболла, если станет методично уничтожать лидеров партии. А если еще местное население наказывать за каждый теракт, совершенный Хезболла, то рано или поздно деревни повернутся против шиитских боевиков...

Получилось иначе. Всякий раз, когда израильская авиация наносила ответный удар по базам Хезболла, которые находятся в густо населенных районах, гибли невинные люди, и сразу новые добровольцы вступали в партию.

Израильтяне в 1992 году убили генерального секретаря Хезболла шейха Аббаса Мусави. Но, как ни странно, Хезболла это было только на руку. В тот момент в

Ливане закончилась гражданская война, страна готовилась к выборам. Ливанцы хотели мира. Убийство шейха дало повод возобновить борьбу.

Новым генеральным секретарем избрали Хассана Насраллу. Ситуация на Юге только ухудшилась. Хезболла обстреливала из «катюш» израильские деревни, в ответ израильская авиация бомбила шиитские деревни.

Хезболла оказалась куда более опасным противником, чем палестинцы. Разведывательная сеть израильской армии в Ливане практически перестала существовать. Хезболла уничтожала всех, кого подозревали в сотрудничестве с израильцами.

За один год Хезболла схватила больше ста таких человек. Некоторые из агентов оказались двойниками. Один из них осенью 1997-го заманил израильский взвод морского спецназа в ловушку, в результате одиннадцать бойцов погибли на минном поле.

Внутри Хезболла существует несколько специальных служб:

специальная служба безопасности, которая действует в тесном контакте с иранскими коллегами и занимается террористическими акциями. Неоднократно совершала операции от имени организации «Аль-Джихад аль-Ислами»;

служба внешней безопасности, осуществляющая теракты за пределами Ирана. Когда кого-нибудь убивает, то утверждает, что это совершила «Организация революционной справедливости»;

агентурная служба, занимающаяся проникновением в ливанские правительственные структуры и партии;

служба безопасности, ведущая борьбу с проникновением в Хезболла чужой агентуры. Располагает сетью осведомителей.

Хезболла получила от Ирана ракеты, которые пробивали броню израильских танков «Центурион». Эти танки убрали из Ливана, заменив их другими. Тогда Хезболла модернизировала ракеты, и они теперь пробивают броню танка «Меркава», считавшегося ранее неуязвимым.

Хезболла не только боевая организация и политическая партия, это еще и государство в государстве. Она об-

завелась своими школами, больницами, заводами, магазинами, газетами и телевидением. Хезболла заботилась о больных и стариках, о вдовах погибших, а взамен требовала самопожертвования в войне с Израилем.

Израильтяне проиграли эту войну. Ариэль Шарон, который в роли министра обороны руководил операцией по вторжению в Ливан, в роли министра иностранных дел предложил вывести войска из Южного Ливана. Правда, с одним условием: если Хезболла прекратит нападать на израильтян.

Но лидеры Хезболла вслед за Ираном заявили, что Израиль не имеет права на существование и борьба с ним будет продолжаться до полного уничтожения еврейского государства.

Часть седьмая

АТОМНАЯ БОМБА

Глава 44

«НАШ РАЗГОВОР ОСТАНЕТСЯ ТАЙНОЙ»

Когда Черил Бен-Тов только-только приехала из Америки и училась в университете в Иерусалиме, она неожиданно получила странное письмо, отпечатанное на официальном бланке канцелярии премьер-министра Израиля.

В послании говорилось: «Мы хотим предложить вам очень интересную работу. Просим вас в условленный час прийти на собеседование». Были названы точный адрес и время беседы. Если бы в этот день она не могла прийти, то должна была позвонить по указанному телефону.

Удивленная Черил показала это письмо приятелю — коренному израильтянину. Он понимающе подмигнул:

— Тебя хотят видеть люди из разведки Моссад или из контрразведки Шин-Бет. Я думаю, они действительно предложат тебе интересное занятие, от которого ты не сможешь отказаться. Заранее завидую.

Место встречи оказалось всего лишь квартирой на третьем этаже обычного жилого дома. Черил постучала в дверь. Дверь открыл молодой человек, который провел ее в пустую комнату и попросил подождать десять минут. Позднее она догадалась, что эти десять минут за ее поведением просто наблюдали с помощью скрытой камеры.

Человек, показавшийся девушке пожилым, пригласил ее в соседнюю комнату и сразу приступил к делу.

— Все, что я намерен вам сказать, подпадает под закон о неразглашении государственных тайн. Вы никому не имеете права пересказывать наш разговор и вообще упоминать о том, что он состоялся. Подпишите этот бланк.

Он протянул ей листок, который она подписала.

— Теперь вы обязаны все держать в секрете, — заключил он и спрятал бланк в тонкую папку. Он внимательно посмотрел на Черил. — Мы тщательно изучили ваше прошлое и ваше досье, — многозначительно сказал он.

— Кто это вы? — твердо спросила Черил. — И о каком досье вы говорите?

— Мы представляем канцелярию премьер-министра и отвечаем за безопасность государства, — туманно ответил пожилой господин. — Вам оказана честь быть приглашенной работать вместе с нами.

Он пояснил, что это сугубо предварительный и неформальный разговор, потому что предстоит более тщательная проверка ее прошлого. Кроме того, ей придется сдать экзамены. Но ее досье свидетельствует о том, что она подходящий человек.

— Вы еще не гражданка Израиля, но поскольку вы собираетесь ею стать, то должны знать, что вас призвуют в армию.

Он знал, о чем говорил. Черил решила получить гражданство Израиля и собиралась заполнить необходимые документы. А все граждане Израиля — и мужчины и женщины — обязательно призываются на действительную военную службу.

— Мы предлагаем вам нечто более интересное, чем служба в армии, — продолжил он. — Вы подпишете соглашение о готовности работать на нас в течение пяти лет и можете спокойно продолжать учебу. Все, что от вас требуется, это время от времени отвечать на вопросы, которые будет задавать ответственный за обеспечение безопасности в вашем районе. За это вы будете получать у нас вторую зарплату, вполне приличную. Если ваша работа окажется успешной, поедете на работу за границу.

Он откинулся в кресле, довольный тем, что может сделать такой подарок совсем молодой девушке.

— Я думаю, вы понимаете, что перед вами открываются заманчивые перспективы, — многозначительно добавил он.

Ему и в голову не приходило, что американка Черил Бен-Тов по своей воле приехала в Израиль и вовсе не собиралась уезжать за границу.

Черил молча смотрела на него.

— Если согласны, давайте решим, когда вы сдадите необходимые экзамены.

— Вы хотите, чтобы я стала стукачом? — прямо спросила Черил.

Ей не понравился этот разговор. В Соединенных Штатах, где она выросла, так грубо молодежь не вербовали.

— Нет, нет, — нахмурился вербовщик. — Речь идет о вашей работе в качестве тайного агента самого престижного и уважаемого учреждения Государства Израиль. С моей точки зрения, вам оказана большая честь.

Черил поняла, что ее просят шпионить за друзьями.

— Нет, спасибо, — резко сказала она. — Я не готова к тому, чтобы предавать моих друзей.

Он перешел на возвышенную лексику:

— Речь идет о том, чтобы бороться с врагами нашей страны, которая, напомню, становится и вашей страной тоже.

— В круг моих знакомых враги Израиля не входят.

Он разозлился.

— Вы понимаете, что, если вы откажетесь от нашего предложения, вас просто заберут в армию? Будете служить рядовой, жить в казарме.

— Я не возражаю против того, чтобы служить Израилю. Я просто не хочу быть стукачом.

Когда она вернулась домой, пришел ее заинтригованный приятель:

— Ну что?

Черил честно рассказала, как было дело.

— Ты с ума сошла! — искренне удивился он. — Тебе предлагают работать в Шин-Бет, это отличное место!

Он долго уговаривал ее позвонить этим людям и сказать, что она передумала и согласна. Черил не стала этого делать.

Получив через несколько месяцев израильское гражданство, она честно ждала призыва в армию. О контрразведке Шин-Бет Черил сохранила не лучшие воспоминания.

Мариссель об этой истории не знал. Когда Черил спросила, не из Шин-Бет ли он, Мариссель честно ответил, что работает в Моссад, это политическая разведка. Что он думает о Шин-Бет, Мариссель дипломатично не сказал.

Серьезный разговор у них состоялся уже после возвращения в Израиль из Германии. Мариссель попросил ее о помощи.

— Что я должна делать? — насторожилась Черил.

Мариссель не спешил с ответом, хотя в Моссад его очень торопили. Бывший техник ядерного центра в Димоне Мордехай Вануну уже покинул Австралию и переехал в Англию. Известная британская газета «Санди таймс» оплатила ему билет и поселила в приличной лондонской гостинице. Газетные репортеры готовили с его слов огромный материал о ядерной программе Израиля.

— Когда я повез тебя к отцу Люсиль Эдер, я не знал, что там произойдет, — признался Мариссель, — но я, конечно, хотел напомнить тебе о том, что происходило с евреями до создания Израиля.

— А что изменилось с появлением Израиля? — спросила Черил.

— Теперь евреи могут защищаться с оружием в руках, — жестко сказал Мариссель.

Черил ни минуты не колебалась:

— Я готова сражаться, если надо. Но сейчас нет войны. Мариссель улыбнулся:

— Это тебе кажется, что нет войны. Она продолжается, и гибнут люди, и опасность для нашей страны не уменьшается. Но солдат армии обороны Израиля пока хватает. Ты можешь сделать то, чего не могут другие.

Через три дня после разговора с Марисселем Черил получила другое письмо — из министерства обороны Израиля. Это приглашение походило на письмо из Шин-Бет. Ее опять зазывали на беседу, чтобы обсудить детали предстоящей военной службы.

На сей раз ее ждали в совсем другой квартире. Дверь открыла молодая женщина, которая провела ее к человеку, представившемуся полковником Когеном.

Он открыл папку и сказал, что, как он понимает, Черил вот-вот призовут в армию. У него есть соблазнительное предложение, но прежде он просит ее подписать обязательство держать этот разговор в секрете.

Она, не задавая лишних вопросов, вновь подписала заполненный типографский бланк. Он ничем не отличался от тех, какими пользуется Шин-Бет.

— Вам предстоит служить три года, — рассказывал полковник. — Но если вы сдадите экзамены и к вам не будет претензий у службы безопасности, мы посоветуем вам с самого начала согласиться послужить еще несколько лет, то есть провести в армии не меньше пяти лет. Тогда мы предложим вам очень интересную работу и пошлем в офицерскую школу.

— Прекрасно, — сказала Черил. — А что мне предстоит делать?

— Ваше происхождение, образование и знание языков обратили на себя внимание наших специальных служб, — ответил полковник. — Разведка готова взять вас к себе. Для начала мы используем вас как военного переводчика. Ничего более определенного на данном этапе я говорить не уполномочен.

Поскольку следить за товарищами ей больше не предлагали, проблем не возникло. Черил хотела служить новой родине, а если это к тому же хорошая, уважаемая работа, то и прекрасно. Она согласилась пройти проверку, которую осуществляет служба безопасности.

Проверка началась на следующее утро. Ее заставили заполнять многостраничные анкеты, в которых следовало ответить на вопросы о прошлом, родственниках и друзьях. Три дня продолжались разного рода психологические испытания и тесты, которые теоретически должны

выявить склонности человека, его сильные и слабые стороны.

Затем Черил объяснили, что ей следует пройти начальный курс физической и боевой подготовки в бригаде специального назначения «Голани». За этим последуют офицерские курсы, после чего она приступит к работе.

— А зачем все это человеку, которому предстоит всего лишь переводческое дело? — спросила Черил.

— Вы задаете слишком много вопросов, — нахмурился полковник Коген. — Если вы согласны служить у нас, подписывайте заявление. Если нет, то до свидания, и будете служить вместе со всеми.

— Я согласна, — поспешно сказала Черил.

Ей уже стало интересно.

На следующий день ее привезли в тренировочный лагерь. Она поступила в распоряжение Марисселя. Здесь она увидела, с каким уважением разведчики относились к ее знакомому.

Вечером после долгого дня, заполненного физическими упражнениями и военной подготовкой, Мариссель привел ее в свою палатку.

— Теперь я могу объяснить тебе суть твоего задания, — начал Мариссель.

Наконец она услышала имя Мордехая Вануну, незаметного техника из ядерного центра в Димоне, который вот-вот мог стать причиной международного скандала.

Выслушав Марисселя, Черил сказала:

— Но ведь никто из израильтян не сомневается в том, что наша страна обладает ядерным оружием. А не говорят об этом потому, что одобряют это.

Мариссель остановил ее:

— Израильское правительство отрицает это. Израиль в состоянии производить ядерное оружие, но у меня нет никаких оснований считать, что оно у нас есть.

Мордехай Вануну, продолжал Мариссель, нарушил подписку о неразглашении государственной тайны. Если он будет утверждать, что Израиль — это ядерная держава, он нанесет ущерб нашей стране. Он преступник, и его надо судить.

— Но как это сделать? — спросила Черил. — Англия его не выдаст, даже если Израиль представит международный ордер на его арест.

Мариссель посмотрел на нее:

— У нас есть план, и тебе в нем отводится решающая роль.

Глава 45

СКОЛЬКО ЖЕ У НИХ БОМБ?

Первоначально историю Мордехая Вануну в редакции лондонской газеты «Санди таймс» восприняли как фальшивку. Но он выложил на стол шестьдесят цветных фотографий, тайно сделанных в Димоне, и это изменило отношение к его рассказу.

Корреспонденты добросовестно записали все, что он рассказывал о технологических процессах в Димоне. Его описание телексом отправили в Лондон. Расшифровку текста показали британским ядерным специалистам. Они неожиданно серьезно отнеслись к рассказу Вануну и подтвердили, что этот человек явно работал на производстве, где имеют дело с плутонием.

Теперь уже в лондонской редакции «Санди таймс» сообразили, что речь идет о грандиозной сенсации и не надо скупиться на предварительные расходы. Вануну купили авиабилет до Лондона и попросили приехать для подробного разговора в редакции со специалистами в сфере ядерного оружия.

Когда Мордехая Вануну пригласили в Лондон, один из его «знакомых» по долгу службы поставил в известность своих начальников в Австралийской организации безопасности и разведки. Она, в свою очередь, поспешила предупредить британскую разведку МИ-6 о грядущем появлении странного израильянина, что, возможно, повлечет за собой какие-то малоприятные последствия.

Когда самолет с Вануну 12 сентября 1986 года приземлился в лондонском аэропорту Хитроу, его встречал не только репортер «Санди таймс», но и два агента особого отдела Скотленд-Ярда, который занимается нежелатель-

ными иностранцами. Полицейские получили приказ следить за непонятным израильянином.

Вслед за Вануну в Лондон прилетела бригада Моссад. Руководил группой Мариссель. Черил была с ним. Она сильно изменилась. Ее волосы еще больше выбелили, потому что, как заметил Мариссель, восточные мужчины предпочитают ярких блондинок. Ей купили целую сумку косметики и несколько весьма откровенных нарядов.

Израильская команда изображала из себя телевизионщиков. Группа наблюдения расположилась у ворот редакции «Санди таймс», чтобы убедиться в том, что Вануну уже здесь.

Но еще до этого израильянам пришлось выяснять отношения с британскими спецслужбами.

Когда началась война между Англией и Аргентиной из-за Фолклендских островов, Израиль однозначно принял сторону англичан, несмотря на желание иметь добрые отношения с Латинской Америкой. Израиль пошел тогда на большую жертву: заморозил поставки оружия Аргентине, нарушив контракт на поставку истребителей «Кфир». Правда, после войны британское правительство компенсировало Израилю его финансовые потери.

Отношения с Англией стали настолько хорошими, что в 1982-м штаб-квартиру европейской резидентуры Моссад перенесли из Парижа в Лондон, в здание на Бэйсуотер-роуд.

После приезда Марисселя глава резидентуры Моссад в Англии связался с британской контрразведкой МИ-5 и попросил о срочной встрече. Офицер, который занимался связями с разведками дружественных стран, любезно согласился выслушать израильянина.

Они встретились прямо на улице и поговорили минут пятнадцать. Израильянин довольно откровенно сообщил англичанам, что у них есть проблема с этим самым Вануну и они хотят ее поскорее решить.

На следующий день он получил неофициальный ответ: контрразведка МИ-5 обещала не мешать, но потребовала, чтобы не было никаких неприятных инцидентов на британской земле. В противном случае правительство ус-

троит скандал, и сотрудничество спецслужб может прерваться.

Израильтяне слово сдержали.

Успех в разведке в большей степени зависит от удачи и правильного выбора времени, чем от опыта и искусства разведчиков. В данном случае люди из Моссад подготовились очень хорошо.

Потом, когда Мордехай Вануну предстанет перед судом, пойдут слухи, будто его опоили какими-то наркотическими препаратами и вывезли из Англии на быстроходном катере, а уже в море пересадили на израильское судно. Дотошные журналисты даже выяснили, что в северной части Европы в тот момент действительно находились три больших израильских судна.

Но все было иначе. В Лондоне за Вануну только следили. Израильтяне хотели понять, как много он знает и что именно готов рассказать англичанам.

Когда Черил согласилась помочь, решила главная проблема — где найти привлекательную женщину, которая взялась бы привлечь внимание Вануну, завоевать его доверие и вскружить ему голову.

За три года до этой истории газета «Санди таймс» погорела с публикацией фальшивых дневников Гитлера: имела глупость поверить в их подлинность. Грандиозная сенсация обернулась позором. Потому к Вануну отнеслись с сугубой осторожностью и не спешили публиковать его рассказ.

С Вануну две недели работала группа ученых-ядерщиков. А проверкой его истории занималась целая бригада журналистов.

2 сентября сотрудник британской газеты прилетел в Тель-Авив, чтобы узнать побольше о Вануну. Журналист отыскал девушку, чье имя назвал сам Вануну. Девушка призналась, что у нее было нечто вроде романа с беглым техником, но она испугалась, когда ее стал расспрашивать иностранный корреспондент. Она честно сказала, что, как офицер резерва армии обороны Израиля, она обязана об этом разговоре поставить в известность свое начальство.

Она это сделала.

В Лондоне с Вануну два дня беседовал известный британский физик доктор Фрэнк Барнэби, который участвовал в британском атомном проекте. Ему помогли еще трое экспертов. Они пришли к выводу, что все, что говорит Вануну, звучит более чем убедительно и что в Димоне, похоже, действительно создается ядерное оружие.

Сделанные Вануну фотографии соответствовали его рассказу о заводе по очистке плутония из отработанного топлива.

Все, что рассказывал Вануну, записывалось на магнитофон, расшифровывалось и передавалось на консультацию все новым экспертам: редакция не скупилась на расходы. И эксперты подтверждали, что его слова страшно похожи на правду.

О самом Вануну физики высказались так:

— Он принадлежал к младшему техническому персоналу. Занимался только определенными процессами, и их он хорошо знает. Чего он не знает, того не знает.

Два британских журналиста отправились в Вашингтон и навестили доктора Теодора Тэйлора, крупного ядерного физика. Он долго изучал показания Вануну и сказал, что теперь стало совершенно очевидно, что израильская ядерная программа куда успешнее, чем предполагалось. По его мнению, израильтяне в состоянии производить пять—десять ядерных ракет в год.

Правда, не все эксперты были единомышленны. Нашлись ученые, которые сильно сомневались в показаниях Вануну. Они считали: практически невозможно переделать реактор мощностью 26 мегаватт в реактор мощностью 150 мегаватт, что необходимо для получения плутония в таких количествах.

Они также сомневались в том, что Вануну было разрешено выходить куда-то за пределы диспетчерской и фотографировать. Их смущало отсутствие на снимках людей: они предположили, что он снимал не настоящее здание, а некий макет.

Но другие эксперты сказали, что такая переделка реактора все-таки возможна и что даже британским техникам на ядерных объектах разрешается передвигаться до-

статочно свободно и без охраны, потому что они должны что-то постоянно ремонтировать.

14 сентября, когда Вануну шел по Регент-стрит вместе с английским журналистом, его вдруг окликнули на иврите. Он вздрогнул. Первым инстинктивным желанием Вануну было перейти на другую сторону улицы и сделать вид, что это не к нему обращаются. Но, увидев, что его окликает немолодой человек со знакомым лицом, Вануну успокоился. Он узнал его: это был известный израильский журналист Эфраим Рафаэль, часто выступавший по телевидению.

Рафаэль сказал, что наслышан о Вануну и хотел бы с ним поговорить. Вануну подавил в себе желание отказать и встретился с Рафаэлем на следующий день в баре. Англичане знали Рафаэля и не возражали против их встречи.

Рафаэль пришел с девушкой. Он рассказал, что они только что приехали в Лондон, совершив долгое путешествие по Европе. Теперь Рафаэль будет здесь работать корреспондентом своей газеты.

Они встретились еще раз, чтобы пообедать, в среду 17 сентября. Застольный разговор быстро перешел в спор о сионизме — то есть о возвращении всего еврейского народа в Палестину. Вануну относился к сионизму скептически, считал, что незачем всем евреям жить в Израиле, пусть остаются там, где родились. Разгоряченный беседой и выпивкой, Вануну запальчиво добавил:

— Я расскажу английским газетам такое о том месте, где я работал, что в Израиле вздрогнут.

Рафаэль, потрясенный его словами, заметил:

— Если ты это сделаешь, тебя посадят в тюрьму.

Потом Рафаэль будет отрицать, что встречался с Вануну, хотя его девушка по имени Дорит это подтвердит. Рафаэля, разумеется, спросят, не работает ли он на израильскую разведку. На этот вопрос он не ответит.

После встречи Вануну с Рафаэлем Моссад точно знала, что именно собирается сделать Вануну. Группа Марисселя получила копию его рассказа о ядерном центре в Димоне и комментарии британских специалистов.

В Моссад уже оценили масштаб ущерба, нанесенного болтливостью беглого техника. Американцы, не одобрявшие ядерную программу Израиля, уже тоже все знали.

До откровений Вануну специалисты ЦРУ исходили из того, что в худшем случае израильтяне накопили такое количество плутония, которое необходимо для создания достаточно примитивных бомб, вроде той, что была сброшена на Нагасаки (мощность — двадцать килотонн).

Из рассказа же Мордехая Вануну следовало, что Израиль располагает значительно большим количеством ядерного оружия, чем предполагалось. По его словам, Франция снабдила Израиль технологией разделения урана, которая была необходима для того, чтобы превратить гражданский реактор в военную фабрику. Так что Израиль не знал недостатка в плутонии.

Если Вануну был прав, и Израиль производит сорок килограммов оружейного плутония в год, и это продолжается десять или двадцать лет, а на одну боеголовку идет четыре килограмма, то в стране должно было накопиться сто или двести боеголовок. Правда, сам Вануну никогда не видел готовой бомбы. Он утверждал, что полуфабрикаты вывозили на охраняемых грузовиках куда-то в Хайфу.

Кроме того, по его словам, Израиль произвел сто семьдесят килограммов лития-6, что позволяет произвести двести килограммов соединения литий-6-дейтерий. Для одной термоядерной боеголовки нужно примерно шесть килограммов лития-дейтерия, так что у страны может быть еще и тридцать пять термоядерных бомб.

Глава 46

ВЫСТРЕЛ В ОФИЦИАНТА

Ядерные взрывные устройства делают из урана-235 или из плутония. Но получение урана-235 требует громоздкого оборудования. А вот оружейный плутоний можно добывать на сравнительно небольшой установке.

Плутоний — это расщепляющаяся сердцевина ядерного оружия. Первые ядерные реакторы вообще строились для того, чтобы получить плутоний-239 для военных це-

лей. Это потом реакторы стали использовать в мирных целях. Страна, имеющая хотя бы один ядерный реактор, в принципе может приступить к производству ядерного оружия.

Плутоний — побочный продукт ядерного процесса. В некоторых типах реакторов, таких, как в Димоне, плутоний надо отделять от урановых стержней, уже прогоревших в реакторе.

Франция всегда утверждала, что не передавала Израилю технологию отделения плутония.

А Вануну рассказал, что завод по очистке плутония был построен французами в соответствии с соглашением, которое в 1957 году подписал премьер-министр Франции Ги Молле.

Французы понимали, для чего израильтяне намереваются использовать оружейный плутоний, но закрыли на это глаза. Строительство велось в секрете от американцев, которым бы это не понравилось. Над израильским проектом работали французские ученые, которые имели опыт работы на ядерных объектах в Канаде.

После сооружения реактора под землей был построен шестиэтажный бетонный бункер, в котором и происходит очистка плутония. Надземная часть представляет собой двухэтажный склад, который не привлекает ничего внимания.

Впрочем, этому утверждению Вануну поверили не все специалисты. Они полагали, что израильские ученые сами разработали необходимую технологию, хотя и не очень совершенную. Поэтому, скорее всего, в Димоне получают меньше плутония, чем получали бы с помощью современной технологии.

По описанию Вануну, ядерный центр состоит из девяти цехов. Цеха 1, 2, 8 и 9 непосредственно производят ядерные материалы. Остальные цеха играют вспомогательную роль.

Первый цех — здание диаметром восемнадцать метров — это ядерный реактор, построенный французами.

Второй цех — это завод по производству плутония из отработанного топлива. Здесь также отделяют изотоп литий-6 от природного лития.

Восьмой цех — это газовая центрифуга, которая занимается обогащением урана.

Девятый цех — это завод, где уран обогащают с помощью лазерной технологии и увеличивают процентное содержание изотопа плутоний-239.

Четвертый цех — это хранилище радиоактивных отходов. Облученная одежда, инструменты и прочие материалы запечатываются здесь в герметичные канистры, которые потом закапывают.

Шестой цех — это просто электрические генераторы, обеспечивающие энергией весь ядерный центр.

В реакторе стержни из природного урана окружены тяжелой водой, которая не только сдерживает цепную реакцию, но и служит для теплообмена. Если бы реактор был нужен для получения энергии, там стоял бы турбогенератор. Но единственная цель Димоны — давать плутоний.

У специалистов сразу возник еще один сложный вопрос, на который не мог ответить Вануну. Франция построила Израилю реактор мощностью всего 26 мегаватт. Он может давать не более семи килограммов плутония в год. Откуда же берутся сорок килограммов, о которых рассказал Вануну?

Вануну утверждал, что к 1976 году мощность реактора была увеличена до 70 мегаватт, затем до 150 мегаватт. Как же израильтянам удалось этого добиться?

Возможно, это произошло следующим образом. Реактор стали охлаждать тяжелой водой под сильным давлением. Кроме того, изменили геометрию урановых стержней, чтобы поместить больше урана. Наконец, возможно использование обогащенного урана вместо природного.

Во всяком случае, если израильским ученым удалась такая операция, это подтверждает их высокую компетентность, заключили эксперты, которых познакомили с рассказом Вануну.

Он объяснил, почему американским инспекторам не удалось обнаружить в Димоне плутониевый завод. Накануне приезда инспекторов коридоры, которые ведут к лифтам плутониевого завода, закладывались кирпичом. Получалась стена, которую сносили немедленно после

отъезда инспекторов. Такую операцию приходилось производить каждый год, впрочем, это не так уж сложно.

И как будто бы были построены две диспетчерские. Одна — реальная, работающая, и вторая — специально для инспекторов, которые уходили в полной уверенности, что все прекрасно.

Когда французские бульдозеры начали работу в пустыне в 1957 году, они вырыли в песке котлован глубиной двадцать с лишним метров. В этом котловане и построили цех номер два — шесть подземных этажей и два надземных — для маскировки. Фальшивые стены скрывали от инспекторов лифт, идущий вниз.

На одном из подземных этажей есть и демонстрационная комната, где премьер-министру, министру обороны, начальнику генерального штаба и еще нескольким высшим военным показывают, что достигнуто в ходе ядерных работ. Эти экскурсии неизменно вызвали большой интерес: всем хотелось знать, как, собственно, делается это оружие.

Единственное природное ядерное топливо — это уран-235. Его содержание в урановой руде невелико, поэтому на обогатительном заводе его превращают в диоксид урана, из которого делают топливные таблетки размером меньше пальца. Таблетки спекают и помещают в тонкие трубки, эти трубки, в свою очередь, соединяют в кассеты, которые и помещаются в активную зону реактора.

Для загрузки топлива реактор переводят в нерабочее положение. Это происходит обычно раз в год. Большой кран снимает крышку реактора. Активная зона заполняется водой, чтобы защитить обслуживающий персонал от облучения. И отработавшие топливные кассеты заменяются новыми.

В отработанном топливе и содержится новое делящееся вещество — плутоний. Самая трудная задача — отделить плутоний от отработанного горючего.

Когда рабочие во время перерыва играли в карты, Вануну видел сам, как в десятый отдел привозили урановые стержни из реактора. Кран сгружал эти стержни в одиннадцатый отдел на третьем этаже. Там с них сни-

мали алюминиевую оболочку, погружали в азотную кислоту и при температуре 109 градусов варили тридцать часов, чтобы растворить уран.

Затем урановый раствор по трубам подавали в отделы с двенадцатого по двадцатый. Это главное производство, которое занимает гигантский производственный сектор от второго до четвертого этажа.

Здесь добавляли воду и растворитель. Уран соединялся с растворителем, а плутоний с водой. Отсюда уходил раствор, в котором содержалось около 300 миллиграммов плутония на литр воды. В тридцать первом отделе раствор продолжали концентрировать, доводя содержание этого элемента до двух граммов на литр.

В тридцать третьем отделе в раствор добавляли необходимые химикалии, в том числе перекись водорода, и потом его четыре часа кипятили. Затем восемь часов остужали, что приводило к тому, что плутоний осаждался на дне в виде порошка. Его высушивали и получали чистый плутоний.

Плутоний спекали в металлический концентрат весом сто тридцать граммов. Каждую неделю производилось девять таких порций. Итого: чистый выход — килограмм с небольшим в неделю. Четыре месяца в году завод не работал: его ремонтировали. Таким образом, он давал примерно сорок килограммов плутония в год.

По словам Вануну, в начале 80-х годов в девяносто третьем отделе на четвертом этаже установили новое оборудование, которое позволяло получать тритий. Это означало, что Израиль научился делать термоядерное оружие. Он так же, вероятно, способен был производить и нейтронное оружие.

Все это упрощенное описание сложных процессов, которые девять лет наблюдал Вануну, работая в диспетчерской.

Израилю требовалось много тяжелой воды и урана — больше, чем он мог произвести сам. А продавать такой товар Израилю никто не хотел.

Тяжелую воду в те годы экспортировали только Соединенные Штаты и Норвегия. В 1959 году правительство Норвегии выдало компании «Норск хидро» лицензию на

поставку Израилю тяжелой воды, — это соглашение держалось в секрете двадцать лет. В общей сложности Норвегия продала Израилю двадцать тонн тяжелой воды.

Франция секретно поставила несколько тонн тяжелой воды Израилю в начале 60-х. Тогда Франция тоже покупала тяжелую воду в США и Норвегии. Но она получала больше, чем ей самой было нужно, так что теоретически могла себе позволить сделать Израилю небольшой подарок.

Реактор в Димоне работал на природном уране. Для запуска реактора требовалось двадцать—двадцать пять тонн урана. Примерно половину Израиль добывал сам — в пустыне Негев. Остальное приходилось закупать за границей. В начале 60-х это, как ни странно, было не особенно трудно. Четыре тонны продавала Франция, десять тонн — Южная Африка. Нашлись и другие продавцы: Аргентина, Бельгия, Центральноафриканская Республика, Габон...

В 1968 году африканская компания в Катанге продала двести тонн урана одной итальянской фирме. Уран погрузили на борт судна в Антверпене и отправили в Геную, но попал груз в Израиль. Детали этой операции стали известны совершенно случайно семь лет спустя, в июле 1975 года, когда оперативная группа Моссад отправилась в Норвегию, чтобы уничтожить Али Хассана Саламеха, одного из руководителей Организации освобождения Палестины.

Саламеха включили в черный список тех, кто организовал нападение на израильскую спортивную команду на Олимпийских играх в Мюнхене в 1972 году.

5 сентября 1972 года восемь палестинцев преодолели ограду вокруг Олимпийской деревни в Мюнхене и ворвались в помещение, которое занимала израильская команда. Двое спортсменов были убиты сразу, остальные взяты в заложники.

Террористы потребовали освободить двести арабских заключенных из израильских тюрем. Израиль отказался и попросил правительство ФРГ принять любые меры для освобождения заложников. Но немцы действовали на редкость неумело, и палестинские террористы успели уничтожить одиннадцать израильских спортсменов.

Премьер-министр Голда Меир приказала Моссад найти всех палестинцев, участвовавших в убийстве израильских спортсменов, и отомстить им.

Террористы, напавшие на безоружную олимпийскую команду Израиля, тоже погибли в перестрелке с немецкой полицией. Лидер ливийской революции полковник Муамар Каддафи устроил им торжественные похороны в Триполи. Каддафи возглавил тогда длинную процессию, которая прошла по улицам ливийской столицы, и вручил пять миллионов долларов Ясиру Арафату, чья организация — ФАТХ — осуществила акцию в Мюнхене, укрывшись под псевдонимом «Черный сентябрь».

В Моссад составили список из шестнадцати палестинских боевых командиров. Арафата тоже хотели включить в список, но потом решили, что он не обязательно лично руководил операцией. Его не хотели трогать, понимая, что, во-первых, в ответ палестинцы попытаются убить премьер-министра Израиля, и, во-вторых, его наследник на посту руководителя Организации освобождения Палестины может оказаться еще более опасным человеком. Израильтяне все-таки меньше боялись Арафата, чем его вероятных преемников.

Все шестнадцать боевиков из списка были убиты.

Одному подложили бомбу в гостиничный номер в Никосии, другому — в телефонный аппарат в Париже. Израильский спецназ совершил рейд в Бейрут, чтобы уничтожить трех палестинских лидеров, один из которых подготовил захват израильской команды в Мюнхене. Руководил рейдом офицер-десантник Эхуд Барак, будущий премьер-министр Израиля.

Остальных из черного списка также убили — или израильтяне, или сами палестинцы, которые в междуусобной борьбе за власть неумолимо уничтожали друг друга. Убили, но не сразу: с Саламехом у Моссад вышла промашка.

Моссад получила сообщение о том, что Саламех скрывается в Норвегии. Но произошла ошибка, и люди Моссад убили невинного человека — официанта из Марокко, когда он выходил из кинотеатра в норвежском курортном

городке Лиллехаммер. Несчастный официант был паразитально похож на Саламеха.

Норвежская полиция арестовала двух человек — мужчину и женщину с фальшивыми канадскими паспортами. У них в записных книжках был телефон резидента Моссад в Осло. Вскоре стали известны их настоящие имена — Сильвия Рафаэль и Абрахам Геймер. Они были приговорены к пяти с половиной годам тюрьмы. Сильвию освободили через два года. Она продолжала работу в Моссад, но в 1985 году была убита на Кипре боевиком из Организации освобождения Палестины...

Считается, что неудачной операцией в Норвегии руководил сам директор Моссад Цви Замир, который под чужим именем приехал в Норвегию. Он родился в Польше в 1925 году, его привезли в Палестину грудным ребенком. В 1946 году его арестовали англичане за то, что он помогал евреям нелегально приезжать в Палестину. Он служил в армии, командовал бригадой и получил погоны генерала. Моссад он возглавил после ухода Меира Амица. Он заботился одновременно об использовании самых современных технологий в разведке и о создании оперативных групп, выполнявших акции возмездия. По большей части эти группы действовали с хирургической точностью. Но бывали и громкие провалы.

Трагическое происшествие в Норвегии подарило Саламеху еще четыре года жизни. В 1979 году израильские агенты не промахнулись, и находившийся в Бейруте Саламах взорвался вместе с машиной...

А в Норвегии тогда были арестованы шесть агентов Моссад. Один из них, Дан Аэрбел, стал давать показания, скорее всего, потому, что он плохо переносил заключение в тюремной камере: он страдал клаустрофобией — результат психологической травмы, полученной в детстве. Среди прочего он рассказал следователям о том, как они в Моссад регистрировали липовую итальянскую компанию, купили уран и доставили его в Израиль на судне, которое ходило под либерийским флагом.

Считается, что в конце 60-х Моссад сформировала группу, которая занималась исключительно поисками

урана по всему миру, и разведке удалось заполучить несколько партий радиоактивного топлива для реактора.

Было много разговоров о том, что Израиль незаконно получил немалый запас обогащенного урана через одну американскую компанию, владелец которой более чем симпатизировал Израилю. Это произошло в том же 1968 году, что и закупка урана в Катанге, во время тайной операции под названием «Пламбит». Операцию провернули так стремительно, что американцы спохватились, когда все завершилось. Когда американцы выяснили, что именно произошло, они не могли понять, зачем израильтянам столько урана.

Им было известно, что построенный в Димоне реактор мощностью 26 мегаватт потребляет только двадцать тонн урана в год. Франция оставила израильтянам достаточный запас. Кроме того, сама израильская промышленность дает примерно десять тонн в год, а отработанные стержни тоже можно восстанавливать. Что же в Димоне делают с остальным ураном?

Но прежде, чем американцы нашли ответ на этот вопрос, их перестали пускать в Димону, и с тех пор никто ядерный центр не контролировал.

У специалистов, которые должны были проверить достоверность слов Вануну, возникло еще одно сомнение: неужели Израиль, если он действительно создал ядерное оружие, сумел обойтись без испытаний? Разве можно доверять оружию, если не знаешь, сработает оно или нет? Особенно если речь об оружии, которое может оказаться спасением для страны...

Незаметно провести испытание ядерного оружия — задача очень сложная, потому что испытание засекается сейсмическими станциями по всему миру. Так удалось засечь первое испытание ядерного устройства в Индии в мае 1974 года. Испытание в воздухе засечь труднее, но тоже можно. Об этом можно судить хотя бы по ядерному взрыву, который произвела Южно-Африканская Республика 22 сентября 1979 года.

Вероятно, израильские ученые решили, что они не нуждаются в полномасштабных испытаниях. Они использовали имплозионную технику, чтобы проверить,

сработает или нет их бомба. Боевые качества бомбы в принципе можно описать благодаря компьютерам с достаточной точностью и без настоящего взрыва.

Но неужели израильские военные согласились поверить ученым на слово и не потребовали продемонстрировать боевую мощь предложенного им оружия? Термоядерное оружие имеет сложную систему зажигания. У конструкторов всегда существует сомнение: а сработает ли взрывной элемент, который состоит из лития и дейтерия? Впрочем, многое зависит от отношения военных к науке и технике. Если генералы достаточно образованны, они в состоянии понять, что можно обойтись без обычных испытаний.

Следующий вопрос: а есть ли у Израиля средства доставки ядерного оружия? Значительная часть авиапарка Израиля способна нести ядерное оружие.

Кроме того, Израиль разработал собственные ракеты «Иерихон» класса «земля — земля». В их создании помощь оказала французская фирма «Дессо», — это было еще в начале 60-х. Первая ракета «Иерихон-1» летела всего на пятьсот километров.

Говорят, что в критический день арабо-израильской войны в октябре 1973 года, когда израильскому правительству показалось, что оно терпит поражение, ядерные боеголовки были установлены на мобильной модификации ракеты «Иерихон-1». Это было последним средством спасти страну от уничтожения.

«Иерихон-2» — ракета на твердом топливе с инерциальной системой наведения. Первые испытания ракеты были проведены в 1981 году. Говорят, что с тех пор ракеты с ядерными боеголовками тайно развернуты в пустыне Негев. Затем ракета была модернизирована и на испытаниях пролетела 820 километров над Средиземным морем.

Это вызвало жесткую реакцию в Советском Союзе. Как минимум, Москва трижды предупреждала Израиль, что продолжение работ над ракетами заставит Советский Союз предпринять соответствующие оборонительные и политические меры: ведь такие ракеты уже могли бы ударить не только по арабским соседям, но и по советской территории.

ПОХИЩЕНИЕ В РИМЕ

Черил внимательно прочитала все, что рассказал Вануну британским журналистам, и не могла сформулировать ответ на главный вопрос: правда все это или нет? Но для себя она решила, что в любом случае Вануну не должен был этого делать.

Мариссель установил за Вануну постоянное наблюдение. Его люди выяснили, что Вануну поселился в гостинице «Тауэр-Тристл-отель». После обеда с Рафаэлем во вторник 23 сентября он, видимо испугавшись, перебрался в гостиницу «Маунтбеттен-отель».

Именно в этот день журналисты из «Санди таймс» попросили в посольстве Израиля в Лондоне официальный комментарий к материалу, который они уже подготовили к печати. Для Марисселя это был сигнал о том, что в ближайшее время рассказ Вануну будет предан гласности. Значит, медлить больше нельзя.

Израильское посольство ответило английским журналистам, что такого рода спекуляции на ядерную тему не раз возникали в прессе. Они не имеют под собой никакой реальной основы, и поэтому комментировать нечего.

Тот день Вануну, страшно нервничая, провел в редакции газеты, дожидаясь ответа израильского посольства. Он почувствовал грозящую ему опасность.

Возле редакции «Санди таймс» сначала дежурила парочка мотоциклистов, которых приняли за активистов студенческого союза. Затем появилась телевизионная группа, затем ее сменила другая. Позднее полицейские скажут, что у мнимых телевизионщиков был ближневосточный тип лица.

В четыре часа дня журналисты вернулись из посольства с пустыми руками. Впрочем, это уже не могло остановить публикацию. В пять Вануну ушел из редакции. Агенты Моссад неотступно следили за ним.

На следующий день он на свою беду познакомился с красивой девушкой, которая сыграет в его жизни роковую роль. Судьба Вануну решилась в тот несчастный для

него момент, когда в среду где-то после полудня он вышел пройтись. На свою беду он сразу же обратил внимание на одинокую привлекательную блондинку.

Она стояла одна, держала в руке фотоаппарат, и Вануну, который тосковал без женского общества, не смог пройти мимо.

Черил сумела познакомиться с ним, не предприняв для этого никаких усилий. Собрав все свое мужество, Вануну подошел к блондинке и, смущаясь, заговорил. Она охотно ответила и после недолгого разговора согласилась выпить с ним кофе.

Черил сказала, что она студентка из Америки, зарабатывает деньги на учебу тем, что работает гримером. Она назвала себя Синди. Она старалась не вызвать никаких подозрений у Вануну. Впрочем, наивный техник ровным счетом ничего не заподозрил.

Он боялся Моссад, но ему в голову не могло прийти, что разведка приблизится к нему в образе милой блондинки, с которой ему было так легко и просто. До встречи с Синди он чувствовал себя в Лондоне одиноко и неуверенно. Теперь его жизнь переменялась. Синди охотно ходила с ним по городу, заинтересованно слушала его рассказы и никогда с ним не спорила.

Вануну не скрывал свое знакомство от журналистов из «Санди таймс». Красивая подружка только укрепила его самомнение. Вануну рассказал британским журналистам, что встречается с ней, что она никак не соглашается с ним спать, что она американка, по профессии гример и ездит по Европе.

В четверг 25 сентября один из британских журналистов увидел Синди. Он описал ее коллегам: высокая, стройная, пухлые губы, на голове шляпка, костюм из коричневого твида.

На протяжении последующих нескольких дней они постоянно встречались, ходили в картинную галерею и в кино, вместе обедали и по английскому обычаю в пять вечера пили чай в кондитерской.

Они не занимались любовью и даже ни разу не поцеловались, хотя ожидание интимных отношений незримо присутствовало в их разговорах.

Вануну очень нервничал из-за того, что публикация с его материалом все откладывалась. И вдруг появился номер бульварной газеты «Санди миррор» с сенсационной статьей о бежавшем из Израиля технике Мордехае Вануну, который рассказывает фантастические истории о ядерном оружии.

Оказывается, забытый им Оскар Гуэро, который оказался вне игры, сам приехал в Лондон: он все еще надеялся хоть что-нибудь заработать на Вануну.

Солидная «Санди таймс» отказалась иметь дело с Оскаром Гуэро, решив, что колумбиец просто пройдоха: он требовал от газеты триста тысяч долларов за свое посредничество. Когда он понял, что от «Санди таймс» ему денег не дожидаться, то продал историю Вануну конкурентам из «Санди миррор». Но эта газета ему не поверила и издевательски написала, что откровения Вануну — просто блеф.

Вануну невероятно оскорбился. «Санди миррор» напечатала его фотографию, сделанную в Австралии. Это очень расстроило Вануну, который решил, что теперь агенты Моссад пойдут по его следу. Он, хлопнув дверью, ушел из редакции «Санди таймс», на сей раз отказавшись от спутника, который обычно провожал его до гостиницы. На вопрос, куда он идет, объяснил, что у него свидание с Синди.

На публикацию в «Санди миррор» израильтяне откликнулись. Израильское правительство опровергло заявление Гуэро о том, что Вануну — крупный физик, но на сей раз посольство впервые подтвердило, что Мордехай Вануну действительно работал на израильскую комиссию по атомной энергии. Для британских журналистов это было важное признание.

В понедельник 29 сентября вступил в действие второй этап операции Моссад. Синди была очень внимательна к Вануну, сочувствовала ему, утешала его, как могла. И неожиданно Синди пригласила расстроенного Вануну съездить отдохнуть в Рим, где живет ее сестра. Но сейчас сестра в отъезде, и они могут остановиться в ее квартире.

Обиженный на англичан Вануну ухватился за это предложение. Если они с Синди будут жить в одной квартире,

решил он, то там она уже не сумеет его отвергнуть. В одной квартире они будут спать в одной постели.

Вануну злился из-за того, что публикация статьи в «Санди таймс» все откладывалась. Он сказал Синди, что не понимает, почему газета никак не может закончить проверку достоверности его рассказа.

Синди скептически заметила, что британские журналисты все равно его надуют и ничего не напечатают. Она пообещала помочь ему в Риме найти более серьезных журналистов: итальянцы шедрае осторожных англичан.

Вануну ей верил. Теперь и он засомневался, да будет ли статья вообще когда-нибудь опубликована? Он предъявил редакции «Санди таймс» ультиматум:

— Раз вы не печатаете мой материал, то я исчезаю. И я не хочу, чтобы кто-нибудь знал, где я.

Это решение было трагической ошибкой. Вануну потребовал, чтобы газета отозвала своих журналистов, которые его постоянно сопровождали ради его же собственной безопасности. Понимая, что Вануну боится мести Моссад, англичане переводили его из одной безопасной квартиры в другую. Но он утратил доверие и к англичанам.

30 сентября, в воскресенье, Вануну позвонил своему знакомому в Сидней и пожаловался, что опубликованная в бульварной газетенке статья подорвет доверие к нему и «Санди таймс» теперь вообще ничего не напечатает. Он сказал, что собирается на несколько дней исчезнуть из города.

Осторожные и опытные редакторы «Санди таймс» пытались убедить его не уезжать из Лондона и ни в коем случае не покидать Англии, чтобы не попасть в руки агентов Моссад. Но Вануну их не послушался. Он выписался из отеля «Маунтбеттен» в десять утра 30 сентября и исчез.

Позднее он перезвонил в редакцию и сказал, что остановился в другой гостинице. Он обещал дважды в день звонить в редакцию и ни в коем случае не уезжать из страны.

На следующее утро он действительно позвонил, как и договорились. Это был его последний звонок, и боль-

ше в «Санди таймс» он уже не звонил. Он боялся, что кто-то из британских журналистов наведет на него агентов Моссад, и полагал, что в одиночку избегнет этой опасности.

Синди сама предложила сходить за авиабилетами и быстро вернулась. Два билета туда и обратно в бизнес-классе стоили 426 фунтов стерлингов каждый.

На следующий день в половине одиннадцатого утра он выписался из гостиницы, заехал за Синди, и они отправились в аэропорт Хитроу. Иммиграционный инспектор равнодушно отштамповал его паспорт. Британские полицейские поздравили себя с тем, что избавились от этой обузы.

Самолет приземлился в аэропорту Леонардо да Винчи возле Рима около семи вечера. Вануну и Синди прошли таможеню, и Синди взяла такси. Вернее, Вануну думал, что это такси. Они выехали на автостраду, ведущую в Рим, и тогда Вануну впервые почувствовал себя как-то неуютно. Тут только он подумал, что напрасно согласился лететь в Рим.

Атмосфера в машине была какой-то странной, натянутой. Он не мог понять, в чем дело. То ли водитель ему не понравился, то ли что-то другое. На секунду у Вануну даже мелькнула странная мысль: а не выпрыгнуть ли ему из машины на ходу? Но он тут же выбросил эту мысль из головы. Глупости, да и только. Что это на него нашло?

Синди продолжала улыбаться и, как ни в чем не бывало, рассказывала о достопримечательностях Рима, которые им предстоит осмотреть.

Через полчаса они подъехали к дешевому многоквартирному дому. Он расплатился с водителем, и они вошли в подъезд. План Марисселя удался блестяще. Мордехай Вануну попал прямо в руки Моссад.

Синди привела его в квартиру, где их ждали двое оперативников. Они схватили Вануну и ввели ему сильный наркотик. Спящего его связали и вывезли из Италии на грузовом судне.

Когда он пришел в себя после инъекции сильного наркотического препарата, то обнаружил, что его руки скованы наручниками. Его качало, и он не сразу сообразил,

что находится не на суше, а в море — в каюте без иллюминатора в трюме какого-то судна. Возле него неотступно находились два человека — его тюремщики.

Они разговаривали с ним по-английски с очевидным израильским акцентом, приносили ему еду и водили в туалет.

Они его не допрашивали. Они говорили:

— Мы знаем о тебе все.

7 октября Вануну доставили в Израиль.

Когда судно с Вануну на рассвете вошло в израильский порт Ашдод, на борт поднялись полицейские в форме и предъявили ему оформленный по всей форме ордер на арест. Его привязали к носилкам и снесли по трапу. Носилки поставили в микроавтобус без стекол. На причале никого не было.

Вануну отвезли в тюрьму и поместили в одиночную камеру, где был всего лишь один матрас.

На первом же допросе следователь показал ему свежий номер газеты «Санди таймс» с его рассказом о ядерной программе Израиля и зло сказал:

— Смотри, что ты наделал.

Так Вануну узнал, что его история все же напечатана. Она заняла в крупнейшей британской газете три газетных полосы. На основании этой публикации израильская прокуратура обвинила его в предательстве (помощь врагу), шпионаже и сборе секретной информации с целью причинить вред государству.

Полицейское расследование в Лондоне началось только через три недели после его исчезновения из страны. Этого потребовали депутаты палаты общин, которые хотели знать, не был ли Вануну похищен на британской земле.

Полицейские агенты побывали в гостинице в Ковент-Гарден, где он жил, опросили туристические агентства. Были проверены все случаи вывоза из страны гробов, потому что возникла версия, будто Вануну похитили еще в Лондоне и вывезли в закрытом гробу. Но ни одного подозрительного случая полиция не обнаружила.

В воскресенье 9 ноября 1986 года израильское правительство сделало заявление, что Мордехай Вануну арес-

тован в соответствии с ордером, выданным судьей после слушания дела, на котором присутствовал юрист, представляющий интересы Вануну. Представитель правительства отметил, что Вануну покинул Англию по собственной воле с соблюдением всех паспортных процедур и ни о каком нарушении норм международного права говорить не приходится.

Так оно и было. Премьер-министр Шимон Перес приказал не делать этого на британской земле и вообще не нарушать британские законы, чтобы не создавать проблем для премьер-министра Маргарет Тэтчер, которая была очень доброжелательно настроена к Израилю.

Корреспонденты спрашивали, правда ли, что Вануну доставили в Израиль с помощью разведки Моссад. Официальный представитель правительства сказал, что ему об этом ничего не известно. Правительство Израиля утверждало, что Вануну появился в Израиле абсолютно легально и никакого нарушения закона не произошло.

Попытки его адвоката Авиغدора Фелдмана превратить суд в публичное осуждение ядерной политики Израиля и доказать, что его подзащитный исполнял свой моральный долг, рассказывая о том, что происходит в Димоне, не удалась. Судья сказал, что не намерен обсуждать политические вопросы. Адвокат также не сумел доказать, что израильский суд не вправе судить Вануну, потому что его незаконно доставили в Израиль.

Суд над ним начался за закрытыми дверями 30 августа 1987 года. Окна не открывались. Журналистов в зал заседаний не пускали. Обвинение заявило, что открытый суд повредит интересам национальной безопасности Израиля. Свидетелям было объяснено, что они сами пойдут под суд, если что-то расскажут публике.

В первый день суда к зданию подъехали две одинаковые машины. В одной был Вануну, появление второй было отвлекающим маневром. У заднего входа в суд была сделана пристройка, чтобы никто не видел, как его вводят в здание суда.

Но в один из дней, когда Вануну вывозили из здания суда в Иерусалиме, он, несмотря на попытку охранника помешать ему, прижал руку к окну машины, и ре-

портеры смогли прочесть несколько слов, которые он написал на ладони. Вануну сообщал журналистам, что его похитили в Риме после того, как он прилетел в столицу Италии рейсом авиакомпании «Бритиш эйруэйз» ВА-504 30 сентября 1986 года.

Брат Вануну Меир делал все, чтобы спасти брата, но безуспешно. Он давал интервью направо и налево. Через него Мордехай Вануну рассказал, как его заманили в Рим, а затем вывезли в Израиль.

Агенты службы безопасности предупредили Меира Вануну, что его разговоры с журналистами могут быть приравнены к разглашению государственной тайны. Это повлечет за собой суд и суровый приговор — до пятнадцати лет тюремного заключения. Но Меир не испугался.

— Все, что я делаю, я делаю для своего брата, — сказал Меир. — Я хочу, чтобы итальянское правительство заявило протест Израилю и вернуло Мордехая в Италию.

Родные Вануну говорили, что он не предатель, что он не хотел заработать на своей истории деньги, что он вообще не материалист. Если бы он хотел совершить предательство, он мог бы рассказать все советской разведке.

Франсис Перрен, французский профессор, отец французской ядерной бомбы, который больше других помог Израилю в строительстве ядерного реактора в Димоне, подписал петицию с просьбой не осуждать Вануну.

Защита вызвала на суд в качестве свидетеля Шимона Переса, который в этот момент был министром иностранных дел. Сам Перес сыграл не последнюю роль в израильском ядерном проекте, когда работал в министерстве обороны. И он был премьер-министром, когда Вануну похитили.

Но ничто Вануну не помогло.

В марте 1988 года он был признан виновным в предательстве, шпионаже и передаче государственных секретов. Судьи не считали, что Вануну сознательно желал помочь врагам Израиля, но он не мог не понимать, какой ущерб стране он наносит. Вануну признал себя виновным. Его приговорили к восемнадцати годам тюремного заключения.

Вануну было тридцать четыре года. Его поместили в Ашкелоне, этой наиболее хорошо охраняемой тюрьме в Израиле, в сорока километрах к югу от Тель-Авива. День и ночь за ним наблюдала видеокамера. Когда он однажды замазал объектив кремом для бритья, в наказание его лишили свидания с родными.

К Вануну отнеслись не более сурово, чем к другим шпионам. Скажем, советскому агенту Маркусу Клингбергу пришлось куда хуже. Он просто исчез в 1983 году. Говорили, что он укрывался в Швейцарии, потому что у него был нервный срыв и его пришлось поместить в нервную клинику. А на самом деле его судили за шпионаж на закрытом процессе и приговорили к восемнадцати годам тюремного заключения.

С 1956 года в Израиле было арестовано двенадцать агентов советской разведки. Все они были завербованы перед эмиграцией в Израиль и работали в основном по идеологическим мотивам, считая, что их работа не во вред еврейскому государству, а Советский Союз должен знать, что происходит в Израиле, — особенно после шестидневной войны 1967 года, когда были разорваны дипломатические отношения между этими двумя странами.

Профессор Клингберг, бывший советский офицер, эмигрировал в Израиль в 1948 году. Он искренне верил в торжество коммунизма, поэтому долгие годы снабжал информацией советскую разведку. В Израиле он работал в секретном центре под Тель-Авивом, который занимался созданием средств защиты от биологического и химического оружия. Власти даже отказывались признать само существование этого центра, поэтому об аресте Клингберга было разрешено написать только через десять лет после суда. Так что Вануну еще повезло.

А был еще таинственный заключенный, которого посадили в 50-х годах за то, что он совершил убийство, находясь за границей с разведывательным заданием.

Его имя Мордехай Кедар. У него было криминальное прошлое. Подозревали, что он ограбил банк и, возможно, даже совершил убийство. Тем не менее его взяли в одно из специальных подразделений. Военные развед-

чики договорились с полицией после того, как психолог сказал, что Кедар годится для подпольной работы. В марте 1957 года его послали в Аргентину, чтобы он подготовил себе прикрытие перед тем, как отправиться в одну из арабских стран.

Вместо этого Кедар убил человека и забрал у него семьдесят тысяч долларов. Он утверждал, что ему нужны были деньги на организацию встречи между представителями Египта и Израиля, которая положит начало крупной разведывательной операции. Но оперативники Моссад перехватили его в Париже и вернули в Израиль. Военный суд приговорил его к пожизненному заключению. В 1974-м его освободили после того, как он отсидел семнадцать лет...

Когда о деле Вануну стали писать газеты, многие были удивлены: неужели контрразведка Шин-Бет не обратила на него внимания, когда он работал в Димоне? Каким образом простому технику удалось разрушить покров секретности, который столько лет успешно укрывал Димону от чужих глаз?

Нашлись люди, которые полагали, что вся история с Вануну была придумана лишь для того, чтобы весь мир узнал, что у Израиля есть ядерное оружие.

Некоторые полагали, что его болтовня — часть пропагандистской затеи с целью напугать сирийцев. А может быть, Израиль хотел успокоить собственных граждан, доказав им, что Израиль настолько силен, что смело может идти на переговоры с арабскими странами и даже соглашаться на некоторые уступки.

На самом деле произошел элементарный прокол. Если бы наивный Мордехай Вануну не обратился к газетчикам, а просто продал свои секреты какой-то иностранной разведке, никто бы ничего и не узнал.

Моссад обрушилась на коллег из Шин-Бет за то, что они позволили Вануну работать на таком объекте, хотя было известно, что он близок к коммунистической партии и симпатизировал палестинцам. Офицеры Моссад возмущались: как могло произойти, что Вануну позволили снимать внутри ядерного объекта, да еще и вынести отснятую пленку из охраняемой зоны? А после

этого позволили уехать из страны с целым комплектом фотографий Димоны?..

Офицер безопасности в Димоне был уволен, хотя не ясно, в какой степени в этой истории виновата Шин-Бет.

В принципе выступления Вануну в поддержку палестинцев должны были насторожить Шин-Бет, которая опекает сотрудников секретных объектов. Но это не была глубоко продуманная операция чьей-то разведки или хитроумный план самого Вануну. Это была цепь поразительных случайностей, таких же, какие подвели израильскую разведку накануне октябрьской войны 1973 года.

Когда Шимон Перес дал Моссад санкцию на операцию с Вануну, он еще не подозревал, что именно специальные службы со временем поставят крест на его политической карьере...

На май 1996 года были назначены очередные парламентские выборы. Премьер-министр Шимон Перес имел все основания полагать, что он победит. По опросам общественного мнения, он опережал своего соперника — молодого лидера правых Биньямина Нетаньяху — на целых двадцать пунктов.

Когда выборы уже были назначены, руководитель службы безопасности Шин-Бет Карми Гилон пришел к премьер-министру, чтобы сообщить ему сенсационную новость. Контрразведчики все-таки выследили того самого палестинского террориста, который так ловко мастерил взрывные устройства. Это он сооружал бомбы, которыми были убиты семьдесят мирных жителей и двести пятьдесят ранены. Террориста звали Ихья Аяш, и он носил кличку Инженер.

Его искали четыре года. Он скрывался на Западном берегу реки Иордан, населенном арабами. Он был неприметным человеком, ни у кого не вызывавшим подозрений. Но и у него оказалось одно слабое место: с другими террористами он связывался по мобильному телефону. Эта незаменимая новинка нашего времени погубила изобретательного террориста.

Для начала контрразведка сумела выяснить его номер. С помощью телефонной компании устроили так, что Инженер решил, будто его аппарат испорчен, и по-

нес свой аппарат в ремонт. В мастерской агенты контрразведки тайно заложили в телефонную трубку взрывчатку, вернули аппарат владельцу и попросили у начальства разрешения уничтожить врага.

Такой приказ мог отдать только премьер-министр.

Шимон Перес, опытный политик, знал, что все теперь следует делать в расчете на приближающиеся выборы.

Надо думать, Перес понимал, как опасно вступать в вендетту с профессиональными террористами. Но накануне выборов он не мог позволить себе выглядеть слабым политиком. Шин-Бет нашла бы возможность довести до сведения всего общества, что премьер-министр не позволил наказать убийцу мирных граждан. Словом, Перес сказал «да».

Через несколько дней работавший на израильскую службу безопасности друг Инженера позвонил террористу домой. Когда тот ответил, взрывчатку взорвали с помощью радиосигнала. Инженер отправился в мир иной.

Тогда многие сочли эту акцию справедливой. Око за око. Убив семьдесят человек, Инженер заслужил смертную казнь. Лишь немногие в тот момент задумались над тем, что на Ближнем Востоке месть никогда не приводила ни к чему хорошему.

Через семь недель после устранения Инженера террористы из радикальной организации Хамас (Движение исламского сопротивления), которая появилась в 1988 году, отпочковавшись от всеарабской организации «Братья-мусульмане», и своей целью ставила очищение Палестины от израильтян, взорвали пассажирский автобус в Иерусалиме. Погибло шестьдесят человек. Террористы объявили, что они мстят за Инженера, чьим именем палестинцы называли одну из площадей в Иерихоне. Это было только начало. Поднялась настоящая волна террора. И вскоре появился Инженер-2. Его звали Мухи аль-Дин Шариф. Он подготовил целое поколение подрывников, которые беспрекословно подчинялись приказам лидеров Хамас.

Хамас значительно радикальнее Организации освобождения Палестины. Для руководителей Хамас Ясир

Арафат — предатель; потому что он ради создания независимого палестинского государства согласился на переговоры с израильтянами, вместо того чтобы их убивать. В 1992 году военное крыло Хамас приступило к боевым действиям. Главным тактическим приемом стали проводившиеся добровольцами-смертниками акции, когда молодой парень или девушка взрывали себя где-нибудь на людной улице или на рынке.

Лидер Хамас шейх Насралла, чей восемнадцатилетний сын был убит во время перестрелки с израильской полицией, сказал:

— Я горжусь тем, что мой сын погиб в сражении. Чем больше будет среди нас жертв, тем сильнее будет стремление уничтожить сионистского врага.

Инженер-2 был неуловим. Однажды его почти настигли, но ему удалось убежать из дома за какие-то секунды до того, как за ним приехала полиция. В другой раз полицейские обстреляли подозрительную машину, которая не подчинилась приказу остановиться. Один из пассажиров был убит, другому удалось скрыться. Считается, что это был Инженер-2.

Его родственники рассказывали, что Инженер-2 — спокойный, уравновешенный человек, склонный к уединению и не нуждающийся в компании. В первый раз он попал в тюрьму за участие в интифаде — восстании палестинцев, которые забрасывали полицию камнями. Но тюрьма, как известно, мало способствует исправлению нравов и перевоспитанию молодежи. В случае Инженера-2 боевиком его сделала тюрьма. Он вошел в тюрьму бунтарем, а вышел из нее террористом.

Он вел себя крайне осторожно, встречался только с теми, кого давно знал, постоянно менял квартиры и иногда переодевался в женскую одежду.

Шин-Бет была почти в отчаянии из-за неспособности поймать его. Тем более, что контрразведчики получили информацию о том, что он готовит группу боевиков, которая постарается убить Ясира Арафата. Тогда власть над палестинцами перешла бы к лидерам Хамас, которые никогда не смиряются с существованием Израиля.

После того как очередной палестинец взорвал себя вместе с тринадцатью израильтянами, большинство которых были школьниками, даже самые либеральные политики в Израиле заговорили о мести. А ястребы требовали крови — выслать всех арабов с территории Израиля или, как минимум, снести с лица земли деревни, в которых жили террористы.

Министры не знали, что делать. Один из них горько сказал на заседании кабинета:

— Невозможно видеть по телевизору восьмилетнюю девочку, которая в ужасе рассказывает о том, как она увидела свою подружку без головы, а потом поняла, что голова лежит рядом; отдельно от тела.

Министр повернулся к главе правительства Шимону Пересу:

— Это настолько ужасно, Шимон, что требует какого-то ответа.

До выборов оставалось два месяца.

Перес отверг все требования о жестокой мести. Он был как камень, вспоминал один из участников совещания, он ни на минуту не потерял своего спокойствия, ни разу не возвысил голос. Он выслушал всех, потом произнес:

— Не будем тратить времени. Вы же понимаете, что произойдет, если мы проведем военную операцию. Я жду реальных предложений.

Перес не отдал приказа о жестком ответе, не привел в действие военную мощь Израиля, но потребовал бороться с террористами методами спецслужб. История с Инженером-1 показала ему: какой бы вариант он ни принял, все равно он что-то проиграет. Если он проявит мягкость, люди скажут, что надо голосовать за другого человека, который пообещает сокрушить терроризм. Если он будет слишком жесток, то Арафат и палестинцы восстанут и его обвинят в неспособности управлять страной...

Так и получилось. Палестинский террор, с которым не смогла справиться Шин-Бет, заставил израильтян проголосовать не за Шимона Переса, а за его соперника Биньямина Нетаньяху.

Если бы Перес в январе того года не дал Шин-Бет санкцию на уничтожение Инженера-1, он, скорее всего, остался бы премьер-министром.

Впрочем, более жесткий Нетаньяху не заслужил особых лавров на посту премьер-министра. Правда, Инженера-2 уничтожили. Его застрелили, когда он сидел в машине, а потом взорвали ее. Его останки были так изуродованы, что на опознание ушло несколько дней...

Биньямин Нетаньяху всегда требовал принятия самых жестких мер против террористов. Его старший брат подполковник Джонатан летом 1976 года командовал группой спецназа, которая освободила пассажиров самолета авиакомпании «Эйр Франс», захваченного террористами. Это произошло 27 июня 1976 года. Группа палестинцев угнала французский самолет, который летел в Тель-Авив, и посадила его в аэропорту Энтеббе на территории африканского государства Уганда.

Тогдашний глава Уганды кровавый маньяк Иди Амин поддержал террористов, поэтому надежды добиться освобождения двухсот с лишним заложников не было.

Моссад и военная разведка подготовили операцию по освобождению пассажиров захваченного самолета. Самолет израильских ВВС перелетел через всю Африку и ночью сел в аэропорту Энтеббе. Отряд спецназа мгновенно рассеялся по территории аэропорта и перестрелял террористов.

Палестинцы, руководившие захватом пассажирского самолета, в ту ночь куда-то исчезли, зато погибли их немецкие помощники — террористы из ультралевой организации «Революционные ячейки». Они регулярно получали деньги от палестинцев, в основном от Народного фронта освобождения Палестины, — и должны были эти деньги отрабатывать. Палестинцы легко посылали немцев на смерть.

Еще один немецкий террорист, Бернд Хаусман, погиб в израильском аэропорту Бен-Гурион, когда случайно открыл взятый в дорогу портфель: он же знал, что палестинские товарищи встроили в него взрывное устройство...

Отряд израильского спецназа освободил заложников и погрузил их на самолет, который растворился в ночном

небе. Эта блистательно проведенная операция стала сюжетом многих книг и кинофильмов. Вместе со спецназом в ночной операции участвовала большая группа военных врачей, чтобы позаботиться о заложниках и о раненых. Врачами руководил будущий заместитель министра обороны Эфраим Снэ. Но их помощь не понадобилась. Во время операции в перестрелке боевая группа потеряла только одного человека — командира группы подполковника Джонатана Нетаньяху. Смерть была большим горем для семьи, и его младший брат Биньямин, архитектор по профессии, решил заняться политикой, в чем и преуспел.

Премьер-министр Биньямин Нетаньяху, как и его предшественник Перес, получил свою долю неприятностей из-за промахов спецслужб.

В ноябре 1998 года на Кипре были арестованы два сотрудника Моссад: Игал Дамари и Уди Харгов, прилетевшие на Кипр с израильскими паспортами, но под чужими именами.

Киприоты сразу обратили на них внимание, потому что израильтяне привезли с собой подозрительно много электронной аппаратуры. За ними следили с первой минуты их пребывания на острове. Полиция ворвалась в их комнату в четыре часа утра, когда те использовали сканеры, чтобы прослушивать переговоры кипрских военных.

Моссад затеяла на острове крупную операцию, в которой участвовало двадцать человек, но провалилась. Это разъярило президента Израиля Эзера Вейцмана, который недавно ездил на Кипр и который дружил с президентом страны Глафкосом Клиридисом: в молодости они оба служили в британской авиации.

Израильтяне заинтересовались районом, где в тот момент предполагалось разместить купленные в России ракетно-зенитные комплексы «С-300». Киприоты были возмущены, считая, что израильтяне шпионят в пользу турок.

Президент Вейцман извинился перед кипрским президентом и позвонил директору Моссад Эфраиму Галеви, которому, не стесняясь в выражениях, сказал то, что он о нем думает. Президент был очень недоволен: разведка использует всех политиков, даже президента, в качестве прикрытия. Разведка, видимо, думает, что поли-

тики существуют для того, чтобы служить разведке, а не наоборот...

Заместитель директора Моссад Амирам Левин полетел на Кипр с просьбой отпустить его сотрудников. Пожалуй, впервые Моссад признала пойманных с поличным агентов своими кадровыми офицерами. Левин уверял киприотов, что турки тут ни при чем.

Израильтяне были обеспокоены возможностью появления в этом районе зенитных комплексов, способных обнаруживать израильские самолеты над восточной частью Средиземного моря.

Оба сотрудника Моссад признали себя виновными в том, что приблизились к запретной военной зоне, и были приговорены к трем годам тюремного заключения. Они отсидели по пять месяцев, после чего президент Кипра Глафкос Клиридис освободил их от отбывания дальнейшего наказания...

Но самый тяжелый удар Моссад нанесла своему премьер-министру, когда попыталась уничтожить одного из руководителей Хамас — Халеда Мешала, который жил в Аммане.

30 июля 1997 года израильский кабинет министров срочно собрался в Иерусалиме. Министры обсуждали только один вопрос: как ответить на серию взрывов, организованных Хамас, в результате которых погибли шестнадцать человек?

Больше всего досталось контрразведке Шин-Бет за неспособность совладать с подрывниками Хамас. Но работать Шин-Бет стало значительно труднее после того, как в Осло, столице Норвегии, после долгих секретных переговоров в сентябре 1993 года израильтяне согласились на создание независимого палестинского государства.

Когда премьер-министр Израиля Ицхак Рабин и председатель Организации освобождения Палестины Ясир Арафат подписали мирное соглашение, больше всего горевала израильская контрразведка.

В Шин-Бет понимали, что соглашение с палестинцами было необходимо, но с этого момента офицеры Шин-Бет лишились права свободно действовать на палестин-

ских территориях. Имелось в виду, что их обязанности возьмет на себя палестинская полиция, которая будет бороться с террористами. Но получилось иначе, и начальник Шин-Бет Карми Гилон говорил, что соглашение, подписанное в Осло, — это ошибка. Израильская контрразведка лишилась своей агентуры на оккупированных территориях, а палестинской полиции не так-то просто было сажать за решетку тех, кто боролся с Израилем.

Палестинскую спецслужбу Аль-Мухарабат аль-Амма (Общая секретная служба) возглавил Амин аль-Хинди. В Израиле считают, что он причастен к убийству израильских спортсменов на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене.

Больше всего офицеры Шин-Бет сожалели, что они больше не могут допросить любого подозреваемого. Проникнуть в боевые ячейки исламских террористических групп почти невозможно. Одну такую группу, которая убила пять человек, удалось раскрыть только после того, как один член группы взорвал себя вместе с посетителями кафе в Тель-Авиве. В кармане куртки нашлись обгоревшие обрывки удостоверения личности, это позволило арестовать всю группу.

Поэтому, захватив кого-то с оружием в руках, следователи Шин-Бет любыми путями старались развязать ему язык и заставляли называть имена тех, кого он знал. Арестовывали и их, и тоже допрашивали, и тоже заставляли называть имена. Так шинбетовцы шли по цепочке, пока не добивались до руководителей боевой группы. Теперь они были лишены такой возможности.

После серии взрывов в Иерусалиме оперативная группа Шин-Бет схватила одного из террористов в тот момент, когда он мирно пил кофе в одном из палестинских городов, уверенный в том, что его никто не тронет. Это было нарушением договоренностей, и палестинские власти были недовольны. А офицеры Шин-Бет говорили, что в прежние времена они бы допросили всех посетителей кафе, потому что среди них мог быть связной террористической группы.

Репутация Шин-Бет сильно пострадала и из-за того, что она не смогла спасти премьер-министра Израиля

Ицхака Рабина: в 1995 году его застрелил фанатично настроенный молодой человек, считавший, что мир с палестинцами — это предательство интересов Израиля. После данного трагического случая число желающих работать в контрразведке уменьшилось, и это сказалось на уровне ее работы...

На экстренном заседании правительства Израиля, созванном после взрывов в Иерусалиме в июле 1997 года, начальника Шин-Бет сменили. Вместо Карми Гилона, который руководил операцией по уничтожению Инженера-1, контрразведку возглавил бывший военный моряк Ами Аялон.

После заседания кабинета премьер-министр Биньямин Нетаньяху приказал директору Моссад нанести по террористам ответный удар. Тот ни с кем не посоветовался, в результате операция была подготовлена из рук вон плохо. Да и вообще операции по физическому уничтожению врагов перестали приносить успех. Но Нетаньяху требовал мести.

Руководство Хамас находилось в Иордании, туда и отправилась оперативная группа Моссад.

Через полтора месяца, 19 сентября, несколько агентов Моссад с поддельными канадскими паспортами прибыли в столицу Иордании и разместились в амманской пятизвездочной гостинице «Интер-Континенталь», что было странным выбором, потому что в этой гостинице всегда полно иностранных журналистов и сотрудников иорданских спецслужб.

25 сентября в пятнадцать минут одиннадцатого утра председатель политбюро организации Хамас Халид Мешал прибыл в свой офис вместе с детьми и охранниками. У входа к нему подошли два человека. Один из них ткнул его в ухо неким аппаратом. Мешал почувствовал нечто вроде электрошока, закричал от боли и рухнул на пол. Его охранники попытались схватить нападавших, но те вырвались, сели в машину и уехали. Охранники бросились их догонять и с помощью иорданской полиции задержали.

У арестованных обнаружили канадские паспорта. Но когда канадские дипломаты посетили арестованных в

тюрьме, те обреченно сказали, что не нуждаются в дипломатической помощи. Быстро выяснилось, что паспорта поддельные.

Остальные «канадцы», то есть сотрудники Моссад, обеспечивавшие эту операцию и разместившиеся в той же гостинице, поспешно исчезли, бросив свои вещи. Они укрылись в израильском посольстве.

Канада в знак протеста против использования оперативниками Моссад канадских паспортов отозвала своего посла из Израиля. Он вернулся после того, как министр иностранных дел Израиля Давид Леви принес Канаде официальные извинения и пообещал, что это никогда не повторится.

Мешала доставили в больницу. Ему было очень плохо, он начал задыхаться. В больнице его подключили к аппарату искусственного дыхания. Врачи сказали, что он отравлен, но они не знают, какое нужно противоядие, поэтому Мешал не проживет и двух дней.

Разгневанный король Иордании Хусейн позвонил премьер-министру Израиля Нетаньяху и потребовал, во-первых, сообщить, какой яд был использован, и, во-вторых, прислать врачей или противоядие. Хусейн сказал, что, если Мешал умрет, пойманные израильтяне будут повешены.

Нетаньяху приказал немедленно отправить противоядие. Но израильтянам не поверили. Король Иордании позвонил президенту Соединенных Штатов Биллу Клинтону и поделился своими сомнениями: он не знает, можно ли ввести больному присланный из Израиля шприц с лекарством или же это попытка добить лидера Хамас?

Американцы связались с израильтянами. Тогда Нетаньяху приказал отправить королю химическую формулу препарата, и в тот же день израильский посол при Европейском союзе и бывший заместитель директора Моссад Эфраим Халеви передал формулу королю. В ответ ему было разрешено вывезти четырех сотрудников Моссад, которые укрылись в израильском посольстве в Аммане.

На следующий день Нетаньяху отправился в Иорданию извиняться. Вместе с ним прилетели министр иностранных дел Ариэль Шарон и министр обороны Ицхак Мордехай. Король Хусейн Нетаньяху не принял. С изра-

ильтянами беседовал наследный принц аль-Хассан бен-Талал, единственный арабский лидер, который свободно говорит на иврите.

Чтобы вернуть двух своих агентов, арестованных в Иордании, Израилю пришлось освободить двадцать с лишним палестинских заключенных и — главное — отпустить из тюрьмы духовного лидера Хамас шейха Ахмеда Яссина. Кроме того, король Хусейн потребовал убрать из израильского посольства в Аммане всех сотрудников Моссад и снять с должности директора Моссад Данни Ятома. Король заявил, что не будет никакого сотрудничества с Израилем в сфере безопасности, пока люди, ответственные за покушение, остаются на службе в Моссад. А резидентура Моссад в Аммане была главным центром по добыванию информации о ситуации в Сирии и Ираке. Кроме того, Моссад сотрудничала с иорданскими коллегами в борьбе против радикальных палестинцев.

Нетаньяху пришлось принять все требования иорданцев. Только после этого король Хусейн позвонил Нетаньяху. Это означало, что инцидент исчерпан.

Халид Мешал поправился, но отказывался признавать, что его спасло израильское противоядие.

— Меня спас Аллах, — говорил он. — Тот, кто верит в Аллаха, в его дело и в его правоту, способен справиться с чем угодно...

Директор Моссад Данни Ятом в феврале 1998 года ушел в отставку. Его сменил Эфраим Халеви. Он родился в 1934 году в Англии, а в 1948-м эмигрировал в Израиль. Его приняли на работу в Моссад в 1961 году. Он отвечал за поддержание тайных отношений с Иорданией и приложил немало усилий к подписанию мирного соглашения между двумя странами в 1994 году. Его заместителем остался генерал Амирам Левин, который до этого командовал северным военным округом и израильскими войсками в Южном Ливане.

Биньямин Нетаньяху оказался слишком американизированным, слишком самоуверенным и недостаточно гибким политиком. Точнее сказать, он недостаточно восточный политик, поэтому он испортил отношения и с американцами, и с арабскими странами, и с собствен-

ными избирателями и потерял свой пост на следующих выборах. Биньямин Нетаньяху проиграл отставному генералу Эхуду Бараку, в батальоне которого он когда-то служил рядовым солдатом.

Когда Барак стал премьер-министром, он вернул бывшего директора Моссад Данни Ятома на государственную службу и назначил его руководителем аппарата советников по военным и политическим делам. Ятом занялся, среди прочего, сотрудничеством с российскими спецслужбами в борьбе с терроризмом. Израиль поддержал военную операцию в Чечне. Ятом говорил: «Есть связи между теми террористическими группами, которые угрожают Израилю, — это Хамас, Хезболла, Исламский джихад, и теми группами, что угрожают России. Поэтому Израиль и Россия помогают друг другу».

В нескольких километрах к северу от Тель-Авива находится мемориал, воздвигнутый в честь более четырехсот сотрудников специальных служб, которые погибли на боевом посту.

Указаны только имена и даты смерти. Больше ничего — ни званий, ни должностей, ни обстоятельств смерти. Большинство этих имен ничего не говорит человеку непосвященному.

Но некоторые имена известны.

Яков Бугай был казнен в 1949 году в Иордании. Он выдавал себя за араба и проник в эту страну вместе с сотнями арабских военнопленных, отпущенных Израилем. Он собирал информацию о военных планах арабских армий.

Макс Биннет и Моше Марзук умерли в египетской тюрьме после того, как в результате неудачной операции военной разведки была раскрыта вся агентурная сеть в Египте.

Эли Коэн — легендарный разведчик, который проник в высшие сферы сирийского общества. Его казнь демонстрировалась по сирийскому телевидению в 1965 году.

Моше Голдфарб — сотрудник Шин-Бет, убитый на оккупированных территориях в 1979 году. О его смерти было сообщено прессе — это большая редкость.

Яков Барсимантов — сотрудник Моссад, которого убили в Париже накануне израильского вторжения в Ливан в 1982 году.

Виктор Рейван — сотрудник Шин-Бет, погибший в перестрелке с исламскими радикалами в секторе Газа в 1987 году.

Моше Голан — офицер Шин-Бет, которого в 1980 году убил его информатор-палестинец прямо на конспиративной квартире. Ему было тридцать четыре года, он родился в Египте и прослужил в Шин-Бет пять лет. На его похоронах присутствовал сам премьер-министр.

Информатор Голана — Бассам Махмуд Хабаш — передавал ему важные сведения, которые помогли Шин-Бет обнаружить две важные боевые группы палестинцев. Но во время обычной встречи на конспиративной квартире Хабаш вдруг бросил щепотку перца в глаза Голану и затем несколько раз ударил его ножом. Он забрал у израильтянина пистолет, две обоймы к нему и исчез.

Народный фронт освобождения Палестины торжественно объявил, что израильтянин казнен его боевиками. Возможно, Хабаш был двойным агентом. Но скорее всего, он просто хотел выбраться из всего этого дела. Через три дня после тщательных поисков его обнаружили и застрелили в ходе перестрелки. Его дом бульдозеры сровняли с землей.

Барух Коэн — сотрудник Моссад, которого застрелил палестинский боевик в Мадриде в 1973 году, — стал жертвой безумной ошибки военных цензоров. Фотография Коэна в военной форме — он раньше служил в Шин-Бет — была помещена в огромном фотоальбоме, который был издан в 1970 году по случаю тысячного дня после шестидневной войны.

К тому времени Коэн работал под дипломатическим прикрытием в Брюсселе. Он следил за палестинскими террористами в Западной Европе. Когда появился альбом, палестинцы его тщательно изучили. Баруха Коэна расстреляли в тот момент, когда он встречался со своим агентом в Мадриде.

Из-за этого же злополучного альбома погиб и другой оперативник Моссад — Цадок Офир, который свободно говорил по-арабски. Его застрелили в кафе...

О судьбе остальных можно догадываться. Несколько офицеров погибли в июне 1967-го, еще большая группа была убита осенью 1973-го. Это офицеры армейских разведслужб, которые пали на поле боя во время обеих войн.

Несколько офицеров Шин-Бет погибли в один и тот же день в ноябре 1983 года, когда их взорвал шиитский смертник в ливанском городе Тире.

Армейская разведка потеряла в общей сложности 261 человека, Шин-Бет — 80, Моссад — 65.

В Израиле много монументов, воздвигнутых в честь павших. Различные рода войск поминают своих героев. Родные погибших разведчиков заставили правительство поставить памятник и тем, кого и после смерти стараются держать в тени. Это удивительный памятник — компромисс между стремлением сохранить в тайне личность разведчиков и желанием чтить погибших.

По новому закону родственники погибшего имеют право написать на надгробии обстоятельства гибели солдата или офицера. Раньше это запрещалось. Но к сотрудникам разведки этот закон по-прежнему неприменим.

Во всяком случае, Мариссель не мог представить себе, что Моссад когда-нибудь разрешит ему написать, при каких обстоятельствах погибли все его сослуживцы.

Он привез Черил показать этот памятник перед ее отъездом из страны. Когда Вануну осудили, Черил сказала, что хочет поехать в Америку повидать родителей. Ее служба в Моссад закончилась, практически не успев начаться. Мариссель понял, что она не вернется в Израиль.

Он ничего ей не сказал. Каждый выбирает свой путь. Но памятник он решил ей все-таки на прощанье показать.

Стоя возле памятника, Мариссель думал, появится ли и его имя когда-нибудь в этом списке или же ему суждено умереть в своей постели?

Оглавление

От автора	5
-----------------	---

Часть первая

КГБ И МОССАД СОВЕРШАЮТ ОШИБКИ

Глава 1. НЕУДАВШАЯСЯ ВСТРЕЧА С РЕЗИДЕНТОМ КГБ	7
Глава 2. УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ УВОЛЬНЕНИИ	22
Глава 3. ПЕНСИОНЕР ИЗ СЛУЖБЫ БЕЗОПАСНОСТИ	30
Глава 4. РАЗГОВОР С ВОЕННЫМ ЦЕНЗОРОМ	44
Глава 5. НАПАДЕНИЕ НА ШКОЛУ	51
Глава 6. СМЕРТЬ АБУ ДЖИХАДА	59
Глава 7. ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ГОВОРИТ «ДА»	69

Часть вторая

УБИЙСТВО ИЗ МИЛОСЕРДИЯ

Глава 8. ПОЧЕМУ ВЫ ВЕРНУЛИСЬ?	84
Глава 9. КТО ДАЛ ЕЙ ЯД?	90
Глава 10. ПОЯВЛЕНИЕ ПРИЗРАКА	102
Глава 11. ОПОЗНАНИЕ	120
Глава 12. ДОКТОРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ	132

Часть третья

ПАРТИЗАНЫ И ПОДПОЛЬЩИКИ

Глава 13. ПРОКАЗА СПАСАЕТ ОТ ПОЛИЦИИ	160
Глава 14. НОЧЬЮ УСПЕХ НА СТОРОНЕ НАПАДАЮЩИХ	164
Глава 15. ПЕРВАЯ ОПЕРАЦИЯ	171
Глава 16. РУССКИЕ КОРНИ	174
Глава 17. НОЧНЫЕ ПОЛЕТЫ	183
Глава 18. БЫВШИЙ ПОЛКОВНИК РАБОТАЛ НА КГБ?	187
Глава 19. ДЕВЯТЬ ПОВЕШЕННЫХ	205

Часть четвертая

ПОБЕДА ВЕДЕТ К ПОРАЖЕНИЮ

Глава 20. НОЧНОЙ ВИЗИТ	211
Глава 21. «ТЕ, КТО НАС ПРЕДАЛ»	216
Глава 22. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ	227
Глава 23. «УБЕЙТЕ НАШЕГО ПРЕЗИДЕНТА»	233
Глава 24. ПУТЬ К ВОЙНЕ	241
Глава 25. ШЕСТИДНЕВНАЯ ВОЙНА	250
Глава 26. НОВАЯ РАБОТА ДЛЯ КОНТРАЗВЕДКИ	257

Часть пятая

ХОЧЕШЬ МИРА — ГОТОВЬСЯ К СМЕРТИ

Глава 27. НАСЛЕДСТВО ВЕЛИКОГО МУФТИЯ	262
Глава 28. КОРОЛЯ УБИЛИ НА ХРАМОВОЙ ГОРЕ	267
Глава 29. ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ПРОТИВ МИНИСТРА ОБОРОНЫ	283
Глава 30. ПРЕСТУПНИКИ НЕ ГОДЯТСЯ В РАЗВЕДЧИКИ	295
Глава 31. ПОСЫЛКА ИЗ ИЕРУСАЛИМА	318
Глава 32. РАКЕТЫ НЕ ВЗЛЕТЕЛИ	323
Глава 33. «РЕДИСКА» НЕ ПОМОГЛА	330
Глава 34. ПАРАД ЗАКОНЧИЛСЯ РАССТРЕЛОМ	342
Глава 35. ДВАДЦАТЬ ТРИ ДНЯ ПРЕЗИДЕНТА ЖМАЙЕЛЯ	360

Часть шестая

ЛУЧШАЯ ОБОРОНА — ЭТО НАПАДЕНИЕ

Глава 36. ЯДЕРНЫЙ ОБЪЕКТ В ПУСТЫНЕ НЕГЕВ	382
Глава 37. «НЕПРИЯТНО ПОЛУЧАТЬ КАМНЕМ ПО ГОЛОВЕ»	391
Глава 38. АМЕРИКАНЦАМ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ НЕ ПОКАЗЫВАТЬ!	395
Глава 39. ЗАЧЕМ ИМ НУЖНА БОМБА?	403
Глава 40. НАЛЕТ НА ИРАК	411
Глава 41. АГЕНТА СХВАТИЛИ У ДВЕРЕЙ ПОСОЛЬСТВА	416
Глава 42. ОРУЖИЕ ДЛЯ АЯТОЛЛЫ	426
Глава 43. АВТОБУС СМЕРТНИКОВ	433

Часть седьмая

АТОМНАЯ БОМБА

Глава 44. «НАШ РАЗГОВОР ОСТАНЕТСЯ ТАЙНОЙ»	445
Глава 45. СКОЛЬКО ЖЕ У НИХ БОМБ?	451
Глава 46. ВЫСТРЕЛ В ОФИЦИАНТА	456
Глава 47. ПОХИЩЕНИЕ В РИМЕ	466

Млечин Л.

Моссад. Тайная война. — «Секретная папка». — М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2000. — 491 с.

ISBN 5-227-00813-2

Книга известного телеобозревателя Леонида Млечина — о самой знаменитой и таинственной разведке мира — Моссад, о ее зарождении и основных этапах истории, сотрудниках и секретных агентах. Архивы Моссад закрыты, но автору удалось приподнять завесу тайны и рассказать о самых значительных операциях этой сверхсекретной организации.

**УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)-4**

Леонид Млечин

**МОССАД.
Тайная война**

Ответственный редактор *А.М. Никифоров*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *О.А. Левина*

OCR - Давид Титиевский, май 2017 г., Хайфа

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.07.2000

Формат 84x108 1/32. Бумага газетная. Гарнитура "Таймс"

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,04. Уч.-изд. л. 24,8+1 альбом=25,64

Тираж 10000 экз. Заказ № 1552

ЗАО "Издательство "Центрполиграф"

111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15

E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

Отпечатано в ГУП Издательско-полиграфический

комплекс "Ульяновский Дом печати"

432601, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

**СЕКРЕТНАЯ
ПАПКА**

ДЕЛО № _____

МОССАД ТАЙНАЯ ВОЙНА

ЛЕОНИД МЛЕЧИН

О самой знаменитой и самой таинственной разведке мира — Моссад, о ее сотрудниках и секретных агентах, о ее зарождении и основных этапах истории рассказывает в своей книге известный телеобозреватель Леонид Млечин.

Сотрудник израильского ядерного центра в Димоне обратился в советское посольство в Непале и предложил секреты производства ядерного оружия в Израиле. Ему не поверили. Это была одна из крупных ошибок резидентуры КГБ.

Мата Хари израильской разведки — Иоланта Хармер передавала секретные сведения из Египта во время первой арабо-израильской войны 1948 года.

Офицер израильской разведки Мариссаль работал под крышей Международного комитета Красного Креста в Женеве и был замешан в убийстве доктора Берфельде. Его причастность доказать так и не удалось.

Угон израильского самолета в 1968 году тремя вооруженными боевиками из Народного фронта освобождения Палестины стал неприятным сюрпризом для Моссад.

Подготовка операции Моссад по уничтожению иракского президента Саддама Хусейна была приостановлена из-за трагического инцидента на военной базе, где готовилась оперативная группа.

В 1992 году израильтяне убили генерального секретаря Хезболла шейха Аббаса Мусави. Как ни странно, Хезболла это было только на руку.

Архивы Моссад закрыты, поэтому написать полную историю израильской разведки невозможно. Леонид Млечин приоткрывает завесу тайны и рассказывает о самых интересных операциях организации.

33429

Моссад. Тайная война

22

ЦЕНТРОЛИГРАФ®